Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы Российской академии наук
(ИРЛИ РАН)

На правах рукописи

Халиуллин Карим Ришатович

ВОЙНА И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ОФИЦИАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ

10.01.01 Русская литература

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель: к.ф.н., Е. О. Ларионова

Санкт-Петербург

2022

Оглавление

Введение……..4

Глава 1. Государственные и поэтические триумфы времен русско-французских войн начала XIX века…….....13

1. Военная тема в поэзии второй половины XVIII – начала XIX веков…….....**13**

1.1. Торжество торжественной оды ……..**13**

1.2. Попытки реформации военной поэзии начала XIX века: эволюционный оссианизм Г. Р. Державина и революционное гусарство Д. В. Давыдова ……...**22**

2. Возникновение поэтической идеологии: европейские войны 1805–1807 годов …….....**41**

2.1. Война Третьей коалиции – государственное и поэтическое безмолвие..……....**41**

2.2. Начало русского национализма: 1806 – 1807 годы в манифестах и поэзии...……**48**

3. Эпоха перемен: 1812–1814 годы в батальной поэзии и государственном красноречии……....**70**

3.1. Отечественная война 1812 года: рождение русской нации…….....**72**

3.2. 1813 год: диалог поэзии и власти.……**119**

3.3. 1814 год: от неполного антитезиса к неоднозначному синтезу….....…**146**

4. 1816 год: эпилог наполеоновских войн..……**162**

Глава 2. 1830 – 1849 годы: От создания «национального» государства к полной европейской изоляции……175

1. Европейские революции 1830 года, Польское восстание и создание Николаевского государства……..**175**

2. *Святая Русь* и *Русский Бог* против европейских революций 1848 года.....**209**

Глава 3. Крымская война – кризисы и поражения поэзии и государства…….226

1. Русско-турецкая война – вера в могущество России.....……**226**

2. Россия против Турции и Европы: конец Николаевской России и триумф *Святой Руси*…….**319**

Заключение…….....351

Список использованной литературы…….....….352

Введение

В рассказе Владимира Набокова «Весна в Фиальте» главный герой формулирует свое понимание взаимосвязи литературы и идеологии: «Меня всегда раздражало самодовольное убеждение, что крайность в искусстве находится в некоей метафизической связи с крайностью в политике, при настоящем соприкосновении с которой изысканнейшая литература, конечно, становится, по ужасному, еще мало исследованному *свиному закону*, такой же затасканной и общедоступной серединой, как любая идейная дребедень»[1]. Вынеся за скобки нарочитую резкость этого утверждения, мы вынуждены с ней согласиться – фикциональный текст, начинающий выполнять идеологическую задачу как первостепенную и пытающийся примирить с ней задачу художественную, неминуемо становится вторичным по отношению к той идеологической схеме, по которой он конструируется. Это общее правило относится к любому периоду и автору русской литературы: именно оно регулирует отличие искренней оды М. В. Ломоносова от, казалось бы, во всем ее повторяющих эпигонских произведений и объясняет особое место «Певца во стане русских воинов» В. А. Жуковского в массе современных ему военных патриотических стихотворений. Одним из главных доказательств данного закона становится эпоха социалистического реализма, почти не оставившая после себя стоящих литературных текстов.

В последние десятилетия заметно выросло количество научных работ, посвященных неимманентому изучению литературных произведений, а также установлению связей между ними и нефикциональными текстами.

Одной из главных научных парадигм, в рамках которой исследователи сравнивают произведения, казалось бы, различной дискурсивной природы, оказывается теория «нового историзма», автором которой был Стивен Гринблат. Его метод предполагает уход от всеобъемлющих теоретических схем в сторону прямого исследования конкретного материала. С точки зрения Гринблата, эстетика является не альтернативной сферой бытия

[1] *Набоков В.* Весна в Фиальте. Рассказы. СПб., 2013. С. 27.

человека, а способом усиления единственной области его присутствия – физической реальности. По Гринблату, политика и поэзия – родственные системы, между которыми происходит определенное взаимодействие в каждый конкретный момент времени. Специфику и законы этого взаимодействия и должен рассматривать ученый, идя не от метода к материалу, а наоборот, разрабатывая уникальный способ анализа исторического сюжета. Таким образом, новый историзм оказывается, скорее, не доктриной, а научной практикой[2].

Мысль об отсутствии у литературы структурного отличия от других дискурсов продолжает Клифорд Гирц. Им были сформулированы два возможных подхода к изучению культуры. Во-первых, культура может рассматриваться не как набор поведенческих моделей (обычаев или традиций), а как комплекс механизмов контроля: инструкций, планов и правил. Во-вторых, как считает Гирц, человек полностью зависит от заданных культурных программ, которые регулируют и регламентируют его поведение. Таким образом, целью науки для Гирца становится поиск не общих законов, а индивидуальных значений. Такую науку исследователь называет интерпретативной.

Литературный и идеологический дискурсы, с точки зрения Гирца, имеют сходную природу: в центре обоих находится метафора. Политической силе необходимо «выстроить убедительную систему идеологических метафор», как автору литературного текста – создать убедительный метафорический мир. Таким образом, литература не обладает монополией на метафорическую природу своего слова: и политический, и научный, и даже повседневный язык глубоко метафоричны, поскольку данный троп заложен в механизме человеческого мышления вообще[3].

Продолжая мысли Гирца, А. Л. Зорин попытался приложить его систему к исследованию культуры и литературы второй половины XVIII –

---

[2] *Greenblatt St.* Towards a Poetics of Culture // The New Historicism. 1989. P. 1–14.

[3] *Гирц К.* «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Интерпретация культур. М., 2004. С. 9–42.

первой половины XIX веков. Ученый считает, что в конце XVIII – начале XIX в. складываются основные базовые идеологемы, значимые для всего последующего развития русской культуры. По Зорину, литература имеет особый исследовательский статус: не обладая монополией на метафору, «она является областью и метафоропорождения, и метафоронакопления par excellence и, следовательно, может служить идеальной лабораторией для изучения механизмов производства смыслов»[4]. Идеологические конструкты влияют на литературу, а та влияет на идеологию: они взаимопроницаемы. Более того, поскольку литературный язык может создавать метафоры в наиболее чистом виде, «литература приобретает возможность служить своего рода универсальным депозитарием идеологических смыслов и мерилом их практической реализованности»[5]. В ходе образования идеологемы проходят через фильтры дополнений и искажений, вытачиваются различными институтами и лицами. «И если практическая политика проверяет поэзию на осуществимость, то поэзия политику — на емкость и выразительность соответствующих метафор»[6].

Формулируемые названными учеными методологии, лишающие фикциональное слово бесспорной особости, встречали критику представителей иных концепций. Так, в ряде статей И. О. Шайтанова автор спорит с теоретическими подходами, близкими приведенным выше. Шайтанов утверждает, что лишение литературы специфических черт и введение ее в более широкие общекультурологические границы не выводит науку из тупика, а лишь заводит в новый – другую жесткую схему, вновь недостаточную для обретения научной истины[7].

Нам представляется, что литературные и нелитературные тексты нередко функционально различны. Однако данное расхождение по-

---

[4] *Зорин А. Л.* Литература и идеология // Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 25.
[5] Там же. С. 28.
[6] Там же.
[7] *Шайтанов И. О.* 1) Бытовая история // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 3-24; 2) Дело № 59: НЛО против основ литературоведения // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 135-151.

настоящему заметно только при взаимодействии с образцовыми, ставшими классическими фикциональными произведениями, «литературность» которых определяется не только их структурными особенностями, но и наличием некой «социальной договоренности». *Литературность* – в науке до сих пор, скорее, метафора, чем конвенциональный термин.

Понятие литературности было введено Р. О. Якобсоном еще в 1919 году для того, чтобы определить особость фикционального текста среди текстов иной природы[8], однако окончательно закрепилось только после публикации статьи «Лингвистика и поэтика» (1960), в которой ученый сформулировал главные черты литературного произведения – его принципиальные авторефлексивность и неоднозначность[9]. При этом названные категории не всегда применимы к тексту, в литературности которого современники не сомневаются, что хорошо видно на материале представленной нами работы. Дело в том, что для нахождения в тексте литературности читатель должен точно знать, что взаимодействует с литературой, поэтому в более позднем литературоведении – по преимуществу западном – фокус внимания исследователей эстетического смещается с рассмотрения формы произведения самой по себе на взаимоотношение произведения с реципиентом[10]. О невозможности определения произведения как литературного только по его формальным свойствам размышлял, в частности, Умберто Эко в различных статьях, собранных автором впоследствии в книгу «Роль читателя. Исследования по семиотике текста». В замечательном эссе «О возможности создания эстетических сообщений на языке Эдема» (1971) автор моделирует простейший язык, на котором могли в Раю общаться Адам и Ева, и

---

[8] *Якобсон Р*. Новейшая русская поэзия // *Якобсон Р*. Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. *М. Л. Гаспарова*. – М.: Прогресс, 1987, С. 272–316.

[9] *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «Против». М., 1975. С. 193–230.

[10] Наиболее полно данные концепции приведены в: *Zwaan R. A.* Aspects of Literary Comprehension: A Cognitive Approach. 1993.

показывает, что его развитие возможно только при расхождении смыслов знака и эмпирической реальности – то есть при образовании метафор[11].

Представленное диссертационное исследование посвящено изучению взаимоотношений военной поэзии и государственной риторики и идеологии первой половины XIX века. Поэтический материал, рассматриваемый в работе, нередко демонстрирует близость фикциональных и нефикциональных текстов. В посвященных современным событиям военных стихотворениях эстетическая функция текста крайне редко превалирует над идеологической, что, в частности, позволяет исследователям называть подобные тексты поэтической публицистикой[12]. Поэзия и государственная риторика, посвященные одной теме, окруженные одним и тем же историко-политическим контекстом, демонстрируют столь заметное сходство, что его игнорирование не представляется возможным. В первой половине XIX в. между императорскими публичными документами и стихотворными текстами наблюдается различие скорее не функциональное, а агентное. Обладающее фактической монополией на создание идеологических смыслов Российское государство допускает возникновение идеологического поэтического дискурса, пока авторы не выходят из границ дозволенного. Так в начале XIX в. – особенно в сложную пору Отечественной войны, когда стихотворное слово помогает мобилизовать население, а общество особенно политизировано – возникает некоторая идеологическая полифония, в которой рождаются важнейшие национальные концепты России.

Целью работы является изучение взаимовлияния военного политического и «военного» поэтического дискурсов в ходе Русско–французских войн начала XIX в., Польского восстания и Русско-польской войны 1830–1831 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. Отдельное внимание в

---

[11] *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2016. С. 200–227.

[12] *Ратников К. В.* Поэтика политики: Инвективные мотивы русской стихотворной публицистики в годы Крымской войны (1853–1856) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 2. С. 78–87.

диссертации уделено 1830-м годам как эпохе формирования «национального» государства Николая I и концу 1840-х годов – моменту окончательной европейской изоляции Российской империи. Изучение взаимодействия императорского публичного слова и военной поэзии позволяет установить роль последней в формировании идеологии различных десятилетий пер. пол. XIX века.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Изучение государственных документов времен Войн Третьей и Четвертой коалиций (1805–1807 гг.), Отечественной войны 1812 г., Заграничного похода русских войск 1813–1814 гг., Польского восстания и Русско-польской войны 1830–1831 гг., периода складывания новой национальной идеологии 1830-х гг., последовавшей за Французской революцией 1848 г. изоляционистской политики и Крымской войны 1853–1856 гг;

2. Анализ современной названным событиям военной поэзии, выявление элементов, общих для императорского красноречия и стихотворных текстов, установление их источника;

3. Поиск ответа на вопрос о степени воздействия поэтического дискурса на формирование государственной идеологии разных лет первой половины XIX в;

4. Анализ изменений характера взаимодействия политического и поэтического дискурсов в различные годы первой половины XIX столетия.

Поставленные задачи обуславливают **структуру** настоящей диссертации, включающей в себя *введение*, *три главы* и *заключение*. *Первая глава* посвящена анализу публичных государственных документов и поэзии начала XIX века, в особенности, эпохи Русско-французских войн (1805–1807, 1812–1814). Хронологическими границами *второй главы* стали 1830 г., в который произошла Июльская революция во Франции, повлекшая за собой, в частности, Польское восстание, и 1849 г. – год, после которого политику Российской империи можно без преувеличения назвать изоляционистской.

Предметом третьей главы стали государственная риторика и военная поэзия времен Крымской войны (1853–1856).

Объектом работы является взаимодействие государственного и поэтического дискурсов и его изменение в течение первой половины XIX в. **Предметом** стали Высочайшие манифесты, приказы, рескрипты и иные императорские документы 1804 – 1856 гг. и современная им военная поэзия. Здесь сразу же необходимо определить данный термин. Под *военной (батальной) поэзией* в работе понимаются стихотворные тексты, в которых звучит военная тема и / или присутствуют военные мотивы. Кроме того, по причине широты хронологических границ исследования в нем анализируются по преимуществу печатные стихотворения. Бо́льшая часть поэтического материала данной работы была взята из опубликованных сборников, важнейшими из которых стали «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»[13] и антология «Крымская война и русская поэзия»[14]. Однако военные стихотворения некоторых иных периодов были впервые систематизированы в рамках приведенного диссертационного исследования: в первую очередь батальная поэзия 1805 – 1807 гг. и во вторую – стихотворные тексты весны, лета и зимы 1814 г., которые вышли уже после публикации Н. М. Кугушевым «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году».

Научная новизна и актуальность диссертационного исследования обусловлены обращением к проблеме, которая еще не была системно рассмотрена в науке. Изучение взаимовлияния политического и поэтического дискурсов производились либо на другом материале, либо точечно: в работах анализировались и сравнивались конкретные тексты, игнорировалась континуальность взаимодействия государственного красноречия и современной ему поэзии, посвященной теме войны.

В рамках данной работы мы стремились продемонстрировать, что

---

[13] Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: юбилейное изд. М., 2015. С. 433–448.

[14] *Ратников К. В.* «Крымская война и русская поэзия: Антология патриотических стихотворений 1853–1856 гг.». Челябинск. 2011.

взаимовлияние политического и поэтического дискурсов в течение XIX века происходило постоянно, причем в определенные моменты качество данного взаимовлияния менялось. Поиск переломных точек в рассматриваемом процессе – одна из целей работы. Кроме того, мы считаем, что литературное и политическое поля наиболее сильно влияют на формирование современной им идеологии. Это особенно заметно в начале XIX века, когда агентами этих полей часто оказываются одни и те же люди, но применимо и к середине столетия, когда литература осознается уже совершенно обособленной сферой социального бытия.

Решение поставленной фундаментальной научной проблемы и реализация фундаментальных научных целей предполагают использование как традиционных методов литературоведческого анализа (мотивного анализа, структурального анализа, нарратологии, сравнительного анализа), так и методологию современных междисциплинарных культурологических исследований. Вследствие специфики подхода в фокусе исследования оказывается идеологический, а не поэтологический аспект стихотворных текстов.

В заключение вводной части необходимо прояснить некоторые встречающиеся в исследовании термины. В рамках данной работы слово *автор* нередко употребляется как синоним *лирического героя*, а не в биографическом значении. Лексемы *царь* и *Бог* чаще всего выделены курсивом и употреблены в терминологическом значении как мотивы и лишены своего словарного значения. В связи с этим в диссертации встречаются достаточно необычные фразы, вроде «*Бог* появляется в тексте…» или «*царь* становится в центр мотивной структуры».

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлялась:

1. На «XLVIII Международной филологической научной конференции» Санкт–Петербургского государственного университета (СПб, 18 – 27 марта

2019 года) в докладе «”Особый путь” как тема поэзии и политического красноречия 1812–1815 гг.»;

2. На «Международных научных чтениях памяти Вадима Эразмовича Вацуро», проходивших в Институте русской литературы (Пушкинский дом) РАН (СПб, 30 ноября – 2 декабря 2020 года) в докладе: «”Певец во стане русских воинов” В. А. Жуковского как идеологический текст»;

3. В статьях, опубликованных в журналах, внесенных в перечни ВАК и РИНЦ и международные базы научного цитирования (Web of Science и Scopus):

Халиуллин К. Р. Человек буянящий: разгульное поведение в первой трети XIX века и литературный контекст (лирика Д. В. Давыдова, «Выстрел» А. С. Пушкина) // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия «Филология». 2019. №1 (60). С. 62–68.

Халиуллин К. Р. «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из Отечества» Г. Р. Державина как предсказание идеологического поворота 1813–1815 годов. // Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 2021. № 4. С. 57–61.

Халиуллин К. Р. Антинаполеоновские кампании 1805–1807 годов и военная тема в русской поэзии // Русская литература. 2021. № 3. С. 142–155.

Глава 1. Государственные и поэтические триумфы времен русско-французских войн начала XIX века

1. Военная тема в поэзии второй половины XVIII – начала XIX вв.

1.1. Торжество торжественной оды

Русская военная поэзия возникает в XVIII веке, эпохе триумфов русского оружия. Уже в первой классицистической торжественной оде М. В. Ломоносова на взятие крепости Хотин 1739 года[15] создается образец раскрытия батальной темы, которому поэты будут следовать на протяжении более полувека. В придворной и окказиональной поэзии XVIII века[16] представлялись только победы, а одной из ее важнейших целей было не описание конкретного исторического события, а создание текста, удовлетворяющего адресата.

Изображая военные события, авторы XVIII века очень редко наполняют тексты конкретными деталями и современными батальным событиям реалиями: вместо пушек и мушкетов в стихотворениях гремит гром и сверкают перуны, враги называются «варварами», сарацинами или даже «омарами», вражеское государство – «драконом» или «Антеем», а русские воины именуются «россами». Подобный уход от фактического содержания к легендарно–абстрактному, насыщенному историческими и мифологическими сюжетами, был, кроме прочего, был связан с тем, что у авторов XVIII отсутствовал конкретный военный опыт. Основным способом живописания сражения была «баталистика» Ломоносова, которая «отличается большим количеством глаголов движения и стаккато–ритмами, производимыми посредством бессоюзных перечислений в связи с какофонической инструментовкой. К этому присоединяются ослепительный свет метафорических молний, оглушительный шум пушек и серный запах пороха. Авторы не чуждаются безграничного, часто апокалиптического гиперболизма; битва уподобляется извержению вулкана, землетрясению и

---

[15] *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986. С. 61–69.

[16] Подробней об этом см: *Бухаркин П. Е., Екуч У., Кочеткова Н. Д.* Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб, 2010.

огню геенны. Поле сражения покрыто горами трупов, кровь течет рекой. Создаются картины страшно–грандиозной красоты. Они должны не ужаснуть читателя, а вызвать в нем тревожно–восхищенное удивление. Мы тут сталкиваемся со “смешанными чувствами”, характерными для эстетики возвышенного»[17].

Идеологически военная поэзия второй половины XVIII века почти целиком совпадает с государственной точкой зрения на исторические события. В стихотворных текстах никогда не изображаются поражения, в них не может открыто критиковаться экспансионистская политика Екатерины II. Поэзия вынуждена утверждать две взаимоисключающие идеи: авторы восхищаются победами русского оружия и, в то же самое время, прославляют Екатерину II как миролюбивую императрицу. Эта логическая ошибка есть уже в самых ранних «екатерининских» одах. Так, например, в «Оде на день высочайшего рождения ее Императорского Величества, 1763 года» М.М. Хераскова мотив тишины соседствует с мотивом войны, а страх перед кровавыми битвами – с восхищением ретивостью русского войска:

О грозные войны кровавы,
Носящи горесть, огнь и меч!
Других ведите к храму славы,
Стремясь народ губить и жечь;
От стран российских прочь летите!
Кровавы лавры, не цветите
При масличных оливах здесь,
При наших временах спокойных;
И лир торжественных и стройных
Не возмущайте воплем днесь.

Покойся, Марс российский, ныне,
Под тенью мира отдыхай
И песни ко Екатерине
В безбранной тишине внимай,
Доколь с военною трубою
Орлы российски пред тобою
К сражению не полетят!

[17] *Клейн И.* Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic studies. 2018. №1. С. 174–210.

Подобны лишь себе в геройстве,
Они, во брани и в спокойстве,
Сердечной храбростью горят[18].

К концу стихотворения лирический герой совершенно забывает о былом пацифизме и просит императрицу расширять границы империи:

Взносись, российская держава,
Превыше облак возносись!
Тебя гремящая ждет слава
Везде, куда ни обратись.
Она меж льдистыми морями
И за балтийскими брегами
Из лавр венцы тебе плетет.
Простри свои далеко взоры
За Лену, за Кавказски горы:
Она тебя повсюду ждет[19].

Данная смысловая несогласованность, в общем, не противоречит основным принципам торжественной оды, в которой одический восторг, абсолютное лирическое чувство, побеждает логическое, создает «прекрасный беспорядок». Ода выстраивается нелинейно, в ней нет сюжета. Лирическое повествование в ней концентрируется вокруг «терминов» – устойчивых «общих мест», в которых выражаются главные государственные идеологические ценности[20].

Ломоносовская «военная» торжественная ода становится образцом для авторов екатерининской эпохи: считалось, что Русский Пиндар создал стилистический[21] и тематический[22] эталон героического стихотворения. Однако в одах Ломоносова, в отличие от текстов авторов второй половины XVIII века, видна довольно четкая аксиологическая система: абсолютной ценностью здесь являются спокойствие, мир и «тишина»: мотив *тишины* – один из основных и самых узнаваемых в одическом творчестве поэта.

---

[18] *Херасков М. М.* Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1961. С. 60–61.
[19] Там же. С. 62.
[20] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. С. 187–204.
[21] *Кузьмин А. И.* Героическая тема в русской литературе. М., 1974. С. 71.
[22] «Не было практически ни одной военной оды или поэмы, начиная с 1769 года – первого года военных сражений с Оттоманской Портой, – которая бы не содержала отсылок к установленному Ломоносовым канону» – *Проскурина В.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 151.

Противопоставляя в военных поэтических текстах Россию и иные государства, поэт часто рассуждает о двух государственных путях: мира и добра (истинном, русском) и войны и насилия (ложном, пути противников Российской Империи)[23]. Так, в торжественной оде 1759 года «ангел мира» Елизавета Петровна вынуждена смирять возгордившегося, горящего жаждой завоеваний прусского короля Фредерика II.

Военная поэзия Ломоносова отличается от од екатерининской эпохи тем, что, несмотря на формальную поддержку в ней внешней политики Елизаветы, поэт обладает достаточной смелостью и идеологической самостоятельностью, чтобы предлагать императрице свой, миролюбивый, исторический сценарий:

Мы ждем желаемого гласа:
«Еще победа, н конец,
Конец губительныя брани».
О боже! мира бог, восстани,
Всеобщу к нам любовь пролей,
По имени Петровой дщери
Военны запечатай двери,
Питай нас тишиной твоей.
<…>
Воззри на плач осиротевших,
Воззри на слезы престаревших,
Воззри на кровь рабов твоих.
К тебе, любовь и радость света,
В сей день зовет Елисавета:
Низвергни брань с концев земных[24].

При этом даже ломоносовская поэзия не свободна от некоторого разномыслия: по мнению его лирического героя, жажда долговечного и истинного европейского мира и тишины заставляет русского монарха участвовать в войне:

---

[23] *Кузьмин А. И.* Героическая тема в русской литературе. С. 72–75.

[24] Ода Ее Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественный праздник Тезоименитства Ее Величества сентября 5 дня 1759 года и на преславные Ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравлениеот всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова // *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. С. 156.

Велика божеством природным,
Восходит выше тишиной;
Чтоб жить союзникам свободным,
Жалея, двигнулась войной;
Узрев растерзанны союзы,
Наверженные скиптрам узы,
Рекла: как злых не укрочу;
Алчбе их света недостанет:
Пускай на гордых гнев мой грянет,
Соблещет молния мечу[25].

Одописцы второй половины XVIII века (а позже поэты времен Отечественной войны и далее вплоть до Крымской войны) будут часто использовать этот прием для оправдания зарубежных военных кампаний.

Ломоносов, хотя и живописал войну и героизм русского воинства в имперских войнах, чем дал авторам екатерининской эпохи способы для подобных описаний, все же ратовал за мир и тишину. Его же творческий и идеологический оппонент А. П. Сумароков во всех «военных» торжественных одах (и до, и во время правления Екатерины) выступает за активную экспансию Российской Империи: «политическая программа, заявленная в его одах, заключается в завоевании Россией если и не всего мира, то большей его части»[26]. Лирический герой Сумарокова, бесспорно, самый не «мирный», он пылает жаждой мщения и яростью:

Пылай, Россия разъяренна,
Греми, рази и не щади,
Карай и, кровью обагренна,
Покой в Европу приведи![27]

Таким образом, уже в течение 1740–1750–х годов в военной поэзии разрабатывается как тема мира, так и тема войны, причем не обязательно оборонительной – стихотворцы готовы к описанию совершенно разных войн, кроме тех, в которых российское оружие не торжествует.

В екатерининскую эпоху идея *больших побед* становится не менее важной, чем идея *тишины* и *мира* – они становятся равнозначными

[25] Там же. С. 152.
[26] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода… С. 257.
[27] Цит. по: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода… С. 257.

поэтическими «терминами», участвуют в создании поэтического образа императрицы. Решающую роль в формировании этого образа сыграла внутренняя противоречивость Екатерины II: с одной стороны, она желала слыть просвещенным европейским монархом, предпочитающим войне дипломатию, с другой – хотела увеличить пределы России, уподобившись тем самым Петру.

Если до 1770–х годов войны России в поэзии в основном оправдывались как оборонительные, то после стихотворцы массово восхваляют и наступательную войну[28]. В этом смысле интересно рассмотреть поэтическое оправдание присоединения Крыма в 1783 году. В стихотворении Г. Р. Державина «На приобретение Крыма»[29] аннексия полуострова объясняется желанием жителей быть частью торжествующей России:

Который бог, который ангел,
Который человеков друг,
Бескровным увенчал вас лавром,
Без брани вам трофеи дал
И торжество?» — Екатерина,
Та венценосна добродетель,
То воплощенно божество,
Которое дождит блаженства. —
Они вещали так любезным,
Повеся громы на стене

Неслучайно в связи с этим появление в поэзии XVIII века мотива *охраны Европы* Россией, столь важного в поздней поэзии (начиная с 1812 – 1814 годов) Данный мотив явлен, в частности, в державинской оде «На взятие Измаила»:

… Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз[30]

Во второй половине XVIII литература не представляла собой отдельное социальное поле. Граница между литературным и нелитературным текстами

[28] См. примеры в: *Клейн И.* Торжествующая Россия... С. 192–194.
[29] *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1864. Т. 1. Стихотворения. Часть I. С. 181–186.
[30] *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 164.

осознавалась довольно слабо. В связи с этим мотивы и «общие места» государственного красноречия могли переноситься в поэзию практически без изменений. Есть предположение, что одним из источников ломоносовского топоса *тишины* могли оказаться высочайшие документы[31].

В манифестах Екатерины II мотивы *мира/тишины* и *войны* взаимосвязаны – один следует из другого. Так, в манифесте о принятии в состав России Крымского полуострова 1783 года желание вечного мира между Российской Империей и Оттоманской Портой становится одним из поводов для аннексии татарских территорий: «по долгу предлежащего Нам попечения о благе и величии отечества, стараясь пользу и безопасность его утвердить, как равно полагая средством навсегда отдаляющим неприятные причины, возмущающие вечный мир между Империями Всероссийскою и Оттоманскою заключенный, который Мы навсегда сохранить искренно желаем, не меньше же и в замену и удовлетворение убытков Наших решились Мы взять под державу Нашу полуостров Крымский, остров Таман и всю Кубанскую сторону»[32].

Основной действующей фигурой военных стихотворений второй половины XVIII столетия является императрица – именно за нее сражаются русские воины, она свершает великие исторические события, ее благодарят и ею восхищаются лирические герои торжественных од. В поэзии монарх оказывается олицетворением России. Мотив *Бога* тоже часто встречается в текстах, однако *его* упоминание – скорее формальный жест, смысл которого не в обращении к Всевышнему, а в подтверждении истинности и могущества Екатерины II. Мотив *Бога* здесь подчинен мотиву *Царицы*.

В качестве историко–мифологического претекста и поэзия, и государственное красноречие, и письма императрицы для описания событий русско–турецкой войны используют сюжеты римской истории и греческой мифологии: Екатерина здесь уподобляется Палладе или Астрее, а русские

---

[31] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода… С. 186.
[32] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. С. 897–898. № 15708.

называются новыми аргонавтами, идущими на восток, чтобы сразиться за западные, европейские, христианские ценности[33].

Часть военных стихотворений екатерининской эпохи посвящена известным военачальникам (А. В. Суворову, П. А. Румянцеву, Г. А. Потемкину и др.). В конце века возникает традиция поэтического почитания военных героев[34], которая, с некоторыми изменениями, просуществует до конца существования Российской Империи. Редкие тексты обращены не к монарху или генералам, а к русской армии (например, «Ода российскому воинству в феврале 1769» М. М. Хераскова или «Ода российским солдатам на взятие крепости Очакова 1788 года декабря 6 дня…» Н. П. Николева), однако в них еще не утверждается идея субъектности русской нации.

Несогласие с политикой Екатерины II, выражавшееся в прозе (особенно А. Н. Радищева), в поэзии не звучит – она идеологически вторит государству. Единственным поэтом, довольно очевидно сопротивляющимся военной политике императрицы, по мнению И. Клейна, был молодой Н. М. Карамзин. Он не написал ни одного торжественного военного стихотворения, более того, его поэтические тексты, такие как «Военная песнь» (1788) и «Песнь мира» (1791), по смыслу противопоставлены стихотворному мейнстриму[35].

Со второй половины 1770–х годов, особенно в поэзии Державина, в жанре торжественной оды происходят заметные изменения – она становится, в частности, более интимной, в нее допускаются «низкие» слова и комическое[36]. Однако «военные» торжественные оды оказываются вне этого процесса – величие героической темы заставляет поэта писать только «высоким» слогом, она не позволяет лирическому герою снижать пафос. Можно сказать, что военная торжественная ода конца XVIII века

---

[33] Подробней об этом: *Проскурина В.* Мифы империи… С. 163–190.
[34] *Клейн И.* Торжествующая Россия… С. 179.
[35] Там же. С. 200–201.
[36] Подробнее об этом см.: *Серман И. З.* Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира), Л., 1973. С. 80–96; *Алексеева Н. Ю.* Русская ода… С. 308–354.

стилистически и мотивно почти не отличается от первых военных од Ломоносова[37]. Попыткой модернизации данного жанра можно назвать державинскую «Осень во время осады Очакова» (1788). Здесь автор совмещает проникновенные пейзажные описания с повествованием о битве, кроме того, текст оканчивается появлением, казалось бы, невозможных для «военной» оды мотивов *творчества* и *любви*:

Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет[38].

Однако данное неожиданное мотивное совмещение явлено, как кажется, только в этом тексте второй половины XVIII века. Более того, батальные описания здесь ничем не отличаются от общераспространенных, точно следуют жанрово–стилистическому эталону.

В лирике Державина происходят и иные модернизации, одна из важнейших из них – возникновение важнейшего для будущей военной поэзии мотива *россов* как избранного народа[39]:

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы Лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель
Лишь твой орел луну затмил...[40]

Военная тема в поэзии второй половины XVIII века представлена довольно большим количеством текстов, однако они по преимуществу крайне однообразны. Война здесь не становится самостоятельным предметом описания – она подчиняется правилам сложения торжественной оды.

---

[37] *Скибин С. М.* Поэты–Преображенцы и Денис Давыдов: Жанрово–стилевое своеобразие «гусарской» поэзии. Автореф. дисс. на соиск. степ. д.ф.н. М., 1995. С. 10.
[38] *Державин Г.Р.* Стихотворения. С. 124.
[39] Подробнее см.: *Проскурина В.* Мифы империи... С. 190–194.
[40] *Державин Г. Р.* Стихотворения. С. 162.

Батальная тема не налагает никаких ограничений на стихотворения, они ограничены жанром, уже образцовый текст которого был посвящен военной победе («Ода … на взятие Хотина»). Описывая войну, авторы следуют логике «от жанра к изображаемому», характерной для культуры готового слова, и никак не модернизируют военную оду: батальная тема разрабатывается только в давно устаревшем жанре ломоносовской торжественной оды, в связи с чем военные стихотворения похожи одно на другое и архаичны стилистически. Идеологически военная поэзия почти полностью подчинена государству. Главной ее идеей является идея о непобедимости России (синонимичной императрице), а главной эмоцией – экстатический восторг, вызванный небывалыми победами.

1.2. Попытки реформации военной поэзии начала XIX века: эволюционный оссианизм Г. Р. Державина и революционное гусарство Д. В. Давыдова

Начало XIX века – время глобальных изменений во всех областях общественной жизни Российской Империи. Трансформации эти особенно заметны в литературе и окололитературных сферах. Начинают образовываться новые принципы журналистики[41], возникают мемуары, ориентированные на публикацию – автор дневников и «записок» теперь ощущает себя литератором, более не стыдится собственного индивидуального взгляда на современные ему исторические события[42]. В литературе, которая первые десятилетия XIX века будет по преимуществу поэтической, полностью перестраивается жанровая система – на первое место выходит новая элегия Жуковского, определившая ход дальнейшей литературной эволюции[43].

---

[41] *Березина В. Г.* Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965.
[42] *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С.121–148.
[43] Данный тезис – общее место в отечественном литературоведении. См., например, работы разных десятилетий:
Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974.
Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994.
Маркович В. М. Трансформации русской лирики в первые десятилетия XIX века // Русская литература. 2015. №2. С. 5–28.

Данные изменения (их список можно было бы продолжить) оказываются следствиями перемен в сознании людей начала столетия, которые можно определить как смещение интереса с общего, государственного и идеального к частному и человеческому. Эта психологическая трансформация приводит к выработке *исторического культурного* мышления, характеризующегося особым интересом к национальным истокам (к *своему*), и *народного* мышления – русская элита обращает внимание на жизнь масс, признает ценность народной культуры и, что важнее, обретает мысль о необходимости поиска национальной – в противовес государственной – идентичности[44], объединяющей представителей всех сословий. В связи с этим появляется концепт гражданственности, вокруг которого начинает образовываться общество нового типа, ощущающее в себе потенции к самостоятельному изменению социального бытия России. Важно отметить, что и верховная власть не находится в стороне от описываемых процессов. В 1801 году на престол всходит Александр I – император нового типа, первый русский монарх, решивший осуществить истинно либеральные реформы, самой важной из которых могла стать отмена крепостного права (в финальном своем варианте, однако, редуцированная до крайне малоэффективного «Указа о вольных хлебопашцах» 1803 года). В первые годы XIX века царь особенно интересуется внутренней политикой, он убежден в возможности создания вечного европейского мира[45]. До расстрела герцога Энгиенского 21 марта 1804 года, окончательно разуверившего Александра I в вероятности

---

[44] Об этих двух связанных процессах см.: *Макогоненко Г. П.* Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. – Сб. 13: XVIII век. – Л., 1981. С. 3–65.
Лотман Ю. М. Поэзия 1790–х – 1810–х годов // Поэты 1790–1810–х годов. Л., 1971. С. 5–62.
Или современную работу: *Федосеева Т. В.* О предромантическом характере исторического мышления в русской литературе рубежа XVIII и XIX веков // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. № 1 (18). С. 45–64.

[45] Еще 17 июля 1803 года, по словам сардинского посла в России, «у русского императора [было] лишь два помышления: мир и бережливость» – Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де Местра // Русский Архив. М., 1871. Вып. 6. Ст. 58.

образования политического равновесия в Европе[46], русский император надеялся, что сможет разрешить конфликт Франции и Англии и остановить Наполеона, захватывавшего земли Германской Империи.

В процессе возникновения русского сознания нового типа особую роль сыграл оссианизм – квазинаправление в предромантической литературе второй половины XVIII – начала XIX вв.[47] «Сочинения Оссиана, сына Фингала» и иные оссианические поэмы Дж. Макферсона [48] приобрели особую популярность в России к концу 1780–х – началу 1790–х годов[49].: в 1788 году А. И. Дмитриев (брат поэта И. И. Дмитриева) перевел через французский посредник десять текстов Оссиана, в 1792 году Е. И. Костров издал более полный (хотя не менее вольный) перевод поэм Оссиана с французского перевода Пьера Летурнера. Он стал «основной базой русского оссианизма»[50]. В русскую литературу входит образ «барда» / «скальда» (эти слова употреблялись как синонимы)[51] – эпического певца северных народов.

В оссианических поэмах поэтизировался естественный, неиспорченный цивилизацией, человек, они были проникнуты особым личным чувством певца, бард, и это казалось особенно новым, психологизировал своих героев: воины Оссиана – могучие и грозные мужи, однако они способны испытывать сильные эмоции. События поэм совершаются на фоне сурового северного пейзажа – молчаливых и мрачных гор, неспокойного холодного моря, угрюмого неба; нередко здесь описывается ночь, озаряемая тусклым светом луны. Благодаря стилю и необычной, народной «северной» разработке батальной темы, резко противопоставленной аполлонизму классицистических поэм, в текстах Макферсона возникает идея

---

[46] См. протокол совещания у Александра I от 5 апреля 1804 года в: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. М., 1960. Сер. 1. 1801–1825. Т.1. С. 693.

[47] «…русский оссианизм был одним из путей формирования и развития национально–эстетического самосознания» – *Иезуитова Р. В.* Поэзия русского оссианизма // Русская литература. 1965. № 3. С. 73.

[48] Авторы конца XVIII – начала XIX вв. не знали, что поэмы Оссиана не были настоящими фольклорными текстами.

[49] Хотя в России Оссиан стал известен почти сразу после первой публикации – уже в 1760–х годах – *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе, конец XVIII – первая треть XIX века. Л., 1980. С. 19–20.

[50] Там же. С. 32.

[51] См.: *Туманова О. С.* Этапы и варианты становления образа скальда в русской лирике // Вестник Пермского ун–та. Российская и зарубежная филология. 2018. Т.10. Вып. 3. С. 162–170.

национальной самобытности северных стран, самостоятельности и самодостаточности их культуры[52].

Поэзия Оссиана повлияла на творчество многих русских авторов конца XVIII – первой половины XIX веков. Из наиболее значительных литераторов можно назвать Н. М. Карамзина, которому был интересен и близок мир оссиановских песен[53], под сильным влиянием которых он, в частности, писал богатырскую сказку «Илья Муромец», В. А. Озерова, создавшего оссианическую трагедию «Фингал» (была поставлена 8 декабря 1805 года), Н. И. Гнедича («Последняя песнь Оссиана» 1804), Н. М. Муравьева (повесть «Оскольд» 1796), авторов львовско–державинского кружка (В. В. Капниста, Н. А. Львова и Державина)[54]. Оссиан интересовал литераторов второго и третьего рядов, которые старались совместить оссианические мотивы с темами и мотивами русских фольклорных песен[55]. Оссианизм повлиял как на прозу, так и на развитие различных лирических и сюжетных поэтических жанров первого десятилетия XIX века[56].

Известно, что найденное в начале 1790–х годов и впервые опубликованное в 1800-м «Слово о полку Игореве» современники сравнивали с Оссианом, в частности, легендарный сказитель Боян, о котором говорится в «Слове», ассоциировался со скандинавским бардом. В течение первой половины XIX века древнерусский текст в сознании литераторов был связан с поэмами Макферсона[57].

---

[52] См. подробней: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе, конец XVIII – первая треть XIX века.
Пашкуров А. Н. Оссианизм и Г. Р. Державин: лирико–философские аспекты // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы: материалы Международной научной конференции. Казань. 2010. С. 47–50.
Разживин А. И. Оссианизм в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Мифология, поэтика, основные концепты // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Материалы Международной научно–практической конференции, посвящённой 50–летитю факультета иностранных языков ЕИ К(П)ФУ, 23 октября 2015. Елабуга, 2015. С. 168–174.
[53] *Кочеткова Н. Д.* Карамзин и литература сентиментализма // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970. С. 355.
[54] Данный список не претендует на полноту, более того, он должен быть продолжен: творчество Батюшкова, иных поэтов эпохи Отечественной войны, романтические произведения Пушкина и, позднее, поэмы и лирика Лермонтова тесно связаны с тематикой и эстетикой оссианических поэм. В рамках данной главы было важно показать, что Оссиан повлиял на русские произведения до русско–французских войн.
[55] Разборы текстов малоизвестных авторов начала XIX века произвел Ю. Д. Левин в: *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе, конец XVIII – первая треть XIX века. С. 65–88.
[56] *Иезуитова Р. В.* Поэзия русского оссианизма // Русская литература. 1965. № 3. С. 57.
[57] *Иезуитова Р. В.* Там же. С. 59–60.

Влияние оссианизма на русскую литературу было так велико, что он начал воздействовать на развитие военной темы в русской поэзии[58]. Батальная тема, которая уже более полувека выражалась только в архаичном жанре торжественной оды, постепенно, еще неуверенно и едва заметно, погружается в новые мотивные, тематические и стилистические контексты поэзии Оссиана. Автором, ставшим широко использовать оссианические мотивы в военной оде, был Державин.

В 1790–е Державин откликнулся на оссианизм, но, в отличие от современников, не старался копировать стилистику Оссиана, а начал разрабатывать образ поэта–сказителя[59], меняя тем самым традиционное лирическое «Я» военной оды. Уже в оде «На взятие Измаила» (1790) возникает образ барда, однако он еще чужой для лирического героя – древнему певцу противопоставляется русский «вдохновенный пастырь», ведущий за собой русское войско:

Не бард ли древний, исступленный,
Волшебным их ведет жезлом?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними и́дет со крестом…[60]

В «Водопаде» (1794) в по–оссиановски меланхолическом тоне лирический герой размышляет о смерти «бранного витязя» Г. А. Потемкина. В оде «На взятие Варшавы» (1795) особенно важный для Державина образ Суворова разрабатывается в оссианической стилистике: слава русского военачальника здесь уподобляется грому, шуму морей и ветру; она преодолевает северные долы, холмы и дебри:

И славы гром,
Как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род,
Прокатится, пройдет,
Промчится, прозвучит

---

[58] Это влияние кажется неизбежным: главной темой текстов «Поэм Оссиана» является война, без нее оссианический сюжет не существует.
[59] *Ларкович Д. В.* «Мне хотелось во вкусе Оссиана…»: к вопросу о варяго–росских поэтических опытах Г. Р. Державина 1810–х гг. // Имагология и компаративистика. 2015. № 1(3). С. 82.
[60] *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957. С. 157.

И в вечность возвестит,
Кто был Суворов:
По браням – Александр, по доблести – стоик,
В себе их совместил и в обоих велик[61].

Уже очевидно ориентированной на оссианическую поэзию является ода 1799 года «На победы в Италии». Начинается текст с призыва ударить в серебряный щит, чтобы ему ответила сотня бардовских арф:

Ударь во сребряный, священный,
Далеко–звонкий, Валка! щит:
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит. –
Встают. – Сто арф звучат струнами;
Пред ними сто дубов горят;
От чаши круговой зарями
Седые чела в тме блестят[62].

В «Объяснениях на сочинения…» Державин так комментирует данные строки: «Древние северные народы, или Варяго–Руссы возвещали войну и сбирались на оную по ударению в щит. А Валками назывались у них военные девы или музы»[63]. Под «валками» поэт, видимо, понимает валькирий – «военных дев» скандинавского эпоса. Важна здесь не только отсылка к древнерусским военным обычаям (пускай таких обычаев и не существовало), но и то, что русская древность предстает оссиановской скандинавской древностью. Далее в стихотворении представлен монолог Рюрика, находящегося, как и должно храброму варягу, в Вальгалле, в котором первый русский князь восхищается Суворовым, называет его своим воеводой и продолжателем. Суворов в речи Рюрика вписан в северный пейзаж Оссиана:

Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа,
Девятый вал в морских волнах,
Звезда, прешедша мира тропы…[64]

---

[61] *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1864. Т. 1. Стихотворения. Часть I. С. 641.
[62] *Державин Г. Р.* Стихотворения. С. 279.
[63] *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб., 1864. Т. 2. Стихотворения. Часть II. С. 272.
[64] *Державин Г. Р.* Стихотворения. С. 280.

Переориентацию Державина на «норвежскую» стилистику и мотивику, произошедшую в данном стихотворении, отметил Н. А. Львов, его близкий друг и литературный товарищ. Львов хвалит Державина за новую «мистику», однако потешается над скандинавским духом оды: «Вот беда только для меня твое норвежское богословие: не вижу я никакой причины к воскресению замерзших и нелепых богов Северного Океана». Львов не понимает, зачем поэт называет рай «Валькалом», и опасается, что переписчик может не понять образности текста и, перепутав начальную букву, вместо скандинавского рая отправит Рюрика «в ссылку на Байкал»[65].

На фоне оссианических пейзажей описано движение русских войск в оде «На переход Альпийских гор» (1799). В стихотворении дана прямая ссылка на «Оссияна», а сражение русских и французских войск вписано в оссианический контекст:

Но что? не дух ли Оссиана,
Певца туманов и морей,
Мне кажет под луной Морана,
Как шел он на царя царей?
Нет, зрю – Массена под землею
С Рымникским в тме сошлися к бою:
Чело с челом, глаза горят;
Не громы ль с громами дерутся?
Мечами о мечи секутся,
Вкруг сыплют огнь, – хохочет ад!

Державин был так успешен в разработке мотивов и стиля оссианических поэм, что авторы начала XIX века (в частности, поэт Алексей Богословский) называли его «росским Оссианом»[66].

Русская военная лирика будет развиваться, и далее совмещая традицию торжественной оды с оссианизмом. Одним из важнейших текстов в этом процессе окажется «Песнь барда над гробом славян–победителей» (1806) Жуковского. Однако параллельно этому, главному, вектору развития батальной поэзии будет идти иной, оказавший меньшее влияние на

---

[65] Письмо Н. А. Львова к Г. Р. Державину 24 мая 1799 года – цит. по: *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 2. Стихотворения. Часть II. С. 276–277.
[66] См. *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе, конец XVIII – первая треть XIX века. С. 38. *Пашкуров А. Н.* Оссианизм и Г. Р. Державин: лирико–философские аспекты. С. 49–50.

современную литературу, но заметно подействовавший на русскую культуру через несколько десятилетий после своего появления.

В военной поэзии 1800 – 1804 годов была маргинальная линия, наследовавшая не традиции высокой оды, а потому и не старавшаяся ее трансформировать, а выросшая из анакреонтики второй половины XVIII века – так называемая «гусарская» поэзия. Чувство упоения жизнью, центральное в анакреонтической поэзии, мотивы пира и дружбы соединяются здесь с «высокой» военной темой[67]. Автором, создавшим жанр гусарской песни, был Д. В. Давыдов – один из известнейших поэтов 1800–х годов – списки его неподцензурных басен и гусарских стихов читались и в армии, и в обеих столицах.

Тремя стихотворениями 1804 года «Бурцову. Призывание на пунш», «Бурцову» и «Гусарский пир» Давыдов врывается в еще строго иерархическую литературную систему[68] и изобретает новый поэтический дискурс: не опускаясь до бурлеска и ироикомичности, он соединяет военную тему (как уже сказано выше, бесспорно «высокую» и, казалось бы, неспособную к неодическому выражению) с «низкой» фразеологией и комическим. Важно подчеркнуть, что разговорные и просторечные слова и смех здесь не снижают героического пафоса: грубые и простые герои лирики Давыдова пируют, храбро сражаясь со страшными стаканами с пуншем, однако по первому же зову готовы отправиться «гореть … как свечка в поле бранном».

В «Бурцову» [69], возможно, лучшем гусарском стихотворении Давыдова, комически описанный пир наездников:

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.

---

[67] Подробней об этом см.: *Скибин С. М.* Поэты–Преображенцы и Денис Давыдов: Жанрово–стилевое своеобразие «гусарской» поэзии. Автореф. дис. на соиск. степ. д.ф.н. М., 1995.
[68] Хотя пока не врывается на поле боя – до 1807 года Давыдов не участвовал ни в одном сражении, его части находились в тылу.
[69] Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С.57–59.

Собирайся вкруговую,
Православный весь причёт!
Подавай лохань златую,
Где веселие живёт!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.

И «божба» лирического героя:

Пусть не сабельным ударом
Пресечётся жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых боев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Чёрно–бурый в завитках,
Иссечётся в юны годы
И исчезнет яко прах!

Резко прерываются началом сражения, которое не «снижается» своей уподобленностью предшествовавшему ему застолью:

Пусть… Но чу! – гулять не время!
К коням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон и в сечу! – Вот
Пир иной нам Бог даёт,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее…

Гусарщина[70] Давыдова пропитана ощущением невиданной доселе поэтической свободы – несовместимые мотивы автор соединяет, будто совершенно не знаком с литературной системой своего времени, не знает границ стилистической дозволенности. Это поэту удается благодаря оригинальности и убедительности его лирического героя. Давыдовский герой – герой поэтический, то есть «выходящий за рамки жизненной ординарности»[71]. Он противопоставляется бытовой норме, а его свободный

[70] Определение Давыдова (Письма поэта–партизана Д .В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917. С. 27).
[71] *Вацуро В. Э.* Денис Давыдов – поэт // Денис Давыдов. Стихотворения. Л., 1984. С. 10.

язык противопоставляется нормам ординарности языковой. «Для Давыдова нет слов «низких» и «высоких», нет стиля неприличного для предмета; для него все слова хороши, если они характеризуют героя – носителя его лирики (субъект ее)»[72]. Лирический герой–гусар пребывает в гусарском быте, который «полемически соотнесен с реальным бытом»[73]. Это стилизованный и даже экзотический быт. Обязательными атрибутами его являются: «сабля, водка, конь гусарской», бивуак, усы, неуемное веселье – как в гусарском отдохновении, так и в страшном бое. Сражение здесь вписано в быт, а не противопоставляется ему, кроме того, оно не снижается этой вписанностью. Если осианические герои, подобно одическим, живут вне быта[74], то лирический герой Давыдова неотделим от быта наездников. Он наделен яркой внешностью, особым поведением и уникальным языком, почему и предстает, самым индивидуализированным лирическим героем литературы первого десятилетия XIX века. Давыдов «первый, и при этом с резкой отчетливостью, обрисовал внутренние предпосылки, формирующие героический характер»[75]. Автор описывает воина «изнутри», натуру, не окруженную ореолом героичности, но оказывающуюся, несмотря на это, преисполненной отваги, мужества и удали. Если в военной поэзии XVIII века героическое описывалось со стороны парящим и восторженным одописцем, то в ранних стихотворениях Давыдова воин говорит от своего лица.

Стихотворения Давыдова не оказали значительного влияния на поэзию первого десятилетия XIX века. Через год после того, как поэт написал свои первые гусарские песни, начались Русско–французские войны, продолжавшиеся почти десятилетие. Масштабные европейские кампании России воодушевили «записных стихотворцев» – военная поэзия этого периода была по преимуществу торжественно одической. Ее эволюция должна была происходить в русле старых традиций, революционному новаторству лирики Дениса Давыдова в этом процессе не было места.

---

[72] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965. С. 159.
[73] *Вацуро В. Э.* Денис Давыдов – поэт. С. 11.
[74] *Левин Ю. Д.* Оссиан в русской литературе, конец XVIII – первая треть XIX века. С. 12.
[75] *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М., 1970. С. 99.

Однако поэзия «Анакреона под дуломаном»[76] оказала влияние на интимную поэзию 1810–х годов, а через ее посредство – на лирику А. С. Пушкина, а позже М. Ю. Лермонтова.

В 1812 году К. Н. Батюшков пишет стихотворение «Мои пенаты» с подзаголовком «Послание Жуковскому и Вяземскому», в котором окончательно оформляется жанр дружеского послания 1810–х годов. Данный жанр характеризуется рядом повторяемых структурных элементов: определенным хронотопом, противопоставлением «малого» и «большого» миров, возможностью совмещения различных стилевых элементов, внедрением бытовых описаний, узнаваемым лирическим героем[77]. При написании «Моих Пенатов» Батюшков опирался на послание Жуковского «К Блудову»[78], Жуковский тоже, естественно, не писал свой текст в безвоздушном пространстве. Жанр послания 1810–х годов подготавливался более ранними стихотворными посланиями авторов конца XVIII – начала XIX веков и иными поэтическими текстами, в том числе «безделками», игровой лирикой, в которой начинали размываться жанровые границы. Вероятно, одним из таких претекстов была лирика Давыдова.

Первые два из трех гусарских стихотворений Давыдова имеют в заголовке адресата, и все построены в форме обращения адресанта к адресату – Бурцову. Важно, что адресатом здесь, как и в дружеском послании, является конкретное историческое лицо – боевой товарищ автора. Само по себе наличие адресата не позволяет атрибутировать эти тексты как послания: внутренняя адресация признана конструктивным признаком «чистой» лирики как таковой. Однако другие композиционные элементы данных стихотворений Давыдова позволяют соотнести их с «каноническим» посланием Батюшкова.

Время «залетного» послания – невекторное время. Несмотря на близость героя к смерти, он, подобно батюшковскому герою, не верит в ее

---

[76] Цитата из стихотворения П. А. Вяземского «К партизану–поэту» (1814).
[77] *Грехнев В. А.* Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород. 1994. С. 27–81.
[78] *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 101–104.

реальность, побеждает ее. Если лирический герой «Моих пенатов» «опережает» смерть, успевает «сорвать цветы под лезвием косы», то давыдовский смеется над ней:

Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я![79]

Одним из ключевых мотивов посланий Давыдова является мотив пира. Пять «ужасных стаканов пуншевых» и «благодетельный арак» – необходимые их атрибуты. Пир для лирического героя Давыдова имеет две ипостаси: реальный пир во время вечернего отдохновения и пир сражения:

Саблю вон – и в сечу! Вот
Пир иной нам Бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее…[80]

Как показала М. Н. Виролайнен[81], ситуация пира является жанрообразующей для дружеского послания. Пир в дружеском послании побеждает смерть, позволяет времени прекратить свой бег и пойти по кругу. Ту же функцию данный мотив (в еще более радикальной форме) выполняет в давыдовской лирике. Идею победы над смертью, пронизывающую и ранние послания, Давыдов сформулировал в более позднем стихотворении «Песня» (1815 г):

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем – рубиться молодцами,
Вечерком – горелку пить![82]

Цикличное время и связанный с ним мотив пира создают мир утопии, в котором человек не подчинен законам физической реальности. Подобный утопизм мировосприятия характерен как для лирического героя дружеских посланий Батюшкова, так и для посланий Давыдова.

---

[79] *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1984. С. 58.
[80] Там же.
[81] *Виролайнен М. Н.* Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003. С. 291–312.
[82] Давыдов Д. В. Стихотворения. С. 76.

«Малым миром» «залетного» послания обычно оказывается палатка в бивуаке или «домишко», который не может похвастаться зеркалами, вазами, картинами, а диван в нем заменяет куль овса. Его сходство с «хижиной убогой» Батюшкова очевидно.

Предметам роскоши «большого мира» герой Давыдова противопоставляет предметы гусарского быта. Быт здесь, подобно быту в дружеском послании, условен, но имеет реальные прототипы. Проза жизни соседствует с поэзией и романтикой боя. Так она идеализируется, наполняется «высоким» содержанием. Поэтизация прозы жизни и описание быта в поле «высокой», устремленной к идеалу поэзии – важные особенности и дружеского послания. Вследствие этого в дружеском послании 1810–х годов используются элементы различных стилей. То же видим у Давыдова: «Ради бога и…арака», «В благодетельном араке» или даже:

Пусть мой ус, краса природы,
Чёрно–бурый в завитках,
Иссечётся в юны годы
И исчезнет яко прах![83]

Использование «низкого стиля» позволяет авторам дружеских посланий быть фамильярными по отношению к адресату. Фамильярность – одна из характерных черт данного жанра. Однако фамильярность дружеских посланий Батюшкова, Жуковского и Вяземского меркнет в сравнении с давыдовской: «Бурцов, ёра, забияка, / Собутыльник дорогой», «Ты – на ухарском коне – / Жесточайший из угаров / И наездник на войне», «Бурцов, брат! Что за раздолье!».

Дружеское послание строится на противопоставлении «малого» и «большого» миров. Мир «большой» неестественен, его ценности ложны. Ценности «малого мира» (дружба, поэзия, любовь) являются непреходящими. «Залетное» послание Давыдова, как видно из приводившегося уже отрывка стихотворения «Бурцову», также выстраивается на данном противопоставлении. Ценностями «малого мира»

[83] Там же. С. 58.

раннего давыдовского послания оказываются воинское товарищество и бесстрашие, причем как на поле брани, так и в схватке со множеством стаканов. Если в «большом мире» человек обезличен, скрыт под социальной маской, то в «малом мире» дружеского послания утверждается «культ человека, отпавшего от своей официальной оболочки, выпавшего из чиновно–государственного и культурного стереотипов»[84]. Подобное противопоставление официальному и профессиональному находим и в «залетных» посланиях. Давыдовское поэтическое гусарство противостоит реальной армии, пронизанной александровской муштрой. Гусар Давыдова все свободное время пирует, а не приводит, например, оружие в боеготовность. Кроме того, он не приемлет армейской иерархии: гусары – братья, среди них нет командиров и подчиненных. Осознание личной доблести заменяет гусару официальное признание военных заслуг:

Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И Георгья за совет![85]

Одной из важнейших черт дружеского послания как жанра является его композиционная, стилистическая и фразеологическая свобода. Данный жанр оказывается переходным между жанровой лирикой и нежанровым лирическим стихотворением. Свободен, как уже было сказано, и Давыдов в своей «гусарщине» – стилистические коды современной литературы не способны ограничить лирического героя «залетных» посланий.

Тексты Дениса Давыдова лишь подготавливают жанр дружеского послания начала XIX века, а потому все же значительно отличаются от посланий 1810–х годов. «Залетные» послания Давыдова написаны четырехстопным хореем, а не трехстопным ямбом – каноническим размером послания. Важным различием оказывается и то, что в текстах давыдовских посланий поэтический труд не становится предметом изображения, а фигуры адресата и адресанта не совмещенные типажи (поэт–ленивец, поэт–

[84] *Грехнев В. А.* Мир пушкинской лирики. С. 38.
[85] *Давыдов Д. В.* Стихотворения. С. 58.

мечтатель, поэт–студент), а рубаки–воины, не являющиеся «поэтами». Кроме того, для мира дружеского послания важным оказывается «культ лени» – намеренный и абсолютный уход из социальной и государственной жизни. Гусары Давыдова пребывают в очевидной конфронтации с регулярной армейской системой, погоней за чином и местом, но это герои действия, а не созерцания.

За исключением трех ранних посланий, Давыдов в течение жизни написал еще несколько. Наиболее интересным из них представляется стихотворение «Болтун красноречивый…»[86] (1815). Выполнено оно уже в жанре «батюшковского» дружеского послания. Стихотворение написано трехстопным ямбом, это первое и единственное использование Давыдовым данного размера в посланиях – все ранние, как уже было упомянуто, написаны четырехстопным хореем, а послание «В. А. Жуковскому», например, разностопным ямбом (сочетанием 6–ти и 3–стопного). В «малом мире» данного послания уже присутствуют классические для послания ценности: дружба (а не гусарское товарищество) и любовь:

Проведавши мой зов,
На пир ко мне назвался
Эрот, сей бог богов,
Веселых шалунов
Любимец и любитель,
Мой грозный повелитель
До сребряных власов.

В кругу пирующих в доме лирического героя оказываются поэты («сорванцы»):

К нам созван круг желанный
Отличных сорванцов,
И плющем увенчанны,
Владельцы острых слов…

В стихотворении появляются мифологические мотивы и античная атрибутика:

[86] Там же. С. 76–78.

Пусть радости игривы,
Амуры шаловливы
И важных муз синклит
И троица харит
Украсят день счастливый!

Других посланий, в которых присутствовали бы античные мифологические мотивы, Давыдов не написал, а потому можно предположить, что поэт–гусар помещает их в текст для того, чтобы стихотворение прочитывалось как «батюшковское» послание. «Болтун красноречивый» оказывается единственным текстом, написанным Давыдовым в жанре стихотворного дружеского послания 1810–х годов. Здесь Давыдов отдает дань традиции, но уже в следующем послании – «В.А. Жуковскому» – уходит от чуждой ему манеры. «В. А. Жуковскому» пропитано духом гусарства, наследует традиции «залетных» посланий 1804 года.

«Гусарская» стилистика крайне редко использовалась основными поэтами 1810–х – 1820–х годов. Поэты школы «гармонической точности» и поэты–декабристы в это время разрабатывают собственные правила, следуя которым должна создаваться «настоящая» литература. «Гусарство» Давыдова, при всех его достоинствах, не отвечало данной магистральной идее, оказываясь излишне свободным стилем, нарушающим основополагающий принцип «абсолютной стилистической уместности каждого слова»[87]. Попытки же интеграции «гусарского» в чуждый стилистический контекст не приводили к удовлетворительным результатам. Так, известна неудача, которая, по мнению современников, постигла Батюшкова в стихотворении «Разлука» («Гусар на саблю опираясь…») (1814). В этом стихотворении явлены как поэтизмы гусарской лирики («сабля», «усы»), так и важная для давыдовской поэтической системы категория комического:

[87] *Гинзбург Л. Я.* О лирике. С.23.

Не плачь, красавица! слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю. . . усами
Клянусь, наказан быть![88]

Однако гусарская атрибутика здесь не выполняет своего назначения: не наполняет стих удалым, рвущимся, огненным. Он мелодичен; льется, а не рубится. Несмотря на изобилие восклицательных знаков, стихотворение имеет скорее унылую, а не экспрессивную интонацию. Известен отзыв А. С. Пушкина на стихотворение Батюшкова: «Цирлих манирлих. С Д. Давыдовым не должно и спорить»[89]. Автор подчеркивает излишнюю манерность стиля стихотворения, не сочетающуюся с «гусарской» тематикой, мотивикой и атрибутикой (в частности, с гусарским бытом). После неудачного опыта Батюшков больше не рискует использовать» в своей поэзии «гусарство».

Единственным истинным «учеником» Давыдова можно назвать Пушкина, решившегося «спорить» с Давыдовым.

В книге «Поэты пушкинской поры» И. М. Семенко приводит рассказ М. В. Юзефовича о Пушкине: «Я раз сделал Пушкину вопрос, всегда меня занимавший: как он не поддался тогдашнему обаянию Жуковского и Батюшкова и, даже в самых первых своих опытах, не сделался подражателем ни того, ни другого? Пушкин мне отвечал, что этим он обязан Денису Давыдову, который дал ему почувствовать еще в Лицее возможность быть оригинальным»[90]. Всю вторую половину 1810–х годов Пушкин активно учится давыдовской стилистике: осваивает «гусарские» поэтизмы и мотивы, экспрессивный интонационный рисунок («кручение стиха») гусарской песни. Влияние лирики Давыдова особенно заметно в «Послании к Юдину» (1815), философической оде «Усы» (1816), «К портрету Каверина» (1817), посланиях

[88] *Батюшков К. Н.* Полное собрание стихотворений. М; Л., 1964. С. 146.
[89] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. Т.12. М; Л., 1949. С. 277.
[90] *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. С. 95.

«К Каверину» (1817), «В. Л. Пушкину» (1817–1819) и самому Давыдову, «Веселом пире» (1819) и позднем стихотворении «Гусар» (1833)[91].

В ряде стихотворений 1815 – 1819 годов Пушкин следует стилистике и мотивике гусарских песен Дениса Давыдова. Характерно, что «гусарские» стихотворения поэта относятся либо к жанру дружеского послания, переходному между жанровой и внежанровой лирикой, либо к коротким, часто недописанным школярским стихотворениям. Овладев «гусарским» стилем, Пушкин уходит от прямых отсылок к лирике Давыдова, вырабатывая собственный творческий метод, более тонко используя «гусарское». Написанное уже после «гусарской» прозы («Повестей Белкина») стихотворение «Гусар» обходится без давыдовских поэтизмов, ориентация на гусарскую поэтическую традицию здесь явлена посредством использования устной интонации лирического рассказчика:

«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!
Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке…[92]

Так проясняется мотивировка выбора гусара в качестве главного говорящего субъекта текста. Пушкин наделяет героя устной интонацией, создает ролевой лирический сказ, который не смог бы появиться в поэзии без давыдовской «гусарщины». «Гусар» – стихотворение, наполненное комическим на уровне стиля и сюжета, в котором баталистика и наездничество представлены иронически:

– Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

[91] Подробный сравнительный анализ см в: Халиуллин К. Р. Комплекс мотивов гусарской лирики и его трансформация в русской литературе первой половины XIX века. СПб., 2017. (http://hdl.handle.net/11701/7353)
[92] *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений, 1837–1937: В 16 т. Т.3 Кн.1. М.; Л., 1948. С. 300.

Коня! – На, дурень, вот и конь. –
И точно: конь передо мною…[93]

Опосредованное этим пушкинским прочтением, «гусарство» входит во внежанровую военную лирику[94] – в стихотворение «Бородино» М.Ю. Лермонтова.

«Бородино» является необычным для поэзии Лермонтова текстом. Во–первых, в стихотворении описывается сражение, заявлена военная тема, довольно редкая для лирики Лермонтова. Во–вторых, здесь широко представлено комическое. «Бородино» оказывается едва ли не единственным текстом, в котором Лермонтов использует юмористические[95] элементы.

Если вспомнить, что именно Давыдов открывает возможность совмещать высокое баталистическое с комическим, которое не снижает героического пафоса, то вряд ли можно предположить, что поэзия Давыдова никак не повлияла на «Бородино» Лермонтова. У Давыдова лирический герой характеризуется разговорной фразеологией. Лермонтову для использования разговорного языка нужен герой, не совпадающий с «лермонтовским человеком»[96]. Так возникает ролевая лирика. Речь старого солдата преисполнена разговорным и, как следствие, комическим. Так в 4–й и 5–й строфах «Бородино»: «У наших ушки на макушке», «Французы тут как тут», «Забил снаряд я в пушку туго / И думал: угощу я друга! / Постой–ка, брат мусью!». Приведенные комические фразы взаимодействуют с героическим утверждением: «Уж мы пойдем ломить стеною, / Уж постоим мы головою / За родину свою!» Комическое в данном случае, как и во всем стихотворении, не дискредитирует героического.

Прямые лексические отсылки в тексте «Бородино» к давыдовской «гусарщине» даны в 7–ой строфе:

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,

---

[93] Там же. С. 303.
[94] См. примечание И. З. Сермана к стихотворению «Бородино» в: *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Т.1. М.; Л.,1947. С. 343–344.
[95] Важно, что в данном тексте представлен юмор, а не сатира.
[96] Термин Д. Е. Максимова в: *Максимов Д. Е.* Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964.

Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус… [97]

Три из четырех данных лексем (за исключением слова «штык») не использовалась в лирике 1810–х – 1830–х годов без отсылки к давыдовскому стилю. Маловероятно, что Лермонтов так насыщает свой текст давыдовскими поэтизмами случайно, не желая акцентировать на них внимание читателя (прекрасно знакомого с гусарщиной Давыдова). Однако в тексте Лермонтова давыдовское слово перестает быть знаком поэтической системы – малого мира «залетного» послания – оно обретает фактическое значение. В «Бородино» *кивер* – уже не атрибут гусарского бессмертия, это одежда военнослужащего, который может погибнуть в Бородинской битве. Драматическая интонация лермонтовского текста контрастирует с интонацией гусарских песен: стихотворение Лермонтова по тону противопоставлено давыдовской традиции.

Лирика Давыдова сильно повлияла на военную прозу первой половины XIX века (например, А. А. Бестужева (Марлинского) и В. И. Карлгофа) и, более того, сыграла ключевую роль в образовании культурного *гусарского мифа* – одного из важнейших исторических мифов «золотого века»[98].

2. Возникновение поэтической идеологии: европейские войны 1805 – 1807 годов

2.1. Война Третьей коалиции – государственное и поэтическое безмолвие

«Все было устремлено, в 1807 году, к воспламенению умов в России к этой гигантской борьбе, и к этой цели употреблено единственное и *специальное средство: литература, или письмена*. Литература для *нравственной силы*, есть то же, что рычаг и колесо для *силы тяготенья* – т.е. средство к двиганию тяжестей. Кто не понимает меня, о том я крайне сожалею!

---

[97] *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Т.1. С. 15.

[98] См. подробнее: *Халиуллин К. Р.* Человек буянящий: разгульное поведение в первой трети XIX века и литературный контекст (лирика Д. В. Давыдова, «Выстрел» А. С. Пушкина) // Вестник Тверского гос. ун–та. Серия: Филология. 2019. №1. С. 62–68.

Манифесты, прокламации, театр, журналы, брошюры возжигали умы и сердца»[99].

Приведенная цитата примечательна в нескольких отношениях. Во–первых, признанием значимости литературного слова как средства поднятия нравственной силы населения. Во–вторых, тем, что литературный ряд представлен историческими и политическими текстами («журналы»), агитационными материалами («брошюры» и «прокламации»), театральными постановками («театр») и официальными правительственными заявлениями («манифесты»). Важно обратить внимание на то, что список начинается с манифестов. В–третьих, мемуарист не говорит о том, что в «воспламенении умов» как–то участвовала поэзия.

В течение первого этапа русско–французской войны 1805 – 1807 годов (войны Третьей коалиции) было напечатано всего несколько военных стихотворений. В течение второй фазы противостояния (Четвертая коалиция) количество поэтических текстов довольно резко выросло. В данной части работы мы попробуем рассмотреть причины такого разного поэтического отклика на, казалось бы, сходные исторические импульсы.

В марте 1804 года постепенное ухудшение отношений России и Франции достигло пика, когда на территории курфюршества Баденского, нейтрального германского государства, правитель которого был тесно связан с русским императорским домом, был захвачен и по решению французского трибунала расстрелян герцог Энгиенский. Александр I, возмущенный действиями Франции, отозвал русскую миссию из Парижа и приказал отослать из России французскую[100]. 18 мая 1804 года Наполеон провозгласил себя императором Франции, после чего исчезли надежды на возвращение власти Бурбонам. В октябре 1804 года был заключен русско–австрийский союз; 16 / 28 июля 1805 года Австрия присоединилась к русско–английскому

---

[99] *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. СПб., 1846. Ч. 2. С. 322.

[100] Внешняя политика России XIX и начала XX века [Текст]: Документы Рос. м–ва иностр. дел. М., 1960. Сер. 1. 1801–1815. Т. 1. С. 693.

союзному договору. 1 сентября в Российской империи был объявлен рекрутский набор, а 9 сентября Александр I отправился к войскам.

Решение о начале войны против Франции, принятое Александром, не встретило особенной поддержки даже среди членов Государственного совета. Русское общество не было готово к войне, в нем еще была сильна инерция пронаполеоновских настроений[101]. Александр не издал манифеста о начале войны, указ о рекрутском наборе стал его заменой. Император не объяснял причин новой войны, он ставил население России перед ее фактом. Это намеренное невключение народа во властный сценарий характерно для александровской стратегии царствования первого десятилетия XIX в.[102] События ближайших лет заставят Александра сперва начать пояснять свои монаршие действия в манифестах, а потом и являться перед народными массами, получая подтверждение их любви и приверженности царю. В мемуарах современников можно найти критику монаршего поведения. Так, Ф. В. Булгарин писал, что основным смыслом войны 1805 года было желание потягаться с Наполеоном[103], а А.С. Шишков замечал с иронией: «Возгоревшаяся с Францией война воспламенила всех молодых людей гордостью и самонадеянием. Поскакали все, и сам государь, на поле сражения: боялись, что Французы не дождутся их и уйдут, но, по несчастью, они не ушли и доказали им, что в подобных случаях лучше терпеливая опытность, нежели неопытная опрометчивость»[104].

Кампания 1805 года оказалась для союзников истинно провальной. 20 октября австрийская армия под командованием фельдмаршала–лейтенанта К. Мака капитулировала. Русская армия двигалась к австрийцам форсированным маршем; весть о разгроме союзников застала истощенное тяжелым переходом войско Кутузова на западном берегу Дуная. Русские оказались в полуокружении французов и были вынуждены ретироваться. В

---

[101] *Искюль С. Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801—1812). М., 2007. С. 71–74.
[102] См. подробней: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. С. 258–324.
[103] *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. Ч. 2. С. 187–188.
[104] *Шишков А.С.* Записки, мнения и переписка. Берлин. 1870. Т.1. С. 95.

течение отступления 30 октября / 11 ноября 1805 года произошло сражение при Кремсе. Итог сражения Александр I в письме Кутузову назвал «новым венцом славы для российского войска»[105], официально оно было объявлено победой, хотя в действительности исход сражения не был однозначным: корпус маршала Мортье не был полностью разбит, а потери обеих сторон были примерно равны[106]. 4 ноября произошел Шенграбенский бой, в котором 5 тысяч русских солдат, прикрывая отступление основных сил, отразили атаку 30 тысяч французов. Кутузову удалось расстроить планы Наполеона, однако, как замечает современный исследователь, «войны не выигрываются даже прекрасно организованными отступлениями»[107].

К 1805 году доминирующим стилем военной поэзии остается одический, заданный жанром торжественной военной оды на победу, который был создан М.В. Ломоносовым в оде «На взятие Хотина» 1739 года. Смена поэтической парадигмы русской литературы, активно происходившая в данный период, пока не затронула военную поэзию – самый консервативный стихотворный жанр, полувековая неизменяемость которого была обусловлена высокой военной темой, не имевшей, казалось, иного способа выражения. Неодическая военная лирика конца XVIII – начала XIX веков только появлялась и не была способна серьезно повлиять на батальную стилистику.

Военная лирика второй половины 1805 года представлена двумя текстами: «Песней солдатской. На выступление в поход в 1805 году» П. И. Голенищева–Кутузова[108] и «Стихами на победу русских над французами при Кремсе» А. Ф. Мерзлякова[109].

Стихотворение Мерзлякова, – единственный одический текст на грядущую войну. Написанное одической строфой и следующее всем

---

[105] Русская старина. 1870. Т. I, 2–е изд. С. 488.
[106] *Михайловский–Данилевский А. И.* Описание 1–й войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844. С. 107–109.
[107] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914: В 4 т. М., 2017. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 49.
[108] Друг просвещения. 1805. Ч. 4, № 11. С. 145–146.
[109] Вестник Европы. 1805. Ч. 24, № 23. С. 238–240.

константам «государственной» оды (мотивы верности Богу, апелляция к славному прошлому, утверждение мировой роли России), оно вместе с тем продолжает линию смысловой трансформации одических мотивов, заданную в поэзии Г. Р. Державина[110]. Если в ломоносовской оде монарх – почти всегда абсолютная вершина текста, то в поэзии Державина возникает достаточно субъектный *росс,* способный на самостоятельные поступки. У Мерзлякова росс и царь вместе определяют абсолютное могущество России:

Цари клянутся быть друзьями;
Народы – быть тебе [Наполеону] врагами
<…>
Росс держит равновесье Мира,
И Александрова порфира,
Как небо, светит над землей.

Стихотворение Голенищева–Кутузова представляет собой «солдатскую песню» – жанр, уже имевший прецеденты в поэзии второй половины XVIII в., но окончательно оформившийся позднее, в 1812 году. Несмотря на явное стилистическое отличие от оды, псевдонародная военная песня так же оперирует категориями коллективного, ее предмет крайне обобщен и не подразумевает индивидуального, лирического переживания событий. В песне Голенищева–Кутузова уже определились будущие типовые особенности жанра: «солдатская» позиция певца, «ритуальное» высмеивание врага и такое же «ритуальное» самовеличание[111].

После героического сражения при Шенграбене «имя Багратиона сделалось народным»[112], он стал известен широкому кругу русских людей. Генерал обрел такую популярность, что ему начали приписывать и победу под Кремсом (на что даже обиделся М.А. Милорадович)[113]. Багратиону были

---

[110] *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб., 2005. С. 308–354.
[111] Жанр солдатской песни складывался в солдатской «Оде росскийским солдатам на взятие Очакова...» Н. П. Николева (1789), стихотворениях Н. А. Львова («Солдатская песнь на взятие Варшавы», 1794), П. М. Карабанова («Гренадеры молодцы», 1796) и других авторов. См.: *Охотин Н. Г.* 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава: Русские поэты об Отечественной войне 1812 года. М., 1987. С. 30–33.
[112] *Дубровин Н. Ф.* Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. № 2. С. 221.
[113] Там же. С. 222.

посвящены бравурный текст князя Шаликова[114] и опубликованное в июне 1806 года стихотворение А. А. Коптева[115], в котором обыгрываются имя французского императора и фамилия российского военачальника (Багратион как *Бог – рати – он*) и которое, в свою очередь, прямо зависит от стихотворного экспромта Г.Р. Державина «На Багратиона» («О, как велик На–поле–он!...»), ходившего по рукам в Москве, а в Петербурге отпечатанного на особом листе[116].

Жители обеих столиц ощущали некоторое беспокойство, однако война никак не изменила порядок светской жизни (а французская театральная труппа продолжала давать в Москве спектакли). 28 ноября к дому московского главнокомандующего непрестанно подъезжали кареты, что вызвало определенное волнение, 30 ноября в первопрестольной стало известно о поражении под Аустерлицем. Впервые со времен Петра I (Нарвского сражения 1700 года) русская армия потерпела неудачу в генеральном сражении: «Мы не привыкли не только к большим поражениям, но даже и к неудачным стычкам, и вот отчего потеря сражения для нас должна быть чувствительнее, чем для других государств» – отмечал современник[117]. Уже в конце ноября – в декабре государство начинает предпринимать действия по смягчению тяжелого впечатления, произведенного Аустерлицем на общее мнение. Так, Александр I мотивировал отказ от Георгиевского ордена первой степени в пользу знака четвертой степени тем, что не командовал русскими войсками, а отдал их в распоряжение союзников[118]. В этом ответе довольно явно звучит желание императора перенести ответственность за итог неудачной кампании на Австрию. Неготовность власти принять факт разгрома находит отклик в широких слоях населения: московские жители разных сословий

---

[114] Московский зритель. 1806. №. 1. С. 56–57.
[115] Стихи к Кн. П. И. Багратиону // Московский курьер. 1806. Ч. 3, № 25 (20 июня). С. 400.
[116] *Державин Г. Р.* Соч. Т. 2. С. 579.
[117] *Жихарев С. П.* Записки современника. М., 2004. С. 129–136.
[118] См.: Там же. С. 143.

отказываются верить в военный неуспех России[119]. 12 декабря в Москве пышно празднуется день рождения государя, а 18 декабря императора с восторгом встречают в Петербурге. С этого момента начинается замалчивание Аустерлица. Официально поражение не признавалось десятилетиями – только через 40 лет Николай I позволил историку А. И. Михайловскому–Данилевскому описать действительное положение вещей[120]. В газетах, еще до публикации официальных реляций, сообщалось, что в сражении 20 ноября поражение постигло австрийские войска[121]. Император приказал «прислать две реляции: одну, в коей по чистой совести и совершенной справедливости были бы изложены действия <...>, а другую — для публикования»[122]. 16 февраля 1806 года в «Санкт–Петербургских ведомостях» было напечатано официальное сообщение, в котором значительно преувеличивались французские потери и занижались русские, а исход битвы признавался ничейным. Подобное освещение битвы возмутило Наполеона, выпустившего даже специальный бюллетень в опровержение[123].

Не только в армии, но и в обществе не могли не понимать, что Аустерлиц стал самым громким поражением русских за почти век европейских войн. Н. Н. Новосильцев в январском письме 1806 года П. А. Строганову возмущался газетными публикациями и народными толками: «…представьте наше удивление, все добрые жители Петербурга восхищены отличными действиями нашей армии в последнем деле [Аустерлице]; говорят, что она состоит из героев, что мы трое совершили блестящие подвиги, что наша армия горела желанием возобновить бой, но что австрийцы не хотели того и в тайне от нас заключили перемирие; что, наконец, они были настоящие изменники, продавшие нас французам, и что

---

[119] См.: Там же. С. 137.

[120] «…сорок лет, почти полвека, Аустерлицкое сражение было в России закрыто какой–то мрачной завесой! Все знали правду, и никто ничего не говорил, пока ныне благополучно царствующий государь–император не разрешил генералу А.И. Михайловскому–Данилевскому высказать истину» (*Булгарин Ф. В.* Воспоминания. Ч. 2. С. 186).

[121] Санкт–Петербургские ведомости. 1805, 8 декабря.

[122] *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I. СПб., 1869. Т. 2. С. 105.

[123] См. подробнее: *Парсамов В.С.* В.А. Жуковский и официальная пропаганда в 1806 г. («Песнь барда над гробом славян–победителей») // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. №9. С. 210–222.

мы проиграли сражение единственно от того, что они сообщили план его неприятелю»[124]. Сардинский посол в России Жозеф де Местр в письме своему королю (январь 1806) утверждал, что при Аустерлице все погибло[125].

Война 1805 – 1806 годов не давала поэтам «одического» материла, и до середины 1806 года поэзия молчит о войне, не слышна даже лира Державина (в 1807 году поэт напишет немало военных стихотворений, одно за другим). Создается впечатление, что поэты ожидают какого–то внешнего импульса. И этим импульсом становится для них императорское слово: два декабрьских императорских рескрипта (петербургскому и московскому генерал–губернаторам) вызывают восторженную реакцию, выразившуюся, по словам современника, в «стиховном наводнении»[126], правда ничто из написанного не попало в печать.

Исследователями отмечалось обилие стихотворных откликов на события русско–французской войны 1805 – 1807 годов[127], однако почти все тексты, кроме единичных, о которых сказано выше, а также «Военной песни» («Восстань, вздремавший дух героя!..»)[128] и «Стихов на Новый 1806 год»[129], относятся к концу 1806 – началу 1807 года Резкий рост количества стихотворений был связан с изменением государственной риторики. Если в 1805 году Александр I издает только указ о рекрутском наборе, то осенью 1806-го, в начале второго этапа войны, император публикует сразу три манифеста, в которых прямо обращается к народу и признает особую его роль в нынешних исторических событиях.

1.2. Начало русского национализма: 1806 – 1807 годы в манифестах и поэзии

---

[124] Цит. по: *Дубровин Н.Ф.* Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе. С. 224.
[125] Русский архив. 1871. № 6. Стб. 86.
[126] *Жихарев С. П.* Записки современника. С. 142–154.
[127] См., например: *Дубровин Н. Ф.* Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. № 2. С.195–228, № 4. С. 214–243, № 6. С. 3–34, № 7. С. 73–114; *Грунский Н.К.* Наполеон I в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. 1898. № 3–4. С. 193–324; *Резанов В.И.* Из разысканий о творчестве В.А. Жуковского. СПб., 1916. Вып. 2.
[128] Московский курьер. 1806. Ч. 3. Июнь. С. 396–398. Автор: Петр Конд…
[129] Московские ведомости. 1806, 3 января. Автор неизвестен.

Летом 1806 года русская армия смогла оправиться после недавнего поражения. Продолжение европейской войны должно было вернуть России статус одной из сильнейших европейских держав[130], более того, успехи Наполеона начинали серьезно угрожать безопасности империи[131]. В июне Россия и Пруссия заключают секретную союзную декларацию, а осенью оформляется Четвертая антифранцузская коалиция, в которую вошли, кроме России и Пруссии, Англия и Швеция.

30 августа 1806 года был издан первый «военный» манифест – «О предстоящей войне с Францией»[132]. В манифесте причины войны с Францией объясняются союзными обязательствами России и желанием сохранить мир: «Но восприяв оружие, Мы не преставали желать мира. Мы тогда же возвестили, что предмет ополчения Нашего есть сохранить святость Наших союзов и восстановить общее спокойствие». Если не будет удовлетворен вариант мирного договора, предложенного Россией и приемлемого, по мнению русской дипломатии, для всех участников конфликта, придется продолжать войну: «Мы обязаны будем честью Российского имени, безопасностью Нашего Отечества, святостью Наших союзов, общим спасением Европы, поступить к усилиям, какие по всем сим уважениям представятся Нам необходимыми». Так в тексте, начинающем значительный корпус манифестов времен русско–французских войн 1805 – 1814 годов уже артикулируется принципиальный для них мотив *спасения Европы*.

Император уверен, что его верные подданные, «всегда водимые честью и мужеством, окруженные великими примерами отечественной ревности» смогут одержать победу. Отметим соположение мотивов *храбрости* русских и *истории побед. Бог* в тексте появляется лишь в «этикетных» местах: в

---

[130] А.А. Чарторыйский в 1806 г. писал, что Россия «не желает и не должна потерять место и роль среди европейских держав, доставленные ей целым веком славных трудов» – Записка Чарторижского. 17 января 1806 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 293.

[131] В манифесте 16 ноября 1806 года «О начатии войны с французами» говорится: «… ныне собственные Наши пограничные владения им (*врагом – К.Х.*) угрожаются» (Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. 29. С. 825. №22365). Ср. в «Записках» Ф. Ф. Вигеля: «Между тем, дело шло не на шутку. В первый раз еще французы начали близиться к нашим границам» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 116).

[132] Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. С. 701–702. №22256.

начале текста (по Его судьбам разгорелась новая европейская война) и в заключительном абзаце («В сей твердой уверенности на помощь Божию и на усердие верных Наших подданных…»).

Активные действия в новой войне начала Пруссия, 9 октября 1806 года официально объявившая войну Франции. Всего через 5 дней в битве при Йене и Ауэрштедте французы полностью разбили прусские войска. За один день прусская армия перестала существовать[133]. 27 октября Наполеон торжественно вступил в Берлин. Тем не менее, выполняя союзные обязательства, русская армия выдвинулась в поход.

16 ноября выходит манифест «О начатии войны с французами»[134]. Верные подданные должны воссылать молитвы Всевышнему, чтобы тот даровал «силу и благословенье» российскому воинству. В окончательной фразе манифеста утверждается, что сыны отечества не могут щадить ни жертв, ни усилий, надеясь, при этом, на «помощь Божию, на храбрость Наших войск, на известную опытность их предводителя». Основные деятели новой войны, таким образом, – *Бог*, регулярная *армия* и ее опытный *военачальник*. Однако менее чем через полмесяца Александру придется учесть еще одну могучую силу – *народ*.

3 декабря публикуется императорский манифест от 30 ноября, в котором сообщается о формировании повсеместных временных народных ополчений[135].

В обширном тексте манифеста объясняются причины нынешней войны (вероломство Наполеона и жажда покорения Европы), разъясняется нынешняя военная обстановка в Европе (разгром Пруссии) и смысл движения русской армии. Отныне одним из участников военного действия должен быть *народ* (так и названный в манифесте), общая национальная сила, к которой обращается император. Русский народ сможет повсеместно ополчиться против врага, если обладает любовью к Отечеству, мужеством и

---

[133] См.: *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. С. 66.
[134] Полное собрание законов Российской империи. Т. 29. С. 865–866. №22356.
[135] Там же. С.892–897. №22374

ревностью к славе. Александру приходится внятно обратиться к народным массам, признать их значимость и акциональность в нынешних исторических обстоятельствах.

Документ примечателен не только объемом[136] и артикуляцией мотива *народа*, но и сословнообъединяющим пафосом. В рамках одного текста царь обращается к знаменитому дворянству, иным, податным, сословиям (купечеству, мещанству, вольным крестьянам) и священству. По причинам историческим образуется идеологическая доминанта – объединенные силы всего русского народа. Она возникает, таким образом, в государственном идеологическом дискурсе уже в 1806 году, задолго до событий Отечественной войны.

Изменения в риторике манифестов были вызваны, в частности, тем, что император хотел свершить невыполнимое – собрать ополчение в 600 тысяч человек. Несмотря на то, что в столицах манифест был встречен с подъемом, в провинции на него ответили сначала волнением, а потом сарказмом, о чем пишут многие современники[137]. Не было достаточного количества оружия, 600 000 крестьян не могли встать под ружье – некому бы было работать на земле. Более того, простые люди не очень поняли смысла манифеста: не разумели, что такое милиция, были испуганы, и потому даже озлоблены друг на друга. Современник рассказывает такой случай: «Между тем, в народе заметили мы недоумение. Когда мы выехали из Твери, крестьяне беспрестанно останавливали нас и расспрашивали, что такое милиция? <…> Но молва превратная быстрым налетом разнеслась по деревням и селам. В одном селении под Тверью крестьяне как будто в английской матросской схватке ловили друг друга, и рука сильного связывала и закручивала руки слабого, для отдачи, как они говорили, в милиц. В такой суматохе одному крестьянину сильно досталось топором по руке»[138]. Императору пришлось

---

[136] Значительный объем текста крайне важен. Императору приходится высказываться максимально распространенно, объясняя народу детали нынешней политической обстановки.
[137] Например, Н. М. Карамзин, С. Н. Глинка, И. В. Лопухин, И. И. Дмитриев. См. подробней: *Дубровин Н. Ф.* Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе. №. 6. С. 31–32.
[138] *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004. С. 241.

согласиться на третью часть первоначального ополчения[139], однако к концу кампании 1807 году удалось сформировать лишь несколько башкирских полков, которые были вооружены луками. Д. В. Давыдов описывает прибытие ополчения в армию и впечатление, которое оно вызвало: «Как бы то ни было, но французы и те из русских, которые впервые увидели башкирцев, встретили их единодушным смехом, — достойное приветствие воинственной красотою — безобразия, просвещением — невежества. Вечером много было рассказов о приключениях с башкирцами в течение этого дня»[140].

Для изучения истории восприятия манифеста важна переписка В. А. Жуковского и А. И. Тургенева в декабре 1806 года. В письме от первой половине декабря[141] Жуковский, подобно другим современникам, отмечает неоднозначное восприятие государственного текста: «… то уныние, которое я заметил уже во многих, чему причиною сам манифест, в котором о необходимости вооружения и должности гражданской говорено языком ораторским, следовательно не совсем понятным для всех. У большей части по прочтении манифеста остается одна только мысль о новом и ужасном наборе…». Вместе с тем, на примере самого Жуковского видно, как манифесты «мобилизовали» общество: если до этого автор не проявляет никакого интереса к политике, то ныне всерьез раздумывает о вступлении службу («Теперь всякий обязан идти в службу»), более того, сообщает о своей готовности вступить в ополчение («Впрочем, и во фрунт идти не откажусь, если нужно будет идти, хотя за способности свои в этом случае не отвечаю»). «Песнь барда над гробом славян–победителей», печать которой обсуждается в переписке, Жуковский считает способом служения России («Извини, что занимаю тебя стихами тогда, когда мы все должны думать об отечестве; но эти стихи суть новый дар отечеству…»).

---

[139] *Дубровин Н. Ф.* Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе. №. 6. С. 33.
[140] *Давыдов Д. В.* Тильзит в 1807 году // Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 85.
[141] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2019. Т. 15. С. 43–47.

Жуковский спорит с гражданским пафосом манифеста. С его точки зрения, идеями, которые смогут воодушевить широкие массы населения, должны быть *царь* («Для большей части народа русского государь знакомее отечества…»), и *вера*: «Вот случай, в котором самая фанатичная вера может быть полезною: фанатизмом можно управлять, а теперь только того и желать должно, чтобы все покорялось без прекословия. Для чего не сказано ничего об опасности, угрожающей нашей вере? Вера есть имение каждого…». Кроме этих двух, основных, концептов он предлагает еще один: идею *дома, семьи, малой родины*, которые нужно оборонить («В проповеди (которую написал бы Жуковский, будь он священником – *К. Х.*) основал бы все на вере; говорил бы о любви к государю, к женам и детям…»).

В ответном письме[142] Тургенев, по его собственным словам, каким–то образом причастный к написанию манифеста, не соглашается с мнением Жуковского и отстаивает озвученные в манифесте идеи *отечества* и *народа*. Он считает, что народ должен осознать свое отечество, понять его ценность, благодаря чему он обретет истинно народное самоосознание: «Но право, брат, это есть единственное средство в теперешних обстоятельствах и произведет хорошее действие, хотя бы только и тем, что родит в нас новую привязанность к отечеству, познакомит нас с нами и уверит, что русский велик самим собою и что, покуда национальный наш характер в нас хотя и ослаб, но еще не совсем пропал, мы непобедимы. Можно разорить королевство — но народ, имеющий народное чувство, победить нельзя». Если Жуковский считает, что власти надлежит пообещать крестьянам облегчение крепостного состояния, то Тургенев уверен в том, что народ должен воспитать себя, это возведет его «на степень народа свободного», после чего только цепи рабства спадут сами.

В дружеской полемике Жуковского и Тургенева 1806 года уже представлены две основные идеологические стратегии времен русско–французских войн: государственно–мистическая и гражданская. Они, сменяя

[142] РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 115, л. 47–50 об.

одна другую, обе будут использоваться в манифестах времен Отечественной войны и заграничного похода.

После выхода осенних манифестов появляется ряд патриотических стихотворений, число которых нарастает с ноября 1806 года: «Ода на войну» В. Ф. Вельяминова–Зернова[143], «К русским» («Восстань народ, царем любимый…») неизвестного автора, «Песнь барда над гробом славян–победителей» Жуковского[144], «К согражданам» («Звук браней всюду раздается!..») В. В. Попугаева[145], «На выступление Российско–Императорских войск» («Средь громов, бурь, стихиев спора…») А.П. Буниной[146], «Чувство жителя Москвы по прочтении Высочайшего манифеста, данного на имя Главнокомандующего милицией Московской Области» П. Н. Приклонского[147], «К Русским» («Восстаньте, русские герои!..») И. Лавинова[148], «К моим согражданам» А. Ф. Воейкова[149], «На случай молебствия по прочтении Высочайшего Манифеста ноября 16 дня о войне против французов» Г. Н. Городчанинова[150], «Российскому воинству на победы в начале 1807 года» М. М. Хераскова[151], «Стихи на случай вызова отставных солдат для служения отечеству» [152] и «Стихи Павлу Денисевичу Рачинскому, начальнику батальона Смоленских стрелков»[153] С. Н. Глинки, «Ода; сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения» Г. Кошиц–Квитницкого[154], «Ответ на стихи, сочиненные на выступление корпуса гвардии в поход» А. А. Писарева[155]. Тематически (что видно даже по названиям) стихотворения можно разделить на три группы: тексты на выступление войск, оды по случаю манифестов и произведения,

---

[143] Вестник Европы. 1806. Ч. 30, № 21. С.29–32.
[144] Там же. № 24. С. 266–280.
[145] Там же. С. 280–282.
[146] Любитель словесности. 1806. Ч. 4, № 12. С.208–213.
[147] Минерва. Журнал российской и иностранной словесности. 1807. Ч. 4. Январь. С. 54–56.
[148] Минерва. Журнал российской и иностранной словесности. 1807. Ч. 4. Февраль. С. 94–96.
[149] Вестник Европы. 1807. Ч. 31. № 2. С.120–121.
[150] Там же. № 4. С. 260.
[151] Там же. С. 315–317.
[152] Там же. Ч. 32, №8. С. 274–278.
[153] Там же. Ч. 33. № 9. С. 37–38.
[154] Там же. С. 39–44.
[155] Там же. № 12. С. 276–277.

обращенные к абстрактной национальной силе («русским» или «согражданам»).

Чем же объясним столь заметный численный рост военной лирики в конце 1806 – первой половине 1807 года? Новая кампания, казалось бы, не отличалась от прошлогодней: обе они велись за пределами России, в обеих русские войска почти не одерживали побед. При том что доминирующим жанром остается ода, стихотворения на победы русского оружия, действительно, отсутствуют. Появление одических текстов связано с манифестами. Ода и манифест близки риторически как ораторские тексты, оперируют близкой стилистикой, фразеологией, метафорикой. Еще важнее то, что ода и манифест всегда идеологически нагружены[156], причем чаще всего одним и тем же содержанием. В течение осени 1806 года государство создает основы новой идеологической модели с концептом *русского народа* в центре, после чего поэзия получает наконец внятную систему координат, в пространстве которой появляются оды – уже не на победы, а к русскому народу. Большинство поэтических текстов конца 1806 – первой половины 1807 года проникнуты особым гражданским пафосом.

В стихотворении «К согражданам» В. В. Попугаева утверждается диалогическая связь царя и народа, взаимные любовь и защита:

Любить вас Россы Он умеет,
Для вас и жизни не жалеет;
Явя к нему свою любовь,
Оружье грозно принимайте…

Стихотворение «К моим согражданам» А. Ф. Воейкова пропитано народным чувством, объединяющим все сословия. Поэт призывает «россиян» взяться за мечи и защитить Европу, потому что «всесильная» рука русских привычна возвращать троны законным царям.

Примечателен текст С. Н. Глинки (автора, у которого в поэзии 1812 – 1814 годов мотив царя будет обязательно присутствовать в каждом стихотворении) «Стихи на случай вызова отставных солдат для служения

[156] *Охотин Н. Г.* 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году. С. 15.

отечеству». Здесь основным деятелем войны назван росс, которого вдохновляет на подвиги Бог. Русские воины способны поразить Наполеона, потому что полны любви к «родному пределу»: «Для Росса первая отрада, / Внимать: “и он России сын!”».

В ироническом стихотворении Григория Кошиц–Квитницкого «Ода; сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения», написанном в фольклорной стилистике, казаки обращаются к французам как народ к народу, Наполеон здесь – внешний, не имеющий связи с французами, монарх, власть которого надлежит свергнуть, после чего народ Франции сможет продолжить нормальную, человеческую жизнь[157].

В ситуации народной «переориентации» поэзии важно экспериментальное стихотворение Державина «Атаману и Войску Донскому»[158], написанное в мае 1807 года. Поэт старается сменить военную поэтическую риторику, совмещая высокую батальную лексику с народной[159].

Вместе с тем, встречаются и тексты, в которых центром мотивной структуры выступает *царь*.

---

[157]Атамана швыдше сами
Выдайте рукамы нам.
Хоть зобравшися кіями
Вы іого забыйте там.
До господы враз пійдете,
Неню, там детей найдете;
Буде добре вам опять;
Рыбу будете ловыты,
Будете горилку питы,
Будете с жинками спать.

[158] *Державин Г. Р.* Соч. Т. 1. С. 648–655. По мнению Грота, на это стихотворение позднее ориентировался Жуковский, изображая подвиги атамана Платова в «Певце во стане русских воинов».

[159] Неужто Альпы в мире шашка?
Там молньи Павла видел галл;
На кляче белая рубашка
Не раз его в усы щелкал;
Или теперь у Александра
При войске нету молодца?
С крестом на адска Саламандра
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся Спасу,
В четыре стороны поклон,
И из ножен булат ты вон!
И с свистом звонким, молодецким
Разбойника сбрось Соловья.

В стихотворении «Чувство жителя Москвы по прочтении Высочайшего манифеста, даннаго на имя Главнокомандующего милициею Московской области» прекрасный глас императора, подобный гласу Бога («Не Бог ли с горняго эфира / Велел склониться Небесам … Нет; не мечте внимаю – слову / Из уст Монарха и Отца»), поражает лирического героя. По его мнению, москвичи должны доказать, что им нет равных в усердии и любви к царю, и привести в трепет Вселенную. Русские отправятся в Европу, оживят ее миром и вернут монархам их короны. Благодаря народной любви к императору, в России появляются герои[160]. В «Ответе на стихи, сочиненные на выступление корпуса гвардии в поход» А.А. Писарева максимально акциональному царю поборает Бог, а могучие россы следуют за Александром – мотивная иерархия (*царь – Бог – народ*) широко распространенная в 1813 году и необычная для поэзии 1807–го.

Для истории эволюции русской оды представляет интерес «Ода на войну» Вельяминова–Зернова. Несмотря на заглавие, основным мотивом в тексте оказывается мотив *тишины*. Идущий еще от поэзии Ломоносова данный мотив был одним из общих мест торжественной оды, где он часто соседствовал с обширными и восторженными описаниями брани. Будто игнорируя послеломоносовскую одическую традицию, Вельяминов–Зернов прямо продолжает пацифистский пафос од Ломоносова, который возник в «Оде императрице Елисавете Петровне на праздник рождения ее величества и для всерадостного рождения великой княжны Анны Петровны декабря 18 дня 1757 года» и только усиливался в каждой следующей торжественной оде автора[161].

---

[160] Его (*росса – К. Х.*) души великой свойство
Любить Отечество, геройство,
Следами шествовать отцов –
И вновь *Пожарские* родятся,
И щедры *Минины* явятся
Искать отечеству венцов

[161] См.: *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. С. 181–182.

В стихотворении Вельяминова–Зернова мотив *тишины* является центральным: для лирического героя любая война – истинное зло, с которым нужно бороться миролюбием:

Где ты – там грады упадают;
Святыней там пренебрегают,
И нет почтенья к алтарям.
В презренье тамо иерархи,
Не почтены сами монархи –
Меч царствует единый там.

Правитель должен уметь прощать обиды и поднимать меч только для защиты слабых:

Се есть едино кровопийство, –
А не заслуга и не честь.
Один лишь тот монарх прехвален,
Велик, любим и прямо славен,
Кто забывать умеет месть;
Который руку поднимает,
Чтобы невинность защищать;
Который злобных лишь карает,
Дерзнувших на него восстать…

Бог всегда против войны, потому что он «Милость и Любовь»:

Любя злодейством величаться,
Мы смеем чадами назвать
Того, кто Милость и Любовь!..
Мы в жизни собственной не властны!

«Ода на войну» оказывается одой против войны, события, в котором лирический герой не способен найти ничего поэтичного, а потому кончает свое произведение:

Постойте!.. но мольбы напрасны!..
Раздался гром... дымится кровь!

Самым значительным поэтическим текстом рассматриваемого периода является «Песнь барда над гробом славян–победителей» В. А. Жуковского, опубликованная в последнем номере «Вестника Европы» за 1806 год. Как известно, идея стихотворения была подсказана Жуковскому И. И. Дмитриевым. Произведение создавалось после манифеста 30 августа,

который, вероятно, и воодушевил автора. Жуковский много работал над текстом в течение сентября–октября, окончательно дорабатывая его уже после поражения Пруссии (до середины ноября)[162].

«Песнь барда…» – подобно другим стихотворным произведениям конца 1806 – первой половины 1807 года – в достаточной мере опирается на одическую традицию[163], однако практически не сопоставима с классической одой. Жуковский пишет оссианический «военный плач», прибегнув к форме, которая позволяет совместить скорбную лирическую интонацию с военно–патриотической темой[164]. Несомненно, Жуковский опирался здесь на опыт Державина, «росского Оссиана», уже ранее использовавшего в одах оссианические мотивы, но пошел гораздо дальше своего предшественника – создал одновременно одически–торжественное и лирическое стихотворение. В «Песни барда» соотнесено несоотносимое – индивидуальное чувство и самая, казалось бы, надындивидуальная военная героика[165].

Мы не разделяем мнение, что «Песнь барда…» была пропагандистским текстом[166]. Она не опиралась на только начинавшую появляться в манифестах идеологическую схему. Наоборот, стихотворение было посвящено теме, о которой нельзя было говорить – современники не обманывались, читая его как произведение, посвященное поражению под Аустерлицем[167]. Текст был адресован не власти, а обществу. Он преодолевает важный в истории русской поэзии рубеж – вводит поэтическую тему героизации поражения. Меняя в процессе работы заглавие («… над гробом падших славян» на «…над гробом славян–победителей»), Жуковский превращает погребальный плач в победную песнь. Данная смена тона

---

[162] См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1999. Т. 1. С. 471–472, коммент. Ф. З. Кануновой.

[163] Там же. С. 473. О риторических моделях стихотворений Жуковского, заимствованных им из одической поэзии XVIII века см.: *Кашкина Л. И.* Традиции русского ораторского искусства в гражданско–патриотической лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII – начала XIX века. М., 1988. С. 132–151.

[164] См.: *Иезуитова Р. В.* В. А. Жуковский // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980–1983. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализм. 1981. С. 119.

[165] См.: там же. С. 119; *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т.1. С. 473, коммент. Ф. З. Кануновой.

[166] *Парсамов В. С.* В. А. Жуковский и официальная пропаганда в 1806 г. («Песнь барда над гробом славян–победителей»). С. 215.

[167] «[Жуковский] подобно певцу о полку Игореве, в чудесных стихах оплакал падших в поражении Аустерлицком» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1891. Ч. 3. С. 136).

оказывала компенсаторное психологическое действие, потому что удовлетворяла сложной читательской потребности в вере в победу после поражения – потребности, с которой не могла справиться ни современная ода, ни государственные тексты, замалчивавшие Аустерлиц. Стихотворение стало своего рода «социальным медиатором», именно здесь Жуковский выступил «Тиртеем славян» – поэтом, взявшим на себя функцию поднятия духа и мобилизации общества.

В военной поэзии 1805 – 1806 годов не существовало одического шаблона, от которого мог бы оттолкнуться Жуковский. Это «внеидеологическое» время не создало верных одических текстов. Все хоть сколько–нибудь заметные стихотворения, написанные до появления александровских манифестов, – идеологически новаторские: в них действующей силой войны оказывается *народ*. То же видим в «Песни барда». В тексте Жуковского «россы» по–одически уподобляются орлам, подобны славным предкам, храбры и, как, например, в «Стихах на победу русских над французами при Кремсе» Мерзлякова, самостоятельны: именно они охраняют отечество, сражаются за свободу, причем не только свою, но и иных стран. Таким образом, Жуковский использует реформированную одическую традицию, стилистику Оссиана, разрабатывавшуюся в русской поэзии в течение предшествующих десятилетий и более–менее общие для военной поэзии 1805 – 1806 годов мотивы: *росса, славы предков* и *освобождения Европы*. Абсолютным субъектом текста является *росс*, *Бог* явлен лишь единожды[168], *царь* отсутствует вовсе. Более того, автор насыщает текст темами, которые будут разрабатываться в военной поэзии далее: в частности, в тексте явлены мотивы *подвигов и смерти простых воинов*[169],

---

[168] Причем Бог здесь – объект молитв, сам он не совершает никаких действий:

Воззрите на отцов коленопреклоненье!
Во славе, посреди могущих, поседев,
Подъемлют к небесам трепещущие длани
И молят: царь судеб, за них, за них во брани!
О сколь возвышенны спасающие нас!

[169] В примечаниях к публикации в «Вестнике Европы», снятых при последующих перепечатках стихотворения, Жуковский говорит о том, что в образе раненого, но сохранившего боевое знамя воина, он

тема *семьи и дома*, за который сражается русский воин, мотив *проводов супруга / возлюбленного* на бой. Интересно, что параллельно с Жуковским мотив расставания супругов разрабатывает Анна Бунина в стихотворении «На выступление российско–императорских войск».

Конец 1806 года прошел без значительных военных столкновений. 26 – 27 января 1807 года произошло сражение под Прейсиш–Эйлау, по праву считающееся одним из самых страшных за всю историю русско–французских войн – его кульминацией стал штыковой бой, в котором участвовало 20 000 человек. Денис Давыдов, сравнивая битву при Эйлау и сражение при Бородине (он был участником обоих), писал следующее: «Итак, не оспоривая священного места, занимаемого в душах наших Бородинскою битвою, нельзя, однако ж, не сознаться в превосходстве над нею Эйлавской относительно кровопролития. Первая, превышая последнюю восемьюдесятью тысячами человек и с лишком шестьюстами жерлами артиллерии, едва–едва превышала ее огромностью урона, понесенного сражавшимися. Этому причиною род оружия, чаще другого употребленного под Эйлау. В Бородинской битве главным действовавшим оружием было огнестрельное, в Эйлавской — рукопашное. В последней штык и сабля гуляли, роскошествовали и упивались досыта. Ни в каком почти сражении подобных свалок пехоты и конницы не было видно, хотя, впрочем, свалки эти и не мешали содействию им ружейной и пушечной грозы, с обеих сторон гремящей и, право, достаточной, чтобы заглушать призывы честолюбия в душе самого ярого честолюбца»[170].

В России сражение было признано бесспорной победой русского оружия[171], император жаловал главнокомандующему Л. Л. Беннигсену орден

показал некого солдата Емельянова, а создавая описание смерти юноши, думал о молодом человеке Новосильцеве, погибшем на поле сражения.

[170] *Давыдов Д. В.* Воспоминание о сражении при Прейсиш–Эйлау 1807 года января 26–го и 27–го // Давыдов Д. В. Военные записки. С. 188.

[171]Кроме прочего, интересны размышления Ф.Ф. Вигеля: «Наконец, в начале февраля 1807 года узнали мы о решительной победе над французами при Прейсиш–Эйлау, 27 января. Казалось, что только этого известия и ожидали: оно подало знак зимним увеселениям. Что ни говори французы, сражение это мы выиграли, и лучшим доказательством тому служит четырехмесячное после него бездействие Наполеона, который не очень любил отдыхать на лаврах. Напротив того, немец Беннигсен, отколотив исполина, сам изумлённый

Св. Андрея Первозванного и ежегодный пансион в 12000 рублей[172]. Однако в действительности итог сражения был спорным: сразу после боя Беннигсен приказал отступать. В течение зимы – весны 1807 года русские и прусские войска были заняты сдерживанием наполеоновских войск. 2 июня французская армия разбила русскую под Фридландом, после чего овладела Кёнигсбергом. 9 июня было подписано перемирие, 13 июня произошла известная встреча императоров на плоту посреди Немана, после которой 25 июня в Тильзите был подписан трактат о союзе с Францией. Манифест «О заключении мира с Французской империей» вышел более чем через месяц, 9 августа – признание мира со вчерашним врагом нелегко далось русскому императору[173].

В конце 1806 и в 1807 году пишется и ставится множество драматических произведений, либо прямо посвященных нынешней исторической ситуации, либо явно с ней соотносящихся: «Димитрий Донской» В. Н. Озерова, трагедия М. В. Крюковского «Пожарский», которая была известнее трагедии Озерова[174], комедии «Высылка французов» и «Урок дочкам» Крылова, в 1808 году ставится комическая пьеса «Семейство Старичковых или за Богом молитва, а за царем служба не пропадают». По мотивам событий Смутного времени пишутся поэмы С. Н. Глинки «Пожарский и Минин» и С. А. Ширинского–Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия». По мнению А. Л. Зорина, именно в 1806–1807 годах «освобождение России от поляков и воцарение династии Романовых начинают восприниматься как ключевое событие народной истории», которое создало идею *русского народа* – всесословного

чудом, совершенным не столько им, как русскими солдатами, уверенный в невозможности нового нападения со стороны неприятеля, захотел вкусить сладостное успокоение. По заочности судить трудно, особливо человеку, не принадлежащему к военному ремеслу; однако же все меня после уверяли, что Суворов и Кутузов так бы не поступили: не довольствуясь сим поражением, они бы заставили Наполеона не по сю сторону Вислы, а за Одером и, может быть, за Эльбой расположиться на зимних квартирах» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000. С. 120). Л. Л. Беннигсен по поводу сражения заявлял: «Я отбросил его (врага – *К. Х.*) на всех пунктах и разбил совершенно» (Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому–Корсакову (1805–1807) // Русская старина. 1898. № 7. С. 136).

[172] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. С. 77.

[173] См. подробней: Там же. С. 85.

[174] *Галахов А. Д.* Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 16.

национального объединения, выступившего против захватчиков[175]. Действительно, в рассматриваемый период в литературе появляется мотив *русского народа* как самостоятельного актора истории. *Народ–деятель* возникает уже в редких военных стихотворениях 1805 – 1806 годов, однако лишь после манифеста 30 ноября, утвердившего акциональность объединенного русского народа, этот мотив широко распространяется в современной литературе, *народность* как идеологический концепт рождается в умах людей.

В завершение остановимся на истории нескольких поэтических текстов, стоящих особняком, однако важных для понимания поэзии эпохи.

Первый из них – «Торжество Александрово, или сила музыки» А. Ф. Мерзлякова, опубликованный в февральском номере «Вестника Европы» 1806 года[176], то есть задолго до появления военных манифестов Александра I. Это перевод оды Джона Драйдена, который, на первый взгляд, не связан с современной политической ситуацией, а представляет собой размышление о силе влияния поэтического произведения. Примерно в то же время, что и Мерзляков, перевод стихотворения Драйдена выполнил А. Х. Востоков. Исследователи не без оснований видели в этом тексте реакцию на ведущуюся войну[177].

Данные тексты могли бы вообще не привлечь внимания, если бы не еще один перевод драйденской оды – стихотворение Жуковского «Пиршество Александра, или Сила гармонии», по всей вероятности, написанное сразу после начала Отечественной войны 1812 года Жуковскому, вероятно, были знакомы предыдущие переложения оды Драйдена, но его текст значительно от них отличается: стихотворение не названо кантатой, изменена композиция, исключены партии хора, усилены драматизм и лиризм текста. Важна и смена названия – Жуковский меняет «силу музыки» («The Power of Music») на «силу гармонии», перенося акцент с музыки на поэзию.

---

[175] *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 157–186.
[176] Вестник Европы. 1806. Ч. 25, № 4. С. 273–279.
[177] *Резанов В. И.* Из разысканий о творчестве В.А. Жуковского. Ч. 2. С. 385–386.

Обращение к драйденскому тексту, рисующему времена Александра Македонского, связано с тем, что Жуковский (как, вероятно, до этого Мерзляков и Востоков) видел явную связь между событиями греко–персидских войн и войны против Наполеона. Данное стихотворение о певце предваряет «Певца во стане русских воинов», которого Жуковский напишет через несколько месяцев и в котором использует опыт соположения лирического и эпического, полученный в том числе при написании «Пиршества Александра». Однако и на этом история «военного» прочтения Жуковским текста Драйдена не закончилась.

В ноябре 1814 года в письме А. И. Тургеневу он предлагает начать традицию ежегодных праздничных стихотворений, посвященных дню рождения Александра I и непосредственно соотносимых с днями окончания Отечественной войны (оба события приходятся на вторую половину декабря). Свой проект Жуковский уподобляет традиции празднования дня Святой Цецилии в Англии, «чтобы непременно каждый год была бы сочинена ода на этот день и положена на музыку»[178], и в ряду английских авторов первым называет Драйдена. Неоднократно переводившийся текст этого поэта был написан именно для праздника святой Цецилии.

В качестве стихотворения, начинающего новый ежегодный поэтический обычай, Жуковский в ноябре 1814 г пишет послание «Императору Александру»[179].

В 1805 – 1807 годах появился еще один поэтический текст, который, по словам Ф. В. Булгарина, был особенно известен в армии – «Преображенский марш» С. Н. Марина, исполняя который русские войска входили в Париж в 1814 году[180]. В «Воспоминаниях» Булгарин признается, что приводит текст

[178] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 15. С. 287.
[179] См. об этом более подробно: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 581–584.
[180] См.: *Марин А. Н.* Краткий очерк истории Лейб–гвардии Финляндского полка. СПб., 1846. Кн. 1. С. 79.

по памяти[181]. Несколько лет назад была обнаружена ранняя редакция «Марша» (1806), значительно отличающаяся от булгаринского варианта[182]:

Ну, ребята, под французов
Поспешим скорей сходить.
Нам к чему искать союзов
В силах сами победить.

Хоть цесарцы с пруссаками
Отдалися к ним в полон,
Но с такими простяками
Будет всяк Наполеон.

Знает каждой [в] нас конечно,
Что раз должно в землю лечь,
Жизнь дана нам не навечно
Так к чему ж ее беречь.

Ну–тка братцы, со штыками
И сам черт в большой беде,
С лошадиными хвостами
Вряд француз уйдет к себе,

С нами Бог! Ура! по–русски
Закричим: смелей ступай,
И полки тогда французски
Побегут – лишь догоняй.

Вслед за ними мы дорогу
И к Парижу будем знать,
Там начальник понемногу
Всякому даст волю брать.

Тут–то мы обогатимся,
В прах разбив богатыря,
И тогда повеселимся
За народ свой и царя.

Успокоивши полсвета
Для себя мы станем жить,
А как придут стары лета,

[181] *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. Ч. 2. С. 323.
[182] *Фоменко И. Ю.* К истории создания «Преображенского марша» на слова С. Н. Марина // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Международной научной конференции, 3–6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 531–538.

Детям станем мы твердить:

Государя чтоб любили,
Командиров почитать,
И навечно б затвердили:
Русских трудно побеждать[183]

Очевидно, в данном произведении сосредоточением акциональности являются *русские воины*: они бесстрашны и могучи; особенное внимание обращается на русское слово: «… Ура! по–русски / Закричим: смелей ступай». Воины сражаются за «народ свой и царя» – равнозначные понятия в рамках текста. Последнее четверостишие особенно важно: бывшие воины будут учить детей любить государя, почитать командиров, но, самое главное, тем важно понять, что «русских трудно побеждать». Стихотворение венчается мыслью об особой силе русского *народа*.

Булгарин приводит совершенно иной текст (дословно совпадает лишь одна строфа):

Пойдем, братцы, за границу
Бить Отечества врагов.
Вспомним матушку–царицу,
Вспомним, век ее каков!

Славный век Екатерины
Нам напомнит каждый шаг,
Те поля, леса, долины,
Где бежал от русских враг.

Вот Суворов где сражался!
Там Румянцев где разил!
Каждый воин отличался,
Путь ко славе находил.

Каждый воин дух геройский
Среди мест сих доказал
И как славны наши войски
Целый свет об этом знал.

Между славными местами
Устремимся дружно в бой!

[183] Там же. С. 536–537.

С лошадиными хвостами
Побежит француз домой.

За французом мы дорогу
И к Парижу будем знать.
Зададим ему тревогу,
Как столицу будем брать.

Там–то мы обогатимся,
В прах разбив богатыря
И тогда повеселимся
За народ и за Царя[184].

Даже если поверить, что Булгарин в 1846 году смог достоверно восстановить текст по памяти, записанное им стихотворение явно иной эпохи – скорее всего, наполеоновских войн 1812 – 1814 годов. Об этом свидетельствует каноническая мотивная структура, которая в 1805 – 1807 годов только начинает складываться: храбрые россы – важно, что мужество русских проговаривается[185] (*храбрость россов*), воспоминание *славного прошлого* и одна основная сила (здесь – *русский народ*), побеждающая врагов. В течение 1812 – 1814 годов этими силами будут то *народ*, то *царь*, то, в конечном итоге, *Бог*. Текст Булгарина почти лишен странных для военной лирики 1810–х годов деталей, которыми преисполнен первый текст, таких как отказ от союза с другими странами («Нам к чему искать союзов / В силах сами победить») или называния пруссаков «простаками». И, что еще важнее, в нем не слышны отголоски гусарской песни, к которой явно близок первый текст. Это кажется логичным – Марин был, вместе с Давыдовым, начинателем гусарской традиции русской поэзии[186]. Совпадает и размер (4–хстопный хорей), и текстовая интонация, и культ воинской удали. Сравним:

Знает каждый [в] нас конечно,
Что раз должно в землю лечь
Жизнь дана нам не навечно

[184] *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. Ч. 2. С. 323–324.
[185] Упоминания храбрости русского народа почти обязательно присутствуют в стихотворениях времен Отечественной войны и Заграничного похода, в лирике 1800–х гг. мужество россов подразумевается, однако почти никогда на нее отдельно не указывается.
[186] *Скибин С. М.* Поэты–Преображенцы и Денис Давыдов: Жанрово–стилевое своеобразие «гусарской» поэзии. Автореф. дис. на соиск. степ. д.ф.н. М., 1995.

Так к чему ж ее беречь.

Давыдов:

Выпьем же и поклянёмся,
Что проклятью предаёмся,
Если мы когда–нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастье оробеем.
(«Бурцову»)[187]

Особенно близок текст более позднему стихотворению Давыдова «Песня» (1815), которое логично продолжает его «залетные послания» 1804 года. Строки «Марша»:

Ну–тка Братцы, со штыками
И сам черт в большой беде
С лошадиными хвостами
Вряд француз уйдет к себе

Очень близки к давыдовским:

За тебя на чёрта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!

А предыдущий фрагмент «Преображенского марша» совпадает со строфами «Песни»:

О, как страшно смерть встречать
На постели господином,
Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать! <…>

То ли дело средь мечей!
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней![188]

Здесь важны не мотивные и фразеологические (Давыдов, вероятно, знал «Преображенский марш»), а стилистические и ценностные совпадения – будь в «Марше» хотя бы одно упоминание гусар текст бы почти соответствовал

[187] Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. С. 58.
[188] Там же. С. 75–76.

канону гусарской песни. Быть может, еще важнее сходство комического в тексте Марина и в лирической системе Давыдова: «Преображенский марш» пропитан юмором и шутливой интонацией, которых почти лишен текст, приводимый Булгариным. Комическое здесь не снижает героического. Если вторая и четвертые строфы полны задора и смеха, то четверостишье между ними значительно более серьезно и «высоко», в нем лирический герой говорит о смерти.

«Гусарская песня», по справедливому наблюдению В. Э. Вацуро, «не создала в русской поэзии сколько–нибудь устойчивого жанрового образования», но «расшатывала сложившуюся батальную традицию о отыскивала новые, деканонизирующие формы лирической экспрессии».[189]

[189] *Вацуро В. Э.* Денис Давыдов – поэт // Денис Давыдов. Стихотворения. Л., 1984. С. 11.

3. Эпоха перемен: 1812 – 1814 годы в батальной поэзии и государственном красноречии

Отечественная война 1812 года и последовавший за ней Заграничный поход, кульминацией которого стало вступление русских войск в Париж 19 / 31 марта 1814 года, крайне важны для написания истории русского политического сознания. В мемуарах очевидцев и современников этих событий очень часто звучит мысль о народности войны 1812 года: особой значимости широких масс населения России в происходивших событиях и пробуждения национального духа, которое стало одной из главных причин победы[190]. Однако свидетельства современников, в большинстве своем оформленные в конечные тексты через десятилетия после описываемых в них событий[191], располагаются скорее в поле мифологии истории[192]. В рамках данной работы исследуется современная идеология эпохи: мы попробуем рассмотреть, как строился общественный взгляд на войну в течение русско–французских войн 1810–х годов, выражавшийся в государственных бумагах и поэзии этих лет.

Исследователи идеологии Российской империи считают, что в годы Отечественной войны начался процесс образования одной из центральных и поныне русских идеологем – идеологемы «особого пути». По мнению ученых, в течение 1812 – 1814 годов русские идеологи, чтобы суметь осмыслить потрясения войны, должны были «изобрести нацию в обход конкретных условий функционирования государственной системы». Создателям новой идеологии нужен был центральный национальный концепт, который нивелировал бы различие высшего и низших сословий русского общества. Для этого отечественные мыслители заимствовали немецкую концепцию Sonderweg'а («особого пути»), согласно которой

---

[190] См.: *Тартаковский А. Г.* «Великие воспоминания 1812 года» // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 3–7.

[191] См. об этом подробнее: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. С. 121–210.

[192] *Загидуллина М. В.* 1812 год как миф // Реалии и Легенды Отечественной войны 1812 года. СПб.; Тверь, 2012. С. 9–28; *Кошелев В. А.* «Орлы двенадцатого года»: Реалии и мифология // Там же. С. 29–45.

«исключительность и самобытность немцев базировалась на особой культуре, которую нельзя завоевать мечом», и начали выстраивать свою систему. Как будет показано далее, образование идеологических концептов и мифологических сюжетов в течение русского-французских войн 1812 – 1814 годов, из которых в 1830–х вырастет идеологема «особого пути»[193], – многосоставный и зигзагообразный процесс, в котором участвовали еще достаточно слитые социально, но различные функционально государственные и литературные (в первую очередь поэтические) тексты. Идеология Российской империи проделывает путь от идеи гражданственности в начале Отечественной войны к представлению о сугубо мистической природе русско–французских войн в 1813 – 1816 годах.

Стихотворным материалом для данного параграфа, в основном, послужили тексты, вошедшие в «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 2015), подготовленное князем Н. М. Кугушевым[194], довольно известным литератором своего времени, почти забытым сегодня. В двух томах «Собрания…» опубликованы тексты около семидесяти авторов из самых разных слоев населения. Издание крайне разнопланово как стилистически, так и жанрово (от од и надписей до «чувствований» и лирических зарисовок)[195]. «Собрание…» особенно важно для данной работы, потому что в нем максимально полно «отразилось идеологическое движение эпохи, подготавливающее и сопровождающее репрезентацию Отечественной войны в официальной идеологии и

---

[193] Как в либеральном (в «Философических письмах» П. Я. Чаадаева), так и в консервативном (в частности, уваровском) своих вариантах. См.: *Зорин А. Л.* «Особый путь России» – идея трансформационного прорыва в русской культуре // Особый путь»: от идеологии к методу. С. 36–54; *Велижев М. Б.* «Особый путь» развития России в 1830–е годы: Sonderweg, государство и образованное общество // Там же. С. 106–140.
Цитаты в данном абзаце приведены по: *Атнашев Т. М. Велижев М. Б.* «Особый путь»: от идеологии к методу // Там же. С. 9–35.

[194] Авторство было установлено А. С. Бодровой в: *Бодрова А. С.* Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? // Новое литературное обозрение. 2012. № 118 (6). С. 158–167.

[195] *Айзикова И. А.* Историко–литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году: юбилейное изд. М., 2015. С. 433–448.

общественном сознании»[196]. Идеологические переломы, происходившие в определенные периоды в военной поэзии, отчетливо видны в произведениях, попавших в «Собрание…», более того, оно демонстрирует идеологическую неоднородность стихотворений 1812 – 1814 годов, их диалогичность.

В дальнейшем, пользуясь текстом «Собрания…», мы не будем ссылаться на тексты первых публикаций – данное решение обусловлено рядом причин. Во–первых, указание первой публикации не так существенно на столь коротком временном промежутке (2 года). Во–вторых, в большинстве случаев Кугушев перепечатывал тексты дословно, очень редко внося в них авторские изменения (которые незначительны для данной работы). В–третьих, в цитируемом издании 2015 года каждое стихотворение сопровождено комментарием, в котором указаны первые публикации и даются разночтения.

3.1. *Отечественная война 1812 года: рождение русской нации*

23 марта 1812 года издается Высочайший манифест о рекрутском наборе[197]. Причиной обращения к населению называется «настоящее состояние дел в Европе», требующее «сильного ополчения, которое могло бы верным и надежным образом оградить Великую Империю Нашу от всех могущих против нее быть неприязненных покушений». В тексте утверждается, что нынешний рекрутский набор – мера вынужденная, которая предпринимается в оборонительных целях: войск, которых «мужество и храбрость <…> всему свету известны», может не хватить для защиты России. Уже находясь в Вильно, Александр I шлет рескрипт А. Н. Супоневу, владимирскому губернатору, в котором призывает местных дворян и купцов снарядить ополчение обмундированием, амуницией, лошадьми и упряжью.

---

[196] *Киселев В. С.* Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Там же. С. 451.

[197] Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816. С. 1–2. Далее в этой и следующей частях работы цитаты из государственных бумаг 1812 – 1816 гг. даны по этому изданию с указанием страниц в скобках.

После нескольких лет постыдного мира и идеологической невнятицы власть вновь обращается к идеологической системе 1807 года, в которой центральное место занимал *русский народ*. Примечательно, что идея единства и субъектности нации возвращается в государственное красноречие в 1812 году в манифесте о рекрутском наборе – возникла она, напомним, в конце 1806 года в сходном манифесте (об образовании ополчений). Гражданская риторика в российском политическом дискурсе возникает из необходимости, акциональность народа признается Александром в те исторические моменты, когда ее отсутствие грозит самому существованию государства.

Между концом марта и 12 / 24 июня 1812 года (началом Отечественной войны) в поэзии доминируют мотивы *Бога* и *Царя Александра*. *Народ*, тоже явленный в текстах, поддерживает Царя: «И там гремит всеобщий глас: / *Монарх*! употреби всех нас!»[198] (Ч. 2, X, 246) – и обретается в Боге: «Где Бог – Властитель всех сердец, / Там жертва жизни есть отрада...» (там же).

Автором, создающим значительную часть военной поэзии весны 1812 года, оказывается С. Н. Глинка. Уже в стихотворении Глинки «На выступление гвардейских полков из С. Петербурга» (Ч. 2, XIII, 251–253), написанном 3 апреля 1812 года, присутствует мотив *русского Бога*, повторяющийся далее почти в каждом поэтическом тексте автора[199]. В течение кампании 1812 года мотив *русского Бога* становится особо распространенным в поэзии и автором, начавшим его экспансию в стихотворные произведения, был Глинка.

Важно отметить, что в государственном красноречии формула «русский Бог» не встречается вовсе, хотя автор манифестов, А. С. Шишков, в 1814 году выступил в качестве ее апологета: «Многие возражают против сей

---

[198] «Стихи, написанные по прочтении манифеста о новом наборе рекрут» С. Н. Глинки.
Здесь и далее при цитировании текстов из «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (М., 2015) часть, номер стихотворения по порядку и номера страниц приводятся в тексте в скобках.

[199] Можно предположить, что данный мотив был взят Глинкой из трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской»: «Языки! ведайте — велик российский бог!» (*Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. Л., 1960. С. 294). Еще ранее сходное выражение возникает в богатырской сказке Н. М. Карамзина «Илья Муромец» 1794 года: «Русский Бог и Бог вселенныя» (*Карамзин Н. М.* Стихотворения. Л., 1966. С. 153).

пословицы, видя в ней нечто языческое, говоря, Бог един у всех народов, как же можно сказать *Русский Бог*? Но сии возражения несправедливы. Здесь Русский Бог не означает особливого у русских божества, но одного и того же Бога, милостью своей к русским великого»[200].

Поэзия Глинки следовала его идеологической программе, эксплицированной в течение 1808 – 1812 годов в издаваемом им журнале «Русский вестник». В центре его ценностной системы располагалось «праотеческое воспитание», базировавшееся на тройной формуле «Бог. Вера. Отечество»[201] и противопоставлявшееся французскому воспитанию, ведущему к отрицанию веры и, как следствие, к революции. С точки зрения Глинки, сословное разделение общества необходимо, оно подобно неравенству в семье и является следствием неравенства, установленного между Богом и людьми. Любая власть, следовательно, подобна власти Бога, а подчиненные должны уважать старшинство, считать его священным. Однако разделение общества, по Глинке, не было абсолютным, сословия прошлого, в отличие от нынешних, были объединены общей культурой: все благоговели перед Богом, осознавали абсолютное его старшинство; все слои населения имели общее воспитание. Вследствие этого не существовало сословного разрыва, угрожавшего будущему общества. Таким образом, по мнению Глинки, «…в общественно–политической сфере религия обусловила монархизм и патриархальность уклада русских людей. Скрепленное «единодушием и единомыслием» русское государство выстояло в самые сложные периоды своей истории: в эпоху татаро–монгольского нашествия и в Смутное время (эти, и вообще все «темные» моменты отечественной истории издатель считал следствием забвения некоторыми членами общества «уставов веры»; но они были исключением и преодолевались благодаря

---

[200] [*Арндт Э. М.*] Краткая и справедливая повесть о пагубных Наполеона Бонапарте помыслах, о войнах его с Гишпаниею и Россиею, о истреблении войск его и о важности нынешней Немецкой войны. Книжка в утешение и наставление немецкому народу сочиненная / Пер. с нем. яз. А. Шишков. СПб., 1814.

[201] *Глинка С. Н.* Священная история в пользу юношества, изданная на французском языке Прониякомъ; Дух христианских ораторов, или Нравственность христианская, из сочинений Боссюэта, Бурдалу, Массильона и пр., издана на французском языке; Римская история, изданная на французском языке 1809 г. // Русский вестник. 1811. № 8. С. 71.

тому, что все остальное население оставалось верным праотеческой нравственности)»[202]. Идеологическая система Глинки окажется удивительно созвучной аксиологическим установкам Российской Империи 1813 – 1814 годов.

Мотив *истории побед,* довольно часто встречавшийся в лирике 1806–1807 годов и тесно связанный в ней с идеей гражданственности, в лирике Глинки весной 1812 года сопряжен с мотивом *царя*:

Наследники, друзья героев,
Которых Петр сам вскормил.
<…>
Что Петр изрек сынам России,
То Александр полкам вещал

Предводителем русский войск оказывается *Бог*:

С которыми средь дивных боев
Сам Бог, полков Бог русских был.
(Ч. 2, XIII, 251–252)

12 / 24 июня 1812 года наполеоновские войска вторгаются в пределы Российской империи, форсировав Неман близ Ковно. На следующий день Александр I обращается к российским армиям (7–8). По словам императора, не остается иного выхода, как вступить в войну и «призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего творца небес, поставить силы Наши противу сил неприятельских». В Приказе, кроме прочего, утверждается, что русские войска храбры, поскольку «в них издревле течет громкая победами кровь Славян». Русские воины защищают «Веру, Отечество, свободу». Отметим, что слово «свобода» не распространено. Уже в первой государственной грамоте, изданной во время Отечественной войны, говорится о том, что Россия – защитница свободы вообще, не только своей. Фактический автор императорских текстов А. С. Шишков в своих «Записках» уже в июне 1812 года высказывает смелую мысль о том, что русским войскам следует не отступать в глубь России, а идти на противника

[202] *Лупарева Н. Н.* Роль православия в консервативной модели общественного устройства С. Н. Глинки // Христианское чтение. СПб. 2017. № 2. С. 281; см. также: *Лупарева Н. Н.* «Русский Вестник» С. Н. Глинки // Русско–Византийский вестник. СПб. 2019. № 1(2). С. 346–368.

«прямо и быстро, как хаживал с русскими воинами Суворов, возвещая всем упавшим в рабство народам свободу и защиту»[203]. Как видно, мысль об освобождении Европы русскими войсками появляется у Шишкова в первый месяц войны, а уже в следующем месяце она вошла и в государственное красноречие. Ясно, что автор мог скорректировать дневниковые записи постфактум (первое, краткое, издание «Записок» вышло только в 1831 году, а полное – почти через 30 лет после смерти автора), однако в манифестах мотив *освобождения Европы* в течение 1812 года будет усиливаться – это, кажется, подтверждает, что их автор Шишков верил в освободительную миссию России уже в начале Отечественной войны.

К тому же дню[204] относится рескрипт графу Н. И. Салтыкову (9), председателю Государственного совета и Комитета министров, бывшему воспитателю цесаревича Александра. Документ интересен не только потому, что в нем император не дает никакого повеления подданному, а, скорее, уведомляет Салтыкова о начале войны, но и потому что здесь формулируется один из известнейших александровских ультиматумов: «Я не положу оружия доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем»[205].

В течение июня – начала июля 1812 года в поэзии продолжает доминировать пара мотивов *Бога* и *царя*, однако все громче начинает звучать мотив самостоятельного *народа:* «россы» способны не только поддерживать Царя и следовать за ним:

К оружию! пусть враг познает,
Коль дивен росс в делах своих!
Как он врагов всегда карает,

---

[203] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. Берлин–Прага, 1870. С. 133.

[204] Оба документа были написаны Шишковым в ночь с 12 на 13 июня (см.: *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. С. 127).

[205] Данное решение императора не было импульсивным. Еще до начала войны в беседе с французским послом Арманом де Коленкуром Александр I, предугадывая будущие действия Наполеона, говорил следующее: «Я не обнажу шпагу первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним. Пример испанцев доказывает, что именно недостаток упорства погубил все государства, с которыми воевал ваш повелитель. Соображения, приведенные императором Наполеоном Чернышеву во время последней войны с Австрией, достаточно доказывают, что австрийцы добились бы лучших условий, если бы они были более упорными. Люди не умеют терпеть. Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима» (*Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Таллин; М., 1994. С. 61).

Кичливость посрамляет их;
Как он могуществен во брани;
Как смерть идет во след…[206]
(Ч. 2, III, 230)

Стихотворения этого периода часто являются либо прямыми откликами на государственные бумаги – на высочайший рескрипт графу Салтыкову (Ч. 2, III, 230), на приказ армиям от 13 июня (Ч. 2, IV, 232[207] и Ч. 2, XI, 247[208]), – либо же содержат элементы, отсылающие к ним. Диалог между государственным красноречием и поэзией продолжится и далее[209].

Как и в 1806 – 1807 годах, военная поэзия времен Отечественной войны сильно зависит от государственного красноречия, возникает как реакция не на сами исторические события, а на монаршее слово. В 1812 году император уже знает, что в период войны обществу необходимы манифесты, причем они должны выходить постоянно. В условиях почти полного отсутствия того, что сегодня называется средствами массовой информации, преобладания малограмотного и безграмотного населения и слабой развитости транспортной коммуникации государственный текст не описывает событие, а создает его, делает предметом общественного обсуждения и творческого осмысления.

Мотив *истории побед* продолжает ассоциироваться с мотивом *царя*: Глинка пишет еще одно стихотворение,[210] в котором соотносит Петра и Александра: «Но в *Александре* Петр живет!» (Ч. 2, XXXIV, 310); в стихотворении П. И. Голенищева–Кутузова по поводу приезда Александра I в Москву Царь уподобляется своим славным предкам, души которых благословляют русских:

Не страшны здесь все козни злобы;
Воззри — твоих здесь предков гробы;

---

[206] Автор Гр. Волков.
[207] «Стихи, написанные По прочтении полученного приказа, отданного государем императором действующим армиям 13–го июня 1812 года, по случаю вероломного разрыва мира с французами» А. А. Волковой
[208] «По случаю известия о нашествии неприятеля» С. Н. Глинки
[209] См. об этом подробнее: *Киселев В. С.* Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». С. 449–469.
[210] «Молитва к Богу, при воспоминании Полтавской победы»

Их тени нас приосенят,
Они из недр земли восстанут,
Их россы верные вспомянут,
И тьмы противных сокрушат[211].

(Ч. 2, I, 227)

Однако в этом же стихотворении явлена иная мотивная скрепа прошлого и настоящего (характерная для лирики 1806 – 1807 годов) – *храбрость* русских: «Но в их потомках нет премены, / Для них не страшен сонм врагов» (Ч. 2, I, 228). Это довольно необычно для поэзии лета 1812 года. Если идеологически манифесты 1812 года наследуют государственным текстам времен войны Четвертой коалиции – в них взаимосвязаны мотивы *истории побед* и *народа*, то стихотворения поначалу не продолжают поэзию тех лет – в них намного сильнее верноподданнические настроения. Так складывается занимательный диалог: государство говорит о *народе*, а поэзия – о *царе*.

К петровскому сюжету, явленному в мотиве *истории побед*, добавляется сюжет ордынского нашествия («Мамаи, лютые Батыи / Падут пред Господом во прах» (Ч. 2, XI, 247[212]) и Второго народного ополчения 1612 года («Пожарский, Минин живы в нас» (Ч. 2, XXII, 267[213]). В разработке этого мотива поэзия постепенно возвращается к военной поэзии 1806 – 1807 годов – древнерусские сюжеты оказываются более гражданскими, в них заметную роль играет *народ*. Неудивительно потому, что параллельно с обращением к сюжету 1612 года формулируется идея *единства русских*: они соединены узами братства, причем не столько религиозного, сколько национального, противопоставляемого многонациональности армии неприятеля:

Сонм, братской связанный любовью,
Во бранях с нами встретишь ты.

(Ч. 2, XXII, 267)

Братья – воины России!

---

[211] «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии монарха и отца, Александра Первого, июля 11 Дня 1812 года»
[212] Стихотворение С. Н. Глинки «По случаю известия о нашествии неприятеля»
[213] Ф. Ф. Иванова «К российскому дворянству»

Прочь от нас гоните злых!
Мы все братья, все родные;
У французов сброд чужих.
(Ч. 2, LXV, 416)[214]

Важное место в идеологии России 1812 года занимает ценностная триада «За веру, Царя и Отечество». Как уже было сказано, Глинка разрабатывал сходную формулу («Бог. Вера. Отечество») ранее, однако в его поэзии конца июня – начала июля представлен иной, более близкий к конечному вариант: «За Бога, веру и царя». Из нее исключено «Отечество», однако *царь* уже присутствует. В государственном красноречии этот элемент триады появится только в ноябре 1812 года – уже после самых страшных событий Отечественной войны, – когда и оформится отныне классический вариант формулы.

6 июля 1812 года выходит рескрипт «Первопрестольной столице Нашей Москве» (12–13), в котором призывается московское ополчение. Упомянув особое мужество русских воинов, автор[215] просит Москву «собрать новые внутренние силы» для защиты Отечества. Отметим, что текст обращен не московскому населению, а Москве как символу России и ее могущества, древней и могучей столице: «Она всегда была главою прочих городов Российских; она изливала всегда из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру ея, из всех прочих окрестностей текли к ней, на подобие крови к сердцу, сыны отечества, для защиты оного». В тексте названы «знаменитое дворянство» и «все прочие сословия», которых «благословляет Бог», однако они представлены не в качестве адресатов сообщения, а как третьи лица. Александр I старается в этом документе избежать обращения к народу (в следующем это уже не получится), желает сохранить хотя бы подобие своей былой «ангельской»[216] обособленности. Несмотря на гражданский пафос государственных грамот, до 1812 года император,

[214] Идея *единства русских* выражена в самом названии цитируемого стихотворения С. Н. Глинки: «Песнь русских поселян русским воинам».
[215] Под «автором» государственных бумаг здесь и далее имеется в виду текстуальный повествователь (а не реальный их автор Шишков или символический – император).
[216] Термин Р. Уортмана.

видимо, не верил в субъектность общественных масс. В церемониале не допускалось «даже намека на то, что власть Александра может основываться на общественном одобрении»[217]. В тех случаях, когда императору необходимо было предстать перед народом, он являлся милостивым, принимал его благоговейную преданность. При этом народ представлялся единым – личностью, взаимодействовавшей с другой личностью – императором. В этом взаимодействии народу не отводилось особенной активной роли, его функция – восторгаться всем, что говорит и делает Александр I, и искренне его любить. В данном ключе описан приезд императора в Москву в 1809 году. в «Журнале посещения Москвы его Императорским Величеством Александром I»[218].

В рассматриваемом манифесте впервые с 1806 года звучит мотив *освобождения Европы*: «Да обратится погибель, в которую мнит он (враг – *К. Х.*) низринуть нас, на главу его, и освобожденная от рабства Европа да возвеличит имя России». Уже в одном из первых государственных текстов времен Отечественной войны, когда победа над Наполеоном – смелая надежда, звучит идея освобождения Европы от захватчика.

В тот же день, 6 июля 1812 года, издается манифест о Всеобщем ополчении, ставший впоследствии одним из самых известных манифестов Отечественной войны (14–16). Здесь император обращается к верноподданным, призывая собрать новые силы внутри России, и впервые объединяет представителей всех сословий в рамках одной фразы: «Да встретит он (враг – *К. Х.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина». Так в царских грамотах оформляется идея гражданского *объединения русских*, связанная с идеей *истории побед* России – изгнанием поляков из Москвы в 1612 году. В манифесте еще раз звучит тема мужества славян как потомков храбрецов древности: «Храброе потомство храбрых славян! ты

---

[217] *Уортман Р.* Сценарии власти. С. 267.

[218] Журнал посещения Москвы его Императорским Величеством Александром I и кратковременного пребывания в сем первопрестольном граде в 1809 году. М., 1810.

неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров…», – которые обязательно победят, потому что они «со крестом в сердце и с оружием в руках».

Итак, к 6 июля 1812 года в императорских манифестах оформляется канонический для 1812 – 1814 годов набор связанных между собой лейтмотивов: *храбрости русских, истории побед русских, единства русских, Бога, освобождения Европы.* Они возникают в манифестах в 1806 – 1807 годов, однако именно в течение Отечественной войны и Заграничного похода начинают оформлять государственные грамоты, концентрировать вокруг себя иные мотивы.

Несмотря на то, что де–юре император является автором рассмотренных государственных актов, в них он не явлен в качестве героя, что нормально для русского политического красноречия XVIII–XIX вв. Экспликация его фигуры излишня, потому что любое государственное действие в манифестах являлось действием монарха. Важный для поэтики будущих манифестов мотив русского *царя* как субъекта военного действия, уже полновесно явленный в современной им поэзии, в государственном красноречии появится позднее и вынужденно, для того чтобы заменить собой деятельный и самостоятельный *народ*. В течение 1812 года *царь* в манифестах все более субъективируется, становясь вместе с *Богом* полноправным деятелем войны. Важно повторить, что в государственных грамотах до ноября 1812 года в формуле «За Веру, Царя и Отечество» отсутствует именно *царь*: фраза либо двухчастная («Вера и Отечество» (1; 41), либо трехчастная, но без «Царя»: «За Веру, Отечество и свободу» (7–8) – или с более абстрактным «Престолом» на среднем месте: «Спасение веры, Престола, Царства» (12).

6 июля Александр I покинул армию и из Полоцка отправился в Москву, а в ночь с 11 на 12 июля прибыл в первопрестольную. Вечером 11 июля москвичи, узнав о скором прибытии императора, поспешили на Смоленскую дорогу, чтобы там встретить царя, и заняли ее на 15 верст от древней

столицы, причем при дороге находился как простой люд, так и дворяне[219]. Во многих мемуарах описана встреча императора и народа 12 июля, на которое был назначен молебен в Успенском соборе. Очевидец событий граф Е. Ф. Комаровский пишет, что народа на площади было так много, что генерал–адъютантам пришлось «составить из себя род оплота, чтобы довести императора от Красного крыльца до собора»[220]. Встреча императора и москвичей – важная часть мифа 1812 года о единстве русского народа и его любви к самодержцу. В подобном варианте данный исторический эпизод сохранится и в последующих текстах. Одну из важнейших ролей в формировании мифа об этом событии вновь сыграл С. Н. Глинка. В 1814 году в «Русском вестнике» выходит его «Воспоминание о московских происшествиях в достопамятный 1812 год от 11 июля до изгнания врагов из древней русской столицы»[221], в котором, в частности, описывается встреча императора с народом: Александр I, подобный Ангелу Божьему, предстает перед подданными, а те приветствуют царя со слезами умиления, уверяя того в преданности и ненависти к врагу. Сходное описание событий можно найти и в других текстах 1814 года, в которых показан приезд Александра в Москву[222]. Глинка обращается к этому сюжету позднее, уже в 1830–х, в «Записках о 1812 годе», где событие представлено еще более ярко. Похожим образом приезд императора рисуется в «Записках» Шишкова: «Появление государя в Москве произвело всеобщее воспламенение чувств и сердец, разлившееся от ней по окрестностям ее и по всему пространству России. Достопамятен и не будет никогда забвен благородный восторг и ревность, исторженная присутствием государя императора…»[223].

---

[219] Приезд императора Александра I в Москву // Русская старина. 1912. №. 7. С. 76–78.
[220] Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914. С. 195; см. также, например: Штейнгель В. И. Записки касательно составления и самого похода Санкт–Петербургского ополчения против врагов отечества» (по изд.: СПб.; М., 1814–1815). С. 37–38.
[221] Русский Вестник. 1814. № 9. С. 3–21.
[222] См., кроме названного, например: Избраннейшие черты знаменитых деяний, достопамятных деяний и достопамятных изречений или анекдоты августейшего Императора Александра I, миротворца России. М., 1814. С. 13–16.
[223] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. С. 151.

К 1860–м годам данный взгляд на московские события июля 1812 года стал культурным топосом, что маркируется, в частности, их описанием в «Войне и мире» Л. Н. Толстого:

> Одно время на площади было просторнее, но вдруг все головы открылись, всё бросилось еще куда–то вперед. Петю сдавили так, что он не мог дышать, и всё закричало: «Ура! ура! ура!» Петя поднимался на цыпочки, толкался, щипался, но ничего не мог видеть кроме народа вокруг себя.
>
> На всех лицах было одно общее выражение умиления и восторга. Одна купчиха, стоявшая подле Пети, рыдала, и слезы текли у нее из глаз.
>
> – Отец, ангел, батюшка! – приговаривала она, отирая пальцами слезы.
>
> – Ура! – кричали со всех сторон.
>
> С минуту толпа простояла на одном месте; но потом опять бросилась вперед.[224]

В поэзии 1812 года приезд императора представлен в нескольких текстах: например, в стихотворениях «Радостный глас первопрестольного града Москвы при вожделенном прибытии Монарха и Отца, Александра Первого, июля 11 дня 1812 года» (Ч. 2, I, 227–228) Голенищева–Кутузова и «Голос русского народа по случаю прибытия Государя Императора в Первопрестольный град Москву» (Ч. 2, II, 229) Глинки. В обоих текстах мотив *царя* оказывается центральным, с ним связан мотив *Бога*: монарх является проводником божественного, земным вариантом Бога: «Бог хранит нас всех тобою», «С нами царь и Бог, Бог с нами!» (Глинка), «Ты с нами здесь – и с нами Бог» (Голенищев–Кутузов). Данные тексты написаны в двух самых распространенных стилистиках изучаемого периода – одической и псевдонародной песни. Несмотря на эту стилистическую разность, в обоих текстах авторы выступают от народного «мы», не способного говорить в адрес императора ничего, кроме похвалы, и готового погибнуть ради царя:

<….....>
Одним пришествием твоим,
Нам мнится, солнце показалось:
Чего же нам желать осталось,

[224] *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. М., 1940. Т. 11. С. 88.

Когда лице твое мы зрим?

Ты здесь в первопрестольном граде,
Ты здесь – среди твоих сынов,
Ты с нами, к общей всех отраде!
Здесь всяк умреть с тобой готов.
(Ч. 2, I, 227–228)

За тебя мы все молились:
Господи! Царя спаси!
Им одним мы все живились;
Жизнь в царе нам принеси!
<…….....>
Бог хранит нас всех тобою.
Ты изрек: *нам враг грозит!*
Все мы жертвуем собою...
(Ч. 2, II, 229)[225].

Редкие источники иначе описывают встречу Александра и москвичей и сообщают, что московский боевой дух был довольно низким как в дворянской, так и в народной среде. Приезд Александра, кроме прочего, порождал страх и беспокойство, потому что во время него горожан призывали в армию. В конце кремлевской церемонии прошел слух о том, что всех зрителей начнут забирать в солдаты и Кремлевская площадь опустела. Слух этот разнесся по всей Москве, и многие люди бежали и из нее[226].

В поэзии середины июля – конца августа 1812 года (до сдачи Москвы) происходит ряд значительных изменений. Несмотря на то, что в абсолютном большинстве текстов мотивы *Бога* и *Царя* продолжают доминировать над остальными, начинают появляться произведения, в которых фигура Царя достаточно демократизирована. В «Песни русских поселян русским воинам» Глинки (Ч. 2, LXV, 416–418) (датируется 1 июля) говорится о том, что

[225] По мнению комментатора, данный текст датируется цензурным разрешением «Друга юношества» от 22 июня 1812 г. (Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С. 564), а значит, написан минимум за 3 недели до описываемого в нем события. Если в то, что поэзия способна по общеизвестному канону моделировать встречу с императором, мы можем поверить, то вопрос о том, как у автора получилось предугадать дату приезда императора, вынуждены оставить без ответа. Можно предположить, что название, представленное в «Собрании…», было дано стихотворению уже после посещения Москвы Александром I.

[226] История рассказана очевидцем событий – бывшим ростовским городским головой М. И. Маракуевым; см.: Записки ростовца М. И. Маракуева // Русский архив. 1907. Кн. 2. № 5. С. 112; см. также: *Мельгунов С. П.* Дела и люди Александровского времени. Берлин. 1932. Т. 1. С. 129–167.

государь «верой огражден сынов». Так между *царем* и *Богом* вновь, как ранее в лирике 1806 – 1807 годов, возникает опосредующая инстанция – *народ*. Усиление акциональности *народа* выражено в оде «Любовь к Отечеству» А. А. Писарева (Ч. 2, XXIII, 269–271), написанной до 13 июля 1812 года. Отечество здесь – обобщающее понятие, подразумевающее как власть и религию, так и народность. Любовь к нему – сила, которая, с одной стороны, поддерживает государственный строй, с другой – сплачивает людей, ей объединенных. Она ходатайствует перед Богом за людей и царей:

И с сердцем чистым став пред троном,
На зависть наступя пятой,
Ходатайствуешь у Владыки
Не за себя, за всех сирот.
Цари! Единым вы велики:
  Числом своих доброт...

Любовь к отечеству является абсолютом текста, перед которым и цари, и народ – равны:

Цари народом знамениты,
  Народ блажен царем!

Максимальной субъектности *народ* достигает в конце текста:

Народ могущественный, сильный
Да служит для вселенной всей
Примером истинныя славы!..
Да сохранятся древни нравы –
Да не остынет русска кровь:
  К Отечеству любовь!

Усиление мотива *народа* наблюдается не в одном тексте. В тех стихотворениях, где мотив *царя* остается доминирующим, самостоятельность *народа* увеличивается:

Пусть лесть коварная узнает,
Колико страшен россов гнев:
Когда Отечество страдает,
То и младенец – духом лев.[227]

[227] «Чувствования верноподданного, возродившиеся по прочтении призывания к защите отечества, обнародованного в 10 день июля 1812 года» И. И. Ламанского.

(Ч. 2, V, 233)

Нередко в стихотворениях июля – августа 1812 года народ и войско объединены. Единство народа и войска выражено в «Песни русских поселян русским воинам» Глинки, рассматривавшейся ранее, и в «Песни русским воинам…» Никанора Остафьева:

Мыслит: коль пришла невзгода,
Должно славу потерять,
Так от русского народа
Мне и смерть честней принять.
(Ч. 1, XLVI, 166).

В поэтических текстах продолжается гражданская переориентация: усиливается связь мотивов *народа* и *истории побед*, соединительным элементом в которой является *храбрость* россов. На этом мотивном сцеплении выстраивается «Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества июля 15 дня 1812 года» П. И. Шаликова:

Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз?
Не всяк ли тот из нас *Пожарской*,
Кто духом, сердцем, чувством росс?
<….....>
Здесь все отчизне посвятится!
Здесь *Минина* священный прах!
(Ч. 2, VII, 242–243)

Учитывая обилие текстов, написанных в жанре оды по мотивам императорской грамоты, можно с большой долей вероятности предположить, что усиление мотива *народа* в стихотворениях второй половины лета 1812 года связано с явным гражданским пафосом манифестов. При этом параллельно с процессом усиления мотива *народа* усиливается и мотив *царя*. Это, в первую очередь, выражается в том, что в июльских стихотворениях уже практически полностью оформляется формула «За Веру, Царя и Отечество». В стихотворении «Чувствования верноподданного...» И. И. Ламанского лирический герой призывает соотечественников сразиться

«За веру, за царя» (Ч. 2, V, 233), употребляя далее слово «Отечество» как синоним «веры и царя». Еще важнее «Молитва русских при опоясании на брань»[228], в которой русские молятся Богу, чтобы тот защитил «святость веры … / Российску землю и престол!» (Ч. 2, XIV, 254).

В течение лета 1812 года французские войска продвигались вглубь России. Действия командующего первой армией военного министра М. Б. Барклая де Толли (при отсутствии де–юре назначенного главнокомандующего, фактически выполнявшего эту функцию), строго следовавшего установленному отступательному плану кампании, вызывали недовольство и в армии, и в обществе. Это недовольство усилилось до крайности и распространилось повсеместно после сдачи Смоленска[229]. Наконец, 8 августа император назначил главнокомандующим русскими армиями, ополчениями, резервами и главой гражданской власти губерний, затронутых войной, М. И. Кутузова. Это решение достаточно симптоматично: принимая его, недолюбливавший Кутузова Александр I не мог не понимать, что замена «немца» Барклая «своим» Кутузовым найдет поддержку не только в определенных консервативных дворянских кругах[230], но и в армии[231] и народе. Он уступал общему мнению.

Хотя в войсках считали, что после назначения Кутузов даст решающее сражение, тот продолжил отступление до 26 августа / 7 сентября – дня Бородинского сражения, в котором было убито и ранено до 50000 солдат с каждой стороны[232]. После совета в Филях 1 сентября Кутузов приказывает войскам оставить Москву, и 2 / 14 сентября французы занимают древнюю

---

[228] Автор неизвестен.

[229] Как отмечал впоследствии В. И. Левенштерн, в 1812 г. бывший адъютантом Барклая де Толли: «Всякий имел что–нибудь против Барклая, сам не зная почему» (Записки генерала В. И. Левенштерна // Русская старина. 1900. № 11. С. 341).

[230] Сразу же появились «Стихи на единогласное избрание с.–петербургским дворянством в начальники новой военной силы генерала от инфантерии Голенищева–Кутузова» (Русский вестник. 1812. № 9. С. 130).

[231] Солдаты говорили: «Приехал Кутузов бить французов» (*Богданович М. И.* История Отечественной войны 1812 года. Т. 2. С. 125).

[232] См.: *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т. 1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 278.

столицу. 8 сентября Александр I подписывает манифест о сдаче Москвы (36–39).

Текст начинается с пояснения причины сдачи первопрестольной: «Главнокомандующий <…> нашел за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы с надежнейшими и лучшими потом способами превратить кратковременное торжество неприятеля в неизбежную ему погибель». Далее утверждается, что отступление не свидетельство слабости или трусости русского войска, а тактическая уловка, благодаря которой войско Наполеона окажется в опустошенном городе, не найдя там «не только способов господствовать, ниже способов существовать». В тексте подчеркивается отличие русского народа от европейских, уже захваченных Наполеоном: русские не сдадутся после захвата столицы, а наоборот, только более рьяно продолжат войну; утверждается, что отечество, несмотря на страшное событие, непоколебимо, пока охраняется «бодрым духом верных его сынов» .

Локус мотива *освобождения* в тексте расширяется: теперь это не только Европа, но «весь род человеческий» – он будет спасен русским народом, который «терпеливостью и мужеством своим достигнет того, что не токмо приобретет сам себе прочное и ненарушимое спокойствие, но и другим державам доставит оное, и даже тем самым, которые против воли своей с ним воюют». Отметим, что мотив *спасения Вселенной* россами – довольно обычен для поэзии еще 1806 – 1807 годов, однако в манифестах он возникает только в 1812 году.

В этом сентябрьском манифесте происходит смена риторики, маркирующая перелом государственной идеологии: впервые в тексте представлен народ как сила, как субъект исторического действия, освободитель не только России, но и всего мира. Важно отметить, что в ранних манифестах 1812 года слову «народ» (оно употреблено всего несколько раз) предпочитаются иные: «подданные», «верноподданные», «мы» либо же разделение русских на сословные группы: «воины»,

«дворянство», «купечество». Более того, только в манифесте от 5 августа 1812 года о заключении мира между Россией и Оттоманской империей впервые появится обязательный впоследствии подзаголовок «Объявляем всенародно», на месте «народа» ранее здесь были «подданные». В манифесте от 8 сентября эта фраза не случайно перенесена в заголовок, где всегда до этого была другая: «Божией Милостью Мы Александр Первый Император и Самодержец[233] Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая». Адресация данного текста выглядит так: «Во всенародное известие По Высочайшему Повелению» – важно отметить, что «императорская часть» названия дана после «народной», стоит под ней и максимально укорочена. В последующих манифестах фраза, отмечающая автора текста – царя, вернется наверх в своей прошлой форме, без раскрытия части «и прочая, и прочая, и прочая», а «народный» элемент заглавия вновь окажется на втором месте.

Народ в сентябрьском манифесте – «добрый народ» в том смысле, что он готов освободить даже тех, кто сейчас вынужден сражаться против него под знаменами Наполеона. Русский народ верен Богу, но значение исторических событий в манифесте вовсе не исчерпывается Божественной волей. Служители церкви и народ оказываются равнозначными для нынешних событий. Таким образом, в данном документе завершает образование идеологема *русского народа* как носителя определенных черт, отличающих его от иных наций, как определенного целого[234] и силы, способной самостоятельно действовать в нынешних исторических условиях. Кроме верности Богу и доброты, особо отмечается его непоколебимость: только русский народ был способен пожертвовать древней столицей ради будущей победы и только он может не покориться после того, как та взята неприятелем.

Особенная акцентуация роли народа в ситуации Отечественной войны была важна, что понимали высшие лица государства. Так, 26 июня Барклай

[233] Все эти слова писались заглавными буквами.
[234] В противовес неопределенному целому «подданных».

де Толли в письме Багратиону привел текст профессора Дерптского университета Фридриха Гецеля. В нем есть такие мысли профессора: «Если можно было бы вселить в Имперское Российское воинство то уверение, что оно провидением избрано к прекращению в нынешнем 1812 году тех бедствий, кои Наполеон навлек на всю Европу, то сие усугубило бы бодрость духа и облегчило бы одержание победы»[235].

С появлением эксплицированного мотива *народа* эксплицируется и мотив *царя*, причем «цари» оказываются теми, кого защищает народ, они здесь полностью пассивны: «…да восторжествует он (*народ – К. Х.*) над врагом своим, да преодолеет его, и спасая себя, спасет свободу и независимость царей и царств» (39). Форма множественного числа в слове «царей» работает двояко: с одной стороны, имеются в виду европейские монархи, побежденные Наполеоном, с другой – русский император, единственный, кто из европейских самодержцев действительно обладает этим титулом. Отметим, кроме того, риторическое разделение «народа», «царей» и «царств»: это отдельные элементы системы, главным из которых в данном тексте оказывается *народ*.

Если в течение кампании 1807 года и первой половины 1812 года в государственном красноречии формируется идея русского народа как значительной, но еще достаточно абстрактной силы, то в данном сентябрьском манифесте образуется идеологема русской нации – группы, объединенной территориально, исторически и культурно, обладающей определенными общими чертами. Кроме того, в манифесте о сдаче Москвы оформляется отныне классический комплекс мотивов: добавляются мотивы *народа* и *царя*.

В сентябрьских стихотворениях мотив *царя*–деятеля явно отходит на второй план. Субъектом здесь становится *Бог* и русские солдаты как часть русского *народа* («Солдатская песня»[236], Ч. 1, XLV, 165). Иными героями

[235] Русская старина. 1883. № 12. С. 652.
[236] И. А. Кованько

являются военачальники: Кутузов (например, в том же стихотворении) или погибший Багратион, который и после смерти помогает русским (Ч. 1, LIX, 193–194[237]). Мотив *русского Бога* начинает встречаться в текстах, написанных не Глинкой – например, в стихотворении «К жителям Нижнего Новгорода» В. Л. Пушкина: «Бог русский грянет» (Ч. 2, XXVI, 275).

В идеологически и психологически сложной ситуации сентября 1812 года поэты, кроме того, уповают на *историю*. В стихотворении «Русская песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам» А. А. Никитина лирический герой обращается к князю Пожарскому и просит его восстать из гроба и сразиться за Россию:

Сокруши врага нечестивого;
Защити еще царство славное;
Ты прославь, прославь веру русскую,
Царя белого, храбро воинство[238]!
(Ч. 1, XXXVIII, 145).

В течение октября мотив *царя* возвращается в тексты (хотя сосредоточением акциональности все еще является *Бог*), более того, возникает новое понимание слова «Отечество». Если в предыдущих текстах это достаточно гражданское понятие, связанное с мотивом *народа*, то в стихотворении «Ода на освобождение Москвы» И. И. Ламанского «Отчество», «цари» и «вера» употребляются в качестве синонимов:

Мы все любовью пламенеем
К Отечеству, своим царям:
За них и жизни не жалеем –
Смерть не страшна за веру нам.
(Ч. 1, VII, 71)

В дифирамбе «К россиянам» А. Х. Востокова явлена следующая система подчинения мотивов: *Богу* подчиняется *царь* Александр, который «не тиран, но подданных отец», *царь* же призывает *народ*: «И мирный гражданин

[237] «Лирическая песнь при известии о кончине генерала от инфантерии князя Петра Ивановича Багратиона» Н. Ф. Остолопова.
[238] Отметим новую вариацию формулы: царь, вера и воинство.

бесстрашный воин стал». В этом же стихотворении представлен мотив *освобождения Европы*, которое совершит Бог руками русских:

И угнетенной днесь Европы племенам
Со смертью изверга свободу подарите:
Свой мстительный перун вручает Небо вам! (Ч. 1, XXII, 102)

Подведем некоторые предварительные итоги. Основные мотивы манифестов 1812 – 1814 годов достаточно широко представлены в поэзии уже первой половины 1812 года. Кроме того, поэзия данного периода более консервативна, в ней доминируют мотивы *царя* и *Бога*, тогда как в манифестах громко звучит гражданская идея, здесь особенно важен мотив *народа*. «Гражданственность» государственных бумаг объясняется их ориентацией на идеологию 1806 – 1807 годов, словесность же в течение мирных лет идеологически не стояла на месте, в ней усиливались антифранцузские и антиевропейские настроения, увеличивался вес национальной темы. Особую роль в «поправении» литературы сыграл журнал Глинки «Русский вестник». Неслучайно, государственная формула «За веру, Царя и Отечество» складывается не в государственных текстах, а в поэзии.

Занятие Москвы не закончило войну, наоборот, именно в сентябре 1812 года народная война против захватчиков стала массовой, а русский император решил продолжать войну, каким бы ни был ее итог[239]. За 36 дней Наполеон так и не дождался парламентеров. В течение Тарутинской передышки русская армия значительно усилилась, а французские войска к началу октября были ослаблены как физически, так и морально. После Тарутинского сражения (6 / 18 октября), в котором авангард французской армии во главе с Мюратом потерпел поражение, Наполеон покинул Москву и направил войска в направлении Калуги – на территорию, не тронутую войной. Однако в результате сражения у Малоярославца русской армии

[239] *Михайловский–Данилевский А. И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839. Ч. 3. С. 89.

удалось преградить французам путь – тем пришлось отступать по разоренной Старой Смоленской дороге, по которой они прошли до Москвы.

17 октября, после ухода французов из первопрестольной, выходит «Известие из Москвы» (50–57) – пространный текст, основной темой которого становятся зверства французов. Преступления неприятеля градуируются: вначале описываются грабежи, чинимые не только солдатами и офицерами, но и французскими генералами, после – уничтожение оставшегося, поджог города, убийства мирных жителей, насилие над женщинами и убийство их, наконец – поругание святынь, что «есть самый верх безумия и развращения человеческого».

Нынешнее поведение французов противопоставляется поведению войск в войнах прошлого, когда воины «столько же пеклись о победе и славе оружия, сколько о соблюдении чести и доброго имени народа своего». В пример приводятся русско–шведские войны при Петре I и Екатерине II и Англо–русская война 1807 – 1812 годов, в которых войска противников были человечны по отношению к мирному населению, а за нападение на мирных жителей, если те происходили, наказывались командованием. Французский же народ пошел не только дальше иных цивилизованных, но и далее «диких народов», у которых «примечается только жадность к грабежу, а не жадность к разрушению всего».

Подобная лютость французов объясняется падением их нравов, общей развращенностью и отходом от веры: во Франции «царский дом казнен на плахе», полностью «поругана была Вера и сам Бог», в книгах проповедуется распутство, которое привело к ужасной революции. «Вот с каким народом имеем мы дело!» – резюмирует «Известие». Порочность французского народа вынуждает русских отречься от плодов его культуры, разорвать с ней всяческие взаимоотношения, поскольку соблазны ее страшнее оружия, следовательно, «одно из двух непременно избрать должествуем: или продолжая питать склонность нашу к злочестивому народу, быть злочестивыми его рабами; или прервав с ними все нравственные связи,

возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов, и быть именем и душою храбрыми и православными россиянами». Текст преподносит нынешнее сражение России и Франции как онтологическую схватку добра со злом, Бога с дьяволом. С одной стороны, в документе продолжает признаваться особая значимость «храбрых и православных» русских, с другой – в нем начинается перемещение фокуса с народности войны на ее мистическую природу. Ранее, в государственном красноречии XVIII – начала XIX вв., упоминание Бога носило, скорее, этикетный характер, основным деятелем любого события был *монарх*. В манифестах 1806 – 1807 годов появляется новый субъект истории – *народ*, а в данном тексте третий – *Бог*.

В данном манифесте особенно ярко выражаются взгляды Шишкова на Отечественную войну. Как было сказано выше, еще в июне 1812 года Шишков выступал против плана отступления русских войск. Дополняя свои «Записки» через много лет после рассматриваемых событий, автор не отрекается от мысли о том, что оставление русских территорий летом 1812 года было скорее губительным – Россию спасло не оно, а Бог, обративший постыдное отступление в торжество и славу. Именно Бог, а не планы людей, совокупили такое множество факторов, которые позволили победить. Бог сделал так, что Наполеон столь безрассудно далеко зашел в пределы России; что пожар Москвы усыпил его бдительность; что началась настоящая народная война, не организованная государством; что «нечаянно» главнокомандующим стал «искусный, опытный полководец» Кутузов; что, наконец, был столь лютый мороз, который вооружился против захватчиков. «Нет! не человеческий ум предузнал и расчислил эти последствия; но десница Божия гордые врагов наших мечты <…> превратила им в пагубу, а нам во спасение». А потому и надпись на медали гласит «не нам, не нам, – имени Твоему»[240]. Риторика Шишкова здесь очень сходна с риторикой более поздних манифестов, в которых основным деятелем войны станет *Бог* (и

[240] *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. С.137–138.

царь, как проводник его воли на земле). Образ мыслей Шишкова, в общем, был близок к мировоззрению императора Александра: оба возлагали особые надежды на храбрость русского оружия и преданность народа царю и были убеждены в том, что Отечественная война должна идти до победного конца и никакие переговоры с Наполеоном не возможны, а потому не удивительно, что, выражая собственные взгляды, государственный секретарь выражал и мнение Александра I – манифесты, выходившие из–под пера Шишкова если и редактировались императором, то стилистически, Александр I правил лишь некоторые обороты и фразы, казавшиеся ему неблагозвучными. Вспомним, что император приблизил недавно опального адмирала после публикации шишковского «Рассуждения о любви к Отечеству», в котором говорилось о том, что русский народ должен духовно противостоять иноплеменникам[241]. Согласно представлениям Шишкова, исторические события совершаются не гениями (Наполеоном или Кутузовым), а Провидением, которое управляет всеми делами и помышлениями людей, творит историю. Конкретные исторические деятели оказываются только исполнителями божественной воли. Поэтому триумфатором в войне не является ни человек Александр I, ни русский народ – истинным победителем оказывается только Бог[242].

Мистическая переориентация манифестов происходит параллельно с особенным увлечением Александра I текстом Священного Писания. Во время нашествия Наполеона император, по совету А. Н. Голицына, начинает много читать Библию, все более увлекается религиозными идеями. Александр, Голицын и Р. А. Кошелев образовали мистический союз и часто молились вместе[243]. Кажется неслучайным, что именно в декабре 1812 года подписывается указ об образовании «Библейского общества» – идее распространения Священного писания в широких народных кругах начинает

---

[241] Подробнее см.: *Крашенинникова О. А.* Наполеон и Александр I в мемуарах А. О. Л. Коленкура и А. С. Шишкова // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 51–90.
[242] Там же. С. 86–87.
[243] См., например: *Вел. кн. Николай Михайлович.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. Петроград. 1914. С. 117–118.

оказываться государственная поддержка[244]. Для Александра, как и для Шишкова, ведущаяся война обрела характер религиозной. Они оба воспринимали ее через призму текста Священного Писания.

Важно отметить, как мотив *народа*, возникший для определения русских, является в данном тексте в новом, обратном варианте – *французского народа*, который характеризуется только отрицательно. Если русские – храбрые, стойкие и православные, то французы – развращенные, жестокие и поправшие веру. Противопоставление русских и французов, кроме прочего, продолжает оформление идеи *русской нации* (нации, обратной французской).

После сражения под Малоярославцем (12 / 24 октября) нагруженная дорогими, но бесполезными в спешном марше трофеями французская армия, похожая не на армию, а, по словам генерала Ф. Сегюра, на «татарскую орду после удачного нашествия»[245], отступала, дойдя в течение 49 дней до Ковно (то есть делая больше 21 километра в день)[246].

Добравшись до Смоленска, оставив по пути множество умирающих и мертвых, войска Наполеона грабили в городе все, что удавалось (даже собственные продовольственные склады) и жгли дома, чтобы согреться. Из–за острой нехватки продовольствия пищей снабжалась только Старая гвардия, остальные части должны были добывать пропитание самостоятельно[247].

На следующий день после того, как Наполеон покинул Смоленск, 3 ноября дается манифест (60–64), в котором император благодарит российский народ за храбрость, с которой тот сражался с захватчиками. Особо важен данный документ потому, что в нем начинает оформляться

---

[244] Развитие религиозных настроений, проявившихся в эти месяца у Александра, через три года привело к замыслу Священного союза. См подробней в: *Майофис М. Л.* Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008. С. 677–730.

[245] *Сегюр Ф.* Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. М., 1911. С. 87.

[246] *Айрапетов О.Р.* История внешней политики Российской империи. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 301. По словам генерала М. И. Платова, «неприятель бежит так, как никакая армия никогда ретироваться не могла» (цит. по: *Айрапетов О. Р.* Там же.).

[247] См. подробней: Там же. С. 302.

сюжет Отечественной войны[248] – особый нарратив с центральными событийными эпизодами, трактуемыми в определенном идеологическом ключе. Следующим манифестом, в котором рисуется история Войны, будет «Известие о сражении под Лейпцигом» 4–5 октября 1813 года, а главной бумагой, окончательно закрепившей данный сюжет – манифест от 1 января 1816 года, последний «военный» и, бесспорно, самый главный манифест 10–х годов XIX века[249].

Представленный в манифесте от 3 ноября сюжет выглядит так. Россия строго соблюдала мирный договор, стараясь всеми силами избежать кровопролитной войны. Неприятель же «с мирными в устах обещаниями не преставал <…> помышлять о брани» и, собрав сильное разноплеменное войско, двинулся вглубь русской земли. По пути он грабил, жег селения, осквернял храмы и алтари, предал огню Москву, подорвал Кремль, «словом, все неслыханные доселе неистовства и лютости, открыли напоследок то самое в делах, что в глубине мыслей его долгое время таилось», потому что враг всегда завидовал богатству и благополучию Российского Царства, боялся его силы. Противник старался отвратить русских от Бога поруганием святынь и храмов, заразить народные нравы буйством и «потрясти верность престолу», используя «хитрые и ложные обольщения». Уже весь мир видел в пылании Москвы последние дни независимости России, «но велик и силен Бог правды!», храбрые войска и ополчение обступили врага, и тот, будучи отовсюду сокрушен, решил отступать: «с малыми остатками оных (*войск – К. Х.*) ищет личного спасения своего в быстроте стоп своих; бежит от Москвы с таким уничижением и страхом, с каким тщеславием и гордостью приближался к ней». Неприятель оставляет пушки и обозы, вражеские войска тысячами погибают – «Тако праведный гнев Божий карает поругателей святыни его!». Далее император («Мы» текста), видя великие подвиги

[248] Уже в самом начале войны Александр I велел Шишкову написать «подробный манифест о начале и причинах нашей с Французами войны», однако государственный секретарь не смог приступить к этому тексту, потому что не имел ни достаточных сведений, ни времени – он следовал вместе с Главной квартирой, практически каждый день переезжая с места на место (*Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка. С. 128).

[249] В нем будет создан идеологический вектор на несколько следующих десятилетий.

верноподданных, «вначале» приносит благодарение «Всемогущему Богу», а «потом» выражает «признательность и благодарность <…> верноподданным, яко верным сынам России». В тексте отмечается, что все подданные царя равно содействовали делу уничтожения врага: войска храбростью, дворянство и купечество щедростью, народ (мещанство и крестьяне) верностью и мужеством, вступая в ополчения. «Толь великий дух и непоколебимая твердость всего народа приносят ему незабвенную славу, достойную сохраниться в памяти потомков». Император выражает надежду на то, что доблесть народа вкупе с православной церковью, Святейшим синодом и духовенством, призывающим на помощь Бога, если не уничтожит врага, поругавшего святыни, то явит тому свою силу. Кончается манифест благодарностью русскому народу: «почитаем за долг и обязанность сим Нашим всенародным объявлением изъявить пред целым светом благодарность Нашу, и отдать должную справедливость храброму, верному и благочестивому народу российскому».

Заметим, что деятелем в кульминации оказывается *Бог*, именно он останавливает казавшегося непобедимым врага. Бог карает тех, кто поругал его святыни. Важная для текста тема – подчеркнутые мотивы *разорения святынь* и «*нечестивости*» неприятеля. Это позволяет представить идущую войну не только как народную, но и как религиозную. А в религиозной войне, естественно, «праведной» стороне помогает Бог. Аксиологическая переориентация маркирована и тем, что *Бог* поставлен ранее («вначале») *народа*, тогда как в предыдущих манифестах шел после.

В данном тексте вновь возникает слово «верноподданные», которое было ранее повсеместно заменено «народом», при этом под «народом» здесь понимаются не только все слои населения, но и конкретно – мещане и крестьяне. Сословнообъединяющий термин *народ* продолжает существовать, однако рядом с «народом» в старом словоупотреблении (обозначавшем податные сословия).

Таким образом, резкое уменьшение значимости народа и народности и выдвижение на первый план *Бога*, мистичности войны происходят уже в ноябре 1812 года, всего через 2 месяца после оформления идеологемы русской нации. Нельзя согласиться поэтому с мнением исследователей о том, что мотив *народа* в манифестах усиливается до Рождества 1812 года, будучи особенно явно представленным в манифесте от 3 ноября, а потом начинает ослабевать и замещаться мотивом *Бога*[250]. Наоборот, в манифесте от 3 ноября у мотива *народа* отнимается то, что создало данный мотив – его субъектность, признание способности к действию. В данном тексте народ вновь становится частью имперского государства.

В поэзии к середине – концу ноября 1812 года также выстраивается довольно четкая схема, образующая вокруг себя сюжет войны, сходный с официальным, но точно ему не вторичный – он появляется в стихотворениях раньше, чем в манифестах, однако в менее определенной форме. Схема такова: Наполеон, «враг Европы» (например, в Ч. 1, XXXIV, 132–135) и противник веры (Ч. 2, XV, 255), мечтает забрать свободу у Европы (Ч. 1, XVIII, 91), но против него восстает *Бог*, в некоторых текстах «Русский» (например, Ч. 1, IX, 74). *Бог* вдохновляет *царя* Александра на борьбу с противником всего мира, а потому тот одерживает победу и начинает освобождать мир, желая даровать свободу. Мотивы *Бога*, *Царя* и *освобождения Европы* становятся в основании мотивной системы. Под освобождением «мира» понимается победа над онтологическим злом – в этой связи важно, что Россия в стихотворениях данного периода освобождает «Вселенну» (Ч. 1, VIII, 73; Ч. 1, XXXIV, 132; Ч. 1, XXXV, 136)[251]. *Царь* руководит подданными, хотя в некоторых текстах мотив *народа* достаточно

---

[250] См. *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. С. 296.
Киселев В. С. Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году». С. 466.

[251] Слово «Вселенна» в значении «Европа», «цивилизованный мир» часто использовалось в поэзии и ранее, однако в конце осени 1812 г. оно окрашивается явной мистической семантикой.

самостоятелен: «Какой народ с тобой сравнится, / Великодушный, храбрый росс!» (Ч. 1, XXXIV, 134).

Особо интересны «Стихи, писанные по прочтении известия генерал–фельдмаршала князя Голенищева–Кутузова от 28 октября из г. Ельни» Н. И. Язвицкого. Здесь Царю дарованы истинные сверхспособности – он способен воскрешать мертвецов и исцелять больных:

Царь, Небом кротким вдохновенный,
Живительный, благословенный
Свет на стенящих излиет:
Убоги сетовать престанут,
От брани падшие восстанут,
Все паки в мире процветет.
(Ч. 1, X, 75–76)

В стихотворениях рассматриваемого периода, с другой стороны, все больше внимания уделяется фигурам русских командиров: Багратиона, Витгенштейна, Кутузова. Начинают появляется тексты, полностью посвященные фигуре главнокомандующего. Кутузов уподобляется орлу и архистратигу Михаилу (в совпадении имен генерала русской армии и начальника небесного воинства современники видели особый знак), он ведет за собой храбрых русских. Особенно ярко это представлено в стихотворении «Ода на парение орла над российскими войсками при селе Бородине в августе 1812 года»[252] (Ч. 1, XI, 77).

В ноябре же выходит апологетическое стихотворение Жуковского, посвященное Кутузову – «Вождю победителей» (Ч. 1, XV, 84–86)[253]. В данном тексте отсутствует мотив *царя,* максимально ослаблен мотив *Бога*. Фигура Кутузова замещает собой царя Александра. Он не просто главный деятель, но носитель черт и качеств, которые, казалось бы, могли быть приписаны только императору: он «вождь Славян», он «родины спаситель», именно Кутузову надлежит даровать свободу всему миру, он водит за собой русских воинов – это его войска («Свои полки отчизне возвратишь»).

[252] Автор неизвестен.
[253] В «Собрании…» текст назван «Князю Смоленскому».

Жуковский посвящает Кутузову строки, которых в современной им поэзии редко удостаивался и Александр I:

Уже в мечтах я вижу твой возврат!
Перед тобой венцы, трофеи брани!
Во сретенье текут и стар и млад;
К тебе их взор! к тебе подъемлют длани!
«Се он! се он! сей грозный вождь, наш щит!
Сколь величав покрытый сединами!
Усейте путь спасителя цветами!
Да каждый храм мольбой об нем гремит!
Да слышит он везде благословенье!»
<…….....>
Везде, о вождь! тебе благословенье!
Тебя предаст потомству песнопенье!

Русский *царь* в тексте не упоминается, присутствуют только *цари–рабы*, покорные Наполеону:

Уж хищный взор с похищенного трона
Вселенную в неволю оковал!
Уж он царей–рабов своих созвал...

Отметим, что Кутузову приписываются не только императорские, но и божественные черты. Военачальник прямо уподобляется Богу:

Я зрел, как ты, впреди своих дружин,
В кругу вождей, сопутствуем громами,
Как Божий гнев, шел грозно за врагами!

Кутузов в тексте обладает божественной мудростью, умными очами, которыми он способен прозревать все сущее: «…Что был сокрыт вселенныя предел / В твоей главе, венчанной сединою!…». В старости и умудренности Кутузов вновь уподоблен Богу – его седина «священная», сам он – «посол Судьбы».

Так в достаточно полемичном современному поэтическому мейнстриму тексте Жуковский объединяет качества *царя* и *Бога* в фигуре «демократичного» военачальника *Кутузова*. Данное стихотворение – результат трехнедельной тарутинской передышки, которую взяла армия после отступления Наполеона из Москвы. В этот период при типографии Главной квартиры, возглавленной А. С. Кайсаровым, образуется собрание

литераторов–единомышленников, веривших в идеи народной войны и восхищавшихся фигурой Кутузова. Тот для них был главным представителем образующейся единой русской нации, который велик не чином, а близостью к народу[254].

Таким образом, в поэзии осени 1812 года заметна полемика: в большинстве поэтических текстов главенствуют мотивы *Бога* и *царя*, однако в некоторых, иногда более заметных, субъектным становится Кутузов – воплощение народного духа, военачальник, в глазах современников слабо ассоциировавшийся с государством: гражданские мотивы, постепенно исчезающие из манифестов, продолжают жить в поэтических текстах.

24 ноября 1812 года, когда победа в Отечественной войне стала очевидна, было написано «Объявление для чтения в Церквах» (83–84). Обращено оно к «православному народу» – из предыдущей формулы «храбрый и православный» изъята первая часть – причем *народом* в данном случае называются низшие сословия: мещанство и крестьяне. Император хвалит «русский народ» за «верность и храбрость» (отметим соположение), за исполнение своего долга: защиту «Веры, Царя и Отечества». Тематическим центром манифеста является призыв к добровольной сдаче оружия, которое селянам и городскому населению больше не требуется: «...Отдайте не нужное вам оружие, на защиту вас же самих, братиям своим, воинам, которые употребят оное на всеконечное врагов ваших истребление». За каждые сданные ружье или пару пистолетов император жалует 5 рублей, за вражескую пушку – 50, оружие нужно приносить в храмы «без всякой утайки, которую Бог увидит» и вменит во грех. Кончается текст повторным обращением к «православному народу» и призывом «поспешать исполнять волю Царскую», чтобы сданное оружие могло быть употреблено русскими войсками, прогоняющими врагов от русских жилищ.

---

[254] См. подробнее: *Лотман Ю. М.* 1) Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно–общественная борьба его времени // Учен. зап. Тартус. гос. ун–та. Тарту, 1958. Вып. 63; 2) Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К стопятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962. С. 215–232; *Тартаковский А. Г.* Из истории русской военной публицистики 1812 года // Там же. С. 233–254; *Березкина С. В.* А. С. Кайсаров и В. А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова // Русская литература. 1986. №1. С. 138–147.

В документе сополагается несколько важных идеологических элементов. Во–первых, фраза, меняющаяся от текста к тексту в течение 1812 года оформляется в постоянную отныне тройную формула «За Веру, Царя и Отечество», в которой *царь* занял второе место после Бога[255]. В формуле объединяются те ценности, за которые, с точки зрения государства, сражался русский народ. Важно и то, что с появлением формулы защита ее элементов вменяется народу в обязанность, о *свободе* речь отныне не идет. Так только образованная в государственной риторике идея *народа* как носителя определенной идентичности и субъектности сменяется идеей *народа* как пассивной силы, обязанной активизироваться только в случаях посягательств на православную веру, фигуру монарха или государство. Во–вторых, *народ* как термин, объединявший представителей всех сословий, все более сужает свое значение – в тексте он обозначает только низшие, податные, сословия, крестьян и мещан. В–третьих, *народ* лишается возможности быть деятелем войны, потому что у него отнимается основной ее атрибут – оружие. Кроме вполне внятных практических целей, конфискация оружия обладает символическим смыслом – субъектность народа угрожает субъектности императора, нация не может обладать силой, та должна быть вручена войску – организованной государственной структуре, фактическим начальником которой является царь. В–четвертых, параллельно с ослаблением силы мотива *народа* усиливается сила *императора* – это уже не только «Мы» текста, но активный деятель: Он («Его Императорское Величество») жалует награду за сданное оружие, его волю нужно незамедлительно исполнять.

Факт того, что основная государственная идеологическая триада возникла в тексте, посвященном сдаче оружия, важно отметить отдельно. Данный текст маркирует окончательную смену государственной идеологии: постепенный отход от идеи гражданственности завершен, в документе

[255] На ополченском кресте 1812 г. было написано «За веру и царя».

формируется новый для политического красноречия XIX века исторический актант – император.

Примечательно, что в поэзии конца ноября – начала декабря 1812 года наблюдаются обратные тенденции: здесь усиливается акциональность *народа* и нечасто явлена фигура *царя*. Одним из главных деятелей войны здесь назван Кутузов – даже в «Прощании с 1812 годом декабря 12, во всерадостный день рождества Его Императорского Величия» А. Х. Востокова, в одном из самых верноподданнических текстов этого времени, Бог творит дела войны руками Кутузова и Витгенштейна (Ч. 1, XXXVI, 138).

Основным образом, сопутствующим фигуре Кутузова, оказывается образ *орла* – едва ли не повсеместно русский военачальник называется орлом, он парит и нападает, подобно этой гордой символической птице. Данное метафорическое уподобление имеет, в том числе, легендарно–исторический источник: во время одного из смотров над головой Кутузова будто бы явился парящий орел, что было трактовано современниками как знак высшего благословения. Этот сюжет быстро распространился во множестве мемуарных и поэтических текстов, а также в живописи[256].

Мотив орла – один из самых частотных и постоянных в русской батальной поэзии. На заре русского стихотворчества Симеон Полоцкий славил «орла всероссийского» – аллегорию могущества государства[257]. В XVIII в. белый или золотой орел – имперский образ, описания русско–шведских войн были часто представлены в метафорическом соперничестве Орла и Льва – двух геральдических аллегорий, причем они были общими для русских и шведских авторов[258]. Орлами называли и монархов[259], и русских

---

[256] См. об этом: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С.522–523.

[257] *Ширле И.* Понятие «Россия» в политической культуре XVIII века // Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012. С. 209.

[258] *Люстров М. Ю.* Война и культура: Русско–шведские параллели эпохи Северной войны. М., 2012. С. 173–200.

[259] Ср., например, в оде Ломоносова 1759 года Елизавета Петровна названа «орлицей»:

Парящей слыша шум Орлицы,
Где пышный дух твой, Фридерик?
Прогнанный за свои границы,

воинов[260] – в обоих случаях аллегория несла государственный смысл и была лишена смысла гражданского. Семантическое наполнение аллегории начинает меняться, вероятно, в творчестве Державина. В его поэзии мотив *орла* продолжает обладать имперским значением, однако также связан и с мотивом *россов* – русского народа. Например, в Измаильской оде (1790) аллегория представлена в обоих смыслах: геральдическом – русский орел (Россия) побеждает луну (Турцию) – и более гражданском – орел парит над головами россов:

Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:
Как полный месяц щит его,
Как сосна, рында обожженна,
Глава до облак вознесенна, –
Орел над шлемом у него[261].

Мотив продолжает развиваться в течение русско-французских войн 1805 – 1807 годов. В это время его семантика все далее отходит от понятий *монарха* и *государства*, обретает все больший гражданский смысл. *Орлы–россы* появляются в текстах, в которых и вовсе отсутствует мотив *царя* Александра[262]. В 1812 году *орлом* в поэзии повсеместно называется Кутузов. Появившись в поэзии в конце лета – начале осени 1812 года – в частности, в «Оде по случаю парения орла над российской армией под предводительством князя Кутузова при селе Бородине, 1812 года в августе»[263] Г. Р. Державина и в упомянутой выше «Оде на парение орла…» (XI, 77) неизвестного автора – к концу осени – началу зимы 1812 года мотив *орла–Кутузова* становится общим местом. Любое упоминание полководца сопровождается метафорой *орла*.

Еще ли мнишь, что ты велик?
(*Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986. С. 86)

[260] См. об этом: *Клейн И.* Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic studies. 2018. № 1. С. 174–210.

[261] *Державин Г. Р.* Соч. Т. 1. С. 355.

[262] Как, например, в «Военной песни» (Московский курьер. 1806. Ч. 3. Июнь. С. 396–398) и «Песни барда над гробом славян–победителей» Жуковского.

[263] Написана 31 августа 1812 г. В октябре напечатана отдельным изданием. В более поздних публикациях под заглавием: «На парение орла» (*Державин Г. Р.* Соч. Ч. 3. С. 133).

Данный образ в 1812 году соотносится и с русским войском вообще. Связь мотивов *орла–Кутузова* и *россов–орлов* явлена в «Стихах Святлейшему князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву–Кутузову–Смоленскому» П. И. Шаликова. Здесь *орел–Кутузов* разит врагов и своими победами дает надежду Европе на свободу. Европа готова «ярем тиранства низложить», потому что осознает, что ее спасает росс. Так, Кутузов в стихотворении становится воплощением русского человека, квинтэссенцией народа, а потому неудивительно, что далее следует хвала не военачальнику, а россам вообще:

Спасать царей, спасать народы,
И первое из лучших благ –
Дар возвращать златой свободы
(Лишь пагубной в дурных сердцах)
Давно есть славный жребий россов! (Ч. 1, XXVIII, 116–117)

Фигура Кутузова и мотив *народа* в поэзии конца осени – начала зимы 1812 года сливаются в общий непротиворечивый образ, между ними нет напряжения, какое всегда присутствовало между мотивами *Царя* и *народа*.

Мотив *россов–орлов* явнее всего представлен в «Песни на освобождение царствующего града Москвы октября 11 дня 1812 года» С. В. Юшкова. Здесь образ орла создает вокруг себя развернутую метафору – сюжет о птичьем противостоянии. Вокруг каменной Москвы собираются «орлы северны», чтобы под началом царя–батюшки дать отпор «варвару», «извергу» и «злодею» Наполеону, приведшему с собой

…и *гусей*, и *грачей*,
И *чижей*, и *синиц*, *воробьев*, *журавлей*,
И *сорок*, и *ворон*, *коршунов* и *сычей*,
Вислоухих сов и *ночных филинов*,
Да и тех дураков – *полевых дудаков*… (Ч. 1, XXXI,123–125)

Несмотря на многочисленность разномастного птичьего войска, оно состоит из слабых и невоинственных птиц (их автор прямо называет «дрянью»), а потому не способно побороть «могучих орлов, *орлов северных*». Наполеон в тексте называется и «*ушатым сычом*», и «*летучей мышью*», и

«*корсиканским петухом*», который возомнил, что может сразиться с благородными орлами. Кончается стихотворение славословием русскому народу. Отметим, что *орлы* (русские) названы здесь «царем птиц» и «судьей света». Так мотив *царя* причудливым образом обращается в мотив *народа*:

Орел – *всем птицам царь, всему свету судья!..*
А *ощипанный сыч всему свету – смех*![264]

Итак, к началу зимы 1812 года государственное политическое красноречие и поэзия создали общую мотивную идейную систему, в которой на первое место может выдвигаться один из трех мотивов: *народа* (гражданские тексты), *царя* (тексты с государственным пафосом) и *Бога* (мистически ориентированные тексты). В поэтических текстах, в которых доминирует мотив *народа,* с ним связаны ранее «государственные» мотивы орлов и военачальников, особенно «гражданским» начальником считается Кутузов. Несмотря на значительность Отечественной войны, ужас которой переживал, вероятно, каждый русский человек, поэтические тексты, находясь в границах достаточно архаических жанров и стилистик (в первую очередь, одической), довольно слабо выражают индивидуальное чувство лирического героя – тексты наполнены всеобщим, историческим и почти лишены субъектного, частного[265]. Поэтому стихотворения 1812 года – прекрасный источник для изучения идеологии эпохи, но их литературный уровень достаточно невысок, они редко отвечают представлениям современников о новой поэзии. Это подтверждается, в частности, тем, что «Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» было забыто почти сразу же после его публикации[266]. Большой поэтический текст должен был представить величие исторических событий Отечественной войны через призму индивидуального лирического на них взгляда.

---

[264] Курсив авторский.
[265] См. об этом, например: *Охотин Н. Г.* 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году.
[266] См. подробней: *Айзикова И. А.* Историко–литературное значение «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» // Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. С.433–448.

В октябре 1812 года Жуковский пишет, а в декабрьском номере «Вестника Европы» публикует «Певца во стане русских воинов» [267] – текст, ставший главным военным стихотворением времен Отечественной войны и Заграничного похода[268]. В исследовательской литературе неоднократно звучала мысль, что Жуковский первым из русских поэтов, писавших о войне 1812 года, сумел совместить лирическое частное со всеобщим[269]. Для нашей работы особенно важно, что соединение лиризма и эпичности создало новый поэтический прецедент: в тексте индивидуальным чувством окрашены не столько военные события, сколько общераспространенные в манифестах и поэзии идеи–мотивы – лирический герой Жуковского распределяет их по отдельным здравицам. Абсолютное большинство стихотворений, посвященных Отечественной войне, говорит о войне шаблонно и идеологически объективно: в них представлена определенная мотивная иерархия, которая никак не комментируется. В этом смысле это более идеологические, чем литературные тексты, они очень близки к текстам манифестов, что вызывает искушение вовсе игнорировать их поэтическую природу. «Певец во стане русских воинов» переводит идеологические концепты на язык современной лирической поэзии, можно сказать, вводит их в поэзию. До «Певца…» батальные стихотворные тексты будто существуют не в поэтическом контексте, а в контексте государственного политического красноречия, почему и обращаются к явно архаической стилистике. Военное стихотворение, вбирающее в себя современный идеологический контекст и написанное на языке современной, то есть интимной лирической, поэзии – один из первых шагов к поэзии, в которой будет представлен негосударственный взгляд на гражданскую и политическую жизнь России. Так, не верноподданнический, но и совершенно не революционный

[267] Вестник Европы. 1812. Ч. 66, № 23–24. С. 176–196.

[268] О реакции современников на текст см.: *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9. С. 14–16.

[269] См., в частности: *Семенко И. М.* Жизнь и поэзия Жуковского М., 1975. С. 26; *Иезуитова Р. В.* В. А. Жуковский // История русской литературы: В 4 т. Л., 1981. Т. 2: От сентиментализма к романтизму и реализм. С. 121; *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского. С. 18–23.

политически текст Жуковского создает предпосылки к образованию гражданской поэзии (в частности, декабристской).

Композиционно «Певец…»[270] разделен на несколько здравиц. Первый кубок посвящается *славному прошлому*, герои поднимают его за «чад древних лет»: Святослава, Дмитрия Донского, Петра I и Суворова. Вторая здравница посвящена «Отчизне», в которой совмещено государственное («И царский трон, и прах царей») и интимное, неполитическое понимание этого слова:

Там все – там родших милый дом,
Там наши жены, чада, –
О нас их слезы пред Творцом;
Мы жизни их ограда! –
Там девы – прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный!

Понимание отчизны как *малой родины, дома, семьи* нетривиально для поэзии 1812 года. В «Певце…» Жуковский продолжает разрабатывать мотив *дома* в том виде, в котором он уже прозвучал в «Песни барда над гробом славян–победителей». Важно понимать, что, соотнося идеи дома и родины, автор следует четко сформулированному идеологическому заданию, выраженному еще в письме А. И. Тургеневу в декабре 1806 года – одним из компонентов отечества в нем оказываются «жены и дети»[271].

---

[270] Текст анализируется по редакции 1812 года (первого отдельного издания и публикации «Вестника Европы»), представленной в «Собрании...» с незначительными для данной работы разночтениями. Цит. по: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С. 46–61. Позднейшие правки, произведенные Жуковским в 1813–1814 гг., не учитываются. История написания и публикации «Певца…» достаточно запутана. Несмотря на то, что № 23–24 «Вестника Европы» декабрьские, в непростое военное время они вышли только в марте 1813 г., а потому отдельная публикация начала февраля 1813 г., подготовленная А. И. Тургеневым, оказывается первой. Более того, исследователи предполагают, что существовала не сохранившаяся до нашего времени публикация походной типографии, которую современники могли читать в конце 1812 г. Как бы то ни было, различия трех текстов – «тургеневской» публикации, «Вестника Европы» и текста «Собрания…» – несущественны для нашей работы. Историю публикации «Певца...» см. подробнее: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 1. С. 596–599. Примеры разночтений в разных изданиях приведены в: Собрание стихотворений относящихся к незабвенному 1812 году. С. 514–515.

[271] «Еще ж, едва ли не больше, могли бы сделать священники. Я бы написал проповедь простую, но сильную, которую бы разослал по всем приходам и велел бы читать перед народом; умный священник к написанному мог бы прибавить свое словесное толкование, а глупый ничего не прибавил, а прочел бы всё так, как написано. Это произвело бы великое действие. В проповеди основал бы всё на вере; говорил бы о любви к государю, к женам и детям, о потере возможной имущества и о наградах в здешнем и будущем мире: одним словом, освятил бы вооружение» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 15. С. 46).

Третий кубок посвящен русскому *царю*, это одна из двух самых коротких здравиц (12 стихов). Ей противостоит следующая, наиболее объемная (108 стихов), посвященная русским *ратникам* и *вождям*. В ней представлен самый длинный ряд военачальников в поэзии 1812 года, от славнейших и упоминаемых в иных текстах (Кутузова и Витгенштейна) до менее значительных (Бенингсена, Тормасова или Багговута). В военачальниках Певец, кроме храбрости, особенно отмечает близость к рядовым воинам, они не государственные, а гражданские герои: Кутузов: «как юный ратник, вихрь, и дождь, / И труд он делит с нами»; Ермолов: «Ты ратным брат, ты жизнь полкам!», Раевский: «Он первый грудь против мечей / С младенцами сынами!»; Коновицын: «Пример и ратным и вождям / И храбрым удивленье!». Следующий, второй по объему строк в произведении, кубок поднимается за *вождей, сраженных в бое*, которые, как и ныне здравствующие начальники, слиты со всем русским воинством, никак ему не противопоставлены:

Уже не пр*и*дут в сонм друзей!
Не станут в ратном строе!

Переходным от «идеологической» к «лирической» части стихотворения является седьмой кубок. Он поднимается за русское *воинство*, однако этот мотив обладает необычными для современной военной поэзии коннотациями: воины здесь не государственное войско, не армия, а «святое братство». Здравица посвящена товариществу и дружбе – ценностям «малого мира» дружеского послания, которые лирический герой вносит в текст, посвященный современным историческим событиям. Следующие «лирические» кубки восхваляют *любовь* и *творчество*, вновь ценности дружеского послания. *Любовь* здесь уподобляется воинской славе («Любовь одно со славой»), она воодушевляет воина на подвиги, а не долг, *царь* или *Бог*:

Она на бранных знаменах,
Она в пылу сраженья,
И в шуме стана и в мечтах

Веселых сновиденья.
Отведай, враг, исторгнуть щит,
Рукою данный милой!
Святой обет на нем горит:
Твоя и за могилой!

В здравице, посвященной *любви*, возникает мотив *небесного мира*, места, в котором будет иная жизнь: «О други! Смерть не все возьмет! / Есть жизнь и за могилой». Несмотря на, казалось бы, очевидность идеи, она не была распространена в поэзии 1812 года: божественные кара и награда в ней ждут героев в посюстороннем мире. Идея загробной жизни игнорируется и в манифестах, потому что идеологически востребована мысль о земном воздаянии.

В кубке *чистым музам* лирический герой апеллирует к славному прошлому, представленному не в образах князей или воинов, а мифического певца Бояна. В этом же фрагменте текста Певец символически уравнивает воина и поэта:

Суворов, чудо–исполин!
Державин грянет в струны!

Последняя здравица обращена *Богу сил*. Данная часть текста особенно интересна, из нее явно, как Жуковский, используя общераспространенный мотив, размывает его значение, лишая присущей идеологической заданности. Первая строфа начинается достаточно традиционно:

Подымем чашу!.. Богу сил!
О братья, на колена!
Он искони благословил
Славянские знамена!
Бессильным щит Его закон
И гибнущим спаситель!
Всегда союзник правых Он
И гордых истребитель!

Однако далее становится ясно, что Бог в тексте Жуковского – обитатель потустороннего мира, чаяньем о котором объединены герои:

Бессмертье! Тихий, светлый брег!
Наш путь — к нему стремленье!

Покойся, кто свой кончил бег!
Вы, странники, терпенье!
Блажен, кого постигнул бой!
<…….....>
Сын брани мигом ношу в прах
С могучих плеч свергает
И, бодр, на молнийных крылах
В мир лучший улетает!

В центре фрагмента располагается призыв к праведной и доброй жизни, достаточно отдаленно связанный с военной темой стихотворения. Он начинается строками:

Ему, друзья, отважно вслед!
Прочь, низкое! Прочь, злоба!
Дух бодрый на дороге бед,
До самой двери гроба!

И кончается:

Неправде – грозный правды глас!
Заслуге – воздаянье!
Веселие – в последний час!
При гробе – упованье!

В конце здравицы Певец возвращается к идеологически верному образу *Бога*, используя здесь определение «русский». В строфе намеренно перефразируются стихи псалмов – такая форма бытования мотива *Бога* была особенно распространена в военной поэзии:

О! Будь же, русский Бог, нам щит!
Прострешь Твою десницу –
И мститель–гром Твой раздробит
Коня и колесницу!
Как воск перед лицом огня,
Растает враг пред нами!
О страх карающего дня!
Бродя окрест очами,
Речет пришлец: «Врагов я зрел;
И мнил: земли им мало!
И взор их гибелью горел;
Протек – врагов не стало!»

Таким образом, в «Певце…» Жуковский переосмысляет традиционные для 1812 года мотивы, по–новому расставляя идеологические акценты.

Гражданственность текста достигается не наличием или отсутствием определенных мотивов – в тексте сосуществуют *Бог, царь,* и *народ*, – а индивидуальным чувством, которое не позволяет герою смотреть на мир как на ряд общих идей. Оживляя военачальников и войско, демонстрируя их способность к действительному, нешаблонному чувству, Жуковский неминуемо ставит героев в гражданский контекст – контекст живых людей, а не государственных концептов.

Здесь важен еще один социально–политический аспект «Певца…»: лирическое переживание государственного, воздействуя на читателя, делает его как бы вовлеченным в идеологический процесс. У воспринимающего возникает интимная сопричастность абстрактной идее, столь важная для усвоения индивидуальным и коллективным сознаниями идеологических конструктов[272].

По изгнании армии Наполеона из России 25 декабря 1812 года выходит Приказ войскам (99–100). В нем император хвалит храбрость и терпение русских воинов и предрекает им вечную славу. Далее он благодарит Бога за то, что тот даровал победу: «Хвала Всевышнему! Рука Господня с нами, и нас не отставит. Уже нет ни единого неприятеля на лице земли нашей». В тексте объясняется смысл продолжения военных действий: нужно перейти границы «не для завоевания <…> но для достижения желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себе спокойствие, а им свободу и независимость». Так мотив *освобождения Европы*, не звучавший в манифестах с лета 1812 года, вновь возникает и оказывается идеологической основой и целью Заграничного похода. Главной национальной чертой воинов оказывается их вероисповедание («Вы Русские! Вы Христиане!»), а воинскими чертами – храбрость в сражении («должность воина быть храбру

[272] В частности, это важно для будущей идеологемы «особого пути» как веры в нелогическое, странное и скачкообразное, но неумолимо ведущее к идеалу (довольно неясно обрисованному) движение.

в боях») и миролюбие вне его («… и кротку во время переходов и пребывания в мирных землях»). Кто же станет грабить и мучать мирное население, уподобляясь тем вражеским войскам, тот не может называться русским («да не будет он русский»). Так миролюбие и незлобивость *императора,* внушенные христианской этикой, становятся абсолютным императивом для войска. Отныне в государственных текстах *царь* и *Бог* – главные действующие силы войны и истории, а *народ* и в*оинство* – вновь лишь исполнители их воли. Функция войска исчерпывается тем, какой приказ ему дается властью, а победителем в Отечественной войне оказывается не оно (и не народ), а *Бог* и *царь*. Воинство исполняет то, чего «требуют и ожидают <…> православная вера, <…> Отечество и Царь».

В поэзии последней половины декабря 1812 года подводится итог Отечественной войны – в стихотворениях представлен сюжет великого противостояния России и Франции. По причине того, что авторам необходимо создавать некоторый обобщающий нарратив, основные мотивы поэзии лета – зимы 1812 года (почти ни в одном тексте, однако, не присутствовавшие в своей совокупности) собираются в более–менее общую структуру. В этих итоговых стихотворениях представлена одна мотивная схема, формально примиряющая условных апологетов идеи народной войны с авторами, в текстах которых мотивы *царя* и *Бога* представлены бесспорно доминирующими.

В основе мотивной схемы – мотивы *Бога* и *царя*, вдохновленного Богом. Однако мотив *народа* достаточно силен, а Бог отмечает не только царя, но и Кутузова («...Бог Спасителя послал» Ч. 2, XXXV, 316[273], «Тобой сам Бог врага казнил» Ч. 1, II, 40[274]). Русские освобождают Европу, спасают

[273] «Гимн песнопевца, сочиненный в Тамбове по изгнании всеобщего врага из пределов российских» Н. П. Николева

[274] «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П. И. Голенищева–Кутузова

Вселенную, защищают ее от коварного «тигра» (Ч. 1, L, 173[275]) и «сына адской тьмы» (Ч. 1, II, 37) Наполеона.

Русский *народ* в текстах представлен амбивалентно: он и носитель качеств подданных (основные его качества – мужество, верность Богу и царю – Ч. 2, XXXV, 316; Ч. 2, XXXIX, 330[276]), и довольно самостоятельный субъект, воплощающий в себе Отечество (Ч. 1, II, 37).

Мотив *истории побед* интересно преломляется в «Оде на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П. И. Голенищева–Кутузова. Победа в Отечественной войне называется автором величайшей в истории России – даже славнейшие триумфы россов несравнимо менее значимы, чем последний:

Велики подвиги, конечно,
Страшить победами Стамбул;
Нам незабвенны будут вечно
Рымник, Силистрия, Кагул!
Но спасть Европу, спасть Россию,
Попрать ногою льва и змию,
Когда к нам в сердце враг вошел:
Се подвиг дивный, несравненный,
От Бога сил благословенный,
Всех высший громких россов дел! (Ч. 1, II, 37–41)

В стихотворениях осени–зимы 1812 года, в которых силен мотив *Бога*, война с Францией предстает как мистическая, однако в большой части этих текстов сложен и гражданский сюжет войны: субъектный русский *народ*, вдохновенный Богом, побеждает захватчиков, погрязших в грехе и следующих за дьяволом–Наполеоном. К рубежу 1812 – 1813 годов появляются тексты, в которых представлено исключительно мистическое понимание Войны 1812 года. Так, в стихотворении «Молитва израильского народа во время нашествия Сеннахиримова воинства на Иерусалим» Н. М. Шатрова (Ч. 1, V, 62–65) перелагается библейский сюжет, который явно соотносится с современными тексту событиями, однако это никак не

[275] «Стансы» Д. И. Хвостова
[276] «Песнь россиянина на новый 1813 год» С. А. Ширинского–Шихматова

эксплицировано в тексте: Москва здесь названа Иерусалимом, а русский царь – «Царем Сионским». Нынешние события осознаются автором через ветхозаветный сюжет.

Итак, в течение 1812 года в государственной риторике складывается несколько идеологических доминант, которые всего лишь за полгода видоизменяются, насыщаются новым содержанием в зависимости от обстоятельств войны. В продолжение весны – первого месяца лета в манифестах звучат довольно традиционные для государственного красноречия основные мотивы: *мужества* русских, тесно с ним связанной *великой истории побед* русского оружия, *Бога*. К тому же моменту относится появление важного впоследствии мотива *свободы, освобождения*. В июле, в, казалось бы, не самый подходящий для этого момент, данный мотив преобразуется в мотив *освобождения Европы*. Тогда же вербализуется идея *единства русских*. Все названные мотивы интуитивно связаны между собой, однако еще не образуют подлинного риторического единства. В сентябре, месяце сдачи Москвы, возникает мотив, соединивший остальные – мотив *русского народа* как единства, обладающего ярко выраженной акциональностью. Это храбрый (мотив *мужества*) и верующий (мотив *Бога*) народ, предки которого славны вовек (мотив *истории побед*). В этих качествах он монолитен и един (мотив *единства*) и, благодаря им, способен спасти не только Европу (мотив *освобождения Европы*), но и весь человеческий род. Народ выполняет основную историческую функцию – защищает Отечество от захватчиков, в чем равен служителям Церкви, участвующим в мистическом противоборстве с силами зла. Народ не менее важен, чем Церковь, он оказывается носителем веры и Бога в себе, он максимально акционален. Более того, в сентябре *народ* как субъект истории противопоставляется несубъектому *царю* – цари и царства защищаются народом, охраняются им. В октябрьских документах начинает увеличиваться религиозная составляющая, а в ноябре у народа отнимается акциональность – деятелем войны становится *Бог*, он помещается в центр мотивной структуры.

Риторическое отъятие народной субъектности сопровождается отбором ее основного атрибута – оружия, добытого в сражениях с захватчиком. Параллельно с усилением мотива *Бога* усиливается значимость мотива *царя* и оформляется отныне традиционная тройная императивная формула «За Веру, Царя и Отечество». При этом «Отечество» постепенно начинает объясняться через два начальных элемента формулы – это пространство, которым правит царь и на котором идеологической доминантой является православная вера. В декабрьском, последнем манифесте года, *царь* становится в центр мотивной структуры текста – он единственный деятель истории, транслятор Божественной воли. К паре основных мотивов (*царя* и *Бога*) добавляется уже почти забытый, но ныне крайне актуальный – мотив *освобождения Европы*. В ближайшие два года войны они будут основными.

До войны и в первые ее месяцы в поэзии доминируют мотивы *царя* и *Бога*[277], однако в течение лета и осени 1812 года усиливается мотив *народа.* К концу осени – началу зимы гражданские мотивы в стихотворениях звучат особенно сильно, а в ряду главных субъектов Отечественной войны к *Богу* и *царю* добавляется *Кутузов*. Особое место в образовании новой поэзии на военно–политическую тему занимает «Певец…» Жуковского – первое в русской литературе стихотворение, в котором представлен индивидуальный лирический взгляд на общераспространенные идеологические концепты. В декабрьских текстах создается сюжет войны. Главную роль в нем играют мотивы *царя* и *Бога*, однако достаточно силен и мотив *народа*. Кроме того, в конце войны в поэзии начинает создаваться мистический сюжет, который разовьется в стихотворениях следующих лет.

Как и в 1806 – 1807 годов, в 1812-м гражданская идея возникает в манифестах, поэзия вторит государственной идеологии. Однако, зарядившись энергией действительного всесословного сплочения и сопротивления врагу, авторы наполняют стихотворения гражданским пафосом даже тогда, когда риторика императорских текстов меняется. В

[277] В поэзии, в отличие от манифестов, мотивы *Бога* и *царя* почти обязательно связаны.

поэзии Отечественной войны возникает взгляд на исторические события, который некоторое время явно конфликтует с государственным пониманием смысла ведущегося противостояния. Можно сказать, что так начинается процесс эмансипации поэтического (и шире, литературного) дискурса от политического.

Идеологическая рассинхронизация, в общем, продлится и далее, в течение 1813 – 1814 годов. Однако еще более важно то, что обретенная свобода от государства через десятилетие даст возможность возникновения совершенно новой, антидержавной, поэзии.

3.2. 1813 год: диалог поэзии и власти

1 / 13 января 1813 года русские войска перешли через Неман и вторглись в Варшавское герцогство. Не встречая сопротивления ни со стороны польского населения, ни со стороны австрийских войск, сдавших Варшаву без боя и вернувшихся в Австрию[278], в конце января / начале февраля русская армия заняла оставленную французами Варшаву и продолжила движение вглубь Европы. Пруссия приветствовала русские войска как освободителей от французского ига, 16 / 28 февраля в Калише и 7 / 19 марта в Бреславле были подписаны соглашения о союзе с Пруссией. В конце зимы – начале весны русская армия вошла в Берлин, местные жители праздновали свержение Наполеона и встречали русских триумфальными арками и приветственными надписями. После этого Пруссия вступила в войну против Наполена: в армию шло множество добровольцев, мирные жители добровольно сдавали драгоценности на военные нужды. В течение марта – начала апреля союзными войсками были освобождены территории к востоку от Эльбы[279].

Довольно важен уже первый документ Заграничного похода – Приказ войскам 5 февраля 1813 года (113–114). В тексте сообщается о том, что император решил даровать воинам серебряную медаль как знак мужества, любви к вере и Отечеству. Грамота редуцирует незапланированную и несанкционированную народность Отечественной войны до подвига русского войска, причем и его действия не были решающими – истинный победитель в войне – *Бог*. Надпись на серебряной медали «В память Отечественной войны 1812 года» гласит: «Не нам, не нам, а имени Твоему»[280]. Так мистичность (в противовес народности) сюжета Отечественной войны отливается в серебре государственной награды.

---

[278] Данное отступление – результат непростого дипломатического диалога, завершенного 8 / 30 января подписанием конвента о перемирии между Россией и австрийскими войсками в Польше.

[279] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 316–328.

[280] Примечательно, что в приказе грудь воинов называется «непреодолимым щитом Отечества», однако на этот щит помещают еще один – награду, на которой выражена идея божественного заступничества.

В отличие от стихийного *народа*, войско входит в структуру государства, его действия санкционируются властью, а значит, его победы – это триумф государства и императора. Как элемент государства армия будет важным действующим героем истории Заграничного похода на всем его протяжении. Таким образом в начале европейской кампании в государственном красноречии обозначаются два основных деятеля войны, которые попеременно будут занимать главенствующее положение в мотивной структуре текстов: *Бог* и *царь*.

В следующем Приказе войскам, 25 марта 1813 года (120–121), формулируется одна из определяющих идей следующих лет – *терпимости и прощения*, которая заменяет тезис о *мести*, громко звучавший как в манифестах лета – осени 1812 года («Горящая Москва да воспалит в душах ваших огнь мщения, потушите пожар ее кровью врагов … Сего ожидает поруганная ими церковь, и оскорбленное Отечество» (42), так и в поэзии. Армии, которая быстро продвигается по европейским территориям «не для покорения, но для защиты оных», предписывается отныне относиться к войскам Прусского королевства как к союзникам, с которыми у русских общее дело: стоять за веру против безверия, за свободу против властолюбия и за человечность против зверства. За следование нравственному христианскому императиву Бог наградит союзные войска: «Он покорит под ноги наши гордого врага, и посрамит ползающих к стыду человечества пред ним рабов». Отныне месть становится делом божественным, право на нее у войска отобрано.

Появление европейских союзников, освобожденных русскими воинами, начинает процесс трансформации мотива *единства*: если в 1812 году это было единство русского народа, то в течение 1813-го складывается мотив *единства европейских народов*, имеющих общую душу, отстаивающих общие христианские принципы. Так парадоксальным образом развитие мотива *свободы* в мотив *освобождения Европы* расширяет мотив *единства* до масштабов *Европы*, однако при такой смене оптики

русский народ перестает быть *един*, в государственных бумагах он вновь начинает посословно ранжироваться. При этом под единством народов Европы понимается союз правителей, а отнюдь не граждан. Данный концепт закончит свое формирование в государственном красноречии 1814 – 1816 годов, когда идеи единства и свободы Европы облекутся в проект Священного союза.

Отдельно стоит заметить, что мотив *единства* русских и европейцев, базирующегося на общих религиозных началах, слышен и в поэзии конца 1812 – первых месяцев 1813 года. В «Песни россиянина на новый 1813 год» С. А. Ширинского–Шихматова читаем:

Гласит величие Творца
Устами радости святыя:
«Начните Богу моему,
Народы ближние и дальны!
Начните пения похвальны
И пойте с плесками ему»
(Ч. 2, XXXIX, 328–337)

Еще более отчетливо данная мысль выражена в стихотворении «На присягу испанцев в Сарском селе» Д. И. Хвостова. Текст проникнут идеей русско–испанского единодушия, однако не столько национального, сколько государственного: в стихотворении говорится о присяге: испанцы воюют не за гражданскую свободу, а за монарха:

Спешат питающи высокий дух и рвенье
Свершить в сей славный день Отечества спасенье;
Священны имена прияв себе в завет,
Пред Фердинандов трон несут сердца в обет.
(Ч. 1, LVII, 190)

В поэтических текстах января – марта 1813 года продолжается составление сюжета Отечественной войны. В большинстве стихотворений основной сюжет выглядит следующим образом: против хранимой Богом России восстает яростный Наполеон, затмивший своей злостью ад, однако россы, вдохновенные Богом, отражают натиск врага. В ряде текстов сам Бог защищает Россию – например, в «Моей молитве Н. Ф. Остолопова (Ч. 1, LX, 195) или в «Стихах по случаю крестного хода на другой день по освящении

Архангельского собора, в день празднества Сретения Господня» С. Н. Глинки (Ч. 1, XVII, 89–90). Царь присутствует лишь в нескольких текстах (например, в «Гласе московского жителя на освобождение России от врагов» Д. П. Глебова (Ч. 1, XXIX, 118–119)). Уже к началу 1813 года поэтический сюжет Отечественной войны становится по преимуществу мистическим.

Мистические мотивы присутствуют и в более ранних текстах, однако там они выглядят более обобщенными – *Бог* не конкретен, это могучая потусторонняя сила, нечасто эксплицированно соотносящаяся с Богом библейским. В поэтических текстах начала 1813 года в сюжет войны включается текст Писания, а «Русский Бог» равен библейскому Саваофу – Богу Сил, защитнику избранного народа: «*Где Бог России?...* Ты явил, / Что Бог Иаковль – Бог России» (Ч. 1, XVI, 88)[281], «…Свят, свят Бог Саваоф!!» (Ч. 1, XIII, 80)[282]. Если «Русский Бог» оказывается Богом ветхозаветным, то и русский народ уподобляется израильскому богоизбранному народу. Так артикулируется идея русской богоизбранности. Доказательством особого положения русского народа оказывается удивительная, неожиданная и нелогичная победа против целого мира, ополчившегося на Русь:

С ним злоба, мщение, коварство,
С ним вероломство, с ним лукавство,
С ним все народы – с нами Бог!
(Ч. 1, XVI, 87–88)

Значительное число текстов имеет «религиозные» названия: они либо обращены к Богу (например, «Песнь Богу, покровителю России» Г. Волкова), либо связаны с религиозным праздником: в частности, Богоявлением («Стихи в день Богоявления Господня. На войну» А. Кулакова (Ч. 1, XXIV, 106–107)) или Сретением («Стихи по случаю крестного хода…» (Ч. 1, XVII, 89–90)). Присутствуют стихотворные «молитвы» («Моя молитва» Н. Ф. Остолопова (Ч. 1, LX, 195)).

[281] «Благодарственная песнь Богу, Избавителю России» из «Русского вестника» (1813. Ч. 21, № 1); автор неизвестен.
[282] «Песнь Богу, покровителю России» Г. Волкова.

Таким образом, в значительной части произведений середины зимы – начала весны 1813 года концепт богоизбранности замещает собой идею гражданственности.

Вместе с тем можно найти стихотворения, в которых прежде всего восхваляются русские военачальники. В пример можно привести надпись «В Симе, селе князя Бориса Андреевича Голицына, марта 7 дня 1813 года» Д. И. Хвостова, посвященную Багратиону (Ч. 1, LXXVI, 221) или «Авангардную песню» Ф. Н. Глинки (Ч. 1, XLVIII, 170), главным героем которой становится М. А. Милорадович. Генералы русской армии, такие как Кутузов и Витгенштейн, достаточно часто упоминаются в стихотворениях[283].

Самым объемным, сложным и значительным текстом конца 1812 – начала 1813 года, разрабатывающим мистический сюжет Отечественной войны, является «Гимн лиро–эпический на прогнание французов из Отечества» Державина (Ч. 1, I, 17–36). Это не только одно из самых больших современных стихотворений (по объему сопоставимое с «Певцом…» Жуковского)[284], но и самый длинный поэтический текст Державина[285]. Издатель «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» поместил «Гимн лиро–эпический…» на первое место первого тома, что обозначило его особое положение в композиции сборника: через стихотворение Державина прочитывалась история Отечественной войны.

---

[283] См., например, «Стихи на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву–Кутузову–Смоленскому» князя Д. П. Горчакова (Ч. 1, XIV, 81–83); «Глас московского жителя на освобождение России от врагов» Д. П. Глебова (Ч. 1, XXIX, 118–119); «К прошлому 1812–му и наступившему 1813–му годам» С. П. Потемкина (Ч. 2, XL, 338–343) и др.

[284] Самым большим текстом «Собрания стихотворений…» является стихотворение «Москва, оплакивающая бедствия свои, нанесенные ей в 1812 году рукою жестокого и злочестивого врага, и вместе утешающая страждущих сынов своих» М. А. Знаменского (священника Матфея Абрамова) (Ч. 2, XXXI, 285), отпечатанное в Университетской типографии в 1813 г. Это огромное произведение (около 800 стихов), наполненное всевозможными стилистическими и смысловыми нелепостями. Так, лирический герой просит «ручьи слез», чтобы оплакать Сион (Москву), называет первопрестольную «приливом и отливом земных благ». Отдельного внимания заслуживает эпизод, в котором Москву (от лица которой ведется повествование) обуревают «греховные воды», в результате чего она получает «горький плод любострастий».

[285] *Коровин В. Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества» // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71, №. 6. С. 42–52.

Основным претекстом данного произведения становится библейская апокалиптика (Книга Пророка Даниила и Откровение Иоанна Богослова[286]), но произведение насыщено реминисценциями и из других частей Писания[287]. Обращением к Библии продиктован отказ Державина от оссианической образности, в предыдущие годы нередко сопровождавшей в его стихах военную тему. Желая представить современную историю через призму эсхатологии, поэт пытается синтезировать три разных классических жанра: героическую эпопею, пиндарическую оду и духовное стихотворение (переложение псалмов)[288].

Жанровые и стилистические трудности были вызваны тем, что Державин хотел решить новую для русской литературы задачу – создать поэтический текст, в котором будет полновесно представлена его историософия, базирующаяся на достаточно строгой идеологической основе. Для воплощения замысла поэту приходится, с одной стороны, доходить до последней степени абстрактности и аллегоричности – отсюда в тексте такое количество самых разных библейских и легендарных героев (от Навуходоносора до Тамерлана), с другой же – привнести в произведение современную историю, которая станет предметом историософских размышлений[289]. Не сумев достичь этого синтеза одними поэтическими средствами, Державин сопроводил текст многочисленными комментариями (некоторые из них достаточно объемны), в которых разъяснял конкретные смыслы своих не всегда внятных стихотворных строк.

Несмотря на внешнюю хаотичность стихотворения, в нем явлена максимально четкая идеологическая система. Отечественная война в тексте – онтологическое противостояние добра и зла. На стороне света выступает Бог, а на стороне тьмы – Наполеон, образ которого – сосредоточение всего самого

---

[286] *Петров А. В.* «Гимн лиро–эпический на прогнание французов из Отечества» (1813) Г. Р. Державина (материалы к словарной статье «Историческое сознание Державина» для «Державинской энциклопедии») // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2009. №. 2 (24). С. 797.

[287] В частности, на 14–ю главу Исхода, в которой описан переход евреев через Чермное море.

[288] *Петров А. В.* «Гимн лиро–эпический на прогнание французов из Отечества» (1813) Г. Р. Державина. С. 799–800.

[289] Об историософских воззрениях Державина в «Гимне лиро–эпическом» см.: *Петров А. В.* «Гимн лиро–эпический на прогнание французов из Отечества» (1813) Г. Р. Державина. С. 796–801.

отрицательного, в понимании автора (он одновременно и «дракон», и «демон змеевидный», и фараон, и Вальтасар, и Люцифер, и «мнимый гений» – Антихрист). Во вселенском противостоянии побеждают *Бог* и *вера* людей: текст начинается идеей божественного вспоможения русскому оружию («Благословен Господь наш, Бог, / На брань десницы ополчивый»), вера – главный защитник русских («Враги Христовы суть ничтожны. / От них нам вера – щит») и победа дана им Богом («Мы победили – с нами Бог!»).

Царь в тексте выполняет традиционные функции: он ведет за собой народ («Россия внемлет глас царя, / Зовущего на ополченье»), за него и *веру* выступают русские («За трон его, за веру умереть»). Однако в действительности его образ значительно отличается от представленного в современной «Гимну...» поэзии. Главными чертами монарха оказываются смиренность и незлобивость, противопоставленные гордости и злобе Наполеона. В гимне Державин достаточно открыто поучает царя[290], показывая ему ужасы, к которым может прийти правитель, отвернувшийся от Бога и решивший безгранично властвовать – этому посвящен очевидно затянутый финал произведения. Более того, в тексте четко формулируется авторская позиция – желание окончить войну изгнанием врага из России: русский народ должен защитить свои пределы, встать на границах и не идти далее. Так, строфа, в которой представлены похвалы Александру, кончается мыслью об окончании европейского противостояния:

Не бе! Но ты, *монарх*! Блистай
Твоей небесной красотою!
То кротостью, то правотою
Владей, пленяй и успевай
Лук наляцать *твой* крепкий, сильный,
Чрез все *твои* страны обширны
Ко ужасу *твоих* врагов,
И грозный строй *твоих* полков,
Как туча, молньями чревата,
Кругом возляжет царства свята.

[290] См. об этом*: Коровин В. Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества».

Заграничная кампания, с точки зрения Державина экспансионистская, критикуется в стихотворении несколько раз:

О, как венец светлей в сто крат,
Что дан не царств на расширенье,
А на Отечества спасенье!
<….....>
Где гений, блещущий в лучах?
Не здесь ли им урок в ученье,
Чтоб царств не льститься на хищенье?

Смирение в тексте – истинная монаршая добродетель, которой обладали лучшие русские правители, первым из которых в системе координат русской культуры XVIII в. являлся Петр I. С этим связана антиисторичность образа смиренного Петра в державинском стихотворении:

Но дух *Петров*, сквозь звездну мглу
С улыбкой вняв сию хулу,
Геройской кротости в незлобьи
Вспарил орла в подобьи…

Особенно важно, что Державин оказывается у истоков мотива *смиренного царя Александра*, который станет одним из определяющих для патриотической лирики 1813 – 1825 годов и создаст образ Александра I как царя-агнца.

Несмотря на всемогущество Бога, центральное место в идейной структуре произведения занимает *русский народ*. Ему посвящены самые звонкие строки стихотворения (начинающиеся со стиха «О Росс! О добльственный народ!..»), которые были помещены на титульный лист первого тома «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»; *он* предмет абсолютного восхищения лирического героя, главное действующее лицо войны (неслучайно народ назван в тексте героем):

Красуйся ж и ликуй, герой,
Что в нынешнем ты страшном бедстве
В себе и всем своем наследстве
Дал свету дух твой знать прямой!

Центральной характеристикой русской нации в «Гимне лиро–эпическом…» является не храбрость или смиренность (как у царя), а

богоизбранность. В тексте народ израильский уподобляется русскому народу, они оба «избранные искони и ввек хранимые Богом».

Стихотворение Державина – детальная проработка мистического концепта русского народа, для успешности которой автор вынужден был создать многоуровневую композицию, подчиненную новому для поэта лироэпическому началу, опирающуюся на библейскую эсхатологию, в центре которой – герой–пророк, но учитывающую при этом современный исторический контекст. Благодаря контаминации (пускай далеко не совершенной) этих разнородных элементов, Державин создает новое, негражданское, поэтическое понимание идеи русского народа.

Обратим особенное внимание на то, что отход от аллегоричности в сторону «реалистичности» и даже «натуралистичности» происходит в тексте лишь дважды. В первый раз при описании войны «росса» против «галла», когда в тексте возникают современные автору орудия и топонимы Отечественной войны:

Но, Муза! тайнственный глагол
Оставь – и возгреми трубою,
Как твердой грудью и душою
Росс, ополчась, на галла шел;
<…….....>
И небо и земля тряслись
На Бородинском поле страшном,
На Малоярославском, Красном.

Там штык с штыком, рой с роем пуль,
Ядро с ядром и бомба с бомбой,
Жужжа, свища, сшибались с злобой,
И меч, о меч звуча, слал гул;
<…….....>
Там бледна смерть с косой в руках,
Скрежещуща, в единый мах
Полки, как класы, посекала
И трупы по полям бросала.

Второй раз – когда лирический герой рассказывает о беге неправедного народа, «антинарода», – французов:

Что, став пред собственным уж взором
Кладбищным рать его позором –
От глада, ран и мраза мрет.
О ужас! Галл здесь Галла жрет!

Данные выпадения из общей стилистики стихотворения особенно событийны для читателя, привыкающего в процессе чтения этого длинного текста к его аллегоричности. Стилистическими средствами автор акцентирует внимание на реальности и конкретности народа, сражавшегося на полях Отечественной войны, погруженного при этом в общее онтологическое противостояние, изображенное абстрактно–эпически.

Народный в поэзии 1812 года военачальник Кутузов народен и в «Гимне лиро–эпическом…», но в ином понимании народности: он богоизбранный князь Михаил, архангел, выступивший супротив дьявола; он первый во всем богоизбранном народе. Стихи, посвященные Кутузову, Державин сопровождает таким примечанием: «*Восстанет Михаил князь великий* (у пророка Даниила гл. 12, ст. 1). – Замечательно, что фельдмаршал Кутузов, при поручении ему в предводительство армии, как бы нарочно пожалован князем, чтобы сблизиться с Священным Писанием; впрочем, он избран был общим голосом в начальники всеобщего ополчения».

Державинская идея богоизбранной исключительности русского народа противоречит мысли об общеевропейском единении, звучавшей и в манифестах и стихотворениях, современных «Гимну лиро–эпическому…». Лирический герой предъявляет Европе претензии:

Почто вмещались в сонм вы злых
И, с нами разорвав союзы,
Грабителям поверглись в узы
И сами укрепили их?

И считает, что европейские страны (Англия и Испания) должны восхищаться величием русских, единственных победителей грозного Наполеона:

И вы, Гесперья, Альбион,
Внемлите: пал Наполеон!
Без нас вы рано или поздно,

Но понесли бы грозно,
Как все несут, его ярмо,
Уж близилось оно...

Возмущается тем, что русские прославляют европейцев:

А с наших рук вам слышны плески:
То в общем, славном торжестве таком
Не должны ли и общих хвал венцом
Мы чтить героев превосходных,
Душою россов твердых, благородных?
О, как мне мил их взор, их слух!
Пленен мой ими дух!

«Гимн лиро–эпический» – итог поэтических размышлений Державина о русском народе. Субъектный «росс», уже десятилетия живущий в его поэзии, обретает в стихотворении абсолютную значимость – богоизбранность. Неслучайна позиция «верного народа» (верного, естественно, Богу) в посвящении, расширяющем заглавие гимна – после Бога и Царя, но перед вождем и войском[291].

Державин в очень короткие сроки[292] сумел решить задачу, которая не удавалась иным поэтам – написать стихотворный сюжет Отечественной войны 1812 года. В его центр он поместил концепт русского народа, однако, в отличие от Жуковского в «Певце…»[293], придал ему мистическое измерение, лишив гражданского.

Реакция на стихотворение была неоднозначной. Члены «Беседы…» и С. Н. Глинка откликнулись на произведение доброжелательно[294], понравился текст Кутузову и графу С. Р. Воронцову[295]. Однако иным современникам

---

[291] «Посвящен во славу всемогущего Бога, великого государя, верного народа, мудрого вождя и храброго воинства российского».

[292] Предположительно, на работу ушло около месяца: с первой половины декабря до первой половины января.

[293] Важно при этом, что Жуковский в «Певце…» не создал сюжета Отечественной войны. Композиция здравиц не решает проблемы исторического описания, которую считал важной Державин. При этом Державин, скорее всего, знал «Певца…» и видел свой текст полемичным по отношению к произведению Жуковского (см. примеч. к «Гимну лиро–эпическому...» в современном издании «Собрания…» – Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С. 505).

[294] См.: *Кошелев В. А.* «Гимн «На прогнание» или «Апокалипсис переложить» (о поэтике позднего Г. Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск. 2016. № 14. С. 90.

[295] См.: *Коровин В. Л.* Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества». С. 44.

стихотворение, неминуемо сравниваемое с «Певцом…» Жуковского[296], показалось слабым и даже провальным[297]. Известна реакция молодых арзамасцев, которым «Гимн лиро–эпический» казался одним из образцов невнятицы, созданным сошедшим с ума былым классиком[298]. В стихотворении «Тень Фонвизина» пятнадцатилетнего А. С. Пушкина, представлен Державин, читающий «выжимку» из гимна:

«Открылась тайн священных дверь!..
Из бездн исходит Луцифер,
Смиренный, но челоперунный.
Наполеон! Наполеон!
Париж, и новый Вавилон,
И кроткий агнец белорунный,
Превосходясь, как дивий Гог,
Упал, как дух Сатанаила,
Исчезла демонская сила!..
Благословен господь наш бог!»[299]

Как уже было замечено, Пушкин не пародирует стиль державинского стихотворения, он смеется над библейской тематикой произведения[300] и крайним мистицизмом автора. Данное переложение не просто тарабарщина, а собрание идеологических констант стихотворения Державина (какими их видел в 1815 году Пушкин).

Несмотря на неприятие и скорое забвение «Гимна лиро–эпического…», в нем была предсказана государственная историософия Отечественной войны, которая выразится в манифестах 1813 – 1814 годов и создаст «богоизбраннический» идеологический государственный поворот, исключивший идею гражданственности из политического дискурса на ближайшие пятьдесят лет. Кроме того, Державин создал первый полновесный поэтический сюжет Отечественной войны. Опыт поэта будет

---

[296] См., например, в письме А. Е. Измайлова к Н. Ф. Грамматину от 13 января 1813 г.: «Державин, сказывают, написал какой–то славный гимн на наши победы. Я не думаю, однако, чтоб этот гимн мог сравнится с последними стихами Жуковского “Певец во стан русских воинов”» (цит. по: *Державин Г. Р.* Соч. Т. 3. С. 137).
[297] См.: *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 156.
[298] См.: *Кошелев В. А.* «Гимн «На прогнание» или «Апокалипсис переложить» (о поэтике позднего Г. Р. Державина). С. 90–92.
[299] *Пушкин А. С.* Полное собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 139.
[300] См.: *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 81.

востребован в лирике 1813 – 1815 годов, в том числе на державинский сюжет будет опираться в послании «Императору Александру» Жуковский.

Параллельно «высокому» мистическому сюжету поэзия января – марта 1813 года создает «низкие» иронические сюжеты, выполненные в «народной» стилистике, авторы которых потешаются над Наполеоном. Показательны названия текстов: «Возвращение тирана Наполеона во Францию» Н. П. Николева (Ч. 1, XLI, 152–154), «Исповедь Наполеона французам» (Ч. 1, XL,149–151) С. Н. Глинки и «Побег Наполеона Карловича из Земли Русской. Шутливое стихотворение» неизвестного автора (Ч. 1, XLII, 155–162). Здесь французский император показан глупцом и гордецом, возомнившим себя Богом, за что авторы прозывают его «Дон–Кишотом». В «Побеге Наполеона Карловича…» Наполеона во сне побивает старуха Баба–Яга, после чего он бежит из России, признаваясь своим маршалам в трусости[301]:

Друзья! Нам нечего зевать.
Итак, оставя лишни лясы,
Скажу вам: *надо восвоясы*.

При подходе к Лейпцигу 20 апреля / 2 мая 1813 года произошло первое генеральное сражение Заграничного похода между русско–прусскими и французскими войсками у города Лютцен. В результате сражения войска союзников были отброшены за Эльбу, а Наполеон ненадолго получил контроль над Саксонией[302]. Несмотря на очевидный проигрыш в сражении, в России оно было представлено как победа, в частности, в апрельском Приказе войскам (132–133). В тексте говорится о мужестве русских и храбрости союзников–пруссов, слитых воедино, которые обязательно приведут к новым победам, дальнейшему освобождению, а значит спасению, Европы. К продолжению войны обязывает «собственное наше и общее благо», которых нужно достичь новыми подвигами, чтобы повсюду

[301] К стихотворениям с ироническим сюжетом можно добавить «Наполеонов бостон» Я. О. Пожарского (Ч. 2, LXVIII, 423–424): здесь война 1812 г. сравнивается с карточной игрой, в которой Наполеон проиграл русакам.

[302] См.: *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 328.

водворилось спокойствие. На стороне русских правда, «а где правда, там и Бог». В документе поясняются причины войны, которая началась еще в прошлом году: «Какая разность между нашею и неприятелей наших причиною брани! Мы умираем, как сыны Отечества, за собственную свою честь и свободу; а они, как рабы, в угодность единой корыстолюбивой и ненасытной воли; их жизнь хуже нашей смерти».

В данном документе продолжается деформация мотива *свободы.* Если ранее под ней понималась скорее гражданская – свобода нации (летом и осенью 1812 года) и политическая – свобода страны от захватчиков (тогда же и позднее), то постепенно с начала 1813 года, а с апреля точно *свобода* – это возможность народа находиться под «своей властью» – началом монарха, венчаного на царство Богом. С этой точки зрения, Наполеон может только отнимать свободу, ведь он самозванец, неистинный император. *Освобождение* же *Европы* – процесс возвращения власти подлинным монархам.

Различие государственной риторики первой половины осени 1812 года и весны 1813-го явлено не только в идеологическом наполнении текстов, но и в смене типа документа, через который транслируется монаршее слово. Если раньше функцию идеологического строительства исполняли всенародные манифесты, то со старта заграничной кампании ее берут на себя приказы (с начала 1813 года не было опубликовано ни одного всенародного манифеста). Специфика приказа как жанра перемещает фокус акциональности с *Бога* на *царя* – теперь он главный герой ведущейся войны[303]. Всенародные манифесты начнут вновь появляться лишь в конце 1813 года.

С начала 1813 года до середины весны в поэзии растет количество мистически ориентированных текстов. Христианские образы и мотивы, ранее представленные в одических стихотворениях, начинают использоваться в интимной лирике. Кроме упомянутой выше «Моей молитвы» Н. Ф.

[303] Если в Приказе 25 марта *Бог* – основной деятель войны, он дарует победы и разит неприятеля, то в одном из следующих документов, рескрипте донскому казачеству (129–131), впервые с начала Отечественной войны 1812 года *Бог* вовсе не упомянут, а Приказе от 20 апреля – лишь единожды.

Остолопова (Ч. 1, LX, 195), можно привести «Стихи в день Светлого Христова Воскресения матери от детей» (Ч. 1, LXXII, 216–217) неизвестного автора, в которых победа над Наполеоном уподобляется Пасхе – торжеству воскресения Бога, поправшего смерть.

Постепенно в произведениях, в которых главным деятелем войны является *Бог*, возникает образ *Кутузова,* но не гражданский, образца второй половины 1812 года, а мистический: он творец божественной воли на земле. Важным текстом в этом процессе стала «Ода на истребление врагов и изгнание их из пределов любезного Отечества» П. И. Голенищева–Кутузова (Ч. 1, II, 37–41), написанная еще в декабре 1812 года. В стихотворении представлен обычный для конца 1812 – начала 1813 годов сюжет войны, описывающий наступление «страшного дракона» Наполеона на Россию, на защиту которой восстают все возможные силы: *Бог*, *Царь* и *народ*. Однако в ряду этих традиционных субъектов войны оказывается и *Кутузов*, которого для защиты отечества выбирает Бог («Так Богом избранный чудесно / Великий храбрых россов вождь / Свершает мщение небесно…»), главнокомандующий здесь назван «Божьим мечом». Ода Голенищева[304] была не только особенно отмечена издателем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году» (помещена на второе место первого тома, сразу за «Гимном лиро–эпическим…» Державина), но, что для нас важнее, осознавалась современниками первым текстом, в котором Кутузов становится мистическим героем. Два других стихотворения, продолжающие весной 1813 года интеграцию образа главнокомандующего в мистический сюжет Отечественной войны, опираются на Голенищева. В «Песни на поражение галльского фараона, посвященной знаменитому покровителю сочинителя, его превосходительству Павлу Ивановичу Голенищеву–Кутузову» А. Урываева (Ч. 1, XXI, 101–103) референтно само заглавие. В данном тексте Кутузов помещен в библейский антураж и уподоблен

[304] Во избежание путаницы, которая может возникнуть при разговоре о двух Голенищевых–Кутузовых, поэт в данном фрагменте будет назван Голенищевым, а военачальник – Кутузовым.

архистратигу Михаилу. Интереснее с голенищевским претекстом работает Д. И. Иванчин–Писарев в стихотворении «Надпись на поле Бородинском» (Ч. 1, XXVII, 114–115). Здесь главнокомандующий назван «Божьим мечом», причем в примечании к этой фразе автор прямо ссылается на произведение Голенищева: «Так назван сей Великий Полководец в оде Павла Ивановича Г. Кутузова. Желательно, чтоб потомство в своих преданиях говорило: *Князь М. Л. Г. К. С., прозванный Меч Божий*».

Фигура Кутузова связывается с образом Бога даже в текстах с достаточно сильным гражданским пафосом (например, в «Надписи к победам светлейшего князя М. Л. Кутузова Смоленского» В. А. Левшина (Ч. 1, XLIII, 163) или в «Стихах на изгнание неприятеля из России, посвященные его светлости, князю Михаилу Ларионовичу Голенищеву–Кутузову–Смоленскому» Д. П. Горчакова (Ч. 1, XIV, 81–83). Однако все еще встречаются тексты, в которых Кутузов – народный герой – является главным спасителем России и Европы, а Бог не упоминается вовсе («Песнь великому вождю героев» Ф. Ф. Иванова (Ч. 1, XXV, 108–111)); «Надпись к портрету его светлости князя Кутузова–Смоленского» В. А. Левшина (Ч. 1, XLIV, 164)).

Событием, окончательно лишившим поэтического Кутузова черт народного героя и переформатировавшим в обязательный элемент мистического сюжета, стала смерть главнокомандующего (16 апреля 1813) Покинув мир живых, Кутузов в поэзии становится обитателем рая («На кончину генерал–фельдмаршала князя М. Л. Голенищева–Кутузова–Смоленского» А. Е. Измайлова (Ч. 1, LXVI, 207); «Песнь барда на кончину князя Г. К. Смоленского» Ап. Нестерова (Ч. 1, LXIII, 199–201)), предстательствующим за русских перед Богом («Солдатская песня в память князя Кутузова–Смоленского» неизвестного автора (Ч. 1, LXIX, 211–212)). В стихотворениях подвиг Кутузова показан через призму божественного проведения: фельдмаршал был дан Творцом на защиту России:

Сколь дивны Вышнего уставы!

Смерть там – где менее препон…
Вождь пал тогда, когда Россия
Низвергла нового *Батыя*…[305]
(Ч. 1, LI, 175–176)

Как мистический герой Кутузов сошел с Небес, чтобы выполнить свое предназначение, а после вернуться к Богу: «Пари, великий муж! В небесное селенье, / Отколе бытие твое проистекло…» («Стихи в память князю Кутузову–Смоленскому» И. И. Нечаева (Ч. 1, 177–178)).

Сосредоточение божественного на Земле – Кутузов – в весенних поэтических текстах оказывается защитником царя (LXV, 203–206; LXVIII, 210), слава фельдмаршала больше славы царей (LXVIII, 210), Царь же – кроток (например, в LXVII, 208–209).

При этом по мере того, как образ главнокомандующего (ставший самым частым в поэзии всего 1813 года) погружается в контекст мистически ориентированных стихотворных текстов[306], начинается и трансформация тесно связанного с ним мотива *орла.* Как уже было показано в работе, данный «геральдический» мотив, ассоциировавшийся в поэзии XVII – XVIII веков с государством, с 1806 года, а особенно в 1812-м, был демократизован: «орлами» стали *русские*, защищавшие отечество от иноплеменного войска, первым из которых был *Кутузов*. Оказавшись в роли божественного героя, он включил мотив *орла* в новый для того мистический контекст. В «Оде на смерть фельдмаршала князя Смоленского. Апреля в 16–й день 1813 года» Державина (Ч. 2, XLII, 350–351) именно «орлиная» природа Кутузова позволяет ему победить смерть и вознестись в рай:

Отечества сыны прямые!
Не унывайте в скорбный час.
Все Бог! – Его лучи святые
С рождением в сердцах у вас.
Орлу что пропасти бездонны?

---

[305] «Стихи на кончину светлейшего князя Кутузова–Смоленского» С. Н. Глинки.

[306] Примечательно, что мотив *Русского Бога* в данных произведениях разрабатывается через фразу Кутузова «Велик российский Бог» («Солдатская песня в память князя Кутузова–Смоленского» (Ч. 1, LXIX, 211–212); «Песня ратников Санкт–петербургского ополчения» М. С. Щулепникова (Ч. 2, LXVII, 208–209)).

8 – 9 мая произошло сражение при Бауцене. В результате битвы русские потеряли около 6400 человек, прусаки – 5600, а французы до 20000, однако союзники были вынуждены отступить на восточный берег Эльбы[307]. Наполеону пришлось их преследовать, изнуряя недавно сформированную новую французскую армию.

В конце мая издается Рескрипт войскам, посвященный весенним столкновениям (135–136), в котором император выражает благодарность войску за храбрость в сражении и скоординированное отступление, предпринятое для «завлечения далее неприятеля и соображения действий наших с подходящими к нам запасными войсками и готовящимися совосстать с нами союзниками» и совершенное «с наилучшим порядком и благоустройством». Этим движением войска стяжали «справедливую похвалу и удивление самого неприятеля». Как и ранее в весенних приказах и рескриптах, основным деятелем войны здесь является *царь*.

23 мая / 4 июня в Плесвице при посредстве Австрии было заключено временное перемирие между Францией, с одной стороны, и союзниками, Россией и Пруссией, с другой. Оно продлилось до 29 июля / 10 августа. За два месяца коалиция усилилась и расширилась – к ней примкнула Австрия, Англия взяла на себя обязательства по снабжению союзников субсидиями. К русским войскам подошло подкрепление (51 батальон и 47 эскадронов), Пруссия завершала обучение призванных в начале 1813 года солдат[308].

14–15 / 26–27 августа в сражении при Дрездене, первом значительном бое, произошедшем после перемирия, главная армия союзников (Богемская), потерпела решительное поражение и была вынуждена отступать от Дрездена в сторону Богемии по узкой тропе, идущей между гор. Генерал Витгенштейн описал этот путь так: «Дороги в ущельях непроезжаемы: наши артиллерийские лошади не в силах идти дальше, войско сильно страдает.

---

[307] См.: *Богданович М. И.* История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам: В 2 т. Т. 1. СПб., 1863. С. 244–276.

[308] См.: *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 329–331.

Утешительного нет ничего»[309]. Наполеон, желая обрезать путь к ее отступлению, отправил в этот район корпус генерала Вандама, насчитывавший до 35 тысяч человек. Если бы французы заняли горные переходы, то Богемская армия, с которой следовали три союзных монарха (императоры России и Австрии, а также прусский король), оказалась бы в ловушке. Чтобы этого не допустить, 17 / 29 августа под Кульмом двенадцатитысячный отряд графа А. И. Остермана–Толстого, состоявший преимущественно из гвардейских частей, целый день отбивал атаки в разы превосходящего противника. На следующий день прусский корпус генерала Клейста, следовавший за отрядом Остермана–Толстого, случайно оказался в тылу корпуса Вандама, что позволило войскам союзников под командованием Барклая де Толли одержать значительную победу, пленив до 12 тысяч французов, в том числе и генерала Вандама[310].

В сентябре, месяце военной передышки перед октябрьским наступлением союзников, выходят два специальных (то есть не всенародных) манифеста, практически полностью дублирующих один другой: в первом из них (139–140) император благодарит псковское дворянство, во втором (141–142) – псковское купечество и иные сословия за их дела в течение Отечественной войны. В манифесте псковскому дворянству описывается вторжение неприятеля и его бесславный уход, которое приблизил Бог, «милосердствующий» о русских людях. Особое место в войне принадлежит дворянам Пскова, встретившим противника «со свойственною Россиянам твердостью и мужеством» и не скупившимся на добровольные пожертвования на нужды войны. За это император дарует им царскую грамоту, в которой засвидетельствованы заслуги дворян. Манифест остальным сословиям лишь в нескольких местах отличен от предыдущего. В нем побеждает захватчиков не только Бог, но и «единодушие народа и храбрость войска» императорского. Подобно дворянам, «Псковское

[309] Письма фельдмаршала князя Витгенштейна // Русский архив. 1913. Кн. 1. Вып. 3. С. 366.
[310] См.: *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 332–334.

купечество, також и мещанство и прочая Сословия» не пощадили ни своей крови, ни имущества, за что и им дарует ся царская грамота. По причине исключения из манифестов мотива *народа* как общероссийского единства государственные тексты возвращаются к идее подданных, состоящих из двух различных общностей – привилегированной и непривилегированной, – каждой из которых адресуется свой текст. Сема «единство», создавшая концепт народа в течение Отечественной войны, как уже сказано выше, переведена в новый контекст – единства европейских государств.

Отметим, что императорскую благодарность жители Пскова получили спустя почти год после своего подвига. К этому моменту государственное красноречие окончательно исключило гражданскую идею, а потому фактическое обращение к *народу* (в сословно объединяющем смысле) идеологическим реверсом теперь никак не грозило.

Используя превосходство в силах и благоприятную тактическую ситуацию, которая сложилась после Кульма, союзные войска начали наступление на Лейпциг, в котором располагался Наполеон. 4–7 / 16–19 октября 1813 года происходила Битва народов – самое масштабное сражение в мировой истории до XX в. Ценою огромных потерь[311] союзники одержали верх над французской армией. Этому событию посвящено «Известие о сражении под Лейпцигом» (143–148) – новая веха в разработке сюжета войны. Разберем данный текст подробно.

Начинается грамота с благодарения Бога за то, что он, располагая судьбами государств, возносит славу русского народа, «умудряет главу его, ополчает десницу, укрепляет мышцы, ускоряет к победам стопы». История войны начинается с прихода бесчисленных неприятельских сил в Россию, «казалось свирепое море сие горами волн своих покроет и поглотит нас». На краю гибели стояла и Россия, и вся Европа. Однако «силен человек упованием на Бога»: уже через четыре месяца противник повержен и,

[311] Французская армия потеряла до 80000 убитыми, пленными и ранеными; армии союзников – более 50000, из них около 23000 русских (см.: *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона, М.: 1999. С. 569).

«сокрушась о камень твердости народной, и попираемый сильною грудью войск наших», вынужден бежать. Автор задается вопросом: кто мог сотворить столь чудесное превращение мощи в слабость – и отвечает: тот единый, о ком было сказано пророком: «*дхнетъ духъ его и потекутъ воды, коснется горамъ и воздымятся*». Так мотив *свирепого моря с горами волн* – войска Наполеона – погружается в мистический библейский контекст. Несмотря на то, что «исчезли силы врага, растаяли как воск от лица огня» повелитель французов, известный ненавистью к России и всему роду человеческому, жадностью к браням и властолюбием, спасся.

Наполеон набирает новое войско и готов вновь идти на брань. Чтобы воспрепятствовать ему, необходимо было «двинуть победоносное российское воинство за пределы великой империи». Когда войско дошло до Пруссии, мужество пробудилось в прусском народе и он примкнул к русским, «составив с нами единую душу». Хотя славные сражения под Лютцином и при Бауцене потрясли французские силы, пришлось «показать вид некоторого отступления», чтобы занять удобную позицию в Богемии. Последовавшее затем перемирие приумножило силы союзников: к ним присоединилась Австрия, союз которой с Россией был благословлен Богом, и Швеция, в то время как Англия и Испания смогли перевести дух в долгой борьбе против Наполеона. Только Саксония и Рейнский союз все еще страдали под насильственной властью французов. Тогда русское воинство вступает в Австрию и идет к Саксонии, неприятель же, стараясь воспрепятствовать его продвижению, нападает на три разных корпуса союзников, но везде терпит неудачу: русская гвардия под началом графа Остермана и армейские полки Барклая де Толли уничтожают корпус «известного лютостью своей *Вандама*» – в этом деле помогла рука всевышнего; шведский принц, под началом которого находятся русские и пруссы, побеждает неприятеля и берет в плен генералов, офицеров и солдат; а прусский генерал Блюхер наносит врагу страшные удары.

Наполеон собирает все силы под Лейпцигом, его окружают союзники, и начинается «жаркая, лютейшая брань, долженствующая решить судьбу царств». Далее в тексте красочно описывается сражение, в котором «долго <…> победа стоит сомнительною», однако в итоге «праведное оружие блистает во всей своей славе, и утеснитель народов <…> бежит укрыться в городе», но – «о промысл Божий!» – войска угнетенных народов свергают с себя иго рабства и обращают свое оружие против притеснителя (имеются в виду войска короля Саксонии Фридриха–Августа). Неприятель повержен, многие орудия оставляются, а полководцы и воины сдаются победителям. «Так решилась важная, воцаряющая правда, все племена и народы воскрешающая битва! Плоды ее несчетны, следствия спасительны для нынешних и будущих родов всего человечества. Очарование разрушено, гордость низринута, слепота умов и страх сердец развеяны, злочестие и злоба скованы. Неприятель <…> вогнан в пределы своего царства. Мы на берегу Рейна и Европа освобождена».

Доминантным в тексте является мотив *Бога*: с него начинается текст, Бог оказывается основным деятелем, он упоминается в критически важных моментах текста, он спасает Россию, дает возможность освободить Европу, внушает порабощенным народам жажду к свержению вражеского ига. Фактическая победа над французами показана в «Известии…» как победа и нравственная: народы, к которым приближалось русское войско, не побеждались мечом, но сами восставали из–под владычества Наполеона – так русские войска совершают моральное *освобождение Европы*. Русский народ образует *единую душу* с народами союзных держав, они скреплены узами божественной правды и объединены против злобы и злочестия – это внутреннее *единство европейских держав,* народы которых *свободны*, так как находятся под истинной властью своих монархов.

Особенно важна смена стиля документа. Как видно из цитат, в тексте перефразируются стихи и фразы из Псалтыри[312]. До этого момента[313] текст

[312] В тексте манифеста приводятся неточные цитаты из 67 и 96 псалмов.

Священного Писания никогда не использовался авторами государственных грамот. Если в поэзии «библейская» стилистическая переориентация началась уже в конце 1812 года, то в манифестах мистический сюжет начал выражаться подходящей ему ветхозаветной фразеологией только сейчас – в середине осени 1813 года[314].

Отметим также, что война 1812 – 1813 годов представлена в тексте состоящей лишь из побед русского и союзного оружия. Отступление и перемирие объясняются исключительно тактическими целями русского командования, в документе перечисляются только выигранные сражения. Сюжет пребывания лютого Наполеона в Москве, описанный в более ранних манифестах с изрядной подробностью – трагическим подрывом Кремля, пыланием Москвы, убийством местных жителей – в данном тексте редуцирован до метафоры свирепого моря.

После Битвы Народов французы начали массовое отступление за Рейн, а к концу 1813 года на территории Германии не осталось ни одной подконтрольной Парижу крепости (21 декабря 1813 / 2 января 1814 сдалась последняя – Данциг). Александр был решительно настроен продолжать кампанию до абсолютного конца, в чем убеждал союзников, – о перемирии с Наполеоном речи быть не могло[315].

Центральной идеей декабрьских государственных грамот 1813 года становится идея *смирения*, безропотной покорности Богу. В манифесте 6 декабря приносится благодарение Богу за избавление России от врага (149–150). В тексте отмечается скорость, с которой русские, еще год назад чудесным образом избежавшие поражения от французов, сумели дойти до границ Франции. Европа же, ополчавшаяся на Россию, ныне «добровольно шествует с Нами», соединив оружие против «притеснителя свободы царств».

---

[313] Как минимум с начала правления Александра I.

[314] Отметим, что в ситуации войны в христианском дискурсе обычно используются именно сюжеты Ветхого завета, богатого кровопролитием (тем интересней произведения Жуковского, в которых милосердие – одна из важнейших черт Бога). Смена концепта мести на концепт всепрощения, которая произойдет в течение 1813 г., – это ход от этики Ветхого завета к блаженству и благодати Нового.

[315] См.: *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 337–338.

Подобные великие перемены не могли быть совершены силами людей, творец их – Всемогущий Бог. Поэтому людям надлежит не гордиться делами своими, но благодарить Господа: «Что мы? Доколе рука Бога над нами, до тех пор мудрость и сила с нами <…> истинная слава и честь наша есть благоговейное пред Ним смирение». Император повелевает отворить по всему пространству России храмы; принести молебствие и коленопреклонение Богу; пролить всему народу горячие слезы благодарности Творцу за его милосердие. Особенно примечательно последнее повеление – слезы вменяются в обязанность подданным.

В конце декабря перед вступлением в пределы Французской Империи выходит Приказ войскам (151–152), в котором идея покорности божественным судьбам достигает апогея – призыва искренне простить французов. В нем император приказывает воинам вести себя кротко на вражеской территории[316], не уподобляться лютому неприятелю, забыть дела его и любить врагов своих, как заповедала православная вера. Когда русские победят французов, они должны протянуть им для примирения руку. После освобождения Отечества и возвращения свободы Европе осталось увенчать войну желаемым миром, что невозможно, не победив Наполеона. Именно жаждой достижения «на всем шаре земном спокойствия и тишины» объясняются действия русской армии. Главным намерением императора является не продолжение брани, а достижение такого положения в Европе, чтобы каждый народ благоденствовал и в нем процветала «вера, язык, науки, художества и торговля».

В стихотворениях второй половины 1813 года сложно выявить магистральную идеологическую линию: мотивы *Бога, царя и народа* могут быть равносубъектны в рамках одного текста. Так, в «Лирической песни при известии о новых победах» Н. Ф. Остолопова (Ч. 2, XLIV, 362) Бог является «заступником правых», росс гонит врага, а монарх – «вождь» и «спаситель».

[316] Если в приказе 25 марта царь повелевал воинам простить будущих союзников прусаков, то сейчас – французов.

В 1813 году возникает ряд подражаний «Певцу…» Жуковского, два из которых, написанных осенью, заслуживают особого внимания. В «Певце среди московских граждан 11–го октября 1813 года» (Ч. 1, XXXII, 126–130) И. В. Попов старается следовать стилю и форме оригинала: избегает архаической лексики, сохраняет строфу Жуковского, состоящую из двенадцати стихов с перекрестной рифмовкой, и партии хора, следует композиции здравиц. Первый кубок певец поднимает за *Бога*, следующий за *царя*, однако дальше, видимо, не справившись с композиционной задачей, упомянув *Отчизну*, возвращается к величанию монарха. Во второй половине текста поэт запутывается окончательно, в разных местах поминая *воинов*, *граждан* и *Москву*. Несмотря на то, что в произведении явна интенция автора представить галерею защитников России, идеологическое наполнение текста мешает воплощению этого замысла: главным героем для певца оказывается *царь*. Он не только «смелый пловец», помогший гражданам «спастись от потопленья» (sic!), но и утешитель, который «отер слезы сирых» и «препитал вдовицу».

Второй текст, «Певец на гробах братьев–воинов россиян» неизвестного автора, несмотря на то что его название содержит отсылку сразу к двум знаковым текстам Жуковского («Певцу…» и «Песни барда…»), меньше калькирует «баталистику» Жуковского. В минорном начале стихотворения слышны интонации элегии Жуковского и Батюшкова 1800–х – 1810–х годов Главным ориентиром для автора было, вероятно, «Послание к Д<ашко>ву» Батюшкова[317], стихотворение, стоящее у истоков исторической элегии в русской литературе[318]. Певец в стихотворении неизвестного автора – разочарованный герой, вспоминающий ужасы войны и не способный принять их. Однако в середине текста, сразу после возникновения в нем образа *росса*, тон произведения резко меняется: лирический герой принимается величать *царя* и *Бога*, элегия превращается в гимн:

---

[317] В первой публикации в «Сыне отечества» (1813. Ч. 7, № 31) и в «Собрании...» (Ч. 2, XXXII, 306–307) под заглавием: «Послание к Д. В. Д.».
[318] См.: *Вацуро В. Э.* Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». С. 156–165.

О, сердце русское! Те дни воспоминая,
Священным чувствием еще сильней пылая
К Отечеству, Царю и матери своей,
Превозносись всегда гремящей славой сей!
Она есть радуга и знак *небесной силы;*
<.....>
Ликуй, священная российская держава!
Питайся вечностью, паряща к небу слава!
Взносися на крылах к Владыке всех царей!
Хвали, благодари за подвиг дивный сей!
(Ч. 1, XXXVII, 140–142)

Кончается стихотворение уверенностью певца в том, что Россия была возрождена верою народа в Бога и верностью царю.

Оба текста, опираясь, по мнению их авторов, на «Певца…» Жуковского, не учитывают главного – идеологической системы стихотворения Жуковского, в центр которой поэт поместил идею гражданственности, а не государственности или мистичности Отечественной войны.

Продолжает свой нелегкий путь важный для поэзии 1812 – 1814 годов мотив *орла*. В стихотворении «Чувствования русского в Кремле» Д. П. Глебова он обретает государственное измерение (в дополнение к гражданскому в 1812 года и мистическому в первой половине 1813-го): представлен в виде *двуглавого орла* – гербовой аллегории Российской Империи:

Пари ты к небесам, пари, орел двуглавый!
И с горней высоты к народам брося взгляд,
Перунами блеснув, вещай им с громкой славой:
«Бог с нами, Александр!.. Ничтожен галлов ад!»
(Ч. 1, LXII, 197–198)

Если государственное красноречие 1813 года, окончательно и бесповоротно отказавшееся от идеи *русской нации*, игнорирует в важные для грамот 1812 года мотивы *русской истории* и *истории русских побед,* то поэзия, в которой гражданский пыл не угас, активно их использует. Галерея исторических деятелей может состоять как из более «государственных» героев, например, в цитированном выше стихотворении (Ч. 1, LXII, 197–198) – Рюрика, Дмитрия Донского и Александра Невского, – так и из более

«гражданских». Во «Встречи Суворова с Кутузовым, или Вестях, принесенных в царство мертвых князем Смоленским» Г. Окулова (Ч. 2, XLIII, 352–361) русскую историю воплощают в себе Минин, Пожарский, Сергий Радонежский и Дмитрий Донской.

Данное стихотворение примечательно еще и тем, что в нем представлен образ *Кутузова* как главного героя Отечественной войны, причем в нем нет ничего мистического (мотив *Бога* в этом достаточно большом тексте редуцирован до нескольких фраз). Более того, военачальник противопоставлен Александру Македонскому как защитник – завоевателю:

Но что? Пусть Александр – Вселенной покоритель,
А ты его славней – Вселенной ты спаситель!

Мы не можем утверждать, что в стихотворении присутствует какой–то антимонархический или анти–Александровский пафос (тем более, что дальше в тексте приведен достаточно большой верноподданнический пассаж), однако в контексте ведущейся Александром I заграничной кампании и того, что в поэзии начала XIX века образ Александра Великого соотносился с русским императором[319], данные строки примечательны особенно.

Продолжая рассказ о мотиве *истории побед*, рассмотрим достаточно любопытное стихотворение А. Ф. Воейкова «К Отечеству» (Ч. 1, XIX, 93–95). Автор представляет целую панораму русской истории: от легендарных скифских времен к ордынскому нашествию и Куликовской битве, далее – к Северной войне и Полтавской битве, и в итоге – к Семилетней войне. Важными историческими деятелями здесь названы как монархи (Петр I, нынешний император Александр I), так и достаточно «гражданские» герои – военачальники, причем их намного больше (Кроме Суворова и Кутузова, – П. А. Румянцев, В. М. Долгоруков и А. Г. Орлов). В тексте главным субъектом войны оказывается *народ*[320]: именно россы спасли Отечество и

[319] См. ранее в работе размышления о стихотворении А. Ф. Мерзлякова «Торжество Александрово, или сила музыки»
[320] Отметим, что в тексте отсутствует мотив *Бога* – редкость для военной поэзии 1813 г.

освободили Европу. Русские – образец великодушия для царей и царств; народ, готовый жертвовать собой за независимость Родины и веру отцов. «Спасителем» – обычной номинацией Бога в современной поэзии – назван *росс*: «И вновь обеты всех к тебе: гряди, спаситель! / Гряди, о росс! Вина такой войны свята…».

3.3. *1814 год: от неполного антитезиса к неоднозначному синтезу*

В начале 1814 года Наполеона покинул последний союзник (Дания). Объединенная армия имела около 900 тыс. человек. В январе Силезская и Главная союзные армии (имеющие совместно более 320 тыс. личного состава) перешли границу Франции. Они почти не встречали сопротивления со стороны местных жителей, истощенных более чем двумя десятилетиями беспрерывных войн. К концу зимы Наполеон оказался в окружении объединенных европейских сил: результатом Шомонского трактата (17 февраля / 1 марта) между союзниками (Россией, Австрией, Пруссией и Англией) стало решение продолжать войну до победного конца, более того, союзники приглашали присоединиться к боевым действиям Испанию, Португалию, Швецию и Голландию. После ряда мартовских побед стотысячная союзная армия двинулась на Париж[321].

С января по конец марта 1814 года[322] выходит сравнительно немного поэтических текстов. Идейно произведения очень разные. Война идет к уже понятному всем победному концу, особенных событий на ее фронтах не происходит. В это время поэты второго и следующих рядов довольно хаотично компилируют мотивы из уже набранного и освоенного репертуара.

В стихотворении «На незабвенные подвиги россиян для освобождения народов» Д. П. Глебова (Ч. 2, XLVI, 368) россы – единственные победители в войне, освободители Европы. По мысли автора, их славу не нужно пытаться

---

[321] См.: *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. Т.1: Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. С. 343–345.
[322] В марте и апреле 1814 г. выходят оба тома «Собрания…».

увековечить в монументах, потому что подвиг русских навсегда останется в памяти людей: «Вселенна памятник для них!».

«Песнь русского воина перед сражением» Н. Ф. Грамматина и стилистически, и идеологически продолжает «баталистику» Жуковского. Основными героями в стихотворении становятся «чада Севера» (ни *Бога*, ни *царя* в тексте нет). «Сладкому часу брани», в которую русские летят с радостью, противопоставлена не менее желанная домашняя идиллия:

Враг падет... и храбрых сонм,
Свежим лавром увенчанный,
С торжествующим челом
Возвратится в край желанный,
В милый край страны родной.
Луг веселый! Бор кудрявый!
Холм и дубы над рекой!
Вы дадите чадам славы
Тень прохлады и покой.

«Край желанный» стихотворения сплетен из ценностей «малого» мира дружеского послания – творчества, любви и дружбы:

Нимфы резвые, прекрасны!
Вы, сплетяся в легкий круг,
Им споете песни страстны
И к любви склоните дух!
Ах! Опять мы, нимфы, с вами
Увенчаемся цветами,
Станем дружно в душу жить,
Веселиться и любить!
(Ч. 2, XVI, 256–258)

В некоторых текстах единственным триумфатором в войне называется *царь*. В стихотворении «На поражение французов и Наполеона[323] под Бриенной 20 января 20 января 1814 года» П. И. Шаликова Александр является называется освободителем Вселенной и «ангелом мира».

Примечателен еще один текст Глебова, написанный в конце 1813 – начале 1814 годов и озаглавленный «Чувствования русского в Кремле» (Ч. 2, XXXIII, 308–309), в котором русские сильны и могущественны, но благодаря

[323] Обратим внимание на разделение в данном заглавии нации и Наполеона – очень близко к идее современных государственных грамот о нетождественности французского императора и французов.

Богу («Доколе в русском Бог – он всех властитель стран»). История в данном тексте представлена только фигурами князей:

Потомки Рюрика! В нас то же сердце бьется,
Которое в полях *Донского* вознесло,
И доблесть *Невского* не с кровью ли в вас льется?
Отечество – оно ко брани вас влекло!

Истинные воины, по мнению автора, должны сражаться «за Бога, за царя», а с небес славу Бога и Александра поет уже ставший традиционным двуглавый геральдический *орел*:

Пари ты к небесам, пари, орел двуглавой!
И с горней высоты к народам брося взгляд,
Перунами блеснув, вещай им с громкой славой:
«Бог с нами! Александр! — ничтожен галлов ад».

Хотя поэзия после 1812 года достаточно эмансипировалась от государственного дискурса и авторы стали образовывать собственные аксиологические системы, продолжают встречаться тексты, идеологически (причем довольно бесхитростно) следующие манифестам. Стихотворение «На возвращение ополчения» Д. И. Хвостова (Ч. 2, LI, 387) калькирует идеи императорских приказов и рескриптов 1813 года. Главным деятелем истории здесь назван *царь* Александр, он различает французов и Наполеона: народу несет мир, а тирану – гром; выражен здесь и нравственный императив государственных грамот – требование по–христиански простить врага:

России мощные сыны миролюбивы,
Святя крестом чело, неся в руках оливы,
Слезами окропя священны знамена,
Гласят Отечеству: Европа спасена!

После кровопролитной битвы ночью 19 / 31 марта 1814 года была подписана капитуляция Франции, а в полдень русско–прусская армия под началом императора Александра I триумфально вступила в Париж. 24 марта / 6 апреля Наполеон отрекся от престола, в тот же день Людовик XVIII был провозглашен королем. 18 / 30 мая был подписан мирный договор между странами Шестой коалиции и Францией.

В тот же день выходит манифест о мире России и Франции (153–156). Текст особо важен тем, что это первый манифест времен русско–французских войн, в котором основной фигурой становится *царь*. В грамоте говорится о значении 1812 года, который изранил Отечество, однако «вознес Россию на верх славы, <…> положил основание свободы народов». Этическое понятие (обратное социо–политическому, явленному в бумагах 1812 года) слова «свобода», разрабатываемое в предыдущих государственных текстах, закрепляется в этом. Каждый народ должен находиться под своей, данной Богом властью – в этом заключается его свобода: «Чувство рабства незнаемо сердцу Россиянина. Никогда не преклонил он главы пред властию чужою. – Дерзал ли кто налагать иго? Не коснело наказание! – Вносил ли кто оружие в Отечество его? Указует он гробы их! – Тако возносит Бог уповающего на Него!».

Заслуга России не только в том, что ей удалось отстоять свою независимость, но и, что едва ли не важнее, в том, что она дала истинную свободу народам Европы («Народы склонили слух свой ко внушению истины») и самой Франции («Франция открыла глаза на окружающую ее бездну, расторгла узы обольщения, устыдилась быть орудием властолюбца»). В тексте впервые с 1812 года звучит мотив *истории побед*, однако в иной аранжировке: если в манифестах Отечественной войны история вспоминалась для утверждения идеи народности нынешнего противостояния (рифма 1612 – 1812), то в данной грамоте она становится элементом государственного сюжета войны: и ныне, и прежде русские защищали *царя* – истинную, данную *Богом*, власть. С этим связана другая трансформация: *Отечество* окончательно теряет свой гражданский смысл, объясняясь через первый и второй элементы тройной формулы «За веру, царя и отечество»: Отчество – это вера русских и верность монарху[324].

[324] В 1830–х годах по той же логике будет разработана уваровская триада, в которой смысл термина «народность» образован значениями остальных элементов: «православием» и «самодержавием».

Центральные лейтмотивы манифестов 1812 – 1814 годов, *народа, Бога и царя*, в данном документе образуют четкую иерархическую идеологическую структуру. Она явлена во фразе, в которой император объясняет свое решение начать войну в 1812 году и продолжать ее до победного конца: «Достоинство народа, промыслом всевышнего попечению Нашему вверенного, воспретило опустить его (меч – *К. Х.*) во влагалище, доколе неприятель на земле Нашей». Земной эманацией *Бога* оказывается *царь*, *народ* же исполняет волю своего монарха. Несмотря на то, что Бог упомянут в тексте изрядное количество раз, основным деятелем все же является царь: «Мы предприняли дело великое» – говорит он.

Так сюжет войны, транслируемый через государственные грамоты, в очередной раз меняется. Если летом 1812 года главным субъектом войны является *народ*, воюющий с захватчиком не по приказу, а из личного чувства (*гражданский сюжет*), а с осени 1812 года и до 1814 года – *Бог*, явивший свои чудеса и неизреченную милость (*мистический сюжет*), то в 1814-м основным деятелем становится *император,* давший слово победить захватчика и выполнивший обещание (*государственный сюжет*). Действительно, процитированная выше фраза рифмуется с клятвой, данной императором в первый день Отечественной войны в рескрипте графу Салтыкову: «Я не положу оружия доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве Моем» (9). Государственный сюжет подчиняет себе мистический: *Бог* в тексте манифеста действует не сам, но дарует силы *царю*. Важно обратить внимание и на то, что подданные в документе защищают «веру, Отечество и ГОСУДАРЯ» – элемент, довольно поздно появившийся и оформивший тройную формулу («царь»), впервые представлен заглавными буквами (в манифестах 1812 – 1813 годов прописными буквами писались только личные и притяжательные «императорские» местоимения: Я, МЫ, МОЮ, НАШУ и проч.), «Царь» и «Император» писались с заглавной.

В тексте перечисляются все сословия (дворяне, купечество, граждане и поселяне), единодушные в своей любви к Отечеству, а потому вставшие на

его защиту. Мотив *единства русского народа*, тоже возникший в манифесте впервые с 1812 года и, казалось бы, не отличимый от своего варианта времен Отечественной войны, в действительности, претерпел значительные изменения. Они связаны со сменой значения слова «Отечество»: если в 1812 году это максимально абстрактное понятие, нагруженное комплексом символических значений, связанных с пробуждением акциональности и самоосознанности *народа*, то в 1814 году «Россия» и «Отечество», как уже сказано выше, – это *царь* и *Бог*. Так становится понятна логика событий текста: император принимает решение сражаться с захватчиком, а «верноподданные»[325] следуют желанию своего монарха. Органичное единство народа 1812 года сменяется санкционированным единством верноподданных в 1814-м.

Особенно важно, что манифест собирает в себе все центральные мотивы 1812 года – это еще раз доказывает их органичное единство. Власти важно доходчиво их переобъяснить: *Европа освобождена царем*, *единство* – в верноподданности, а не народности, *храбрость русских* вызвана желанием защитить *царя* и *Бога*.

Продолжает государственный сюжет войны «Указ Святейшему Правительствующему Синоду, Государственному Совету и Правительствующему Сенату» (159–165), вышедший летом 1814 года. Документ представляет собой похвалу императору Александру, произносимую от лица народа Сенатом, Синодом и Государственным советом. Текст делится на 3 части: Предисловие, в котором правительствующие органы поясняют императорским подданным предмет настоящего документа; Прошение, в котором народ благодарит Императора за победу в великой Войне; собственно Императорский Указ, в котором Александр принимает похвалу и повелевает огласить текст.

Основным говорящим в тексте становятся правительственные инстанции, утверждающие, что выражают общее мнение *русского народа*:

[325] Термин вернулся в государственное красноречие в течение 1813 г., заменив «народ».

«Верховные правительства <…> возжелали пред лицом света ознаменовать усердие верноподданного Российского народа ко вселюбезнейшему Монарху». Если в 1813 году мотив *народа* замалчивался, потому что противоречил новой идеологии, то ныне от лица немого большинства (нации) говорит правящее меньшинство.

Главным и единственным героем–деятелем в тексте является император Александр I: его мужеством и твердостью низвергнут враг, он спас Европу, ожидавшую своего конца, и даже Франция, наряду с другими государствами, благодарит русского императора за освобождение; царь своим примером воодушевил все сословия, приобретшие, благодаря этому, бессмертную славу. Показательно, что мотив *храбрости*, традиционно связанный с *народом* или *войском*, до последнего момента принадлежащий только им, прикрепляется к фигуре *Императора* – он центр мотивной структуры текста и абсолютный субъект Войны. Основной в манифестах с конца 1812 года мотив *Бога* в Указе подчиняется *царю*: к имени Императора прибавляют титул Благословенного, поскольку «великие подвиги Его очевидно ознаменованы покровительством вышнего промысла». К титулу Благословенного добавляется имя «великодушного защитителя Европы, восстановителя законных правительств». Молитвенная риторика, с которой ранее в государственных документах возможно было обращение только к Богу, используется для хвалы государя: «Что воздадим Тебе, оградившему безопасность Отечества нашего, восстановлением независимости держав ему сопредельных? Какие хвалы могут довлеть тебе отомстившему за нас дерзкому врагу…».

В тексте содержится призыв к сбору пожертвований на воздвижение памятника Александру с надписью: «АЛЕКСАНДРУ БЛАГОСЛОВЕННОМУ, ИМПЕРАТОРУ ВСЕРОССИЙСКОМУ, ВЕЛИКОДУШНОМУ ДЕРЖАВ ВОССТАНОВИТЕЛЮ»[326]. Если ранее в государственных документах с 1812 года сбор средств объявлялся на нужды

[326] Отметим, как в предлагаемой надписи упомянуты оба «титула».

военные (сбор ополчения) или гражданские (помощь жертвам войны), то теперь – на увековечивание памяти Александра I как главного субъекта Отечественной войны и Заграничного похода. Это экспликация смены идеологических ориентиров: не император благодарит народ и награждает его (как в конце кампании 1812 года), а народ, голосом правительства, приносит благодарность царю. Показательно и то, что, кроме памятника, предлагается выбить специальную медаль (явно рифмующуюся с серебряной медалью 1812 года). Награды императору надлежит принести «для предания позднейшему потомству настоящей славы России» – победителем в исторической памяти должен остаться царь Александр I.

Основным субъектом войны в государственных текстах 1814 года останется *царь* (особенно ярко идея монаршего могущества будет выражена в «Милостивом манифесте» (166–176) 30 августа 1814 года).

Поэзия с апреля до конца 1814 года единодушна в восхвалении *царя* Александра. Почти невозможно найти стихотворение, посвященное победе России, чтобы главным триумфатором в нем был не монарх. Кроткий, но храбрый император *спас* Вселенную от тирании, *дал Европе свободу*, он достиг победы не злобой, а любовью. Царь вдохновлен *Богом*, во множестве текстов используется только что возникший титул Благословенного. Божественность фигуры Александра при этом не погружает его в мистический сюжет войны, скорее наоборот, – *Бог* становится героем государственного сюжета. В значительном количестве стихотворений звучит мысль о богоподобии Александра, он царь среди царей и Бог среди богов; он подобен Иисусу Христу[327].

Народ восхищен своим правителем, поет ему славу; царь – в сердце «подданных» (очень редкое обозначение населения России для поэзии 1806 –

[327] Сам новый титул «Благословенный» уподобляет императора Христу («Благословен грядый во имя Господне»).

1814 годов, возникающее в стихотворениях с апреля 1814 года)[328]. Народ *единодушен* в любви к монарху: русские сражаются за своего царя, радуются его победе над Наполеоном, с нетерпением ждут его прибытия на родину. Метафора царя–отца, довольно частая для русской поэзии с XVIII в., присутствует едва ли не в каждом стихотворении. Александр, кроме прочего, подобен *орлу*.

Царь Александр становится главным героем всей русской *истории*. Петр и Екатерина, величайшие монархи в истории России, восхищаются Александром, его историческая значимость затмевает их заслуги[329]. В стихотворении «Петр и Александр в Париже» Н. Ф. Остолопова[330] образы императоров противопоставлены: первый учился в Париже, второй же просвещает французскую столицу, учит ее милосердию.

Идеологически поэзия полностью солидарна с современным ей государственным красноречием. Фигура *Царя* концентрирует вокруг себя остальные идеологические лейтмотивы 1812 – 1814 годов, полностью отнимая у них акциональность: царь подобен Богу и на земле больше него (мотив *Бога*); Европа спасена единолично царем (мотив *спасения Европы*); царь храбр, своим бесстрашием заражает войско и народ (мотив *храбрости русских*); его победа – самая значительная во всей русской истории (мотив *истории побед*); народ способен лишь воспевать хвалу царю и в этом он монолитен, един (мотивы *русского народа* и его *единства*). Еще один мотив, важный для поэзии изучаемого периода, – *орла*, тоже растворяется в образе царя. В стихотворении «Народная песня. Посвящается храброй Русской

---

[328] Например, в стихотворении «На всерадостнейшее сретение Его Императорского Величества в С. Петербурге, при шествии Его в Казанский Собор» М. В. Милонова (Сын Отечества. 1814. Ч. 15, № 30. С. 151–152).

[329] См.: «На покорение Парижа» Державина (Сын отечества. 1814. Ч. 14, № 22. С. 95–98; *Державин Г. Р.* Соч. Т. 3. С. 211–213); «Стихи на всерадостнейшее возвращение Его Императорского Величества в Россию после достопамятного окончания кровопролитной брани» Д. П. Глебова (Вестник Европы. 1814. Ч. 76, № 16. С. 265–267).

[330] Сын Отечества. 1814. Ч. 15, № 27. С. 23.

гвардии» («Быстрый млад Орел, птица мощная…»)[331] Орел–Александр призывает к себе соколов (русских)[332] для сражения с вороном–Наполеоном.

Элементы мистического или гражданского сюжетов войны можно встретить в редких поэтических текстах. Так, в «Песни русского инвалида» И. Ф. Рослякова[333] представлен достаточно субъектный *Бог*, дающий *царю Александру* громы. *Кутузов* в тексте назван Архистратигом и действует как мистический герой.

Важно стихотворение «Освобождение Европы и слава Александра I» Н. М. Карамзина[334]. Текст посвящен московским жителям (о чем сказано в примечании) и контаминирует все три военных сюжета: государственный, мистический и гражданский. В начале текста лирический герой обращается к *Богу*, победившему Наполеона, восхваляет его силу и милосердие. *Русские* в произведении вдохновлены творцом (названы «воинством Бога»), господь дарует могущество Кутузову. Более того, русско–французское противостояние называется «народной войной».

Выше всех людей оказывается *царь*, обладающий традиционным набором добродетелей (он смиренен, полон любви и освобождает мир, чтобы подарить ему тишину). Идеологическая позиция автора явлена в тексте прямо – в призыве к «народам»: они должны покоряться истинной власти, отвергнув идею гражданских свобод:

Народы! власти покоряйтесь;
Свободой ложной не прельщайтесь:
Она призрак, страстей обман.
Вы зрели Галлов заблужденье:
И своевольство, и Тиран
Отмстили им за возмущенье
Против законного Царя,
Уставов древних, Алтаря.

[331] Сын Отечества. 1814. Ч. 15, № 32. С. 240–241.
[332] Отметим, что автор противоречит поэтической традиции называния русских «орлами», намеренно различает царя и народ как «Орла» и «соколов».
[333] Вестник Европы. 1814. Ч. 77, № 18. С. 106–108.
[334] Вестник Европы. 1814. Ч. 75, № 12. С. 258–271.

Праведной властью является только власть монарха, которым правит Бог: «Над вами Царь, а Бог над ним». Примечательно, что Карамзин для доказательства превосходства стабильной (пускай и неидеальной) власти над революционным безначалием использует риторику, кажущуюся сегодня очень современной:

В правленьях новое опасно,
А безначалие ужасно.
Как трудно общество создать!
Оно устроилось веками,
Гораздо легче разрушать
Безумцу с дерзкими руками.
Не вымышляйте новых бед:
В сем мире совершенства нет!

Счастье *народа* зависит не от его самостоятельности, а от моральных качеств: если *он* будет добродетелен, *Бог* дарует ему справедливого *царя* и защитит от любой напасти, как защитил от Наполеона.

Карамзин создает редкое для своего времени стихотворение, использующее общераспространенные поэтические элементы, но в центр аксеологической системы помещающее *Бога*. Это его реплика в идеологическом поэтическом полилоге 1814 года.

Еще одним мистически ориентированным текстом является «Ода на чудесные российские победы» (Ч. 2, XXXVII, 321–325) М. И. Невзорова. В стихотворении представлен следующий сюжет войны: Европа погрузилась в тьму, потому что отошла от *Бога*. Тогда Вседержитель решил пойти на европейские страны с севера и освободил их от ужасов адской геены. Примечательно, что, стартовав в России, Бог, по мнению автора, как бы принял русское гражданство, и освобожденная Европа «… к Богу русскому взывала / Быть Богом и ее племен». «Кроткий Александр» оказывается земным представителем Творца и становится «вождем и отцом Европы».

Достаточно субъектным (но все равно значительно слабее царя) мотив *народа* является лишь в нескольких текстах. В «Песни ратников Санкт–

Петербургского ополчения» М. С. Щуплепникова[335] русские уподобляются славным предкам, называются «Мининими и Пожарскими» и «орлами». В «Стихах по случаю знаменитых и вечнопамятных происшествий, совершенных Александром Благословенным и храбрым Его воинством» И. С. Победина[336] россы вдохновлены Богом, более того, «благословенны» подобно императору. Лирический герой восхищается их всесилием и вспоминает подобных им героев прошлого: князя Олега, Дмитрия Донского, Пожарского и Петра I[337].

Главным поэтическим произведением, адресованным царю, стало послание Жуковского «Императору Александру». История стихотворения хорошо изучена. Поэт создавал текст в течение ноября 1814 года. Послание читали ближайшие товарищи Жуковского и высказали замечания, которые поэт учел при доработке текста[338]. В дальнейшем Жуковский незначительно правил текст к каждому новому прижизненному изданию. Стихотворение было преподнесено вдовствующей императрице Марии Федоровне. 30 декабря 1814 года А. И. Тургенев читал ей «Императору Александру» в

---

[335] Впервые в книге В. И. Штейнгеля «Записки касательно составления и самого похода санкт–петербургского ополчения против врагов отечества, в 1812 и 1813 годах...» (СПб., 1814. Ч. 1. С. 237–239; перепечатано в «Собрании...» (Ч. 2, LXVII) и «Сыне отечества» (1814. Ч. 17, № 43. С. 195–197).

[336] Вестник Европы. 1814. Ч. 78, № 21. С. 31–34.

[337] Ниже приводим неполный, но достаточно репрезентативный список стихотворений (кроме тех, на которые были ссылки выше): «При наступлении весны 1814 года» неизвестного автора (Вестник Европы. 1814. Ч. 75, № 11. С. 170–171); «Стихи, сочиненные по случаю занятия Парижа победоносными Российскими и союзными войсками» неизвестного автора (волжского боярина греческого происхождения) (Там же. С. 172–173); «На взятие Парижа» А. А. Дельвига (Там же. № 12. С. 272–274); «Надпись к портрету Александра I» неизвестного автора (Сын отечества. 1814. Ч. 14, № 22. С. 98); «Песня» («Ездил русской, Белой Царь…») М. Б. Лобанова (Там же. Ч. 15, № 27. С. 21–22); «Государю Императору Александру Павловичу на возвращение Его Императорского Величества в Россию по заключении всеобщего мира» А. Х. Востокова (Там же. № 29. С. 118–119); «Кантата на возвращение Государя Императора в Санкт Петербург» С. Боголюбова (Там же. № 30. С. 153); «На всерадостное прибытие Государя Императора в Санкт Петербург» неизвестного автора (Там же. С. 154); «Стихи Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Константину Павловичу; на мир России с Францией» П. И. Шаликова (Вестник Европы. 1814. Ч. 76, № 14. С. 107–110); «Польской» («Ликуй, блаженная Россия…») И. Ф. Рослякова (Там же. Ч. 77. № 18. С. 109–110); «Песнь пастушки на возвращение доброго Царя» Т. Аполлонского (Там же. С. 113–114); «На вступление в Санкт–Петербург гвардейских полков 30 июля 1814 года» П. Вырубова (Сын отечества. 1814. Ч. 15, № 32. С. 241); «Песнь народная и русских воинов» Ф. Ф. Кокошкина (Сын отечества. 1814. Ч. 17, № 39. С. 27–28); «Стихи на случай Высочайшего Его Императорского Величества из армии в Санкт Петербург прибытия» неизвестного автора (Вестник Европы. 1814. Ч. 78, № 21. С. 68–72); «Песнь русского воина при Рейнском водопаде» И. Ф. Рослякова (Там же. № 23. С. 222–226); «Падение Наполеона» А. Чебышова (Там же С. 304). Последнее стихотворение – одно из немногих, в котором нет образа *Царя.*

[338] Были учтены правки, сделанные К. Н. Батюшковым, Д. Н. Блудовым и Ю. А. Нелединским–Мелецким.

присутствии членов императорской семьи. Послание было напечатано отдельным изданием за счет императрицы[339].

Жуковский создает текст в пору, когда почти все поэты уже выразили в стихах свое восхищение Александром I. В начале сохранившегося плана стихотворения Жуковский сам обращает на это внимание: «Когда все вокруг тебя рукоплескали, я молчал». И далее: «теперь первые гласы утихли <…> И я певец в уединении обращаю к тебе свой глас»[340]. Важно отметить, что поэт не просто медлил со своим стихотворным обращением к царю: «Императору Александру» явно отталкивается от идеологической схемы, сформированной к началу его работы над посланием. Можно сказать, что стихотворение находится на стыке двух способов говорения о войне против Наполеона и личности императора Александра I. С одной стороны, текст идеологически продолжает «баталистику» Жуковского («Песнь барда…», «Певца…», «Вождю победителей»), с другой стороны, нераздельно связан с прогосударственной аксиологией и историософией второй половины 1814 года, транслируемой и через императорские грамоты, и через современную поэзию.

В работах, посвященных творчеству Жуковского, не отмечалось, быть может, самое важное отличие «Императора Александра» от предыдущих стихотворений автора: в данном послании Жуковский осознанно создает сюжет Отечественной войны и Заграничного похода, помещает свой текст в традицию исторических поэтических панорам 1812 – 1814 годов. Он пытается решить задачу, которую в начале 1813 года взял на себя Державин в «Гимне лиро–эпическом…»: рассказать историю войны, сконцентрировав ее вокруг принципиальных для себя идеологических концептов. Как было показано выше, державинский сюжет образован идеями мистической природы русско–французских войн и богоизбранности русского народа.

---

[339] См.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. С. 721–723, примеч. И. А. Поплавской.
[340] Цит. по: *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985. С. 104.

Жуковский кладет в основу своего послания хвалебную поэзию 1814 года. Певец в стихотворении восхваляет императора; в центре текста – образ *царя*, ведущего за собой *русских.* Сюжет войны традиционно начинается восстанием гордеца Наполеона, выступившего против *Бога* и обманувшего французский народ. Отметим, что образ «великана», «питомца ужасов» Наполеона не понравился Д. Н. Блудову, – показался литератору карикатурным – однако Жуковский к данному замечанию не прислушался. Мы предполагаем, что здесь автору было важно обозначить следование традиции военных поэтических сюжетов, не обходящихся без гиперболизированной (иногда до гротеска) фигуры французского императора[341].

В послании Жуковского звучит общая для современной поэзии мысль о том, что сила народа заключается в верности царю. Русские отстаивают принципы *свободы*, причем «свобода» синонимична монаршей власти, более того, монарх – аллегория свободы: «Где на дымящийся убийством эшафот / Злодейство бледную свободу возводило»[342]. Смирение Александра в стихотворении противопоставлено гордости Наполеона (идея, звучавшая еще у Державина в «Гимне лиро–эпическом…»). Русский император называется «Благословенным», он признается спасителем России и мира: «Везде обилие, надежда и покой… / И все сие, Наш Царь, дано земле тобой»[343]. Важным маркером «государственности» текста оказывается использование Жуковским мотива двуглавого геральдического орла:

И лишь горе взлетел орел наш двоеглавый,
Лишь крикнул голосом давно молчавшей славы,
Как всколебалися Тевтонов племена!
<…….....>
Гром русский берега Секваны огласил –

---

[341] См. в письме А. И. Тургенева Жуковскому 8 января 1815 г.: «Великан и взорами на мир ужасно за сверкал и пр. находят слишком в карикатуре представленного Бон<апарта>. Но Нелединский с сим замечанием не согласен и думает, что иначе его и изображать не должно» (*Ларионова Е. О.* К истории стихотворения В. А. Жуковского «Императору Александру»: (Письма А. И. Тургенева В. А. Жуковскому) // Русская литература. 1991. № 3. С. 80).

[342] Текст цитируется по: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 1. С. 366–378.

[343] Обратим внимание на то, как послевоенная идиллия в «Послании Александру» похожа на идиллию, рисуемую Державиным в конце «Гимна лиро–эпического».

И над Парижем стал орел Москвы и мщенья!..

Однако современниками «Императору Александру» отмечалось как стихотворение с сильным гражданским пафосом[344]. Более того, в плане произведения Жуковский пишет: «Не хвала, нет <…> но благодарность»[345]. Действительно, несмотря на общераспространенные «хвалебные» элементы текста и его внешнюю «государственность», в послании переосмысляются роли *царя* и *народа*.

Русские в стихотворении защищают не только царя и веру, но и соотечественников, историческую славу России и ее будущее:

Тогда явилось все величие народа,
Спасающего трон и святость алтарей,
И тихий гроб отцов, и колыбель детей,
И старцев седины, и младость дев цветущих,
И славу прежних лет, и славу лет грядущих.

«Благословенным» Александра нарекает «потомство», «судия царей» (будущий народ), обещая ему этот титул за начало заграничной кампании:

И, судия царей, потомство впереди
Вещало, сквозь века явив свой лик священный:
«Дерзай! и нареку тебя: Благословенный».

«Народный» в лирике Жуковского *Кутузов* благословляет *царя*:

И вождь наш смертию окованные вежды
Подъял с усилием, чтобы на славный путь,
В который ты вступал уже не с ним, взглянуть
И, угасая, дать царю благословенье.

Мотив *орла* присутствует и в своем гражданском значении: «И грозно брег покрыл коней и ратных ряд, / Приосеняемых парящими орлами...».

Особенно силен в тексте *Бог.* Центральное сражение Заграничного похода, сражение под Лейпцигом, представлено в одной «мистической»

---

[344] В письме 22 декабря 1814 г. Тургенев предлагает сделать строки «О дивный век, когда певец Царя – не льстец! / Когда хвала – восторг, глас лиры – глас народа» девизом стихотворения. А в письме 29 декабря описана реакция Нелединского: «Он еще живо чувствует все прекрасное. О стихе:

Предстатель за царей народ у Провиденья,

говорит он: c'est un vers seculaire <это стих, встречающийся раз в столетие – *фр.*>» (*Ларионова Е. О.* К истории стихотворения В. А. Жуковского «Императору Александру». С. 79–80). Вспомним также отзыв Пушкина о послании «Императору Александру»: «Вот так русский поэт говорит русскому царю» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 13. С. 179).

[345] Цит. по: Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. С. 104.

строке: «И загорелся день… Бог грянул – пал губитель!». Царь признает свое ничтожество перед Богом («Во прах пред Божеством свою бросает славу!..). По мнению А. Л. Зорина, здесь выразилась идея Жуковского о «совершенном предании себя в волю Божью», которой он руководствовался в жизни[346].

Особенно важно, что в послании сформулирован смысл царского служения: царь предстательствует за свой народ перед Богом, его жизнь – пасторская миссия, которой он не может избежать. Именно такого (а не любого) царя славит его народ. Поэт становится «певцом царя» за его заслуги как человека. Жуковский выступает против высшего закона подчинения (Бог властвует царем, а Царь – народом), сформулированного в стихотворении «Освобождение Европы и слава Александра I» Карамзина, предлагая концепт политического диалога: царь отвечает перед Богом за народ, а народ молится за монарха («Предстатель за Царей народ у Провиденья»). Главным государственным законом, по мысли Жуковского, является закон любви и честности во взаимодействии царя и народа, гарантом соблюдения которого оказывается Бог.

Из этого следует еще одна неожиданная мысль: свобода не в подчинении любой монаршей власти, а в подчинении достойному. Певец в стихотворении обращает особое внимание на ценность свободного, а не вынужденного слова: «Прими ж, в виду небес, свободный наш обет…». Здесь заложена идея возможности неподчинения (которую поэт не проговаривает, но до которой нужно сделать всего лишь один логический шаг), если монарх не будет соответствовать заявленному высокому этическому стандарту.

Мотив *смиренности Царя* начинает лирика конца 1812 – начала 1813 годов – особенно обстоятельно он был выражен в «Гимне лиро–эпическом…» Державина. Как уже было сказано, в державинском стихотворении смирение Александра не констатация факта, а руководство к действию. В поэзии 1813 – 1814 годов данная характеристика становится

---

[346] *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла…: Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001. С. 275–276.

общим местом, обязательной чертой императора (действия Александра на военном театре способствуют упрочению образа милосердного монарха). В произведении Жуковского мотив вновь оживает, обретая былой императивный характер[347].

В «Императору Александру» Жуковский, по сути, делает то же, что Державин в «Гимне лиро–эпическом»: создает образ идеального монарха, которому должен соответствовать реальный Александр I; дает царю «уроки истории»[348], как их давал Державин. Известно, что в процессе создания послания Жуковский читал оды Ломоносова и размышлял о том, какой должна быть настоящая поэтическая похвала, чтобы она не переходила в лесть[349]. Похвала в «Императору Александру» становится поучением. Жуковский переворачивает традиционный поэтический сюжет Отечественной войны: он становится назиданием не врагу или русскому народу (чтобы тот максимально любил монарха), а русскому царю.

Текст Жуковского вырастает из общего идеологического субстрата стихотворных военных сюжетов, формально организуется его по узнаваемой схеме – создать панораму войны иначе в 1814 – 1815 годах было вряд ли возможно. Однако, перемешивая концепты, придавая им неожиданные коннотации, автор в «Императору Александру» продолжает следовать аксиологии своей «баталистики»: *русский народ* – большая, значимая и самостоятельная сила, безоговорочно подчиняющаяся только *Богу*.

4. 1816 год: эпилог наполеоновских войн

Заграничный поход закончился триумфом русского государства, которое объяснило победу величием Благословенного Царя. Однако надгосударственная идея Священного союза – общеевропейского

---

[347] Примечательно, как государственное красноречие требует смирения народа и войска, а большая поэзия – императора.
[348] *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. С. 104.
[349] Там же. С. 106.

христианского единения – стала причиной нового, последнего идеологического витка времен русско–французских войн, выраженного в манифесте от 1 января 1816 года[350] (194–208). В нем окончательно закрепляется сюжет Войны 1812 – 1814 годов.

Начинается данный текст с указания на абсолютную уникальность Отечественной войны и Заграничного похода, которая «не подобна никаким известным доселе в бытописаниях войнам <…> небывалое на земном шаре приключение». Этим автор объясняет необходимость сохранения происшествий войны в памяти народов. Повествователь предлагает кратко рассмотреть все события войны, чтобы народ удивился чуду победы и, вместе со своим царем, воскликнул: «Не нам, не нам, Господи, но имени Твоему». Исключительная субъектность *Бога* в начале текста поясняется тем, что рассматриваемая война представляет собой не земной конфликт, но противостояние благословенной России абсолютным силам зла, жаждущим уничтожить «в сердцах человеческих все Богом насажденные добродетели» и «в пролитой крови всего рода смертных утонуть». Зло это, с одной стороны, совершает революцию, с другой – выплавляется в ее горниле, обретает свои черты. Люди, обуянные злым духом, убивают законных представителей власти и «избирают себе в начальника, потом в Царя, простолюдина, чужеземца» Наполеона. В тексте акцентируется внимание на фальшивости правителя, выбранного людьми, а не Богом, он противопоставляется истинным европейским монархам, в том числе русскому императору Александру I. Наполеон собирает великое множество воинов и устремляется разрушать царства, чтобы стать повелителем целого мира. Гордость французского императора достигает апогея: «Он предприемлет присвоить себе Богу токмо единому свойственное право *единовластного над всеми владычества*». В документе акцентируется внимание на низости и подлости французского Императора, ведущего войну с помощью лжи и обмана: Наполеон в тексте подобен дьяволу, восставшему против Бога – он жаждет

[350] В оглавлении собрания манифестов он назван «Манифест после всеобщего окончания дел».

пленить европейские народы, отнять у людей *свободу* – в том смысле, в котором она понимается в манифестах заключительного этапа войны (свободу быть подданными благословленных Богом монархов).

В этот момент «обращает он завистливые взоры свои на Россию», нападает на нее без объявления войны, разоряет Смоленск, расхищает и сжигает Москву, «ругается над человечеством, над Святынею». Отметим, что рассказ о самых драматических событиях Отечественной войны занимает всего 11 строчек, а описание ее всей – чуть больше одной страницы, включая картину бедствий гонимых из России французов (кстати, тоже 11 строк), – и это в самом большом государственном документе 1812 – 1816 годов в 14 с половиной страниц. Для сравнения, рассуждения о пробуждении «абсолютного зла» и описание приготовлений Наполеона к войне располагаются более чем на двух страницах. Подобную лаконичность в описании происшествий Отечественной войны можно объяснить двумя причинами. Во–первых, текст акцентирует внимание читателя на победе русского оружия, а потому в нем казались бы лишними живописания ужасов войны (подобные тем, что были в осенних текстах 1812 года). Отметим здесь, что из истории войны, представленной в данном документе, полностью исключена война 1805 – 1807 годов, закончившаяся для России поражением. Во–вторых, что важнее, краткость рассказа о событиях 1812 года как бы не дает повествователю возможности включить в сюжет войны *народ* – он здесь не просто лишен акциональности, как в более ранних документах, а не назван вовсе. Врага побеждает провидение, «месть Божия», которая супротив пришельцев соединила «меч, секиру, глад и мраз». Если третий и четвертый элементы прямо отсылают к мистическим силам, то два начальных – к земным, но не народным, как могло бы показаться. Символические меч и секира оказываются атрибутами *русского войска*, являющегося не частью народа, а силой, санкционированной властью императора – именно воинство спасло Отечество от неприятеля, оно же отправилось освобождать европейские страны: «Российские воины, спасшие Отечество свое, идут

спасти Европу». Таким образом, и в деле спасения России, и в освобождении Европы заняты две силы: *Бог* и *царь*, войско которого творит эти великие дела.

Европейские народы, видя дружественное приближение русского войска, обращают свое оружие против вчерашнего властелина, «истинного своего врага». Наполеон собирает новое войско, но его сокрушают, а русские «как бы крылатые воины <…> с оком Провидения на груди и со крестом в сердце» доходят до Парижа и занимают столицу, французский народ «приемлет их как избавителей своих с распростертыми объятиями». Во Франции восстанавливается монархия Бурбонов: истинная власть, данная Богом, ликует. А место, на котором совершались святотатства и свирепство, очищается православными церковными обрядами, в которых участвуют и вчерашние вероотступники, покаявшиеся, устыдившиеся своих дел. «Тако водворяется на землю мир, кровавые реки престают течь, вражда всего Царства превращается в любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушием и пожар Москвы потухает в стенах Парижа». После Наполеон пытается организовать новое восстание, но терпит неудачу, потому что ему противодействует единодушие союзных держав.

Кончается текст пространной благодарностью Богу и кратким подведением итогов, в котором вновь повторяются идеологически доминантные события войны: «Мы спасли Отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили яд его, водворили на землю мир и тишину, отдали законному Королю отнятый у него престол, возвратили нравственному и естественному свету прежнее его блаженство и бытие», однако величие этих дел показывает, что сделаны они не людьми, а Богом. В отдельном заключительном абзаце от лица императора выражается благодарность «верноподданному народу». Александр I видел его твердость в вере, верность престолу, усердие в служении Отечеству, неутомимость в трудах, терпение в бедах и мужество в сражениях. По мнению императора, на русский народ ниспослана божественная благодать, а наградой народа

являются великие дела, которые он явил миру в прошедшей войне – иных наград ему не положено. Таким образом, *царь* отдельно обращается к *народу*, но не как к носителю субъектности, а как к силе, которая действовала сообразно с религиозным и государственным образцам поведения, за что и была награждена Богом.

Государственное красноречие сформировывает окончательное понимание смысла русско–французских войн. Мистический сюжет торжествует. Концепт единства европейских держав воплощен в Священном союзе.

В том же 1816 году было опубликовано последнее стихотворение Жуковского времен русско-французских войн – «Певец в Кремле»[351]. В письме А. И. Тургеневу от 1 декабря 1814 года Жуковский сообщает о новом поэтическом «подвиге», за который принимается: «Певец во Стане, предсказавший победы, должен их воспеть; и где лучше, как не на Кремлевских развалинах, посреди народа, пришедшего благодарить Творца побед на то же самое место, где Он в первый раз грянул на наших новых Ордынцев». Поэт планировал закончить текст до Рождества (день, в который Жуковский предлагал праздновать годовщину победы в Отечественной войне), но не успел. Зимой 1815 года автор читал произведение у И. И. Дмитриева, Карамзин прервал чтение и сказал: «Вперед, вперед! Вы все на одном месте кружитесь!» Далее работа над стихотворением приостановилась до осени 1816 года, когда Тургенев и Д. А. Кавелин, желая упрочить положение Жуковского при дворе, предложили поэту опубликовать стихотворение и поднести его Александру I. Жуковский не был до конца удовлетворен собственным текстом, однако отмечал некоторые его достоинства: считал, что в новом «Певце» «…более единства, и одна высокая мысль в нем царствует»[352]. Действительно, в отличие от «Певца во стане…»,

---

[351] Далее текст цитируется по: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. С. 37–50. Историю создания и восприятия текста см.: Там же. С. 459–461 (примеч. Н. В. Серебренникова). Реакции современников приведены по этому же изданию.

[352] Письмо А. И. Тургеневу от 6 ноября 1816 г. – *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 15. С. 505.

в новом стихотворении меньше голосов, акциональность концентрируется в образе *Бога.* Мистичность текста, по замыслу автора, должна была выразиться и в виньетке (сопровождающей отдельное издание «Певца в Кремле») с изображением всевидящего Божественного ока.

Произведение было принято неоднозначно. П. А. Плетнев при чтении текста испытывал «радостный трепет», а К. К. Зейдлиц чувствовал в нем «что–то искусственное и некоторый недостаток сердечной искренности». После публикации «Певца в Кремле» возникла эпиграмма (приписываемая Н. М. Шатрову), в которой противопоставляются два «Певца» Жуковского:

В стане русских певец –
Удалой молодец,
Хоть и много он пьет,
А ни слова не врет.
Но в Кремле наш певец –
Что болтливый скворец,
Хоть ни капли не пьет,
А что слово, то врет[353].

Несмотря на незатейливость эпиграммы, в ней отмечена суть различия текстов. Сформулированный в декабрьском письме к Тургеневу 1814 года новый замысел требовал отхода от композиции «Певца во стане...»: оригинальные здравицы сменились ектеньями, каждая из которых оканчивалась обращением к Вседержителю. Это разрушило композиционную стройность – партии певца здесь не посвящены одному предмету, в некоторых из них темы повторяются, не до конца ясна логика последовательности – и внесло нарочитую библейскую ономастику (Кремль – Сион, Бог – Бог Израиля). Это, в свою очередь, привело к меньшей лиричности, к «гимновости» произведения[354]. В нем меньше неожиданных авторских образов, больше общераспространенных поэтических элементов. Народ в стихотворении защищает «Русь, Царя и Бога», войско и граждане (по логике государственных текстов) разделяются на две группы – одна благодарит другую:

[353] Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л., 1988. С. 138.
[354] «Мы гимн поем спасенья» – 269 стих.

Стекитесь, чада и отцы,
Младые девы, жены,
На их главы надеть венцы,
Их увенчать знамены,
С рамен могучих снять щиты,
Принять из рук их громы,
Узреть возлюбленны черты,
Услышать глас знакомый.

Победы прошлого объясняются не через гражданскую, а через мистико–государственную идею (*Бога* и *царя*):

Вели, да помнит Славянин,
Что он наследник славы,
Что он великих предков сын,
Которых меч кровавый
И древле был противным страх…
Друзья! отцы пред нами;
На тех же мы цветем полях,
Под теми ж небесами,
Где чада славы расцвели;
Пред нами та ж дорога,
По коей деды протекли
За Русь, Царя и Бога.

В стихотворении есть фрагменты, наследующие «батальной» традиции Жуковского, и потому кажущиеся оригинальными. С искренним чувством, нешаблонно изображен «создатель нашей славы» Кутузов; звучит (хотя недостаточно громко) важный для предыдущих текстов мотив *семьи/дома*; явлена идея горнего мира; видна попытка развития диалога *народа* и *царя*. Однако все это не встроено в гармоническую структуру текста. В произведении главенствует поэтический мистический сюжет в достаточно традиционном для 1814 года молитвенно-гимническом варианте. В послании «Императору Александру» образ *Бога* тоже был принципиально важен – именно он судил праведность *народа* и *царя*, – однако стихотворение не было посвящено Богу. Мистическое в нем не заглушало гражданское, наоборот, позволяло народной идее звучать громче – без Бога диалог царя и народа не мог бы состояться. «Певец в Кремле» – это песнопение Богу, в этом суть произведения, а потому он больше похож на подражание «Певцу

во стане…», автор которого хочет следовать Жуковскому и даже справляется с некоторыми оригинальными мотивами, но стихотворение все равно оказывается органичной частью мистического поэтического мейнстрима.

Произведение, которое Жуковский сначала и не планировал дописывать (к 1816 году у Жуковского под рукой даже не было черновика «Певца в Кремле»[355]) и публиковать, идеально согласовалось с новой государственной идеологией 1816 года. Это обстоятельство, вероятно не последнее в ряду сподвигших поэта на публикацию текста, – важный этап в процессе диалога Жуковского с государством. Автор, создавший в течение 1806 – 1814 годов лучшие идеологические поэтические тексты, в которых манифестировал право литературы на собственную аксиологию, уже через два года, в 1818-м, напишет «Молитву русского народа», которая в 1830–х годах ляжет в основу центрального поэтического государственного текста – гимна Российской Империи.

Подведем итоги. Летом – в начале осени 1812 года в государственном красноречии возникает ряд мотивов, образующих вокруг себя тексты последующих четырех лет. К ним относятся мотивы *мужества* русских воинов и народа, мотив *свободы*, представленный почти сразу в варианте *освобождения Европы*, мотив *великой истории побед* русских, *единства русского народа* и мотив *Бога*. Центральными в эти месяцы является мотив *народа*, он скрепляет остальные, мотив же *царя* появляется сравнительно поздно и еще не претендует на главенство в мотивной иерархии. В течение осени 1812 года мотив *народа* исключается из структуры текстов, постепенно основными становятся мотивы *Бога* и *царя*, которые и останутся центральными до последних рассматриваемых манифестов. Так происходит переписывание сюжета Войны – если на начальном этапе, в самое сложное для страны время, деятелем был *народ* – граждане, защищавшие свой дом

[355] См. в его письме к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г.: «Если хочешь, чтоб я кончил “Певца”, то пришли его мне; у меня нет списка; пришли скорее» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 15. С. 498).

(«Отечество») по собственному желанию, а не по приказу императора, то в течение осени – зимы 1812 года народ теряет акциональность и исключается из истории, главными действующими лицами которой становятся *Бог* и его земная вариация *царь*. Симптомом этого становится образование в ноябре 1812 года трехчастной формулы «За Веру, Царя и Отечество», представляющей собой идеологические доминанты, за которые должно сражаться русское оружие. Понятие «Отечество», бывшее в течение Отечественной войны сложным, включавшим в свое значение идеи нации, самоосознания народа и его способности к несанкционированному гражданскому поступку и чувству, редуцируется до термина, под которым понимается верность русских царю и вера в Бога.

В начале 1813 года складывается ядро мотивной структуры, актуальное до лета того же года. В него входят мотив *Бога*, *царя* и *войска*, заменившего собой мотив *народа*. В текстах более поздних, в ситуации отсутствия в них мотива *народа*, именно русскому воинству приписывается подвиг победы в Отечественной войне. Войско оказывается, с одной стороны, массовой, квазинародной, с другой – полностью санкционированной царем структурой, претворяющей волю монарха. К данному мотиву крепко присоединяется мотив *мужества*, ранее ассоциировавшийся с мотивом *народа*. С потерей способности подданных к активному гражданскому действию идея мести, транслируемая осенью 1812 года, сменяется концептом терпимости и прощения. Весной 1813 года под влиянием мотива *освобождения Европы* мотив *единства (русского народа)* преобразуется в мотив *единства европейских держав*. Данный мотив позволяет соединить *мужество*, в это время теснейшим образом связанное с *войском*, с мотивом *союзников*. Кроме того, происходит трансформация мотива *свободы* – отныне из этого термина исключается гражданское измерение, свобода – это возможность людей находиться под своей, данной Богом, монаршей властью (именно такую свободу защищает русское оружие). Так значение данного понятия сужается, приобретая антигражданскую направленность. Под этим углом зрения теперь

понимается и *освобождение Европы* – это не политическое, а идеологическое освобождение – русское войско восстанавливает миропорядок, предполагающий четкую иерархию Бог – монарх – подданные, пошатнувшийся из–за нашествия Наполеона.

Параллельно с трансформацией мотивов *единства* и *свободы* и переноса их за границы России, происходит идеологический откат во взаимодействии императора с подданными: они вновь посословно ранжируются, в текстах постулируется разнородность населения.

Осенью 1813 года в центр мотивной системы вновь становится мотив *Бога* и останется там до следующего года. В октябре 1813 года сюжет Отечественной войны редуцируется, потому что в расширенном своем варианте он предполагал мотив *народа–деятеля*, что невозможно в нынешней ситуации контролируемой Царем войны. В декабре мистичность войны достигает апогея: русские воины должны быть полностью покорны христианской доктрине терпимости и кротости, потому что в действительности воюют не они, а Бог действует в войне их руками.

В мае 1814 года мотивы, эксплицированные последний раз летом – осенью 1812 года, возвращаются в тексты, но под влиянием изменившейся за почти два года мотивной системы обретают новые значения. Мотив *великой истории побед русского народа*, возникший в тяжелейший исторический момент, время идеологического слома, когда государство смогло сыскать исторический сюжет пробуждения несанкционированного гражданского чувства, столь необходимого в той ситуации, в событиях 1612 – 1613 годов, трансформируется в *мотив истории защиты государственности русскими людьми* – Отечества, понятого в религиозно–самодержавном, а не гражданском смысле. Поэтому в манифесте от 18 мая 1814 года повествователь апеллирует не ко Второму народному ополчению, а к свержению монгольского ига – отправной точке сюжета о русской государственности нового, царского типа. Тогда же возвращается мотив *народа* как набора подданных *царя*, сословно упорядоченных и в точности

выполняющих его волю. Все действия народа были санкционированы императором, он же объединил подданных в противодействии врагу. Мотив *народа*, отныне по функции мало отличимый от мотива *войска*, занимает в центре мотивной сетки третье место, второе место у мотива *Бога*, а сосредоточием акциональности вновь становится *царь*.

Последний «военный» манифест от 1 января 1816 года представляет окончательный вариант сюжета Войны 1812 – 1814 годов. Это мистический сюжет, в центре которого деятель–*Бог*, противостоящий онтологическому злу. Он благословляет истинных монархов и поражает ложного – выбранного народом. Истинный *царь* Александр вдохновляет *храброе войско*, побеждающее неприятеля. Русское войско, *объединенное* с войсками иных истинных монархов, дарует моральное *освобождение* странам Европы, в том числе Франции – теперь и она может процветать под властью подлинного короля. Бог *объединяет* Европейские державы – таков окончательный вариант мотива *единства*. Мотив *народа* окончательно исключен из сюжета войны.

Несмотря на то, что в поэзии разных периодов Отечественной войны и Заграничного похода образуется ряд текстов с общей идеологией, следующей государственной, именно в это время поэтический дискурс начинает эмансипироваться от государственного. Если в 1805 – 1807 годах стихотворения строго следовали гражданскому сюжету, подсказанному манифестами, то в течение 1812 года образуется веер аксиологических возможностей: поэт может петь славу царю, Богу или русскому народу; более того, он может не определиться с основным деятелем войны и воздать хвалу всем. В течение 1813 – 1814 годов государственные тексты поступательно и внятно меняют идеологию, однако в пору мистической переориентации императорских грамот продолжают возникать государственные (с царем в центре) и гражданские стихотворения. Даже весной – летом 1814 года, когда и в манифестах, и повсеместно в поэзии звучит хвала императору, возникают редкие произведения, нарочито

отклоняющиеся от общего правила. Государственный политический дискурс перестает быть руководством к действию для дискурса поэтического.

Поэзия начинает создавать свою историософию и аксиологию. Это особенно видно в текстах, которые по своей функции, казалось бы, должны следовать идеологии власти, но не делают этого. Самым ярким подобным примером является «Гимн лиро–эпический» Державина. Концептуально данное стихотворение не следовало государственному красноречию, а наоборот, предсказало будущую принципиальную для них идею – богоизбранности народа. Еще важнее, что собственное идеологическое историческое видение возникает в текстах авторов второго и далее рядов. Это говорит о системном изменении, произошедшем в поэзии в изучаемый период.

Главным автором 1806 – 1816 годов мы считаем Жуковского. Уже в 1806 года в пору работы над «Песней барда…» поэт интересуется не только эстетикой, но и идеологией – размышляет о том, какое слово способно воодушевить народные массы. Однако, несмотря на то что в дружеской полемике с А. И. Тургеневым Жуковский называл *царя* и *веру* центральными национальными концептами (в противоположность нечеткой идее русской нации, которую отстаивал Тургенев), в своих стихотворных текстах поэт, в отличие от множества прочих, не восхваляет *царя* и *Бога* (в «Песни барда...» *царя* нет вовсе). Выстроенные из идеологического материла, взятого в современной поэзии и политическом красноречии, тексты Жуковского переосмысляют распространенные концепты, добавляют им новые измерения. Особенно важно, что, создавая сложные аксиологические конструкты, Жуковский не уходит в одическую архаичность, а, наоборот, разрабатывает новые способы говорения на исторические и политические темы.

Последнее «батальное» произведение Жуковского русско–французских войн, «Певец в Кремле», идеологически полностью совпало с мистичностью

манифеста, завершающего время наполеоновских войн. В 1830–х годах Жуковский, продолжив свои идеологические поиски, начатые еще в 1806 году, станет одним из главных идеологов Российской империи: создателем гимна и автором идеи первой русской национальной оперы «Жизнь за царя». «Эти произведения, как никакие другие, скрепили формулу, провозглашенную в марте 1833 года карамзинистом Уваровым»[356].

[356] *Киселева Л. Н.* Карамзинисты – творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне) // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 25; О том, как авторы–сентименталисты конца XVIII – начала XIX вв. начали процесс образования уваровской триады, см.: *Живов В. М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности. НЛО. 2008. № 3 (91).
(https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj–naczionalizm–karamzin–rostopchin–naczionalnyj–suverenitet–i–poiski–naczionalnoj–identichnosti.html – дата обращения 29.05.2020)

Глава 2. 1830 – 1849 годы: От «национального» государства к полной европейской изоляции

1. Европейские революции 1830 года, Польское восстание и создание Николаевского государства

В 1830-м году во Франции произошла революция, в результате которой был свергнут Карл X, последний французский король из рода Бурбонов, и возведен на престол представитель младшей ветви королевского рода Луи-Филипп Орлеанский. Народное восстание было вызвано неприкрытой антиконституционной акцией Карла X: в приказе от 25 июля король распустил оппозиционно настроенную нижнюю палату парламента, назначил новые выборы и ввел цензуру, чем, по сути, нивелировал смысл Хартии 1814 года. Через 2 дня началась Июльская революция, в ходе которой практически все войска перешли на сторону восставших. Уже 29 июля французская столица полностью перешла под контроль революционеров, а Карл X ее спешно покинул. 7 августа королем Франции был провозглашен Луи-Филипп I[357].

Николай I отнесся к революции с опасением и резко ее осудил. Более того, он довольно долго не признавал легитимности нового монарха – впервые в обращении к Луи-Филиппу русский император использовал титул «Государь» только в личном письме от 18 / 30 сентября 1830 г., однако и далее вместо принятых слов «Государь, брат мой» Николай использовал полушутливую фразу «Ваше Величество», никогда не употребляемую в общении между монархами[358].

Июльская революция вызвала ряд восстаний в европейских странах, самым значительным из которых оказалась революция в Бельгии, окончившаяся ее отделением от Нидерландского королевства и получением независимости. Однако для Российской империи намного более важным

---

[357] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. 1801 – 1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017. С. 149-151.
[358] Там же. С. 153-157.

следствием французской революции стало Польское восстание 1830 г., переросшее в полноценное русско-польское военное противостояние.

В ночь с 17 на 18 / с 29 на 30 ноября 1830 г. юнкера варшавской Школы подхорунжих начали бунт, который был быстро поддержан студентами и рабочими, а позже солдатами. Польский наместник великий князь Константин Павлович, покушение на которого не увенчалось успехом по чистой случайности, с русскими войсками и 4000 сохранивших присягу польских солдат и офицеров той же ночью покинул Варшаву. После того как восстание охватило всю территорию Царства Польского, великий князь с русским войском 2 / 14 декабря выступил из его пределов, оставив мятежникам стратегически важные крепости Замостье и Модлин. [359].

12 декабря 1830 г. были даны Высочайший манифест «О возмущении, произошедшем в Варшаве» для русских подданных царя и отдельное «Воззвание к войскам и народу Царства Польского»[360]. В обеих императорских грамотах восстание называется «изменой» и «злодеянием», совершенным «недостойным», «злоумышленным» и малочисленным «сборищем», которое своими действиями бесславит Польское имя. Положение в Польше после свержения законной власти цесаревича Константина Павловича называется в текстах «безначалием», приводящим только к хаосу и кровопролитию. Император призывает большинство своих польских подданных не верить «обманам» и «обольщениям» и не страшиться угроз немногих бунтовщиков, а вернуться под его правление. Николай выражает готовность простить ведомое большинство, если оно «возвратится к долгу» и откажется от измены законному государю. На мятежников же царь обратит всю свою мощь, да «все бедствия <…> падут на главы их».

Манифест 1830 г. продолжает традицию императорских воззваний начала века: в нем, во-первых, утверждается идея диалога русского народа и царя, а во-вторых, «отечество» и «царь» не слиты, государство еще не

[359] Там же. С. 167-172.
[360] Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1831. Т. 5. 1830. Отделение второе. № 4183. С. 485-488.

целиком осмысляется через фигуру монарха, все еще обладает некоторой субъектоностью: «…все одушевляются одним желанием не щадить трудов, жертвовать достоянием и жизнью за честь Царя своего, за целостность Государства. Мы с умилением взираем на сей великодушный порыв народной любви к Нам и Отечеству и вменяем Себе в священный долг отвечать на оный словами успокоения». К середине четвертого десятилетия XIX в. оба названных элемента окончательно исчезнут из государственной риторики.

Фразеология официальных документов периода Польского восстания 1830-1831 гг. будет выстроена на заявленной уже в данном тексте антитезе «свой» / «мы» (русские) – «чужой» / «они» (поляки). Участники восстания будут называться не иначе как мятежниками и бунтовщиками, русские же войска будут иметь единственную цель – нести желанные спокойствие и тишину. Более того, непреложными качествами императорских военных сил будут храбрость и мужество, единственной же более-менее положительной характеристикой польской армии станет лишь упорство[361]. Императорские грамоты начала 1830-х гг. оказывали заметное воздействие на общественное мнение, формировали восприятие военных событий практически на всех социальных уровнях.

25 января 1831 г., через полтора месяца после первого манифеста, был опубликован новый – «О вступлении Действующей армии в пределы Царства Польского для усмирения мятежников»[362]. Свое решение о вводе войск император объясняет тем, что вероломные «изменники» продолжают властвовать на польских территориях, более того, готовят поход против русского царя и не признают его власти в Польше. Особенно интересен финал текста, представляющий собой совокупную – царя и подданных – молитву «Всевидящему, Праведному Богу» – в военных документах более

---

[361] *Сабадаш Н. П.* Фразеология официальных документов периода польского восстания 1830-1831 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9. Ч. 1. С. 150-152.

[362] Полное Собрание Законов Российской Империи.Собрание второе. СПб., 1832. Т. 6. 1831. Отделение первое. № 4285. С. 55.

позднего времени, важнейшими из которых являются манифесты Крымской войны, подобных объемных обращений к Богу больше не будет.

Почти все русское общество поддержало решение императора о введении войска в Польшу. С восхищением о манифесте в письме Е. М. Хитрово от 9 / 21 февраля отозвался А. С. Пушкин: «...Последний манифест государя превосходен. По-видимому, Европа предоставит нам свободу действий (l'Europe nous regardera faire)»[363].

Общественное большинство России составляли «неумолимые русские патриоты», желавшие отмены всех польских привилегий и начала «суворовской резни»[364], более умеренных, выступавших за мирное решение русско-польских противоречий, было значительно меньше. Абсолютное меньшинство составляли «либералы», жаждавшие либо общеевропейской освободительной войны, которую поведет Франция, либо мира с условием восстановления польской конституции[365]. Этими либералами – в первую очередь молодыми людьми европейской образованности – было крайне обеспокоено Третье отделение, считая их врагами правительства и императора[366].

Восстание поляков было воспринято как предательство и измена, мятеж которых уподоблялся нашествию французов в 1812 году[367], причем поляков ненавидели едва ли не больше, чем войско Наполеона[368].

1 / 13 декабря 1830 г. генерал-фельдмаршал граф И. И. Дибич-Забалканский был назначен главнокомандующим Действующей армией. 24-25 января / 5-6 февраля русская армия пересекла границу Царства Польского, перейдя через Буг. И главнокомандующий, и начальник штаба армии генерал

---

[363] *Пушкин А.* С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. М.; Л. 1941. С. 149–150, 424 (оригинал по-франц.); см. также: *Назиров Р. Г.* История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. Биробиджан, 2014. № 4. С. 77.

[364] Имеется в виду штурм пригорода Варшавы Праги, произведенный А. В. Суворовым с крайней жестокостью для подавления Польского восстания 1794 г. После сражения восставшие сложили оружие.

[365] Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827 – 1869. М., 2006. С. 70-71.

[366] Там же. С. 71-72.

[367] Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании 1830 – 1831 г. / Пер., публ., [предисл. и примеч.] *Е. Л. Яценко* // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2004. Т. XIII. С. 94.

[368] *Климкина Э. В.* Польское восстание 1830-1831 гг.: реакция российской и западноевропейской общественности // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара. 2018. С. 98.

К. Ф. фон Толь были уверены в возможности самой скорой победы, для которой было необходимо разгромить польскую армию в поле, вне стен Варшавы. 7 / 19 февраля при Грохове произошло первое сражение русско-польской войны, в результате которого польские силы отступили, однако, перегруппировавшись, смогли отстоять селение. Через 6 дней основные силы русской армии вновь атаковали Гроховскую позицию, которую смогли занять в ходе жестокой битвы – совокупные потери с обеих сторон убитыми и ранеными составили более 20000 человек. Теперь от Варшавы русские войска отделяла лишь Висла, однако И. И. Дибич не рискнул приступать к штурму города – армия не имела достаточного снабжения, ее потери составляли более 17000 человек, а у артиллерии осталось только 5000 выстрелов, которых не хватило бы, если осада города затянулась бы хотя бы на несколько дней. Одного решительного действия для победы оказалось недостаточно. 17 / 29 марта главнокомандующий начал отступление. Отдельно от основных сил в отходе участвовал 6-й пехотный корпус под командованием генерала Г. В. фон Розена, дольше остальных остававшийся на старых позициях для прикрытия. 19 / 31 марта польская армия атаковала 6-й корпус при Дембе-Вельке, нанеся ему ощутимый урон. Когда корпус фон Розена через 12 дней соединился с подкреплением, из его рядов выбыло более половины личного состава (9453 из 16686)[369]. Данное событие было названо И. И. Дибичем «громадным поражением» и придало еще большей нерешительности и так довольно осторожному главнокомандующему[370], при своей жизни не сумевшему одержать победу, в которой вначале не сомневался – 29 мая / 11 июня фельдмаршал скончался от холеры.

И. И. Дибич был далеко не единственным, кто умер от этой болезни. Эпидемия холеры, буйствовавшая на территории Российской империи в 1830 – 1831 гг., серьезно затронула и русскую армию[371]. В апреле 1831 г. в войсках

---

[369] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 183-192.
[370] Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I-го с графом Дибичем-Забалканским // Русская старина. 1886. Т. 49-50. Вып. 2. С. 544.
[371] Воспоминания о польской войне 1831 года (Из записок Н. Д. Неелова) / Военный сборник. 1878. Т. 121. № 6. С. 190.

холерой заболели более 8000 человек, 2800 из которых скончались. Уже в мае, когда бои продолжились, больных стало гораздо меньше[372], однако люди продолжали заболевать и умирать. 15 / 27 июня жертвой холеры стал бывший наместник Царства Польского великий князь Константин Павлович.

Ослабленная как эпидемией, так и боевыми потерями русская армия нуждалась в подкреплении, которое было выслано императором. Николай I отправил в войска Гвардейский корпус, состоявший из 27000 человек. Главнокомандующий польских войск Я. Скржинецкий, после сражения при Грохове заменивший на этом посту князя М. Г. Радзивилла, решил перехватить и разгромить гвардейское подкрепление. В ночь на 5 / 17 мая Я. Скржинецкий с двадцатитысячным польским войском перешел Буг и напал на авангард Гвардейского корпуса, который был вынужден начать отступление по узким лесным дорогам, которые лишали преобладающего в числе противника возможности нанести концентрированный удар. На помощь корпусу выдвинулась русская армия, и 14 / 26 мая разбила поляков под Остроленкой. Я. Скржинецкий, потерявший почти треть войска, был вынужден ретироваться[373].

Эту важную победу необходимо было закрепить скорейшим взятием Варшавы – промедление грозило не только постепенным ослаблением русского войска из-за холеры и моральным разложением армии, но и возможным вступлением в войну европейских стран, заинтересованных в отделении Польши от Российской империи. Если в начале Польского восстания ни одно из государств Европы не выступило в поддержку мятежников, то после нерешительных действий русского военного командования зимой – весной 1831 г. в силе России стали сомневаться даже в союзной Пруссии. В Берлине начало распространяться мнение, что на ослабленную войной и холерой Россию нападет Франция, а в одном из главных прусских военных журналов – «Militär-Wochenblatt» – было

[372] *Пузыревский А. К.* Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1890. С. 217-218.
[373] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 196-198.

опубликовано несколько статей, в которых указывалось на слабость русской армии[374]. В возможность франко-русской войны верили и в России: 21 июля / 3 августа 1831 г. в письме П. В. Нащокину Пушкин писал следующее: «Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Польши, и из Парижа; дело, кажется, обойдется без европейской войны. Дай-то Бог»[375].

После смерти И. И. Дибича главнокомандующим Действующей армией был назначен генерал-фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, 13 / 25 июня он возглавил русские войска. Новый главнокомандующий должен был взять польскую столицу в самое скорое время, к чему он энергично приступил. 7 / 19 июля русская армия перешла Вислу и направилась к Варшаве. 6 / 18 августа столица Польши, имевшая 37-тысячный гарнизон, была окружена 86-тысячной русской армией. В 4 часа утра 25 августа / 6 сентября войска И. Ф. Паскевича начали штурм и ко второй половине дня заняли все ключевые позиции обороняющихся, в том числе главное укрепление – Волю. Атака продолжилась на следующий день, в течение которого были взяты все внешние укрепления города. 26 августа / 7 сентября 1831 г. в памятный день Бородинского сражения Варшава капитулировала, утром 27 августа / 8 сентября русская армия вошла в польскую столицу[376].В течение сентября – начала октября 1831 г. мятеж был подавлен на всех польских территориях.

6 / 18 октября был выпущен Высочайший манифест «О прекращении военных действий в Царстве Польском»[377]. Начинается текст идеей освобождения Польши от «насилия мятежников» русскими войсками, которые были кроткими в победе и, последовав приказу императора, щадили польское население, разя лишь супротивную изменническую армию. Победа

---

[374] Поездка в Главную квартиру фельдмаршала графа Дибича-Забалканского в марте 1831 года. Из записок прусского генерала от инфантерии [А. Г. фон] Брандта // Военный сборник. 1873. Т. 89. № 2. С. 239-240.
[375] *Пушкин*. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 196–197; см. также: *Назиров Р. Г.* История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. Биробиджан, 2014. № 4. С. 87.
[376] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 200-202, 206-210.
[377] Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1832. Т. 6. 1831. Отделение второе. № 4850. С. 108-109.

в войне была добыта Россией благодаря Богу, «Кто владычествуя судьбами Царств и народов, столь видимо благословил Наше правое дело» – и «оправдавшему доверие» Николая храброму русскому войску. Царь призывает подданных не винить своих славянских братьев за бунт, желая, чтобы они видели в поляках членов единого с ними национального семейства. Особенно важен финал грамоты, в котором сообщается о том, что отныне Польша будет теснее и более твердо соединена с остальной частью Российской империи.

Поэтический отклик на русско-польское противостояние соответствовал общественным настроениям: стихотворцы в своих текстах выражали негативное отношение к восстанию поляков, были убеждены в антироссийской направленности общественного мнения в Польше и верили в возможность только силового решения польского вопроса[378]. После победы поэзия, очевидно вторя манифесту 1831 года, транслирует идею христианского прощения побежденных мятежников. Так, в неопубликованном стихотворении С. П. Шевырева читаем:

Варшава вновь у ног российского владыки!
    И нашей славы новый гул
Покрыл безумия неистовые крики,
    И Запад нехотя вздрогнул.
Уже Предания нелживая рука,
Во славу русскую внесла в свои скрижали,
    Как дело славного штыка
Мы делом разума и кротости венчали[379]

Главным поэтическим событием 1831 г. стала брошюра «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина»[380], в которой были впервые изданы «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» Пушкина и переиздана «Старая песня на новый лад» Жуковского. Издание этого небольшого собрания стихотворных текстов первого русского поэта и

[378] Подробнее см. в: *Ратников К. В*. Русские стихотворные отклики на Польское восстание 1830-1831 гг. как дополнительный исторический источник // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 7: в 2-х ч. Ч. I. С. 153-155.
[379] Цит. по: Там же. С. 154.
[380] СПб., 1831.

главного военного поэта России («Тиртея славян» по словам Вяземского) произвело заметный эффект.

«Клеветникам России» Пушкина[381] является поэтическим ответом на выступления в Палате депутатов Франции Ж. Лафайета, Ф. Могена и М. Ламарка, в которых звучали призывы начать войну против России на стороне Польши. Главным аргументом невиновности России перед Европой для Пушкина является мысль о «домашности» и древности русско-польского спора:

Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Для лирического героя стихотворения «старый» порядок оказывается синонимом порядка нормального, уравновешенного временем. При этом он не старается дистанцироваться от спора, а наоборот, очевидным образом выбирает сторону, что, в частности, выразилось в ставшем впоследствии афористическим противопоставлении: «Кто устоит в неравном споре / Кичливый лях иль верный росс?»

В «Клеветникам России» едва ли не впервые за более чем десятилетие отчетливо звучит мотив *побед 1812 года*, связанный с мотивом *ненависти* Европы по отношению к России:

И ненавидите вы нас…

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Россия в стихотворении уподобляется *богатырю*, ее могущество, как в классических торжественных одах, доказывается ее обширностью:

[381] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. М.; Л. 1948. С. 269-270.

Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..

Стихотворение удивляет воинственностью – в нем звучит прямой призыв к новой русско-французской войне, которой в действительности Пушкин не желал и серьезно опасался[382].

Концепция «домашнего спора», на которой строится апология России в рассматриваемом стихотворении, еще до его написания была выражена Пушкиным в письме П. А. Вяземскому от 1 июня 1831 г[383]. В тексте письма читаем такие строки: «Но все-таки их [*поляков – К. Х.*] надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания в пристрастия, нужны и для народов, и для правительств». Пушкин отказывается рассматривать Польское восстание в контексте общеевропейского национального освободительного движения, единственно возможным считая взгляд на него как на бунт против более сильного – России, преобладание которой над Польшей подтверждено историей. Россия имеет перед своей историей обязательство сдержать западнославянского брата, иного пути у нее быть не может.

Мысль о связи нынешнего русско-польского противостояния с эпохой *Отечественной войны 1812 года* особенно акцентируется в следующем стихотворении Пушкина – «Бородинской годовщине»[384]:

Сбылось – и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,

[382] См. выше письмо Пушкина Нащокину от 21 июля / 3 августа 1831 г.
[383] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 169.
[384] Там же. Т. 3. С. 273-274.

Во прах бросает стяг кровавый –
И бунт раздавленный умолк.

Данное стихотворение мотивно продолжает «Клеветникам России» – в нем продолжают звучать не только обличение «витий», врагов России, но и призывы к войне:

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!..

Оба поэтических произведения Пушкина вырастают из традиции поэзии Отечественной войны и Заграничного похода, об этом свидетельствуют важные для той мотивы, например, *уподобления нынешних военачальников героям войн XVIII века* (в «Бородинской годовщине» И. Ф. Паскевич сравнивается с Суворовым). Однако стихотворения посвящены совершенно иной войне: не национальной оборонительной, а имперской.

Стихотворение «Старая песня на новый лад» Жуковского[385], сочиненная на голос державинского «Гром победы, раздавайся» 1791 г., идейно созвучно текстам Пушкина. Созданное, как и ода Державина, на мотив полонеза – что совершенно не смутило Жуковского – произведение восхваляет победу России над «бунтующим ляхом». В тексте вспоминается не только 1812 год («Сбор гремят – а издалёка / Русь кричит: Бородино!»), но и Польский бунт 1794 года:

Мы под теми же орлами[386];
Те же с нами знамена;
Лях, бунтующий пред нами,
Помнит Русских имена.

Примечательно, что главными героями нынешней войны в стихотворении Жуковского оказываются *военачальники* (Дибич и Паскевич) и *царь*, а не русское *войско* и русский *народ*:

Спи во гробе, Забалканский!
Честь тебе! Стамбул дрожал!

---

[385] *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. М., 2000. С. 281-28
[386] Отметим важнейший для военной поэзии пер. пол. XIX века мотив *орлов*.

Путь твой кончил Эриванский
И на грудь Варшавы стал.
„Эриванский! князь Варшавы!“
Клик один во всех устах.
О, как много Русской славы
В сих волшебных именах!
<……>
Преклоните же знамена,
Братья, долг свой сотворя,
Перед новой славой трона
И поздравьте с ней Царя.
На Него надежна вера:
В мирный час — Он в душу льет
Пламень чистого примера;
В час беды — Он сам вперед!
Славу, взятую отцами,
Сбережет Он царски нам,
И с своими сыновьями
Нашим даст ее сынам.

Находящийся в одическом восторге, Жуковский не замечает несколько логических и стилистических ошибок, создающих комический эффект. Так, в самом начале стихотворения лирический герой утверждает, что раньше за Россию сражались «наши деды», а ныне за нее воюют «их сыны». Получается, что стихотворение посвящено отцам (сынам дедов) от лица их сынов?

Раздавайся, гром победы!
Пойте песню старины:
Бились храбро наши деды;
Бьются храбро их сыны.

Чуть далее в тексте для обозначения «Русского» строя (заглавная буква, видимо, призвана указывать на принципиальную национальную определенность войска) используется немецкое слово «фрунт»:

Пробуждай, вражда, измену!
Подымай знамена, бунт!
Не прорвать вам нашу стену,
Наш железный Русский фрунт!

Произведение Жуковского, написанное, вероятнее всего, 5 сентября 1831 г. и практически сразу же напечатанное в трех разных изданиях[387] – кроме общей с Пушкиным брошюры, оно было отпечатано отдельным изданием и в «Северной пчеле»[388] – имело заметный успех, о котором, кроме прочего, свидетельствует письмо фельдмаршала Паскевича Жуковскому от 2 октября 1831 г., в котором военачальник благодарит Жуковского и Пушкина за то, что те наконец-то настроили свои лиры на военный лад: «Искренность поэта раскрыла для меня в живой, яркой картине всю великость и влияние настоящих событий и ту исполинскую славу, блеск коей столь неоспоримо принадлежит вновь оружию Российскому, вопреки завистливых толков и враждебного желания недругов наших. <...> Прошу Вас принять нелицемерную мою благодарность за присланные строфы и сообщить таковую же Александру Сергеевичу Пушкину, столь много обязавшему меня двумя отличными своими сочинениями. Стихи истинно прекрасные и богаты чувствами народной гордости. Сладкозвучные лиры первостепенных поэтов наших долго отказывались бряцать во славу подвигов Русского оружия. Так померкнула заря достопамятных событий персидской и турецкой войн <...>. Приятно видеть, что настоящие дела храбрых сильнее возбудили огонь истинной поэзии и возвеличены волшебным талантом певцов, украшающих Россию»[389].

Однако батальные стихотворения главных русских поэтов произвели не только восторженные отклики – в кругу друзей Жуковского и Пушкина их произведения вызвали довольно острую полемику. Мнение Вяземского о рассматриваемых произведениях было выражено им, в частности, в записной книжке. В записи от 14 сентября 1831 г.[390] он приводит черновик не отправленного из цензурных соображений[391] письма Пушкину, в котором

---

[387] *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. С. 665, коммент. *Н. В. Серебренникова*.
[388] Северная пчела. 1831. 8 сентября.
[389] Цит. по: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 2. С. 666-667, коммент. *Н. В. Серебренникова*.
[390] *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М.: Захаров, 2003. С. 632–633.
[391] Вяземский «…не послал письма не от нравственной вежливости, но для того, чтобы не сделать хлопот от распечатанного письма на почте» (Там же. С. 633).

критикует стихотворение Жуковского: «Охота ему было писать *шинельные* стихи (стихотворцы, которые в Москве ходят в шинели по домам с поздравительными одами) и не совестно ли певцу в стане русских воинов и певцу в Кремле сравнивать нынешнее событие с Бородиным. Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии <…> Я уверен, что в стихах Жуковского нет царедворческого побуждения, тут просто русское невежество. Какая тут черт народная поэзия в том, что нас выгнали из Варшавы за то, что мы не умели владеть ею, и что после нескольких месячных маршев, контрмаршев мы опять вступили в этот городок! <...> Мы удивительные самохвалы, и грустно то, что в нашем самохвальстве есть какой-то холопский отсед. Французское самохвальство возвышается некоторыми звучными словами, которых нет в нашем словаре. Как мы ни радуйся, а все похожи мы на дворню, которая в лакейской поет и поздравляет барина с именинами, с пожалованием чина и проч. Одни песни 12-го года могли быть несколько на другой лад, и потому Жуковскому стыдно запеть иначе». Кроме прочего, Вяземский противопоставляет лирику 1812 г. последующей патриотической поэзии, отмечая наличие в ней некоторого принципиально иного чувства, чем «самохвальство» с «холопским отседом», которое звучит в стихотворениях 1831 г.

В этой же записи Вяземский, несколько лет служивший в Варшаве и хорошо знавший польские настроения, выражает свое мнение по поводу недавней войны и предлагает радикальное решение Польского вопроса – дать Польше свободу: «Что было причиною всей передряги? Одна, что мы не умели заставить поляков полюбить нашу власть. Эта причина теперь еще сильнее, еще ядовитее, на время можно будет придавить ее; но разве правительства могут созидать на один день, говорить: век мой – день мой… При первой войне, при первом движении в России Польша восстанет на нас, или должно будет иметь русского часового при каждом поляке. Есть одно

средство: бросить Царство Польское, как даем мы отпускную негодяю, которого ни держать у себя не можем, ни поставить в рекруты. Пускай Польша выбирает себе род жизни. До победы нам нельзя было так поступать, но по победе очень можно. Но такая мысль слишком широка для головы какого-нибудь Нессельроде, она в ней не уместится… Польское дело такая болезнь, что показала нам порок нашего сложения. Мало того, что излечить болезнь, должно искоренить порок. Какая выгода России быть внутренней стражей Польши? Гораздо легче при случае иметь ее явным врагом…».

На следующий день, 15 сентября, Вяземский продолжает анализировать «Старую песню на новый лад»: «Стихи Жуковского навели на меня тоску <…> Как можно в наше время видеть поэзию в *бомбах*, в *палисадах*! <…> Мало ли что политика может и должна делать? Ей нужны палачи, но разве вы будете их петь?»[392]

Еще через неделю автор добирается до стихотворений Пушкина, последовательно развенчивая их центральные идеи: «Пушкин в стихах своих: *Клеветникам России* кажет им шиш из кармана. Он знает, что они не прочтут стихов его, следовательно, и отвечать не будут на вопросы, на которые отвечать было бы очень легко, даже самому Пушкину. За что *возрождающейся Европе* любить нас?..

Мне также уже надоели эти географические фанфаронады наши: *От Перми до Тавриды* и проч. Что же тут хорошего, чем радоваться и чем хвастаться, что мы лежим в растяжку, что у нас от мысли до мысли пять тысяч верст…

Вы грозны на словах, попробуйте на деле.

А это похоже на Яшку, который горланит на мирской сходке: да что вы, да сунься-ка, да где вам, да мы-то! Неужли Пушкин не убедился, что нам с Европой воевать была бы смерть? Зачем же говорить нелепости и еще против совести и более всего без пользы? Хорошо иногда в журнале политическом *взбивать* слова, чтобы заметать глаза *пеной*, но у нас, где нет

[392] Там же. С. 634.

политики, из чего пустословить, кривословить? Это глупое ребячество или постыдное унижение. Нет ни одного листка Journal des Debats, где не было бы статьи, написанной с большим жаром и с большим красноречием, нежели стихи Пушкина в *Бородинской Годовщине*. Там те же мысли, или то же безмыслие…

И что опять за святотатство сочетать *Бородино с Варшавой*? Россия вопиет против этого беззакония. Хорошо *Инвалиду* сближать эпохи и события в календарских своих калейдоскопах, но Пушкину и Жуковскому, кажется бы, и стыдно. Одна мысль в обоих стихотворениях показалась мне уместной и кстати. Это мадригал молодому Суворову. Нечего было Суворову вставать из гроба, чтобы благословить страдание Паскевича, которое милостию Божией и без того обойдется. В Паскевиче ничего нет Суворовского, а война наша с Польшей тоже вовсе не Суворовская, но хорошо было дедушке полюбоваться внуком.

После этих стихов не понимаю, почему Пушкину не воспевать Орлова за победы его Старорусские, Нессельроде за подписание мира. Когда решишься быть поэтом *событий*, а не соображений, то нечего робеть и жеманиться… Пой, да и только. Смешно, когда Пушкин хвастается, что мы *не сожжем Варшавы их*. И вестимо, потому что после нам пришлось же бы застроить ее. Вы так уже сбились с пахвей в своем патриотическом восторге, что не знаете, на чем решится, то у вас Варшава неприятельский город, то наш посад»[393].

Противопоставляя поэтов «событий» поэтам «соображений», Вяземский формулирует крайне важную для данной работы антитезу лирики индивидуалистической, выражающей точку зрения автора на военно-политические события, и идеологически вторичной, аккомпанирующей государственному пониманию происходящего. Вяземский причисляет поэзию Жуковского и Пушкина ко второму типу, в который в 1850-е обратится почти вся военная поэзия – не удивительно потому, что главными

[393] Там же. С.635–636.

претекстами множества стихотворений времен Крымской войны станут «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Причем под этими знаменами пойдет и сам Вяземский, который через 20 лет станет одним из главных «патриотических» поэтов.

К военной поэзии Пушкина критически отнесся не только Вяземский. Находящийся в вынужденной эмиграции после Восстания декабристов Н. И. Тургенев назвал Пушкина «хамом»[394], что в его понимании обозначало ретрограда, противника либерализма и поборника «рабства» (крепостничества)[395]. Н. А. Мельгунов «заявлял, что после чтения его патриотических стихов потерял к нему уважение как к человеку и поэту»[396].

О расколе мнений в кругу пушкинских друзей по поводу русско-польской войны свидетельствуют записи брата Н. И. Тургенева – А. И. Тургенева. 31 октября в доме у Вяземского, кроме хозяина и Александра Тургенева, собрались Д. В. Давыдов и Д. В. Голицын. О встрече Тургенев оставил следующие воспоминания: «После обеда и за обедом у князя Вяземского с Жуковским и князем Д.В. Голицыным и с Денисом Давыдовым, который хвастался своим зверством и, вероятно, шарлатанил им, как подвигами наездника. И Жуковский слушал его с вниманием и каким-то одобрительным чувством! Один Вяземский чувствовал и говорил как европеец. – Я только чувствовал и молчал! Перед кем и для кого я дал бы волю своему негодованию? – Давыдов говорил, жестикюлировал – о виселицах!»[397]

О полемике между Вяземским и Пушкиным – полемике вживую, а не в письмах – говорит более поздняя запись от 8 декабря 1831 г.: «Вечер у Вяземского с Пушкиным. Разговор с ним и с Вяземским об Англии, Франции, их авторах, их интеллектуальной жизни и пр.: и они моею жизнию

---

[394] *Назиров Р. Г.* История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. Биробиджан, 2014. № 4. С. 89.
[395] См. подробнее о понятии «хамство» у Николая Тургенева: *Пушкин*. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 340–341.
[396] *Мещерякова О. А.* «Поэтический консерватизм» в эпоху Николая I // Тетради по консерватизму. М., 2015. № 4. С. 73.
[397] Цит. по: *Зобин Г. С.* «… Спор славян между собою». Польские события 1831 г. глазами участников войны с Наполеоном // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 248-249.

на минуту оживились; но я вздохнул по себе, по себе в России, когда мог бы быть с братом! Спор Вяземского с Пушкиным: оба правы»[398]. Последние слова были зачеркнуты Тургеневым. Уже в 1842 г. Тургенев оставил чуть более распространенную запись о спорах 1831-го года, которая свидетельствует о том, что Пушкин и Давыдов, с одной стороны, и Тургенев с Вяземским, с другой, довольно часто полемизировали по поводу польских событий[399].

Несмотря на непринятие военной лирики Пушкина и Жуковского некоторыми их друзьями, Николаевское государство 1830-х – 1850-х гг. было построено чуть ли не на подсказанных этой поэзией идеологических основах, центральной из которых стала *апелляция к временам Отечественной войны и Заграничного похода*. Как и в стихотворениях Пушкина, в императорской риторике – не 1831 г., она еще довольно сходна с манифестами Александра I, а начиная с 1840-х – упоминание *1812 года* будет тесно связано с мотивами *ненависти Запада* и *необходимости военной защиты* России от этой ненависти. Следуя данной модальности, Россия после опасных для русского самодержавия европейских волнений 1848 – 1849 гг. придет к изоляционистской политике первой половины 1850-х, приведшей к тому, что в Крымской войне у нее не будет ни одного союзника.

Полемика по поводу Польского вопроса велась не только в кабинетах и гостиных бывших «арзамасцев», но и в поэзии. Совершенно иное понимание смысла русско-польских противоречий – по сравнению со взглядами Жуковского и Пушкина – было выражено в «Оде (На польский мятеж)» А. С. Хомякова (1831)[400]. Автор выступает против междоусобной славянской войны и призывает к ее окончанию: «О, замолчите, битвы громы! / Остановись, кровавый гром». Более того, лирический герой стихотворения предает проклятью тех, кто развязал эту противоестественную брань:

---

[398] Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 191.
[399] Там же. С. 506 (коммент. М. И. Гиллельсона).
[400] *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1900. Т. 4. С. 204.

Потомства пламенным проклятьям
Да будет предан тот, чей глас
Против Славян Славянским братьям
Мечи вручил в преступный час!
Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменников раздор,
И перешедшей в поколенья
Вражды бессмысленной позор!

Хомяков спорит с «пушкинским» доводом о древности славянского спора, оказывающейся доказательством его справедливости, и призывает забыть прошлую вражду, являющуюся «обманом», исторической ошибкой:

Да будут прокляты преданья,
Веков исчезнувших обман,
И повесть мщенья и страданья, –
Вина неисцелимых ран!

Последняя строфа стихотворения посвящена описанию чудесного будущего, в котором поэт видит объединенные под началом России не мечом, а правдой славянские земли:

Орлы Славянские взлетают
Широким, дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим – Северным Орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих Баянов струны
Поют согласье и покой!..

Примечательно, что стихотворение Хомякова было вместе с «Клеветникам России» Пушкина и «Старой песней на новый лад» Жуковского переведено на немецкий и осенью 1831 г. в Петербурге напечатано в брошюре «Der Polen Aufstand und Warschau's Fall 1831» («Польское восстание и падение Варшавы в 1831 г.»). Так под единой обложкой европейской общественности были представлены различные взгляды по поводу русско-польского противостояния.

Еще один взгляд на рассматриваемые события встречается в стихотворении Ф. И. Тютчева «Как дочь родную на закланье…» (1831)[401], в

[401] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 119-120.

котором автор утверждает необходимость уничтожения нынешнего положения Польши (уподобленной им Ифигении) ради «целостности и покоя» России. Важно, что для Тютчева целостность России, из которой следует ее могущество, является национальной, а не государственной ценностью. Данное стихотворение оказывается как бы между двумя рассмотренными выше пониманиями смысла польских событий: историческая миссия России заключается в сохранении целостности славянского мира, однако обуславливается она силой русского народа, а не приверженностью русскому царю:

Но прочь от нас венец бесславья,
Сплетенный рабскою рукой!
Не за коран самодержавья
Кровь русская лилась рекой!
Нет! нас одушевляло в бое
Не чревобесие меча,
Не зверство янычар ручное
И не покорность палача!

Другая мысль, другая вера
У русских билася в груди!
Грозой спасительной примера
Державы целость соблюсти,
Славян родные поколенья
Под знамя русское собрать
И весть на подвиг просвещенья
Единомысленных, как рать.

Сие-то высшее сознанье
Вело наш доблестный народ –
Путей небесных оправданье
Он смело на себя берет.
Он чует над своей главою
Звезду в незримой высоте
И неуклонно за звездою
Спешит к таинственной мете!

Текст Тютчева, по предположению А. Л. Осповата, написанный в ответ на брошюру Жуковского и Пушкина, противопоставляет «имперскому

патриотизму»[402] патриотизм национальный, в чем наследует традиции «гражданской» военной поэзии 1812 – 1814 гг., конструирующей идеологию, а не использующей ожидаемые государством концепты.

Основным политическим результатом Польского восстания и последовавшей за ним Русско-польской войны стало уничтожение польской автономии, выраженное в императорском манифесте «О новом порядке управления и образования Царства Польского» («Органическом статуте»)[403], опубликованном 14 / 26 февраля 1832 г.

В преамбуле к документу смена Конституции 1815 г., даровавшей Польше особые права, на новый порядок управления объясняется «преступными замыслами … закоренелых врагов всякого порядка и власти законной», приведших к низложению прошлого уклада и необходимости устроения нового, который позволит отнять «у зломыслящих те средства, коими они, как ныне обнаружено, успели возмутить общественное спокойствие». Отныне Польша почти полностью приравнивалась к иным губерниям Российской империи: была лишена сейма и возможности держать собственную национальную армию. При этом на ее территории сохранялись базовые гражданские права, в том числе свобода вероисповедания, совести и частной собственности.

Июльская революция во Франции, последовавшие за ней европейские потрясения и, в большой мере, Польское восстание, жесткое подавление которого встретило поддержку в самых широких общественных слоях – в том числе и образованной части социума, за которую громче всех говорили Жуковский и Пушкин, – привели к довольно резкому изменению внешне- и внутреннеполитического курсов Российской империи. В течение 1830-х гг. создается система, которая станет известна как «Николаевское государство».

---

[402] *Осповат А. Л.* Пушкин, Тютчев и Польское восстание 1830 – 1831 годов // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 49–52.
[403] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 7. 1832. СПб., 1833. № 5165. С. 83-90.

Идеологической основой николаевской системы становится триада «Православие, Самодержавие, Народность», впервые сформулированная С. С. Уваровым в декабре 1832 г. в отчете об осмотре Московского университета[404] и повторенная в расширенном варианте в докладе императору «О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством Народного Просвещения» от 19 ноября 1833 года[405], который Уваров составил при вступлении в должность министра народного просвещения. Взяв за основу триаду начала XIX в. «За Веру, Царя и Отечество», автор создает свою, в которой на месте «веры» оказывается противопоставленное западным христианским конфессиям «православие», «царь» становится «самодержавием», а «отечество» изымается из формулы и замещается крайне расплывчатой «народностью», смысл которой формулируется Уваровым на основе первых двух элементов триады, о чем министр отдельно оговаривается: «Наряду с сими двумя национальными началами, находится и третье, не менее важное, не менее сильное: Народность. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, должно поддерживать и чувство Народности, их связующее»[406]. При этом не только «народность» понималась Уваровым через смысл оставшихся терминов, но и сами они составляли взаимопроникающее единство древней православной веры и издревле идущего самодержавного типа правления, были «тропами-метонимами, включавшими в себя и национальный дух, и прошлое России»[407].

Понятая таким образом – спущенная сверху – «народность» имела не много общего с европейской «нацией», обладавшей гражданственным измерением, связанной с идеей конституции и противостоящей концепту абсолютной монархической власти. Именно для того, чтобы русский национализм не ассоциировался с европейским, Уваров заменяет уже

---

[404] *Удалов С. В.* «Православие, Самодержавие, Народность»: идеологема николаевского царствования // Вопросы истории консерватизма. Воронеж, 2015. № 1. С. 145.
[405] Река времен. Книга истории и культуры: В 5 т. Т. 1. М., 1995. С. 70-72.
[406] Там же. С. 71.
[407] *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 497.

привычные для русского уха «нацию» и «национальность» «народностью». Николаевское государство будет до середины 1850-х – самого своего конца – демонстративно избегать вполне внятный европейский термин, замещая его неопределенной «народностью»[408].

Триада, кроме прочего, формулировала важнейший принцип правления Николая I – его, с одной стороны, близость к «народу», а с другой – кардинальное от него отличие. Европеизированный монарх и государство европейского типа противопоставлялось народной массе, роль которой – обожать власть. Именно поэтому в годы правления Николая сказание о призвании варягов становится не только абсолютной истиной, но и важнейшим моментом истории России. Особую роль в этом сыграл еще один важный идеолог эпохи – историк М. П. Погодин.

В сентябре 1832 г., открывая исторический курс, он прочел лекцию «Взгляд на русскую историю», в которой в краткой форме представил свои исторические и историософские взгляды, сформировавшиеся в течение 1820-х гг. Погодин считал, что древние славяне сами призвали викингов, чтобы те ими правили, и видел в этом отличительную черту русского народа, не завоеванного пришельцами, но самовольно им покорившегося: «Все Европейские Государства, как бы в исполнение одного высшего закона, основаны одинаким образом; все составились из победителей и побежденных, пришельцев и туземцев: Испанцев покорили Вестготы, Галлов — Франки, северных Итальянцев — Лонгобарды, средних — Остготы, южных — Норманны, Бриттов — Саксы, жителей древней Паннонии — Венгры, Греков — Турки, Пруссов и Эстов — Немцы и проч. И к нам пришли Варяги, но добровольно избранные, по крайней мере сначала, не как Западные победители и завоеватели, — первое существенное отличие в

[408] См. подробнее: Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii#_ftnref2 – дата обращения 1. 10. 2021)
Об эволюции взглядов Уварова и его политической деятельности см. недавно вышедшую работу: *Chamberlain L.* Ministry of Darkness. How Sergei Uvarov Created Conservative Modern Russia. London, 2019.

зерне, семени Русского Государства, сравнительно с прочими Европейскими»[409].

В течение 1830-х гг. призвание варягов кладется в основу уваровского «самодержавия». Оно становится издреле сформированным базовым принципом взаимодействия власти и народа – национальной массой должен управлять чужой, европеизированный монарх, каким себя видит Николай I[410]. Идея преклонения перед царской властью была выражена и в первом официальном гимне Российской империи «Боже царя храни».

В 1833 г. император повелел составить национальный гимн. За основу текста произведения была взята «Молитва русского народа» Жуковского (1818). Жуковский переработал текст, посвященный могуществу *Бога*, и создал произведение о силе *русского царя*.

В «Молитве русского народа» мотив *царя* уравновешен мотивом *русского народа*, представителями которого становятся воины и «мирные воители». Названный в начале, царь больше не упоминается, вместо этого в конце звучит распространенное обращение Провидению, которое важнее обращения к царю. Особенно важно, что *царь* и *народ* представляют собой единство, монарх не исключен из нации. В гимне же мотив *народа* теряет былую акциональность, мотив *Бога* остается в этикетной форме, а сосредоточением субъектости становится *царь*: «…ничья активность, кроме царской, теперь не требуется. В гимне нет ни воинов, ни стражей закона, а коллективное «нам», поскольку оно следует за «харизматическим» определением «державный», становится синонимом «подданных». С идеей царя теперь ассоциируется сила, мощь, харизма власти, слава (как синоним силы) и страх»[411]. Первое публичное исполнение гимна состоялось 6 декабря 1833 г. в Большом театре в Москве. Произведение вызвало такой восторг, что

---

[409] *Погодин. М. П.* Избранные труды. М., 2010. С. 87.
[410] См. подробней: *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 389-400.
[411] *Киселева Л. Н.* «Карамзинисты – творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне)» // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 31.

его повторяли 3 раза. Через неделю Николай приказал исполнять гимн на всех парадах, смотрах и по другим церемониальным случаям.[412]

После «Боже, царя храни…» находившийся при дворе Жуковский создал ряд патриотических стихотворений – «Многолетие», «Народная песня», «Песня русских солдат» и «Грянем песню круговую…» (все – 1834), – которые продолжили пафос гимна: в них «на первом плане идея единения «православного русского царя» с народом как залог спасения и благоденствия «Руси Святой»[413]. При этом *русский царь*, в его образе угадывался именно Николай I[414], представлен как защитник России и ее главная надежда. В новой патриотической лирике Жуковского закрепляются образы, которые окажутся каноничными для военной поэзии Николаевского царствования, что станет особенно хорошо видно в годы Крымской войны. Так поэт, в 1800 – 1810-е гг. манифестировавший право литературы быть полноценным агентом идеологического строительства и создавший лучшие поэтические образцы военной лирики, в 1830-е окончательно отказывается иметь отдельный от государства голос, покидает ряды свободных идеологов и растворяется в обществе идеологов-функционеров, создающих чаемый Николаем I аксиологический продукт.

Два первые стихотворения – «Многолетие»[415] и «Народная песня»[416] – настолько схожи, что их можно было бы назвать вариантами одного текста. Оба произведения начинаются стихами, в которых «народ» поет «Православному русскому царю» многолетие, в обоих представлена историческая панорама от триумфов времен Петра и Екатерины к 1812 году и, далее, к недавней победе в Русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг.

«Многолетие»:
… С ней во дни Петровы шведу
Русский путь загородил,
И за Нарвскую победу

«Народная песня»:
День Полтавы — праздник славы;
Измаил, Кагул, Рымник;
Бой Московский; взрыв

[412] *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 508.
[413] *Мещерякова А. О.* «Поэтический консерватизм» в эпоху Николая I // Тетради по консерватизму. М., 2015. № 4. С. 74.
[414] Там же.
[415] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 2. С. 295.
[416] Там же. С. 296.

Днем Полтавы отплатил.

С ней во дни Екатерины
Славен стал наш Русский штык,
И Кагульские дружины,
И Суворовский Рымник.

С нею грозно запылала
Венценосная Москва,
И небесной карой пала
На врагов ее глава.

В наши дни перешагнула
С нею рать Балканов грань,
Потрясла врата Стамбула,
Повалила Эривань…

Кремлевский,
И в Париже Русский штык.

За Балканом Русским станом
Устрашенный старый враг;
И в ограду Царю-граду
На Босфоре Русский флаг.

В рассматриваемых стихотворениях используется почти весь комплекс принципиальных для последующей военной поэзии Николаевской эпохи мотивов: *православного царя*, *русского «ура»* («Ей повсюду отвечая, / Мчится русское *ура*»), *апелляции к истории*, а особенно *к эпохе Отечественной войны*, *орлов-русских* («Но проснулся, развернулся / Наш Орел вождем полков»), и *Святой Руси* («Величайся ж, Русь Святая»).

Образ Николая I Жуковский разрабатывает в другом стихотворении – «Грянем песню круговую…». Здесь царь представлен в образе «богатыря и великана», который собирает в себе все «русское»:

Прямо русская природа;
Русский видом и душой,
Посреди толпы народа
Выше всех он головой

Отдельно поэт отмечает героизм русского монарха, который проявляется как во времена войн, так и во времена бедствий (бунтов и эпидемий) мирного времени:

Буря встань среди народа –
Взглядом он уймет народ.

Мир он любит, рад и бою
И на пушки сам вперед,
А по нужде и с чумою

Подерется за народ.

«Тиртей славян», ставший к 1830-м гг., скорее, личным императорским Пиндаром, выписывает образ *Николая-богатыря и героя*, который станет каноническим в поэзии 1840-х – 1850-х гг.

Таким образом, Жуковский, автор, в котором видели живую связь с временами побед над Наполеоном, в 1830-х гг. создает довольно много поэтических текстов, очерчивающих область допустимых значений и смыслов для будущей «патриотической» – то есть в Николаевском царстве изоляционистской, верноподданнической и едва ли не шовинистической – поэзии.

Николай I во второе десятилетие правления выстраивает государство на принципиальной формальной связи с 1812 – 1814 гг., эпохой возникновения русской национальной идеи. Создавая свое «национальное государство», в котором главными качествами нации окажутся покорность *русскому царю* и *русскому Богу* (в лице царя), император будет делать вид, что развивает гражданственные концепты Отечественной войны. Важнейшими символическими политическими действиями здесь окажутся открытия двух памятников – Александрийской колонны в Петербурге (1834) и монумента на Бородинском поле (1839).

30 августа / 10 сентября 1834 г. в день тезоименитства императора Александра I и в год 20-тилетней годовщины победы в русско-французской войне на Дворцовой площади был торжественно отрыт монумент в честь прошлого императора, победителя Наполеона. В церемонии участвовало почти 120 000 солдат и офицеров[417], она была начата богослужением, рифмовавшимся с пасхальным богослужением в Париже в 1834 г., за которым последовали парад и салют. В параде в том числе участвовали полки, особо отличившиеся во время Отечественной войны и Заграничного похода, а также ветераны Александровской армии. Все элементы мероприятия акцентировали преемственность Николаевского царства России

[417] *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 415.

времен триумфов начала XIX века, были призваны подтвердить легитимность и верность идеологического пути нынешнего государства[418]. Одно из главных описаний этого события – «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года» Жуковского – было напечатано в «Северной пчеле» и «Русском инвалиде» менее чем через 2 недели после торжества[419].

В колонне и церемонии ее открытия Жуковский видел аллегорию могущества России – причем не столько политического, сколько нравственно-религиозного, – добытого непростой русской историей: от древнего политического неустройства к нынешнему могуществу, созданному *самодержавием*: «Оно [«нынешнее торжество» – К. Х.] так же колоссально, как тот памятник, перед которым происходило, и как Россия, которая вся в нем изобразилась <…> Не вся ли это Россия? Россия, созданная веками, бедствиями, победою? Россия, прежде безобразная скала, набросанная медленным временем, мало-помалу, под громом древних междоусобий, под шумом половецких набегов, под гнетом татарского ига, в боях литовских, сплоченная самодержавием, слитая воедино и обтесанная рукою Петра, и ныне стройная, единственная в свете своею огромностию колонна? И ангел, венчающий колонну сию, не то ли он знаменует, что дни боевого создания для нас миновались, что все для могущества сделано <…> она [«Россия» – К. Х.], как удобренное поле, кипит брошенною в недра ее жизнию, и готова произрастить богатую жатву гражданского благоденствия, вверенная самодержавию, коим некогда была создана и упрочена ее сила, и коего символ ныне воздвигнут перед нею царем ее в лице сего крестоносного ангела, а имя его: *Божия Правда»*[420].

Как видно из приведенного отрывка, Жуковский, с одной стороны, идеологически вторит государству, а с другой – искренне надеется, что, достигнув абсолютного внешнеполитического могущества, правительство

---

[418] См. об этом подробнее: *Гузаиров Т. Т.* Открытие Александровской колонны в Петербурге: продуманный сценарий и неожиданный эффект // Humaniora: Litterae Russicae. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 111-127.

[419] Северная пчела. 1834. 8 сентября.
Русский инвалид. 1834. 9 сентября.

[420] Текст цитируется по: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2016. Т. 11. С. 329-333.

бросит все силы на улучшение жизни русского народа, и начнется эпоха внутриполитического процветания. Мотив *Божией Правды*, некоего религиозно-этического императива, который после веков испытаний и последних неурядиц (Польского восстания) приведет Россию к «прекрасной эпохе», ранее возник в дневнике Жуковского. Пространную запись от 4 / 16 января[421], посвященную размышлениям о роли христианства в становлении современной цивилизации, автор кончает так: «…работая беспрестанно, неутомимо, наряду со временем, *отделяя от живого* то, что оно уже умертвило, *питая* то, в чем уже таится *зародыш жизни*, и *храня* то, что *зрело и полно жизни*, ты безопасно, без всякого гибельного потрясения, произведешь или *новое необходимое*, или уничтожишь *старое* уже бесплодное или вредное. Одним словом, *живи и давай жить*; а паче всего *блюди Божию правду!..»*[422].

Еще одним политическим жестом, сходным с торжествами 1834 г., стало открытие монумента на Бородинском поле в 27-летнюю годовщину Бородинского сражения – 26 августа / 7 сентября 1839 г. Церемония так же прямо отсылала к 1812 году, в ней участвовала стопятидесятитысячная русская армия – символ нынешнего военного могущества России. Это событие вновь было особенно отмечено Жуковским, однако уже не только в прозаическом[423], но и в поэтическом описании. Жуковский начал стихотворение в тот же день (26 августа), кончил его через два дня и сразу опубликовал отдельным изданием под заглавием «Бородинская годовщина»[424]. В начале сентября автор дописал 2 срединные строфы (с 73 по 88 стихи), в которых в галерею почивших героев добавил еще несколько имен, важнейшим из которых было имя Д. В. Давыдова[425]. Исправленный

---

[421] В нее Жуковский включил письмо великому князю Александру Николаевичу.
[422] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 347.
[423] Бородинская годовщина // Современник. 1839. № 4. С. 193-204.
[424] М., 1839.
[425] См. подробней в: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 719-721, коммент. Н. В. Серебренникова.

текст был издан в «Современнике», после чего авторской правке не подвергался[426].

«Бородинская годовщина» наследует баталистике Жуковского времен русско-французских войн, которую автор сочетает со своими современными идеологическими установками. Стихотворение начинается воспоминанием страшного Бородинского боя, на котором «ярилась» и «гремела … народная война»[427]. Картина сражения, представленная во второй строфе, противопоставляется описанию спокойствия и благолепия нынешнего пейзажа, осененного крестом:

А теперь пора иная:
Благовонно-золотая
Жатва блещет по холмам;
Где упорней бились, там
Мирных инокинь обитель;
И один остался зритель
Сих кипевших бранью мест,
Всех решатель браней – крест.

Описание мира на Бородинском поле, сменившего войну, возникнет в тексте еще не раз, ярче всего в одной из конечных строф:

В этот час тогда здесь бились!
И враги, ярясь, ломились
На холмы Бородина;
А теперь их тишина,
Небом полная, объемлет,
И как будто бы подъемлет
Из-за гроба голос свой
Рать усопшая к живой.

Восторженное изображение нынешнего спокойствия отсылает к размышлениям Жуковского о жизни в мирной «Божьей правде», однако в стихотворении достаточно силен и агрессивный военный пафос. Крайне важен финал произведения, представляющий собой поэтическое переложение военного Приказа Николая I, читанного на церемонии[428].

---

[426] Современник. 1839. Т. 16. С. 205-213.

[427] Здесь и далее «Бородинская годовщина» цитируется по: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. С. 317-322.

[428] О намеренном заимствовании императорского слова Жуковский сообщает в письме цесаревичу Александру Николаевичу от 29 августа: «В конце стихов моих несколько выражений взяты из прекрасного,

Примечателен здесь не только факт перепевания официального документа – чего Жуковский не делал и в начале века, когда это было нормой военной поэзии, – но и то, что произведение венчается милитаристской идеей:

Память вечная вам, братья!
Рать младая к вам объятья
Простирает в глубь земли;
Нашу Русь вы нам спасли;
В свой черед мы грудью станем;
В свой черед мы вас помянем,
Если царь велит отдать
Жизнь за общую нам мать.

«Воинственность» текста выражается и в ином: слава миротворца Александра I, который «протянул врагам своим» руку и не стал мстить врагам, в произведении соотносится со славой его преемника, который характеризуется почти исключительно военными триумфами: победами в Русско-персидской (1826-1828) и Русско-турецкой войнах (1828-1829) и подавлением Польского восстания.

В «Бородинской годовщине» звучит еще один мотив, который станет одним из центральных в военной поэзии 1840-х – 1850-х гг. – *мотив тождества героев Отечественной войны нынешним воинам* и, шире, – *вневременной самотождественности русских*, на котором будет выстроен патриотический дискурс позднего Николаевского царства:

Так же рать числом обильна;
Так же мужество в ней сильно;
Те ж орлы, те ж знамена?
И полков те ж имена…

Отдельный интерес представляет собой то, что в первом варианте стихотворения Жуковский не упомянул не только опального А. П. Ермолова – тот здравствовал и не мог быть помещен в ряд почивших героев, – но и Давыдова, известного героя Отечественной войны и близкого друга Жуковского, умершего в мае 1839 г. – менее чем за четыре месяца до августовских торжеств. Когда А. А. Елагин указал Жуковскому на

сильного приказа, данного войску; там в немногих словах сказано более, нежели во всех двадцати строфах моих» // Цит. по: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2.. С. 720.

отсутствие в «поминках» Ермолова и Давыдова, тот отвечал, что «на них дурно смотрят при дворе»[429]. Из такого ответа складывается впечатление, что верноподданничество Жуковского к концу 1830-х гг. обусловлено не только идеологическими, но и иными, более расчетливыми мотивами.

Особое значение Жуковского в составлении ценностной системы государства Николая I, которая будет почти без изменений перенесена в патриотическую поэзию 1840-х – 1850-х гг., выразилось еще одним неожиданным образом. Николаевские плац-парады, призванные демонстрировать военную мощь России[430] и начавшие к первой половине 1850-х гг. ее замещать, обязательно сопровождались приветственно-боевым кличем *«ура»*. В 1830-е, самую активную пору строительства новой «национальной» идеологии, *«ура»* перестает выполнять служебную церемониальную функцию и приобретает функции аксиологическую и эстетическую. В первой из них клич собирает в себя все «русское», чуть ли не становится метонимией русской нации, молодцевато приветствующей императора и готовой по первому его слову бить врагов России; во второй же – оказывается обязательным мотивом военной лирики: редкое стихотворение Крымской войны сможет обойтись хотя бы без одного *«ура»*, во многих текстах *оно* станет элементом, организующим текст.

Жуковский при описании торжеств и 1834 г. на Дворцовой площади, и 1839 г. на Бородинском поле не забывает упомянуть «ура», которым войско выражает преданность Николаю и его империи. Русский клич проникает и в поэзию Жуковского: «Вдруг обгрянул залп единый / Бородинские вершины, / И в один великий глас / Вся с ним армия слилась» («Бородинская годовщина»); «Ей [«песне многолетия императору» – К. Х.] повсюду отвечая, / Мчится русское *ура*» («Многолетие»).

Современники тепло приняли «Бородинскую годовщину». О стихотворении, в частности, положительно отозвались В. Г. Белинский,

---

[429] Цит. по: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2.. С. 721.
[430] Об этом см. подробней: *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 404-420.

К. К. Зейдлиц и П. А. Плетнев, который о произведении Жуковского писал так: «Стихи „Бородинской годовщины" можно уподобить самому торжественному Requiem, погружающему душу в созерцательную меланхолию. Перед мысленным взором вашим в стройном шествии являются те незабвенные лица, те чудные события, которыми увековечена память 1812 года. Встреча с ним не приводит нас в радостный трепет, как в „Певце", но вызывает из глубины души тихое благоговение и слезы благодарности»[431].

Большая часть русского общества разделяла как пафос стихотворения Жуковского, так и смену идеологической парадигмы, подданные императора приветствовали уваровскую «официальную народность»[432]. Лучшие люди эпохи не стали особо протестовать и тогда, когда начались очевидные заморозки: учебные заведения стали контролироваться уваровским Министерством, новый Университетский устав 1835 г. лишил университеты автономии, а все курсы отныне должны были читаться исключительно по-русски. Система образования Российской империи приобрела отчетливую политическую ориентацию[433]. Усиление цензуры и появление очевидно проправительственных газет и журналов, финансируемых из казны, создание Третьего отделения как органа политического контроля и усиление его значения в течение правления Николая I тоже казались необходимыми мерами перед лицом Европейской угрозы.

В середине 1840-х гг. в нескольких записях «Мыслей и замечаний» (1844-1847) Жуковский высказывается о том, чем, по его мнению, явилась поздниколаевская Россия: «Меры нашего правительства клонятся к тому, чтобы снова затворить те двери, которые Петр нам отворил в Европу. Вот для чего надобно платить по 50 талеров с головы в год за пребывание заграницею, возвращаться через каждые 5 лет домой, продавать имение жены как скоро муж иностранец, и еще Бог знает что будет. Все это средства притеснительные. Нас хотят насильно заставить любить Россию, боятся

[431] Цит. по: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2.. С. 721.
[432] *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 497.
[433] Там же. С. 496.
Удалов С. В. «Православие, Самодержавие, Народность»: идеологема николаевского царствования. С. 152.

заразы либеральных мнений (которые теперь всюду более или менее перекипели), боятся того действия, которое на русских производит сравнение России с Европою. Но средство фальшиво и, можно сказать, противоречащее предназначенной цели. <…> Прикуй к Отечеству и заставишь его возненавидеть. Нет! Сделайте, чтобы нам было хорошо в России и смело отворите настежь дверь в Европу. Не мешайте никому жить как он хочет про себя, тогда он будет с любовью жить и про других. Пусть будет каждый покоен и счастлив дома — тогда он будет дорожить покоем и счастьем государства, ограждающего дом»[434].

И в другом месте: «Находясь в России, чувствуешь себя стесненным, под влиянием какой-то невидимой власти, которая вкрадывается во все и бременит тебя во все минуты жизни, хотя, впрочем, до тебя непосредственно и не касается. Это стеснительное чувство, которое портит жизнь, происходит от того, что правительство у нас мешается не в одну нашу публичную жизнь, но хочет распоряжаться и нашею личною, и нашею домашнею жизнью: ему до всего нужда – до нашего платья, до наших забав, до нашего дома; мы вечно под надзором полиции. Автократия от царя переходит к исполнителям его власти и в них становится не только обременительною, но и ненавистною»[435].

Жуковский, один из главных идеологов Николаевского государства, конечно, не был повинен в том, за что ругал правительство. Он выступал за сильное государство, искренне боялся возможной нестабильности, был – как и большинство современников – очарован николаевскими плац-парадами. Однако образ мыслей писателя во многом соответствовал мышлению власти, которая не желала останавливаться там, где для Жуковского начиналось частное, лелеемая им область *интимного*. Когда всего лишь через несколько лет по Европе прокатится новая революционная волна, Жуковский станет одним из первых авторов, открыто поддержавших новый, самый

[434] *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 14. С. 299-300.
[435] Там же. С. 301.

радикальный, консервативный поворот Николая I. А «Мысли и замечания» так и не будут опубликованы при Николае I. Жуковский не увидит свои «философские отрывки» напечатанными, потому что, по словам управляющего Третьим Отделением Л. В. Дубельта, «вопросы его сочинений духовные слишком жизненны и глубоки, политические слишком развернуты, свежи, нам одновременны, чтобы можно было без опасения и вреда представить их чтению юной публики...»[436].

Во время Крымской войны, когда Николаевская система продемонстрирует свою несостоятельность и пустотелость, военная поэзия – в которой за три года не создастся ни одного большого текста и которая продолжит петь славу государству и тогда, когда общество в нем окончательно разочаруется – на уровне стиля и фразеологии будет очевидно наследовать Пушкину, однако мотивно вырастет из патриотической лирики Жуковского 1830-х гг.

2. Святая Русь и Русский Бог против европейских революций 1848 года

В феврале 1848 г. в Париже началась революция, которая привела к отречению короля Луи–Филиппа I и запустила цепь восстаний, охвативших страны Германского союза, Италию и Австрийскую империю. В том же месяце Николай I, опасаясь волнений в Польше и на прусских территориях, граничащих с Россией, приступил к мобилизации 420–тысячной армии. 3 марта началась венгерская революция, а 13 марта в Вене прошли демонстрации, переросшие в столкновения с императорскими войсками[437].

Опасаясь не только распространения вредных идей, но и возможной будущей войны против объединенной революцией Европы, 14 / 26 марта 1848 г. Николай I издает манифест «О событиях в Западной Европе»[438].

---

[436] Заключение Дубельта, поданное в Главное Правление цензуры 23 декабря 1850 г. приводится в записных книжках Вяземского: *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. С. 546.
[437] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. 1801 – 1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017. С. 306–313.
[438] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1849. Т. 23. 1848 г. Отделение первое. №22087. С. 182.

Текст начинается сообщением о новых европейских смутах, «грозящих ниспровержением законных властей и всякого общественного устройства». По мнению Николая, революционные волнения охватили государства Западной Европы по причине уступчивости их правительств. Российский император выражает свою непреклонность перед их «разрушительным потоком» и формулирует перформатив: «Да не будет так! [на русской земле – К.Х.]»[439]. В центральном абзаце документа артикулируются идеологические доминанты противостоящей смятенному западу Российской империи – *православие* и *Святая Русь*, понимаемая в тексте как единство русских людей, верящих в православного *Бога* и верных русскому православному *царю*: «Мы готовы встретить врагов Наших, где бы они ни предстали, и, не щадя Себя, будем, в неразрывном союзе с *Святою* Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов Наших». Понятие «русский» в тексте исчерпывается понятием «подданный»: «Мы удостоверены, что каждый Русский, всякий верноподданный Наш…». Важно, что новые основные идеологемы Николай выводит из тройной формулы эпохи 1812 г. «за Веру, Царя и Отечество», получившую новые коннотации в ходе идеологической перестройки 1830–х гг. Кончается текст перефразированной цитатой из пророка Исайи: «С нами Бог! Разумейте языцы и покоряйтесь: яко с нами Бог!»

Идеологической новинкой 1848 г. становится концепт *Святой Руси*. Данная фраза имеет довольно долгую историю. Она возникает еще в Древней Руси – вероятнее всего, в книжных текстах, – а к XVII веку достаточно широко распространяется как в словесности, так и в фольклоре, становясь в XVIII–XIX вв. топосом русского фольклора[440]. В фольклорных произведениях Святая Русь – это «некое метафизическое истинно христианское православное пространство, совпадающее в народном воображении с пространством святой земли Палестины (или метафизической

[439] Отметим явную библейскую ориентацию фразы
[440] *Дмитриев М. В.* Парадоксы «Святой Руси» // Cahiers du monde russe. 53/2–3. 2012. С. 323.

Палестины) и имеющее своим центром… Иерусалим»[441], место, на котором живут православные христиане – подданные Белого Царя. Фольклорная «Святая Русь» лишена этнического измерения, его полностью подавляет религиозное[442].

В эпоху русско–французских войн в литературе формула приобретает локальное значение, ассоциируясь с Россией как государством. В «Песни московского ополчения» 1812 г. представлены такие строки:

За царя, за Русь Святую,
Под призывный барабан
Соберем семью родную
Крестоносцев–ополчан[443].

В приведенном четверостишии прочитывается известное по фольклорным текстам уподобление «Святой Руси» Святой земле, поэтому неудивительно, что в последнем стихе возникает мотив крестоносцев.

В конце 1830–х – начале 1840–х гг. понятие насыщается новыми, причем контрастными, значениями. С одной стороны, оно продолжает употребляться как термин позитивный, объединяющий русский народ. К былому значению добавляется реалистическое измерение – это уже не метафорическая Святая Русь русских крестоносцев, а вполне конкретное национальное единство людей, живущих на территории Российской Империи. Особенно наглядно эта идея была выражена С. П. Шевыревым в стихотворении «Железная дорога» (1842)[444]. Лирический герой данного текста восхищается императорским замыслом соединить железной дорогой две столицы и предугадывает будущее, в котором вся Россия будет связана сетью железнодорожных магистралей. Это новое национальное общение и сообщение, которое позволит истинно, фактически объединить огромную

[441] Там же. С. 326–327.
[442] Там же. С. 329.
[443] Цит. по: *Осповат А. Л.* Святая Русь как состояние души // https://arzamas.academy/courses/45/3 [расшифровка видео–лекции на сайте проекта «Арзамас»]
[444] *Шевырев С. П.* Науки жрец и правды воин! М., 2009. С. 182–184.

страну[445], придав ей исключительность и самобытность, автор сополагает с идеей *Святой Руси*:

Соберётся Русь святая
Ото всех своих концов,
От немой стены Китая,
От звенящих моря льдов;
Станет жить своей срединой,
Укреплять в ней бытиё,
И забьётся пульс единый
В теле здравом у неё

В стихотворении звучат мессианские мотивы, однако в них не слышны ксенофобские ноты. Мир восхитится Россией без страха и с благодарностью:

Чудкой силой обновленный,
Встанет Русский исполин
Пред дивящейся вселенной,
Строен, гибок и един.
Граням, ставленным веками,
Роковой положит срок,
И свободными руками
Сдвинет Запад и Восток

Важно, что в произведении возникает *Русский Бог*, но и этот мотив не несет присущего ему агрессивного смысла, наоборот:

Закипай же труд народный
Русский Бог! Благослови
Подвиг миру многоплодный,
Путь общенья и любви!

С другой стороны, в ряде поэтических текстов *Святая Русь* получает враждебное, антизападническое значение. Такое понимание фразы выразилось, в частности, в стихотворении Н. М. Языкова «К ненашим» [446] (1844), которое, по иронии, представляет собой апологию Шевырева, московские лекции которого о древней русской словесности критиковались его идеологическими противниками[447].

Произведение Языкова построено на заявленной уже в заглавии оппозиции «мы» («истинные» русские, «Святая Русь») и «вы» (желающие

[445] Понятую не столько в государственном, сколько в национальном смысле («Закипай же труд народный»)
[446] *Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988. С. 350–351.
[447] Там же. С. 560–561, примеч. К. К. Бухмейер и Б. М. Толочинской.

«испортить» и «онемечить Русь»). Отметим, что «ненашими» в стихотворении названы, естественно, русские, но русские неправильные, не разделяющие ценностей лирического героя – «русский народ» оказывается здесь определением не национальным, а идеологическим. В этническом смысле «Я» текста называет своего противника «одноплеменником» и «братом», но в более важном для него идеологическом значении разделяет врагов (в которых узнаются, в частности, П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский, и А. И. Герцен)[448] на категории:

Кто б ни был ты, одноплеменник
И брат мой: жалкий ли старик,
Её торжественный изменник,
Её надменный клеветник;
Иль ты, сладкоречивый книжник,
Оракул юношей–невежд,
Ты, легкомысленный сподвижник
Беспутных мыслей и надежд;
И ты, невинный и любезный,
Поклонник тёмных книг и слов,
Восприниматель достослезный
Чужих суждений и грехов;
Вы, люд заносчивый и дерзкой,
Вы, опрометчивый оплот
Ученья школы богомерзкой,
Вы все — не русский вы народ!

«Настоящими» русскими в тексте оказываются те, кому не любы «слава нашей старины» – о которой читал лекции Шевырев – и «святое дело», в тексте не проясненное. Для данной работы важен не столько смысл данного понятия, сколько форма: представление о «Святом деле/призвании» в манифестах конца 1840–х гг. также будет сополагаться с идеей *Святой Руси* – видимо, она всегда мыслилась в связи с устремленностью к некоему мессианскому идеалу. В рассматриваемом стихотворении, как и в «Железной дороге» Шевырева, мотив *Святой Руси* притягивает к себе мотив *Русского Бога*:

Крепка, надежна Русь святая,

[448] Там же.

И русский Бог еще велик!

Таким образом, ко времени создания манифеста 1848 г. концепт *Святой Руси* существовал в литературе в разных вариантах, причем в обоих был органично связан с идеей *Русского Бога.* В этом контексте возникает царская грамота «О событиях в Западной Европе».

В данном документе формула *Святая Русь* замещает собой уваровскую триаду, исключая из нее невнятную, по–разному трактовавшуюся, «народность» и добавляя России как государству божественное и мессианское измерения. *Святая Русь* – это соратник *императора*, противостоящего отринувшему Бога Западу. Новая идеологема включает в себя, во–первых, множество русских людей, объединенных православной – противопоставленной неистинным западным католичеству и протестантизму – верой и неизбывной, органичной для них покорностью монарху, а во вторых, славную историю России – названной на древний манер Русью, – которая осталась неколебима бурями прошлого, благодаря присносущим главным ценностям – верности царю и Богу. Важно и то, что мотивы *Бога* и *божественн*ого ассоциируются с подчиненной монарху *Святой Русью*, покоряются *императору*, он же частично становится на место *Бога* – неслучайно в манифесте Николай от своего имени восклицает божественную библейскую формулу «Да [не] будет так!»

Государственный концепт *Святой Руси* продолжает использовать основные мотивы 1812 года – *Царя, Бога, русского народа, славной истории и Европы* – но собирает их в иной последовательности. Новая комбинация идеологически изолирует Российскую империю, с конца 1840–х она все больше воспринимается странами Западной Европы как чужой – то есть не как граница западного мира, а как восток[449].

Николай I ответил на вызов истории не только манифестом. В апреле 1849 г. после неоднократных просьб австрийского императора Франца–Иосифа I русский экспедиционный корпус двинулся в Галицию. Общее

[449] *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 536.

количество русских военных, отправленных в «венгерский поход», насчитывало 162 тысячи при 528 орудиях[450]. К августу 1849 г. венгерская революция была подавлена, и в конце лета русские войска начали покидать австрийские территории. В начале и конце кампании Николай I издал манифесты: «О движении армий Наших для содействия Императору Австрийскому на потушение мятежа в Венгрии и Трансильвании» (26 апреля / 8 мая 1849)[451] и «О благополучном окончании войны в Венгрии» (17 / 29 августа 1849)[452]. В первом тексте нынешние европейские волнения объясняются бунтом «разноплеменных пришельцев, изгнанников, беглых и бродяг», в ряду которых названы и «польские изменники 1831 года», а «потушение мятежа и уничтожение дерзких злоумышленников», покушающихся на спокойствие пограничных русских областей, император называет «Святым призванием» каждого русского. Особое значение этой идеи подчеркивается начальным предложением второго из названных текстов: «Россия исполнит свое Святое призвание!» – и далее в документе говорится о том, что императорское обещание было воплощено – русская армия сокрушила мятежников и возвращается в пределы России.

Данные государственные грамоты 1849 г. композиционно непосредственно связаны с манифестом «О событиях в Западной Европе» от 14 марта 1848 г., составляют с ним риторический триптих. Начало манифеста «О движении армий Наших…» отсылает читателя/слушателя к тексту 1848 г. («Манифестом от 14 марта 1848 года возвестив верноподданным нашим о бедствиях, постигших Западную Европу, Мы с тем вместе изъявили, что готовы встретить врагов Наших, где бы они не предстали…»), а начало императорской грамоты «О благополучном окончании войны в Венгрии», как уже было сказано, ссылается на предыдущий текст 1849 г. Более того, во всех трех манифестах присутствуют общие композиционные элементы,

[450] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 340–344.
[451] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1850. Т. 24. 1849 г. Отделение первое. №23200. С. 235.
[452] Там же. Отделение второе. №23458. С. 20.

важнейшим из которых оказывается упомянутая выше цитата из Исайи «С нами Бог», становящаяся частью новой николаевской идеологии и вновь отсылающая к эпохе 1812 г.: она возглашалась на повечерье праздника Рождества, в который по обычаю отмечалась и годовщина окончания Отечественной войны[453]. Можно с большой долей уверенности сказать, что возникшая в 1849 г. идея «Святого призвания» – защиты консервативного монархического политического уклада – осознанно рифмуется с концептом *Святой Руси,* возникшем в предыдущем году. Таким образом государственная идеологема *Святой Руси* наполняется очевидным агрессивным содержанием: *Святым призванием Святой Руси* становится обязанность русских с оружием в руках охранять «истинный», абсолютномонархический, политический порядок как в России, так и за ее пределами.

Идеологический месседж государства был принят очень быстро. Уже в мае 1848 г., менее чем через 2 месяца после выхода николаевского манифеста, в «Санкт–Петербургских ведомостях» было опубликовано стихотворение П. А. Вяземского «Святая Русь»[454].

Первые четыре строфы данного текста наполнены антизападными штампами времен Отечественной войны. Европейская образованность называется «надменными учениями» и «плодами лжемудрости и тьмы», революция – «народной бурей» и «мятежом», причинами общественных волнений для лирического героя являются «слепая гордыня», «дух буйный и тревожный» и «разнузданная страсть». Любое восстание против власти («общества твердыни») признается ошибочным, потому что потрясает «преданья, правду и закон», а «свобода», идеалы которой отстаивают революционеры, называется «ложной».

---

[453] *Киселева Л. Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 137.

[454] Стихотворение анализируется по тексту, приведенному в: *Киселев В.С., Владимирова Т.Л.* Творческая история статьи В.А. Жуковского «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публикация и комментарий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №3 (29). С. 109–110.

Растленному революцией Западу противопоставляется жертвенная и смиренная «Святая Русь», частями которой оказываются «старины могилы», «наша Церковь», «царей престол наследной», огражденный любовью русского народа, «покорство перед Промыслом», «бесстрашье пред врагом» и «язык наш величавый». Если первые пять элементов повторяют мотивы государственного красноречия и проправительственной поэзии времен 1813 – 1814 гг., то последний поэт берет из иной области – дискуссий о новом русском языке, шедших между арзамасцами и шишковистами. Особенно примечательно, что бывший арзамасец Вяземский в стихотворении 1848 г. понимает русский язык не по–карамзински, а так, как его понимала «Беседа…» – русским признается древний язык, данный предками и сущностно сохранившийся неизменным к середине XIX столетия. Более того, Вяземский отождествляет русский и церковнославянский языки, в чем прямо следует идее Шишкова, активно критиковавшейся в прошлом арзамасцами («На нем мы призываем Бога»)[455].

В произведении дважды артикулируется идея *особого пути* России: в первой («Как я люблю твое значенье / В земном всемирном бытии») и второй («О, дорожи своим залогом! / Блюди такой избранный путь») половинах текста, – причем *особый путь* метонимически уподоблен концепту *Святой Руси*, оба названных мотива состоят из одних и тех же элементов.

Кардинальная смена политических ориентиров и социальных идеалов Вяземского выразилась не только в стихотворении «Святая Русь». Для истории мировоззренческой перемены автора важна его переписка с Карлом Августом Фарнгагеном фон Энзе, многолетним немецким корреспондентом Вяземского, литератором и дипломатом, любителем русской литературы и русского языка.

В письме от 6 августа 1848 г.[456] Фарнгаген с присущей ему дипломатичностью в общих выражениях восхищается переданным ему

---

[455] См. об этом подробней: *Киселева Л. Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси. С. 139–140.
[456] *Юнгрен А.* Подарки Вяземского. Из переписки П. А. Вяземского и К. А. Фанрнгагена Фон Энзе. 1838–1848 // Наше наследние. 1999. № 50–51. С. 155–156.

стихотворением «Святая Русь», как бы игнорируя его шовинистический пафос, однако добавляя в текст своего письма размышления о патриотизме. Для Фарнгагена истинной любовью к отечеству является теплое к нему отношение, к которому не должна примешиваться «ненависть к чужому», ведь она «легко вырождается в несправедливый предрассудок». Завершение данного пассажа довольно явно формулирует истинное отношение немецкого автора к произведению Вяземского: «Я все же верю, что существует нечто выше национальности, что сама по себе она не может решить все политические вопросы и может привести к огромным несправедливостям, что подтверждает история».

Вяземский распознал за учтивостью Фангагена мнение своего корреспондента как по поводу стихотворения «Святая Русь», так и по поводу нынешних революционных событий в Европе, и написал ему ответ, который, возможно, так и не был отправлен[457].

Данный текст выстроен на противопоставлении: «мы» (русские) и «вы» (Европа), в логике которого Фарнгаген становится оппонентом Вяземского. Важно, что уже во втором абзаце (после более–менее формального первого, в котором, правда, Вяземский уже начал говорить о «русофобии» европейских интеллектуалов) русский литератор прямо называет Европу врагом России, жаждущим уничтожить ее («… откуда это ожесточение ненависти и ярости, ярости крайней и ненависти бессильной, которая направлена на нас, в то время как мы бездействуем, наблюдаем и не имеем ни малейшего намерения вмешиваться в ваши дела»). Этот странный оборонительный пафос, наследующий органично возникшему защитническому пафосу 1812 г., станет важной точкой антизападной риторики в течение Крымской войны, когда будет звучать поистине абсурдно: распространенные и в государственном красноречии, и в поэзии мотивы *миролюбия* России и необходимости ее

Сведения о Фарнгагене и их с Вяземским переписке, приведенные в этой части главы, получены из данной статьи (Там же. С. 147–160).

[457] *Юнгрен А.* «Мы попросту отдельный мир…» Черновик письма П. А. Вяземского Фарнгагену фон Энзе о революции 1848 г. // http://www.nasledie–rus.ru/podshivka/10407.php (дата обращения – 2.03.2021)

защиты, вкупе с уже общеизвестной идеей *извечной враждебности Запада*, будут явно противоречить историческому факту – первое действие, которое можно было расценить как военную агрессию, было произведено русским императором, приказавшим ввести войска в Придунайские княжества, формально входившие в состав Османской империи.

Выстраивая текст письма по принципу бинарной оппозиции, Вяземский отходит от былого интимного тона, характерного для переписки с Фарнгагеном, и становится выразителем коллективного национального, давая понять своему собеседнику, что их корреспонденция более не дружеский обмен мнениями, а политическая полемика, в которой Вяземский уже выбрал сторону как за себя, так и за своего корреспондента.

Смысловым центром письма становятся две идеи. Первая из них заключается в особости России («…мы не европейцы, <…> но мы и не Азия, поскольку мы христиане: мы попросту отдельный мир…»), которая, следовательно, должна идти по истории собственным путем («…мы вновь вернемся к себе и выберем иной путь»). Вторая же – в убежденности Вяземского в том, что произошло крушение европейской цивилизации, поскольку та не была «ни нравственной силой, ни совестью наций». Из данных тезисов автор письма делает вывод об особой, мессианской роли России / Святой Руси, должной на обломках цивилизации Запада построить свою: «…именно теперь разовьются наши силы, которые мы направим к тому, чтобы усвоить себе все хорошее и укрепляющее в той цивилизации, которую мы заимствовали у вас в лучшие времена и от которой вы теперь отрекаетесь, чтобы создать новую».

Если в стихотворении «Святая Русь» Вяземский, разрабатывая идеи своего бывшего оппонента Шишкова, на него все же не ссылается, то в рассматриваемом письме прямо признает правоту консерваторов прошлого и отрекается от либеральных взглядов: «…мы сами, те, кто боролись за европейскую цивилизацию в России, желали скопировать ее у вас, мы, открывшие двери вашим идеям, вашему прогрессу, мы полностью

побеждены нашими противниками и должны им отдать справедливость, что они лучше, чем мы, прозревали будущее <…> В конечном счете мы, чьи симпатии когда–то принадлежали Западу, оказались консерваторами. Наши подлинные представители прогресса — реакционеры, которые уже давно увещевали нас отречься от духа рабского подражания Западу, которые звали нас к тому, чтобы черпать нашу нравственную цивилизацию из источника наших национальных традиций и верований».

Как видно из письма Фарнгагену и стихотворения «Святая Русь», после начала европейских революций 1848 г. смена идеологических ориентиров произошла у Вяземского довольно резко. Еще в 1844 г. он отказался публиковать уже написанное опровержение на книгу Астольфа де Кюстина «La Russie en 1839» («Россия в 1839 году»), потому что оно могло быть воспринято как защита николаевского консерватизма и нападение на либеральные идеи: «Мудрено ли, что Европа вопиет против нас, когда мы во всем идем против течения <…> Обстоятельства таковы, что честному и благомыслящему русскому нельзя говорить в Европе о России и за Россию. Можно повиноваться, но уже нельзя оправдывать и вступаться»[458]. С лета – осени 1848 г. Вяземский, кажется, начинает верить в существование только двух вариантов социально–политического государственного устройства – неправильного «их» и отмеченного Богом «нашего», глаз автора отныне способен разглядеть только черное и белое, цветового спектра для него больше не существует.

Вяземский продолжит активно отстаивать в печати официальный николаевский консерватизм. Мысли о неминуемом крушении Западной цивилизации и мессианской роли покорной Богу и царю России, впервые сформулированные в письме Фарнгагену, он будет развивать в опубликованных в 1855 г. по–французски «Письмах русского ветерана 1812 г. о восточном вопросе». Более того, станет самым плодовитым

[458] Письмо В. А. Жуковскому от 21 марта 1844 года. – Цит. по: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969, с. 295.

консервативным поэтом времен Крымской войны, создав десятки стихотворений, проникнутых патриотизмом, который бы еще десятилетие назад сам бы назвал квасным[459].

Разработка концепта *Святой Руси* не закончилась поэтической репликой Вяземского, напротив, его стихотворение воодушевило В. А. Жуковского – тоже бывшего арзамасца и одного из главных идеологов первой половины XIX века – на написание «Письма к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении «Святая Русь»[460], отправленного Вяземскому и после цензуры опубликованного в прогосударственной газете «Русский инвалид» 21 сентября 1848 г.

Жуковский соглашается с основными тезисами своего давнишнего друга. Он тоже убежден в крахе Западной цивилизации, противопоставляет ей идею *Святой Руси* и считает, что миссией России является создание новой цивилизации. Однако Жуковский переосмысляет данные ключевые положения стихотворения Вяземского.

Жуковский отказывается отождествлять нынешнюю Российскую Империю и *Святую Русь*, которую понимает не как действительное историческое существование, а как миф, являющийся достоянием всех русских людей. По мнению Жуковского, Святая Русь стала преданием в момент образования Русского государства (при Иоанне III), которое народ сохранил в неизменном виде: «С того времени Россия стала государством, особенным достоянием царя, а Святая Русь осталась преданием, совокупным сокровищем царя и народа. Т а м наше могущество, наши многообъемлющие

---

[459] Ср. известную рецензию Вяземского на книгу Франсуа Ансело «Шесть месяцев в России», в которой и была явлена эта ставшая впоследствии афоризмом формулировка: «Многие признают за патриотизм безусловную похвалу всему, что свое. Тюрго называл это лакейским патриотизмом, du patriotisme d'antichambre. У нас его можно бы назвать квасным патриотизмом. Я полагаю, что любовь к отечеству должна быть слепа в пожертвованиях ему, но не в тщеславном самодовольстве: в эту любовь может входить и ненависть. Какой патриот, которого бы он народа ни был, не хотел бы выдрать несколько страниц из истории отечественной и не кипел негодованием, видя предрассудки и пороки, свойственные его согражданам? Истинная любовь ревнива и взыскательна. Равнодушный всем доволен, но что от него пользы? Бесстрастный в чувстве, он бесстрастен и в действии» – цит по: *Душенко К. В.* Квасной патриотизм // Вестник культурологии. М., 2019. №2 (89). С. 131.

[460] Далее цит. по: *Киселев В. С., Владимирова Т. Л.* Творческая история статьи В.А. Жуковского «Письмо к кн. П. А. Вяземскому о его стихотворении "Святая Русь"»: публикация и комментарий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 113–119.

грани, наше государственное достоинство; з д е с ь наша память о жизни праотцев, наша народная внутренняя жизнь, наша вера, наш язык, все, что собственно наше р у с с к о е , что никому, кроме нас, принадлежать не может, что нигде, кроме Русской земли, не встретится, чего никто, кроме русского человека, и понять не может. Россия принадлежит к составу государств Европы; Святая Русь есть отдельная, наследственная собственность русского народа, упроченная ему Богом».

К концепту *Святой Руси* Жуковский добавляет рифмующийся с ним концепт *Русского Бога* – данные идеи, как показано выше, были связаны в культурном сознании, выражались в поэзии вместе, – однако в письме Вяземскому, создателю известнейшего сатирического стихотворения «Русский Бог» (1828), это звучало крайне комично. На двух данных идеях Жуковский выстраивает свою новую историософскую систему: если *Святая Русь* – это совокупное достояние монарха и народа, то *Русский Бог* – союз народа и Бога. С одной стороны, при таком понимании аксиологического устройства России *народ* участвует в обоих его элементах, с другой же – ни в одном из них *он* не обладает главенствующим значением, более того, не имеет ничего своего. Самой сутью характера русского народа становится его растворимость в двух идеологических доминантах. Видимо, именно это качество Жуковский называет «светлым рассудком» русских: «…весь чудный характер народа русского (в котором такой светлый рассудок соединяется с такою твердою, спокойною, никаким вдохновением не воспламеняемою самоотверженностию)…».

Как и Вяземский, Жуковский размышляет об *особом пути* России, который основан на институализированных формах приведенных идеологем – церкви и самодержавии. По мысли автора, оба этих института с древнейших времен остались незыблемыми: русская церковь не знала Реформации (Никоновскую реформу и последовавший за ней раскол русской церкви Жуковский обходит вниманием), а царский дом и вовсе остался неизменным, несмотря на смену династии: «…весь русский народ,

основываясь на вере и обычаях праотцев и на учении евангельском, провозгласил самодержавие на выборе московском. Это самодержавие перешло в руки Романовых таким, какое оно было до их избрания. Оно и теперь то же самое в своей сущности». Именно развитием основных сил России – церкви и самодержавия – ей удастся создать новую, свою цивилизацию, когда цивилизация Европы падет.

Одним из важнейших лейтмотивов текста является мотив *недоверия разуму,* который привел к закату Западного мира. Особенно явно он выражается в характеристике, которую Жуковский дает стихотворению Вяземского. Он называет текст «не поэзией, а чистой правдой», потому что она «глубоко живет в душе, не подлежит произвольному умствованию, не требует никаких доказательств разума» и существует даже вопреки «противоречащим фактам». По Жуковскому, аналитическая сила разума («едкая деятельность ума человеческого») должна быть остановлена неподвластной разуму, интуитивно ощутимой целостностью «Святого». Здесь важно не столько то, что весь текст Жуковского представляет собой чистое умствование, довольно четкое логически, сколько то, что и новый, русский, цивилизационный порядок он организует по принципам рационализма. Письмо оканчивается мыслью о необходимости развития церкви и самодержавия: первая должна совершенствоваться за счет религиозного образования, вторая – определением и утверждением законности. Так парадоксально Жуковский подтверждает истинность базовых русских концептов неизменностью представляющих их институтов, в финале текста предлагая их изменить.

Переходя к шишковисткой риторике, Жуковский не замечает «галиматийности» своего языка, возникающей не по причине неумения ясно выразить комплексную мысль (один из главных литераторов и мыслителей эпохи к концу жизни сохранил чистоту и гармоничность стиля), но из желания скрестить свою европейскую образованность с новыми антизападными и антирационалистскими идеями. Так, для объяснения

смысла исконно русского понятия *Святая Русь* автору приходится пользоваться французским термином, причем опасаясь того, что читатель не поймет смысл кальки, Жуковский дает его по–французски в скобках: «С в я т а я Р у с ь – это слово ровесник христианской России. Оно дано ей, как говорят твои стихи, при ее крестинах и никогда не потеряет своего глубокого смысла, хотя и вошло в разряд о б ы к н о в е н н о с т е й (lieux communs)». Еще комичнее выглядит размышление о Реформации как истоке западной цивилизации, в котором Жуковский макаронически употребляет церковнославянское «понеже» рядом с галлицизмом: «…понеже пункт отбытия (point de depart) был фальшивый, эта сивилизация отклонилась от настоящей своей цели».

Итак, новая идеология, сформулированная в мартовском манифесте 1848 г. и разработанная в апрельском и августовском манифестах 1849 г., доминантой которой становится идеологема *Святой Руси*, возникла из пророссийского дискурса, в котором к 1840–м гг. сформировалась система с тремя лейтмотивами в центре: *Русского Бога, Святой Руси* и *Святого дела*. Очень важную роль для закрепления этих идеологических доминант сыграли два больших литератора, бывшие арзамасцы Вяземский и Жуковский, подкрепившие своим авторитетом изоляционную политику Николая и соединившие – как ведущие авторы 1810–х гг. – две эпохи: симуляционную нынешнюю и прошлую, эпоху великих европейских побед 1812 – 1814 гг., на базе которой симуляция создается. Апеллируя к славному прошлому Руси, крещенной и нареченной Святой, оба автора, в действительности, обращаются ко временам Отечественной войны, без символического значения и мотивной идеологической системы которой идее о великой и древней *Святой Руси* было бы не от чего оттолкнуться.

Важно подчеркнуть, что смена идеологических ориентиров у Жуковского и Вяземского не была конъюнктурной (или же не была сугубо такой), европейские революции 1848 г. сильно подействовали на все

российское общество, по сути, окончательно разведя славянофилов и западников – былая мировоззренческая полифония и свобода мысли уступили дуальной идеологической логике, разделению на «наших» и «ненаших». Интересно, что только после 1848 г. славянофилы стали осознавать себя не как литераторов и философов, а как политиков, начали искать новые пути развития России. По мнению А. С. Хомякова, 1848 г. разорвал саму возможность связи России и Запада, «окончательно поставил [Россию] особняком»[461], российское государство встало перед необходимостью решения Восточного вопроса[462].

Фактическим церемониальным подтверждением идеологической переориентации России стали царские посещения Москвы, древней русской столицы, в 1849 и 1851 гг., во время которых Николай появлялся у национальных святынь, желая подчеркнуть связь с великим прошлым Руси и отличие России от стран Европы. Здесь русский монарх предстает не как европейский император и потомок Петра I, а как древнемосковский правитель, владычествующий *Святой Русью*, что почувствовали М. П. Погодин и А. Ф. Вельтман, описавшие царское посещение первопрестольной в 1849 г.[463]. На приезд императора откликнулась и поэзия: в «Московских ведомостях» было опубликовано стихотворение Шевырева, в котором в духе манифеста 1848 г. утверждалась мысль о единстве России, представленной союзом *царя* и *народа*, ее особости и противопоставленности Европе:

Запад! В бурях и в покое
Ты поглядывай сюда……..
……
Здесь союз Царя с народом![464]

---

[461] *Хомяков А. С.* Политические письма 1848 г. // Вопросы философии. 1991. №3. С.124.
462 См. об этом подробней: *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853–1856). Орел, 2005. С. 68–74.
[463] *Уортман Р.* Сценарии власти. С. 516–527.
[464] Цит. по: Там же С. 518.

Глава 3. Крымская война – кризисы и поражения поэзии и государства

1. Русско-турецкая война – вера в могущество России

Накануне Крымской войны представители самых разных кругов русского общества ждали разрешения «восточного вопроса» и надеялись на освобождение восточных славян, занятие Константинополя и утверждение славянского союзного государственного объединения под протекторатом Российской империи. Еще в 1838 г. М. П. Погодин написал письмо цесаревичу Александру Николаевичу[465] (оно так и не было доставлено адресату), в котором сформулировал план Славянского союза, состоящего из 60–миллионного населения России и тридцати миллионов их «братьев, родных и двоюродных, Славян, рассыпанных по всей Европе – от Константинополя до Венеции и от Морей до Балтийского и Немецкого морей, Славян, в которых течет одна кровь с нашею, которые говорят одним языком и, следовательно, по закону природы нам сочувствуют…». Этот союз – как писал Погодин в 1839 г. в письме С. С. Уварову – «будет повелевать всем остальным миром»[466]. Схожие панславянские идеи звучали в написанных в 1846 – 1849 гг. статьях Ф. И. Тютчева. По замыслу автора, наиболее полно выраженному в недописанной объемной работе «Россия и Запад» – представленной в виде развернутого конспекта и неизвестной при жизни Тютчева – Россия должна была освободить оккупированный турками Константинополь, после чего могла начать образовывать могущественную «Империю Востока», которой будет управлять русский царь и которая будет повелевать всем миром[467]. Мысли о необходимости взятия османской столицы звучали и в текстах других авторов[468], причем не только монархически и консервативно настроенных. О важности решения

---

[465]*Погодин М. П.* Историко–политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874. С. 1–14.
[466] Там же. С. 39.
[467]*Тютчев Ф. И.* Россия и Запад / [Перевод *Б. Н. Тарасова*] // *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. М., 2003. Т. 3. С. 179–200.
[468]Например, в «Записке о важности патриаршей кафедры Царьграда для соборного единства Православной Церкви» Дмитрия Муравьева. См. в: *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853–1856). Орел, 2005. С. 19.

«восточного вопроса» размышляли славянофилы[469], а А. И. Герцен в конце 1840–х гг. писал об исторической необходимости создания единого славянского государства, которое сможет не только соперничать с Западом, но и, свергнув монархический деспотизм, распространить на весь мир демократические и социалистические идеи[470].

В начале 1850–х гг. произошел очередной Восточный кризис, результатом которого стало масштабное европейское противостояние между Россией и союзными силами Англии, Франции и Турции. Начавшись в 1850–м г. инициированным Францией спором о Святых местах, к 1853 г. противоречия между Российской и Османской империями стали грозить настоящей войной[471]. В январе 1853 г. Николай I размышлял над стратегией будущей кампании. Он рассчитывал на быстрое взятие Босфора и Константинополя силами экспедиционного корпуса в 16 тысяч человек, доставленного до пролива кораблями Черноморского флота, и не исключал вмешательство французских армии и флота (в которое, правда, не особо верил)[472]. Набрасывая план десанта на турецкие территории, русский император представлял себя западным монархом, защищающим европейскую христианскую церковь от эскапад мусульманской восточной Турции, а потому не верил в возможное действительное столкновение с близкими Порте европейскими государствами. С 1848 г. Николай сформировал двойной образ монарха: перед своими подданными он представал как русский царь, а перед Западом – как император европейского государства[473], и не мог понять, что недавние партнеры стали видеть в Николае чуждого правителя чужой, восточной страны. К началу Русско–турецкой войны Россия оказалась не только в идеологической изоляции – к

---

[469] *Хомяков А. С.* Политические письма 1848 года // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 126–127.
[470] См. об этом: *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 154–155.
[471] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. 1801 – 1914: в 4 т. Т. 2. М., 2017. С. 359–367.
[472] Там же. С. 367–368.
[473] См. «Наброски о пребывании царской фамилии в Москве» М. П. Погодина, в которых автор описывает изменения, происходящие в Николае в зависимости от окружающей его обстановки – *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. СПб., 1896. Т. 10. С. 230–231.

которой привела политика русского двора 1848 – 1853 гг., – но и в политической и экономической. Англия и Франция не были заинтересованы в усилении Российской Империи в Закавказье и на Ближнем Востоке, которое могло только помешать их восточной экспансии, более того, Османская империя была их выгодным торговым партнером. В случае же падения Турции, на которое рассчитывали в России, ни Британская, ни Французская империи не желали ни с кем делиться «турецким наследием». Давние же союзники Российской империи – Австрия и Пруссия – боялись конфликта с Великими государствами. Николай I всего этого искренне не понимал, продолжая верить не только в силу русского оружия, но и в дружественность европейской дипломатии.

Чувствуя поддержку не только Франции, но и Англии, турецкое правительство отказало ультимативным требованиям отправленного с дипломатической миссией А. С. Меньшикова, в ряду которых было неприемлемое для Порты: русский посол настаивал на пожизненном назначении православных патриархов Оттоманской империи (Константинопольского, Антиохийского, Александрийского и Иерусалимского), гарантом которого должен был стать русский император. Турки понимали, что это создавало религиозную автономию для 12 млн турецких подданных, оказывавшихся под фактическим протекторатом иностранного монарха. 9 / 21 мая 1853 г. через почти 3 месяца после прибытия русское посольство покинуло Константинополь[474].

Николай I оказался в сложном положении. Он не хотел начинать настоящую войну, но и не мог не отреагировать на отказ Турции. План занятия Босфора и Константинополя за время русско–турецких переговоров потерял актуальность: при участии английских инструкторов у Босфора были улучшены укрепления, перед ним встали корабли турецкого и египетского флотов, а вскоре у проливов стала и англо–французская эскадра[475]. 17 мая

[474] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 368–373.
[475] Там же. С. 375.

Николай решает послать Порте последнее требование, в случае же его неудовлетворения в восьмидневный срок объявить войну, занять Придунайские княжества и начать «брать турецкие суда в Черном море». Кроме того, русский император надеялся на поддержку Австрии, которая должна была занять Сербию и Герцеговину. Если же этого будет недостаточно, Николай планировал объявить независимость Молдавии, Валахии, Сербии и Герцеговины, после чего Оттоманская империя, по мысли русского императора, была обречена[476]. Турки вновь отказали России.

В этой ситуации император решается на ввод русской армии в Придунайские княжества – действие, которое, с одной стороны, должно было продемонстрировать решительность и силу Российской империи, с другой, по мысли Николая, – не являлось началом войны с Турцией (войска не должны были переходить Дунай). 14 / 26 июня 1853 г. издается манифест «О движении российских войск в Придунайские княжества»[477].

Причиной входа на формально турецкую территорию называется «защита Православия», которая «была искони обетом Блаженных Предков» царя, от нынешних действий Порты, начавших угрожать «совершенным ниспровержением всего увековеченного порядка». Император признает свое действие агрессивным – утверждая его немирный характер, – однако не желает начинать войну: «занятием Княжеств Мы хотим иметь в руках Наших такой залог, который бы во всяком случае ручался Нам в восстановлении Наших прав». Николай I надеется на то, что Турция одумается и вернется к былому соблюдению неприкосновенности Православной церкви. Если же она продолжит свою нынешнюю политику, русский император готов к войне за православную веру, исход которой зависит от Бога.

В июньском манифесте на первый план выносится религиозное противостояние России и Турции. Неоднозначное решение Николая в крайне противоречивой политической обстановке предстает как абсолютно

---

[476] Сведения об англо–балтийском и Черноморском флотах и экспедиционных войсках // Морской сборник. 1854. № 4. С. 492, 501.
[477] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 28. С. 289–290. № 27344.

обоснованное: его целью оказывается защита представителей истинной веры (по логике метонимии легко становящимися самой православной верой), оно подкреплено положениями Кючук–Кайнарджийского мирного договора (который, правда, вряд ли предполагал возможность ввода многотысячного русского войска на территорию Турецкой империи). Одним из важнейших деятелей возможной будущей войны становится *Бог,* который будет покровительствовать защитникам православия. Особенно важна и апелляция к *истории*: нынешнее действие монарха вызвано не столько современной геополитической обстановкой – которая в манифесте ограничивается сообщением о «самопроизвольных действиях Порты», – сколько обязанностью императора чтить издревле установленный порядок. Так бесспорно наступательное военное действие риторически оборачивается охранительным. *Святая Русь* защищает *святую веру* и истинный исторический порядок, совершает делегированное ей *Богом Святое дело*, смысл которого уже был сформулирован в царских грамотах 1848 – 1849 гг.

Оккупация Молдавии и Валахии, ожидаемо произошедшая очень быстро и без сопротивления со стороны местного населения, вызвала бурное негодование турецкого общества. Кроме того, против нее резко выступили не только Англия и Франция, но и дружественная России Австрия. 2 / 14 июля 1853 г. Турция выступила с протестом против действий Российской империи и обратилась к европейским странам, а 19 / 31 июля Великобританией, Францией, Пруссией и Австрией был принят документ, предлагающий мирное компромиссное решение русско–турецкого конфликта, – по нему Турция подтверждала верность былым договорам и сохраняла привилегии православного населения. Николай I был готов согласиться на эти условия, но султан потребовал внести в ноту изменения, исключив из нее, в частности, упоминание Кючук–Кайнарджийского трактата. На это русский император пойти не мог. 26 сентября / 8 октября главнокомандующий турецкой армией Омерпаша потребовал от русского главнокомандующего князя

М. Д. Горчакова вывести войска с территории Османской империи. В ответном письме Горчаков отказал, указав на то, что у него нет для этого достаточных полномочий. После этого Турция объявила России войну[478].

У Николая было своеобразное отношение к начавшемуся вводом императорских войск в Молдавию и Валахию русско–турецкому конфликту. Он считал, что это противостояние должно было вестись по его правилам, кажется, даже обиделся, когда поддерживаемая Англией и Францией Турция начала войну вне очерченного русским императором театра военных действий. Более того, император был убежден в том, что Великие государства обязаны поддержать довольно невнятный николаевский план Дунайской кампании. В письме Наполеону III от 28 января / 9 февраля 1854 г., когда война уже разгорелась, русский император без обиняков сформулировал свои претензии Англии и Франции: «…если б Франция и Англия желали мира, как Я, им следовало бы во что бы то ни стало препятствовать сему объявлению войны, или, когда война была уже объявлена, употребить старания, чтобы она ограничилась тесными пределами, которыми Я хотел оградить ее на Дунае, чтоб Я не был насильно выведен из чисто оборонительной системы, которую желал сохранять»[479].

Опасность нынешней геополитической ситуации не смог оценить не только русский император, но и представители самых разных кругов российского общества. Обострение отношений между Россией и Турцией не обеспокоило проправительственно настроенное высшее общество, которое было уверено, что «всеми международными делами управляет российский император, в воле которого было начать или предотвратить войну»[480]. Даже неудачное посольство князя Меншикова не нарушило салонного спокойствия. Вступление русских войск в Придунайские княжества было доброжелательно воспринято большей частью российской элиты, почти никто не считал его началом войны. О возможности действительного

[478] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 380–385.
[479] *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. М., 1908. Т. 2. Ч. 1. С. 521.
[480] *Похвиснев М. Н.* Из дневника М. Н. Похвиснева // Русский архив. 1911. № 2. С. 199.

военного противостояния в высших кругах заговорили только в конце лета – начале осени 1853 г., но и оно не пугало общество, уверенное в могуществе России и слабости Турции[481]. Убежденность в непобедимости русской армии разделяли и либералы. Славянофилы не считали ввод русских войск в Молдавию и Валахию поводом к началу войны, но, если та разразится, были убеждены в справедливости действий русского императора, искренне желавшего, по их мнению, освободить православное население Турции. В развязывании войны они винили Порту, отказавшую разумным требованиям князя Меньшикова, а также Англию, Францию и нейтральную Австрию, своей поддержкой воодушевивших турок. В оккупации придунайских турецких территорий не видели проблемы и западники, считая ее необходимой демонстрацией силы. Более того, многие из них были настолько убеждены в могуществе Российской Империи, что и после манифеста о начале войны не до конца верили в ее возможность. В «Дневнике» А. В. Дружинина в записи от 25 октября 1853 г. читаем: «… читал «Пунч» и «Journal de St. P<eters>bourg», из которого почерпнул еще известие о том, что есть надежда на мирное окончание турецкого вопроса»[482].

Ввод русских войск в Молдавию и Валахию посчитали началом русского–турецкого военного противостояния только декабристы, не доверявшие правительству и не находившиеся под обаянием николаевских плац–парадов. Н. В. Басаргин называл нынешние императорские действия поводом для начала большого европейского конфликта, более того, сомневался в успешности будущей войны для России[483].

Военная поэзия лета – начала осени 1853 г. представлена всего несколькими текстами, однако уже в них выражены многие идеи, которые станут центральными для последующих нескольких лет. Едва ли не первой на известие о начале движения русских войск к Дунаю отозвалась графиня

---

[481] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853–1856). Орел, 2005. С. 23–25.
[482] *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 235.
[483] *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1989. С. 244–252.
См. подробней о реакциях различных кругов российского общества в: *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 74–77; 109–110; 130–135.

Е. П. Ростопчина – один из основных певцов Крымской войны. В созданном через несколько дней (18 июня) после публикации манифеста стихотворении «Нашим братьям Юго–Восточным православным»[484] Ростопчина предрекает скорейшую победу русского оружия в будущей войне. Примечательно, что занятие Придунайских княжеств автор понимает как начало освободительной войны против «ленивых мусульман»: а не как оборонительное действие:

Долой мечеть с двурогою луною!
Сияй, наш православный крест,
Над маковкой Софии золотою,
Над куполом священных мест!

А июньский манифест Ростопчина прямо называет военным, что следует из затекстовой авторской пометки: «Прочитавши манифест о войне».

«Я» стихотворения не ограничивается мыслью о занятии Стамбула, а верит в то, что твердая «длань России» силами православных братьев сумеет освободить и Иерусалим. Победа России и ее единоверцев неизбежна не только потому, что на их стороне *Бог*, но и потому что турки отреклись от своего бога, вдохновляющего людей на битвы: «Забыт у них Коран; без веры нет стремленья, – / Воинский дух в них оскудел». Кроме «православного креста», в тексте Ростопчиной есть еще один принципиальный символ – «русский орел», явно отсылающий к эпохе русско–французских войн начала XIX в.

Автор другого стихотворения, тоже посвященного движению русских войск[485], в отличие от Ростопчиной следует оборонительному пафосу манифеста. Поэту не удается помирить мотивы военного *наступления* и *обороны*, в данном тексте они сосуществуют рядом друг с другом как две риторические формулы:

С Богом в путь далекий, славный,
С Богом! Севера сыны,
Мы соседей своенравных
Вразумить теперь должны

[484] *Ратников К. В.* Крымская война и русская поэзия: Антология патриотических стихотворений 1853–1856 гг. Челябинск. 2011. С. 21–22.
Далее при цитировании из данной антологии номера страниц приводятся в тексте в скобках.
[485] «На вступление русских войск в Придунайские княжества». Подписано: прапорщик Иванов 2–й (264).

<……>
И опять пред русским громом
Затрепещет их Царьград.
Что, по слову Николая,
Мы припомним старину
И права родного края
Не уступим никому.

В отличие от государственной риторики, поэзия начала 1850–х годов не всегда знает, как формально логично соотнести контрастные идеи. Говоря о *наступлении,* автор пользуется поэтическими моделями, возникшими в стихотворениях времен Заграничного похода 1813 – 1814 годов и закрепленными в течение пер. пол. XIX века, богатой зарубежными кампаниями, – при использовании же мотива *обороны*, поэт обращается к риторике поэзии Отечественной войны, почему и возникает комическая невнятица: «сыны Севера» защищают «родной край», наступая на Константинополь. В поле этого ненамеренного оксюморона будет находиться почти вся поэзия 1853 – начала 1854 годов, пока после бомбардировки Одессы война не приобретет действительное оборонительное значение.

В рассматриваемом тексте вновь возникает мотив *орла*, однако если у Ростопчиной он был соотнесен, скорее, с мотивами *православия* и *русского народа*, то здесь наполнен государственным смыслом, представлен в варианте геральдического «двоеглавого орла».

С задачей соотнесения наступательного и оборонительного значений русско–турецкого противостояния лучше справляется Ф. Ф. Смуров в стихотворении «Песнь к походу» (264–265). Автор заимствует центральную государственную идею – защиты православия – и доводит ее до логического заключения: оборона «святости веры» требует от русских войск (вооруженных «мечом православия») полномасштабного крестового похода, целью которого, как всякого крестового похода, становится взятие Иерусалима:

Главы гордых посечем

Православия мечом;
Защитим страну святую –
Ниву Господа родную!
Где Спаситель наш рожден,
Где невинно осужден!

Как видно из рассмотренных стихотворений, поэзия восприняла июньский манифест как сообщение о начале войны православия против мусульманской Турции, целью которой видела долгожданное освобождение не только древней столицы Византийской империи, но и колыбели христианства – Иерусалима.

20 октября 1853 г. выходит манифест «О войне с Оттоманской Портой». В нем начинающаяся война объясняется так же, как и причины движения русских войск в Придунайские княжества – неисполнением Турцией «справедливых требований» России. В тексте упоминается нота, предложенная европейскими государствами для решения русско–турецкого конфликта, целью которой было «поколебать закоснелое упорство Турецкого Правительства». Однако на «миролюбивые условия Европы» и долготерпение русского императора турки ответили войной, в которой на их стороне участвуют «мятежники всех стран». В документе звучит оборонительный пафос, который станет одной из идеологических доминант эпохи Крымской войны («Россия вызвана на брань»). В будущей борьбе русский царь уповает на Бога и силу русского оружия, а смысл войны для России заключается в «защите на Востоке Православной Веры», которую исповедует русский народ. Защищается же Российская империя не от сил иного суверенного и легитимного государства, а, как в пору Русско-польской войны 1830–1831 гг., от *мятежников*. Кончается текст обращением ко Всевышнему, чтобы тот благословил оружие, поднятое «за святое дело».

Война в октябрьском манифесте риторически оформлена как война религиозная, в которой на стороне русских оказывается *Бог*. Россия сражается за православную веру, свершая таким образом *святое дело* – концепт, который с 1848 – 1849 гг. находится в идеологическом арсенале

Николая I. Несмотря на то, что *святое дело* могло ассоциироваться и с наступательными действиями (именно в такой форме возникнув), более тесно *оно* соположено с идеей оборонительной, вынужденной войны, – какой риторически и становится война нынешняя. Защищаясь, Россия выступает против нарушителей древнего спокойствия, геополитических *мятежников*, грозящих уничтожить истинную веру. Особенно примечательна в документе функция европейских государств – они выступают на стороне России против «закоснелого упорства» турок. Царь отказывается видеть очевидное: в нынешней ситуации Европа более дружественна Турции, чем Российской империи.

Русско–турецкая война октября 1853 – апреля 1854 гг. велась на Дунае, в Закавказье и на Черном море. В середине – конце октября произошли первые сражения на кавказской русско–турецкой границе и на Дунае, а с начала ноября начались морские сражения в Черном море. 18 / 30 ноября 1853 г. русская эскадра под командованием вице–адмирала П. С. Нахимова одержала победу в Синопском сражении, разгромив турецкий флот и взяв в плен адмирала Осман–пашу. Поражение турецкого флота вызвало особое беспокойство Англии и Франции, по сути, инициировав подготовку к активному военному противостоянию с Россией: Наполеон III призвал британскую королеву ввести союзный флот в Черное море. Возмущены были не только власть предержащие, но и общество обеих стран: во французской и английской печати вышли статьи о «резне в Синопе». Жители европейских государств были раздражены и тем, что русская эскадра разгромила турецкую вблизи находящихся в Босфоре британских и французских кораблей[486].

14 / 26 ноября семитысячный отряд графа И. М. Андроникова под Ахалцыхом разбил более чем вдвое численно преобладающе турецкое войско, насчитывающее до 18 тыс. человек, а 19 ноября / 1 декабря 1853 г. Кавказский корпус генерал–лейтенанта В. О. Бебутова под Башкадылкаром

[486] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 395.

разгромил турецкую Анатолийскую армию. В воспоминаниях Д. А. Милютина описана реакция обеих столиц на известия об осенних военных успехах: в Петербурге, по его словам, победы вызвали «самое успокоительное впечатление» и «как бы фактически оправдали наше пренебрежение к турецким военным силам», в Москве же крепла уверенность в «несомненности успеха нашего оружия»[487]. Вести о русских победах с опасением восприняли только некоторые либералы. Так, Б. Н. Чичерин довольно рано осознал, что именно Синопская победа вынудила англо–французскую эскадру войти в Черное море[488].

Поэзия отреагировала на манифест о войне в исключительно мажорной тональности. В «Экспромте (при чтении манифеста о войне с Турциею, 20–го октября 1853 года)» А. Л. Неваховича, опубликованном 25 ноября 1853 г.[489], звучит уверенность в силе русского войска, ополченного по зову *царя* и находящегося под «знаменем креста». Венчается данный текст идеологически верным восклицанием: «российский Бог велик!» Примечательно стихотворение П. Ф. Алексеева «Манифест о войне с Турцией» (48), написанное в октябре 1853 г.[490] В нем «Царь, двинув рать» начал войну, итогом которой станет занятие Палестины. Турки («гордый сарацин») испугаются вдохновенного *Богом* Николая и «двуглавых орлов» (под которыми автор, видимо, разумеет русских солдат). Особенно важны финальные стихи произведения:

Ура! сольется в клик один!

Победный клик – в боях он страшен;
Как вихрь, метет прах дольний с мест,
Сорвет луну он с гордых башен
И водрузит на храмах крест!..

---

[487] Цит. по: *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 32.
[488] *Чичерин Б. Н.* Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1906. С. 140.
[489] Северная пчела. 1853. 25 ноября.
[490] Здесь и далее (если не указано иное) датировка приводится по указанной в: *Ратников К. В.* Крымская война и русская поэзия: Антология патриотических стихотворений 1853–1856 гг. Челябинск. 2011.

Русский военный клич становится в тексте персонификацией храбрости православного русского войска. В поэзии Крымской войны «*ура»* станет одним из общих мест, будет возникать едва ли не в каждом втором стихотворении.

История этого боевого возгласа и его использования в поэзии довольно интересна. Древнее славянское слово стало признанным военным кличем только к концу XVIII в. Инструкцией «Как вести себя в сражении солдатам и в особенности офицерам» 1706 г. в атаку предписывалось идти молча, а за крик на поле боя солдата или драгуна должны были «заколоть до смерти» свои же[491]. При Елизавете Петровне «ура» стало использоваться в армии как военное приветствие, соседствуя с принятым «виватом». В записи о сражении при Гросс–Егерсдорфе 19 августа 1757 г. в «Журнале военных действий армии С. Ф. Апраксина» читаем: «Но прежде нежели лагерь назначить успели, его высокопревосходительство генерал–фельдмаршал всю во фрунте стоящую армию объездил и войско, похваляя храбрость оного, [с]толь знатною от бога дарованною победою поздравлял, при чем следующее от всей армии троекратное учинено восклицание: “виват ее императорскому величеству, нашей природной государыне и премилосердной матушке Елисавет Петровне на множество лет ура, ура, ура”»[492]. Вероятно, один из первых случаев использования «ура» в качестве настоящего боевого возгласа отображен в «Журнале генерал–фельдмаршала князя А. А. Прозоровского 1769–1776 гг.». Описывая сражение с турками под Алуштой, произошедшее в июле 1774 г., Прозоровский записывает следующее: «И по выходе из самого того последнего рва приказал я гренадерам оставлять ружейную пальбу, поелику продолжение оной причинило б больше урону нам, нежели неприятелю, в рассуждении сидения его за каменной линией, и что из той батареи, против которой стоял Тамбовский полк и в которой батальон бросились турки в то место, куда я

[491] *Арзамаскин Ю. Н., Мартынов В. Ф.* Морально–психологический фактор в русской армии эпохи Петра Великого // Вестник военного университета. 2012. № 1 (29). С. 158.
[492] Из «Журнала военных действий армии С. Ф. Апраксина» о сражении при Гросс-Егерсдорфе // Семилетняя война. М., 1948. С. 184-188.

приблизился. Вместо ж стрельбы из ружей велел им приударить его в штыки. Они сие исполнили с поспешностью, закричав все вдруг "ура"»[493].

О том, что к началу XIX века «ура» утвердилось в качестве боевого клича, свидетельствует поэзия. Одним из первых поэтов, использовавших «ура» в этой функции, был Д. В. Давыдов: «Ну–тка, кивер набекрень, / И — ура! Счастливый день!» («Бурцову» 1804)[494], примерно тогда же было написано «Послание к Хлое: Подражание» Батюшкова, в котором тоже встречается «ура» и вновь как военный возглас:

Тут вспыхнет, как огонь, затопает ногами.
Пойдет по комнате широкими шагами;
Вообразит себе, что неприятель тут,
Что режут, что палят, кричат «ура!» и жгут[495]

«Ура», естественно, присутствовало в поэтических текстах времен Отечественной войны и Заграничного похода, однако сравнительно нечасто, а в функции клича – и вовсе редко[496]: например, в «Солдатской песне» Н. И. Ильина[497] («Закричим: ура! И пойдем вперед; / На штыках пройдем силы вражие; / Перебьем мы их, переколем всех; / Кто пяток убьет, кто десяточек…») или в «Надписи на поле Бородинском» Н. Д. Иванчина–Писарева[498] («Ура, воскликнул росс, ударил, загремел!.. / Тогда на месте сем и русских много пало»).

Оставшись в поэзии пер. пол. XIX века, «ура» никогда не было обязательным элементом батального стихотворения, каким стало во время Крымской войны. В поэтических произведениях 1853 – 1856 гг. оно оказалось универсальным способом выражения патриотического чувства, пополнило арсенал готовых образов, к которому обращалось подавляющее большинство поэтов данной эпохи. Важнейшую роль в его распространении

---

[493] Записки генерал–фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004. С. 597–598.
[494] *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1984. С. 58.
[495] *Батюшков К. Н.* Сочинения. М.; Л. 1934. С. 194.
[496] Заметно чаще он возникает в варианте приветственного возгласа. См., например, в «Певце во стане русских воинов» Жуковского: «Могущий вождь главу склонил ... / Ура — кричат дружины». (Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015. С. 50)
[497] Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. С. 168–169.
[498] Там же. 114–115.

в поэзии сыграло крайне популярное стихотворение Ф. Н. Глинки, так и названное автором «Ура!» (127–128).

В данном произведении Глинка явно отталкивается от мотивной структуры поэзии 1812 – 1814 гг., представленной тремя основными мотивами: *народа, Бога и царя*. Акциональным центром текста становится *русский народ*, характеризуемый как *мужественный* («И русский там возьмет отвагой / Где не придется взять числом») и *приверженный Христу* («Вы [англичане и французы – К.Х.] к туркам поступились в службу / И отступились христиан!!!»). Вдохновляет на победы русских «Российский Бог», а сражаются они за «страну, и честь, и царский трон». *Русский народ* в стихотворении отождествляется с государством, «русским царством», которое «с Христом и за Христа». Также в произведении звучит мотив *истории побед* – как против турок («Каков был пламень горизонта, / Когда горело под *Чесмой*»), так и против Европы – в 1812 году:

Но год *двенадцатый* не сказки,
И *Запад* видел не во сне,
Как двадцати народов каски
Валялись на Бородине.

Важен в тексте и мотив *прощения* Европы, возникший в русской поэзии в 1814 г. после взятия Парижа и отказа Александра I от мщения французам:

И видел, что за *наши грады*
И за Москву – наш царь не мстил
И *белым знаменем* пощады
Столицу Франции покрыл.

Скрепляющим описание триумфа русских в 1814 г. и рассказ о нынешней геополитической ситуации становится мотив *предательства*, причем двойного: как русских союзников, так и христианства:

Но что ж? – За хлеб–соль, нашу дружбу, –
Предав наш *символ* за *Коран*,
Вы к туркам поступили в службу
И отступились христиан!!!..

В стихотворении, написанном 3 ноября 1853 г. и опубликованном 4 января 1854 г., вскоре после входа объединенной англо–французской

эскадры в Черное море, Глинка предсказывает будущее противостояние России с Англией и Францией и задает тон для стихотворений 1854 г. – война одинокой, но издревле могучей России против европейских предателей и извечных врагов турок, – создавая сильный образ трехгранного штыка (единственный истинно авторский в данном тексте), которым русские солдаты будут разить трех противников одновременно: «Ура!.. на *трех* ударим разом, / Не даром же *трехгранный* штык!»

Симптоматично, что «Ура!» Глинки – произведение достаточно вторичное, выстроенное на мотивной структуре стихотворений 1812 – 1814 гг., к которой были добавлены образы, традиционные для поэзии русско–турецких войн, и несколько остроумных авторских решений («трехгранный штык» и, вероятно, само «ура»), – стало одним из популярнейших стихотворений Крымской войны, сформировало мотивный ряд военной поэзии 1853 – 1856 гг.[499], породило множество стихотворных ответов и посвящений[500]. Эта вторичность или, как мы будем говорить в работе далее, симуляционность поэзии Крымской войны – одна из характерных ее черт. За три с половиной года большой европейской войны, сражения которой происходили и на территории Российской империи, не возникло ни одного по–настоящему значительного военного стихотворения. Глинковское «Ура!» останется одним из самых заметных поэтических произведений эпохи.

Поэзия осени – зимы 1853 и начала 1854 гг. по преимуществу продолжит использовать те же мотивы, которые эксплуатировались в стихотворениях, посвященных началу русско–турецкой войны. В текстах будет звучать *защитная риторика*, повторяться мотив *орлов*, использоваться образ *креста* и *крестоносцев*, особо субъектными будут мотивы *Бога* и *царя*, значимой *история побед*, возникнет «*ура»*.

---

[499] *Шаповалова Н. В*. Крымская война в художественном творчестве ветеранов 1812 года (по произведениям П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки) // Человек и культура. 2018. № 2. С. 15.

[500] См., например, стихотворение О. Шатковского «Автору стихов «Ура!» от учеников Паневежского Дворянского училища» (246) или послание В. Г. Бенедиктова «Ф. Н. Глинке» (246–248).

В стихотворении И. Н. Николаевича «Синопское сражение» (281–283) соединяются мотивы *истории побед* и *орлов*: «орел двуглавый» здесь парит в «мощной, величавой» деснице «великой из цариц» Екатерины II, а битва в Синопской бухте уподобляется Чесменскому сражению:

Воскресла прежняя Чесма!
Ликуй, Россия! к новой славе
Тебя судьба твоя зовет…

В тексте возникает клич «*ура*», но в приветственной функции, соединяясь с мотивами *Бога*, *царя* и *истории*:

И гимны Вечному воспеты!
Так, Бога все благодаря,
«Ура! за веру, за царя!» –
Гласят чесменские потомки.

Значительно чаще «*ура*» в текстах 1853 г. используется как боевой клич: например, в «Солдатской песни» неизвестного автора (298–299) («Наши бросились с штыками, / Гаркнули «ура!») и стихотворении «Русские на Арпачае» П. Чижова (300–301) («…и с русским заветным ура / Пехота пошла, ей гора не гора»).

В «К Турции» В. Радуловича (51) звучит мотив *обороны*: «Зачем же, басурманы, вновь / Зовете вы на пир кровавый / России доблестных сынов», – а история противостояния России и Турции представлена в форме геральдического сражения двуглавого орла с луной:

Иль вам напомнить дни той славы,
Когда Румянцов вас громил
И быстрый наш орел двуглавый
Луны сияние затмил?
Иль клик победы при Кагуле,
Как гром, всю Порту потрясал...

Интересно стихотворение Ф. Ф. Смурова «К России 1853 года» (147–148), написанное в конце 1853 – начале 1854 г. В нем Россия, что «святым крещеньем просвещенна», окружена уподобленными аспидам врагами, которые издавна «пылают злобой» на «кротко стадо христиан <…> благословенных россиян». Русские воины, представляющие в тексте русский народ, служат *царю* и уповают на *Бога:*

О воин русский, веселись,
Слуга монарха Николая!
С верой Богу молись,
В Нем победы уповая;

Другое поэтическое произведение, «Война за веру» И. С. Никитина (24), начинается с описания восстания Востока на Россию, причем кажется, что автор прямо заимствует из императорского манифеста мотив *мятежников*:

Как волны грозные, встают сыны Востока,
Народный фанатизм муллами подожжен,
Толпы мятежников под знамена пророка,
С надеждой грабежа, сошлись со всех сторон.

«Миролюбивая Русь» готова за «древние права», «честь Руси державной» и «свободу христиан» сразиться с вызывающими ее на брань. Более того, в тексте возникает мотив *Святой Руси*, как и в николаевских манифестах являющейся перефразом русского народа: «Вперед, святая Русь! Тебя зовет на брань / Народа твоего поруганная вера!».

Святая Русь – в том же значении – возникает и в иных текстах. В акростихе П. П. Татаринова «Бебутову» (422) *она* готова мстить врагам и умереть за «славу Николая», а в другом акростихе того же автора – «Герою Нахимову» (там же) – «Святая Россия» дала отпор туркам в Синопском сражении, однако слава за эту победу принадлежит царю: «Все турки узнали грозу – Николая. / Ура же за веру, монарха–царя!»

Вторичность нынешней военной поэзии подчеркивается ее демонстративной цитатностью и обращенностью к прошлой, образцовой поэтической традиции. Эта тенденция особенно разовьется в стихотворениях 1854 – 1855 г., когда, по наблюдению современного исследователя[501], поэты сделают пушкинские военно–патриотические тексты времен Польского восстания («Перед гробницею святой...», «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина») идеальной опорой для собственных поэтических

[501] *Ратников К. В.* Поэтика политики: Инвективные мотивы русской стихотворной публицистики в годы Крымской войны (1853–1856) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 2. С. 78–87

размышлений. Однако появляться произведения, откровенно ссылающиеся на авторов конца XVIII – пер. пол. XIX вв., начинают уже в конце 1853 г.

В стихотворении «Памяти Державина: При получении известия о победах при Синопе и Ахалцыхе» А. Н. Майкова (284–286) Державин изображен как певец русских побед против турок, подобным которым становятся нынешние триумфы России. Лирический герой видит в Державине автора, что «…возвещал России юной / Все, чем велик здесь человек», дал русским поэтическое слово для восхваления побед и «огласил» этим словом «трудов и славы первый век» России.

В тексте звучит идея тождественности современного русского народа и «исполинов» прошлого, у народа: «…жива еще в России / О христианской Византии / Великодушная мечта». Греческий проект Екатерины II, уподобленный нынешней попытке экспансии Российской Империи на Восток, становится в тексте одним из сокровеннейших мечтаний русского народа, а размолвку России и Европы лирический герой называет «долгожданной», потому что она свидетельствует о развитии народного самосознания:

Пора! Завеса разорвалась!
В нас сердце русское сказалось!
Мы прозреваем наконец
В самосознании народном –
Нам не в Париже сумасбродном,
Не в дряхлой Вене образец.
В Европе слишком много кровью
Сама земля напоена;
Враждой упорной, не любовью
Взрастила чад своих она…

Особый путь *русского народа* Майков видит в его безропотном следовании царю: «А мы за нашими царями, / Душою веруя Петру, / Как за искусными вождями / Пошли к величью и добру <…> С ее царем дороги розной / России ввек не может быть». Вера своим монархам оказывается для автора определяющей чертой «народного духа», который не позволяет русским восприять европейский «дух отрицанья, дух сомненья». Данной

цитатой, взятой Майковым из «Ангела» (1827), апелляция к наследию Пушкина не исчерпывается: в стихотворении присутствует несколько перифраз пушкинских строк (например, «Восстань же днесь и виждь – как снова»). Так стихотворение, посвященное Державину, отталкивается не от его текстов, а от поэзии Пушкина.

«Пушкинской» строкой начинается еще одно произведение – «Ей и им» неизвестного автора (146–147): «Шумят, волнуются и злобствуют витии». Основным предметом поэтического изображения здесь становится Николай I, который не обращает внимания на слова «кичливых, мятежных народов»[502] и крепко стоит, могучий не только мечом, но и «православием – оружьем славянина». Иное обращение к патриотической поэтической традиции встречается в стихотворении «14 и 18 ноября» С. П. Шевырева (286–287), в котором лирическое «Я» обращается к Жуковскому и Пушкину, не надеясь получить от них ответ и прямо формулируя центральную проблему нынешней русской поэзии – отсутствие современных военных стихотворений высокого уровня:

Пушкин! встань, проснись из гробу!
Где твой голос и язык?
Поражай врагов и злобу,
Зачинай победный клик!
Но ты спишь; умолк Жуковский!
Мир наш нем, как стихший гром,
Будто колокол кремлевский
С отлетевшим языком.

Обращение к поэтической традиции времен войн первой половины XIX века подчеркивается еще одной особенностью стихотворений 1853 – 1856 гг. – воскрешением, казалось бы, забытого жанра солдатской военной песни. Уже в самом начале войны, кроме псевдонародных литературных подражаний (таких как, например, «Солдатская походная песня» П. П. Татаринова, в которой «ребятушки–солдаты» с божьей помощью

[502] Данная фраза, прочитываемая в заданной текстом ориентации на пушкинскую лирику, отсылает к, вероятно, неожиданной для автора рассматриваемого произведения строке Пушкина «Паситесь мирные народы!» из стихотворения «Свободы сеятель пустынный» (1823).

пойдут на брань «за Россию, царя» против «супостатов»), возникают тексты, написанные простыми участниками войны – солдатами и нижними офицерскими чинами. Данные тексты характеризуются меньшей идеологизированностью и редкой для поэзии Крымской войны искренностью.

В *** («Целый месяц с штаб–квартиры…») автора, подписавшегося как унтер–офицер Кобеков (299–300), описывается сражение под Башкадылкаром. В нем отсутствуют общераспространенные мотивы – поэт занят рассказом о бое, в котором принимал непосредственное участие:

Наших девять тысяч было;
Турок в пять раз больше сила
Вышла против нас,
Приготовивши канаты,
Чтоб вязать нас, как пернатых,
И вести всех в Карс.
Вот сраженье началося,
Нам под ядрами пришлося
Два часа стоять.
Но начальник наш любимый
В строй нас ставит невредимый:
Ядра вдаль летят!

Мотив *Бога* встречается в стихотворении лишь однажды, причем он – не в пример остальной поэзии – композиционно оправдан:

Мы же все перекрестились
Да вдогонку им пустились,
С нами был Господь!

Таким же естественным становится мотив *храбрости* русских воинов: «Мы опять готовы биться, / А геройству не учиться / На Руси у нас!»

Замечательна другая солдатская песня – «Разбитие турецких пикетов донскими казаками в ночь с 18–го на 19–е ноября 1853 года (Истинное происшествие)», написанная, как следует из редакционного примечания, «молодым казаком Черноярoвым, не получившим почти никакого образования»[503]. Данный текст выделяется детальностью в описании военных

[503] Русский инвалид. 1854. 13 мая.

реалий, особой искренностью изложения и нарративным талантом автора. Кроме мотива *Бога* и клича «*ура*», возникающих в тексте ненатужно и по одному разу, стихотворение лишено общих мест современной поэзии.

Песня выстроена как диалог станичников и кумовьев Данилыча и Гаврилыча, в центре которого располагается рассказ о диверсантской вылазке небольшого казачьего отряда ночью перед битвой под Башкадылкаром. Уже в самом начале текста обращает на себя внимание тщательность в описании реалий:

«Я живу, брат, не тужу,
Я в Валахии служу;
У *Валуева* в полку
Быть припало старику;
Ты же служишь где, Гаврилыч?» –
Вопросил его Данилыч.
«Аль не видишь по погоне
Номер первый в синем поле?
Я *Сазонова* полка,
Наших видно сдалека.
Нашего полка казаки
Все лихие забияки.
Наш поставлен храбрый полк
В Бессарабский уголок;
Мы в цепи понад Дунаем
Все кордоны занимаем,
С устьев *Прута* до *Чатала*…

Мотивирующими на военные подвиги здесь становятся не царская честь или православие, а желание славы, возможность «кое–чем поживиться» и показать удаль:

Захотелось отличиться
И кое–чем поживиться

<…>

Мы решилися идти,
Славу новую найти,
Бусурманов наказать,
Дедов удаль показать.

Очень подробно описана сшибка русских с турецким отрядом:

Двадцать два ребят лихих

И отважных молодых,
С наших сотен собрались,
С турком резаться взялись.
Лодка там была готова
Из кордона *сто шестого*,
<…>
Вот счастливый был приезд!
Тут турецкий был разъезд:
Всех там было *тридцать пять*;
Есть с кем было погулять!
В два кружка они сидели,
Над огнем чего–то грели.
Наши громко загичали,
Их на пики посажали.
Турки сильно тут смутились,
После вдруг остервенились.
Тут пошла у них возня
И жестокая резня.
Вот потеха–то была
Аж час, брат, полтора!
Наши славно тут гуляли,
Битых турок в ров валяли,
Били, резали, рубили,
Туркам хари колотили.

Заканчивается текст описанием царской награды казакам: всем выдали по три рубля, некоторым нашили галуны, а двое получили солдатские Георгиевские кресты.

Народные солдатские песни по духу противостоят «гудковой»[504], публицистической поэзии Крымской войны, лишенной какой–либо жизни и эксплуатирующей одни и те же темы и мотивы.

Образцом такой поэзии становятся стихотворения П. А. Вяземского, одного из самых плодовитых поэтов Крымской войны. В «*** (Нахимов, Бебутов, победы близнецы!)» (283–284) в нынешних русских военачальниках ожили герои прошлого («Румянцев и Орлов»), творцы великих побед: «Вы отклики громов, гремевших пред Кагулом, / И с Чесмы грянувших грозою над Стамбулом», которым – в следующей строфе уже «крестным сыновьям

[504] См. послание М. А. Дмитриева «С. Т. Аксакову» (1855): «Поет войну и нас не лира, / Какой–то с присказкой гудок» (257–258). Далее в работе мысль о «гудковой» природе поэзии Крымской войны будет развита.

Полтавы и Петра» – народ кричит «спасибо и ура!». Русские следуют за своим *царем*, который преклоняется перед *Богом*:

И за царем своим Россия, на колени
Смиренно павшая пред Тем, Кто брань решит,
За славный подвиг ваш Его благодарит.

Когда же русский царь приказывает своему народу восстать, то «Святая Русь» сливается в «святую рать», а «двоеглавый орел» готов победить османскую луну, за которую волнуется Европа – «газетные мудрецы». Кончается текст воспоминанием лирического героя о 1812–м годе: «И горе гордецам, которых пыл безумный / Накликает себе 12–й наш год!»

В стихотворении «К ружью» (228–229), давшем название авторскому сборнику 1854 г., Россия, направляемая Богом, сумеет оборониться от «ничтожного гнева» врагов. На самых обширных территориях: «Со льдов Двины до берегов Дуная, / С Алтайских гор за рубежи Днепра» – по гласу царя Николая грянет клик: «Ребята, в строй! к ружью, ура!»

Осознав тренд на солдатские песни, в конце 1853 – в начале 1854 гг. Вяземский пишет цикл «Дунайские песни», в котором создает ряд псевдофольклорных стилизаций. Здесь встречаются не только перепевы идеологически верных общих мест (как в стихотворении «Всем давно знаком твой край…»), но и чуть более тонко выделанные произведения. Так, в «*** (Там, за матушкой–Москвой…)» (229–230) лирический герой стихотворения – русский солдат – вспоминает свою возлюбленную и обращается к ней с просьбой:

Не крушися: не слези
Ты румяного лица.
Не губи красы своей,
Не губи ты светлы очи,
Береги ты для меня,
Береги свою красу
Ты для свадебного дня.
Не горюй до поздней ночи!

Он обещает вернуться домой и принести «добычу» – подвенечную свечу и цареградскую парчу.

Ночью с 3 на 4 января 1854 г. англо-французская эскадра вошла в Черное море, после чего русское командование лишилось не только довольно иллюзорных перспектив взятия проливов, но фактически и возможности каких-либо действий на морском театре войны. В середине января Англия, Франция, Австрия и Пруссия разработали новый документ, который мог бы позволить завершить русско-турецкую войну, а вскоре его приняла и Порта. Основные положения ноты были следующими: во-первых, вывод русских войск с территории Дунайских княжеств; во-вторых, восстановление былых положений русско-турецких договоров; в-третьих, сохранение привилегий христианских подданных Османской империи; в-четвертых, принятие требований России относительно храма Господня[505]. Эти пункты частично были повторены Наполеоном III в письме Николаю I от 17 / 29 января 1854 г[506]. В ответном письме от 28 января / 9 февраля[507] русский император указывает на то, что Англия и Франция в русско-турецкой войне находятся не на нейтральной стороне, а довольно очевидно поддерживают Османскую империю: «…покровительствуя снабжению припасами турецких войск на собственной земле, обе державы решились препятствовать нашему плаванию по Черному морю, т.е., вероятно, снабжению припасами собственных наших берегов» – и отказывается принять предложения европейских государств: «…дозволено ли Мне <…> помыслить на одно мгновение о Ваших предложениях перемирия, о немедленном оставлении княжеств и о вступлении в переговоры с Портою для заключения конвенции <…> Сами Вы, Государь, если бы Вы были на Моем месте, неужели согласились бы принять такое предложение? Могло ли бы чувство народной чести Вам то позволить? Смело отвечаю: нет!» Этот отказ Николай мотивирует не только

---

[505] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 396-398.
[506] *Зайончковский А. М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. С. 516-517.
[507] Там же. С. 521.

«народной честью», но и силой России, которая заключается в близости к Богу, чувством правоты в нынешней войне и ее неизменности со времен Отечественной войны: «Я не отступлю ни пред какой угрозой. Доверяю Богу, Моему праву, и Россия, ручаюсь в том, явится в 1854 году такою же, как было в 1812». Апелляцией к временам русско-французского противостояния начала XIX в. Николай открыто предупреждает французского императора об опасности начала военных действий против Российской империи.

21 января / 2 февраля 1854 г. Россия отказалась подписывать условия европейской ноты о русско-турецком примирении, однако Николай предложил турецкому султану прямые переговоры. 3 / 15 февраля Англия и Франция представили Российской империи ультиматум об эвакуации русских войск с берегов Дуная, но на него не было отвечено. Следствием этого стал разрыв дипломатических отношений[508].

9 / 21 февраля был опубликован манифест «О прекращении политических отношений с Англией и Францией»[509], в тексте которого продолжает звучать мотив *миролюбия* России, которая желает «прекращения кровопролития», вызванного заблуждениями турецкого правительства, «порожденными коварными наущениями». Союзные европейские государства поощряют Порту, более того, они ввели в Черное море свои суда, «провозгласив намерение защищать турок и препятствовать Нашим военным судам в свободном плавании для обороны берегов Наших». Ныне против России, «сражающейся за Православие», рядом с турками («врагами Христианства») становятся эти европейские страны, однако Россия «не изменит Святому своему призванию», русские – тот же самый народ, который сражался в 1812-м году, и Всевышний покажет это на деле, потому что войска Николая борются за угнетенных православных братьев. Кончается документ цитатой из молитвы «Честному Кресту»: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его!»

---

[508] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 400.
[509] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1855. Т. 29. 1854. № 27916. С. 176-177.

В манифесте вновь возникает мотив *Святого дела / призвания*, которым объясняется смысл участия России в становящейся постепенно неравной большой войне, причинами которой, по сути, теперь становятся *заблуждения* турок и *злокозненность* европейских стран, исподволь воздействующих на Порту. Особенно интересно, как данный публичный государственный текст вторит упомянутому выше письму русского императора французскому – переписке между монархами. Важнейшей общей идеей письма и манифеста становится прямое обращение к 1812 г., которое не возникало в манифестах второй половины 1840-х – первой половины 1850-х гг.

Февральский манифест был единодушно одобрен в столичных салонах, высший свет был готов к скорейшей войне против объединенных турецко-англо-французских войск и не сомневался в самой скорой победе России. Эту убежденность не разделяли только редкие военные, хорошо осведомленные о действительном положении вещей в русской армии – например, Д. А. Милютин и П. Х. Граббе. Уверенность в скором благоприятном исходе войны транслировалась через проправительственные газеты и журналы[510].

В либеральных кругах самую выраженную позицию по поводу начинающегося европейского противостояния занимали славянофилы, почти все без исключения считавшие, что Россия ведет верную освободительную войну. Больш*а*я их часть – Аксаковы, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин и князь В. А. Черкасский – были убеждены в силе российских армии и флота и предрекали скорый успех Российской империи. Однако некоторые (И. В. Киреевский, А. С. Хомяков) считали возможным поражение России по причине ее внутреннего неустройства[511]. Манифест о разрыве дипломатических отношений с Англией и Францией расстроил славянофилов – они ожидали, что в документе император объявит о начале наступательной

[510] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 34-36.
[511] Там же. С. 79-80.

войны за освобождение славян, не были готовы к оборонительному пафосу, звучащему в тексте[512].

Восторг по поводу начинающегося европейского противостояния звучал не только в салонах, но и в поэзии – причем еще до выхода февральского манифеста. Уже в январе 1854 г. возникают тексты, в которых центральным становится мотив *1812 г.* Стихотворение «Современные заметки» Вяземского (128-130), отсылающее к сатирической «Современной песни» Давыдова (1836), начинается данным мотивом:

Отдохнув от непогод,
Забывается Европа:
Ей 12-й наш год –
Как преданье до потопа.

Россия в стихотворении представлена в традиционном образе «орлиного гнезда», в которое заказан путь как «французу из Бордо», так и «заносчивому лорду», а Отечественная война достаточно нетривиально описана метафорой *русской бани*, устроенной европейским гостям «по старым образцам». В поле этого авторского сравнения *трехгранный штык* из стихотворения «Ура!» Глинки становится «трехгранной кочергой»:

Как подкладывали в печь,
Чем богаты, тем и рады, –
Дров ли мало, так картечь
И различные заряды;

Как трехгранной кочергой
Чисто тульского изделья
Жар сгребали на убой
Им на баню новоселья.

[512] См. письмо С. Т. Аксакова его сыну Ивану от 27 февраля 1854 г.: «Наконец, напечатан манифест об войне. Но не такого манифеста мы желали и надеялись; не оборонительной войны мы желаем; да и можно ли вести оборонительную войну на своих границах за страждущих братий? Ведь страждущие братья за границей и потому будут душить их сколько угодно. Всю надежду надобно возложить на бога, волею которого движутся исторические события. Может быть, нужно временное унижение для того, чтобы с большим блеском явилось наше торжество. Что пишут об нас за границей, того нельзя выносить никакому человеческому терпению. Поневоле начинаешь чувствовать ненависть ко всем иностранцам, особенно к англичанам, но хорош и Наполеон!» – цит. по: *Тарле Е. В.* Крымская война: В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. С. 364.

Кончается произведение предостережением «маленького капрала» Наполеона Бонапарта его «бледной тени» Наполеону III о силе и стойкости русских, которые смогли дважды навестить Париж.

Н. Г. Тройницкий в стихотворении «Святые жертвы» (148-149) уподобляет нынешних русских воинов, сражающихся у Дуная против «поганых» турок, героям прошлого, причем не только 1812 («… в двенадцатом году / Не мы ль отвеяли беду / И от себя, и от других, / Ценой таких же жертв святых?»), но и 1612 года:

И ныне ль только? Были годы,
Когда безумные народы

В дни междуцарствия мутили
И православию грозили.

Но миром встали мы, и смело
Святое отстояли дело:

Чтоб не сиротствовало царство,
Чтоб Русью ж было государство.

Обратим внимание на возникший в николаевских манифестах мотив *Святого дела*, понятый автором стихотворения в сугубо государственном смысле: *Святое дело*, которое совершили русские во времена смуты, – восстановление надлежащей монархической формы правления, без которой *Русь* не может быть собой.

Вообще, авторы стихотворений 1854 г. предпочитают слово *Русь* иным топонимам, что явно вторит консервативному проекту Николая I и его концепту *Святой Руси*. Мотив *Руси* притягивает к себе еще один важный для поэзии 1854–1855 гг. мотив – *богатырства*, которое часто связывается с образом *царя*. Соположение *Руси, богатырей* и *царя* транслировалось не столько через государственное красноречие, сколько через публичное поведение Николая I. Высокий и атлетически сложенный император любил казаться грозным и несокрушимым, что отразилось на многочисленных портретах. В лубках царь часто представал в образе, близком к былинному

богатырю[513]. Сравнение Николая с богатырем быстро приобрело характер риторического штампа[514].

Николай окружил себя только высокими и стройными, походящими на него, солдатами Преображенского полка, лучшие из которых служили в «роте его величества», охранявшей Зимний дворец. Они представляли собой образец мужественности и уподоблялись богатырям. Окружавшие монарха офицеры тоже должны были быть внешне на него похожими, а те, кто лучше всего повторял облик и поведение царя, становились частью царской свиты, которая при Николае выросла в три раза: если при Александре I в нее входили 176 адъютантов, то при Николае – 540. Из рядов императорских адъютантов вышли видные генералы и министры[515].

Стихотворение князя Н. А. Цертелева «Русскому победоносному воинству» (115-116), написанное 2 января 1854 г. и изданное 14 февраля, начинается призывом к «богатырям богоспасаемой России» отправиться на юг, чтобы «Восстановить святые алтари / И царство древней Византии» (четверостишие, содержащее данные строки, будет повторено в середине и конце произведения). В тексте воспоминаются былые триумфы русского оружия (Чесменское и Кагульское сражения, а также осада Варны), в числе которых становится и *1812 год*, уже традиционно связываемый с глинковским *трехгранным штыком*:

Спасли Европу вы, спасая Русь родную,
В прах стерли двадесять язык,
И раздробится всё о вашу грудь стальную.
Неотразим трехгранный штык!

Автор жонглирует общими местами поэзии Крымской войны, в частности, соединяя в одной фразе «*ура*» с мотивом *орлов*: «Орлом взлетите на вершины, / И грянет грозное ура!» Отталкиваясь от распространенной в

[513] См. некоторые из народных картин в: Столетие военного министерства. 1802-1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование Императора Николая I. Кн. 1. СПб., 1908. С. 250, 251, 264.
[514] *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. С. 411.
[515] См. подробнее: *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 1. 405-409, 412.

николаевских манифестах фразы «С нами Бог», Цертелев предсказывает *Руси*, идущей с *крестом* и *мечом*, освобождение гроба Господня.

Богатырями становятся не только русские или царь, но и военачальники. В стихотворении М. А. Стаховича «18 ноября: Песнь бывших студентов Московского университета в честь г. адмирала Павла Степановича Нахимова» (423) русский флотоводец называется «богатырем и молодцом».

В начале 1854 г. продолжает увеличиваться количество текстов, в которых *«ура»* играет важную, а иногда и центральную, композиционную роль. В январе князь Д. И. Долгорукий пишет стихотворение «Ура»[516]. Военный клич в тексте скрепляет прошлое и настоящее русского народа («”Ура!” – кричали наши деды; / ”Ура!” пришлось кричать и нам») и оказывается предвестием победы («”Ура!” – несется гуд победы») – так в стихотворении соединяются оба варианта употребления слова – как боевой, так и торжественный. Русские в стихотворении оказываются крестоносцами – «соратниками Христа», которых *Бог* ведет на брань, что должна оборонить Иерусалим:

Ликуй, Иерусалим, – ты с нами,
Мы грудью станем за тебя…

Кликом «*ура*» кончается, например, «<Экспромт уральским казачьим полкам>» неизвестного автора (231): «Мы все вперед – ура, ура!». Десятикратное повторение «*ура*» становится рефреном в «Боевой песне»[517] (232-233):

Слава матушке-России,
Слава батюшке-царю!
Ура, ура! ура-ура-ура!
Ура, ура! ура-ура-ура!
<……>
Сердце чует, говорит:
На воротах Цареграда
Подновить Олегов щит!
Ура, ура! ура-ура-ура!

[516] Текст не был опубликован во время Крымской войны, что для нас не так важно. Впервые напечатан уже в конце XIX столетия в: Русская старина. 1896. Т. 86. С. 182.
[517] Подписано: А. В.

Ура, ура! ура-ура-ура!

Особое место в поэзии Крымской войны занимает мотив *православия*. В идеологии николаевской России *вера*, бывшая при Александре I синонимичной христианству вообще, ограничила свое значение и стала ассоциироваться исключительно с христианством восточным. В ситуации начинающегося противостояния России и христианских европейских стран *православие* все громче звучит в стихотворных текстах, уже в начале 1854 г. становясь синонимом всего *русского*. В течение реакционного правления Александра III, вернувшегося к идеолого-политическим моделям своего деда Николая I, и Николая II, вопреки историческому контексту продолжавшему дело отца, эта связь будет официально скреплена, что, в частности, выразится в уже постреволюционной стихире «Земле Русская», составленной святителем Афанасием (Сахаровым) и профессором Б. А. Тураевым: «Русь Святая, храни веру православную, в ней же тебе утверждение», и поныне звучащей на службе всем святым, в земле Русской просиявшим[518].

В объемном стихотворении Н. Г. Тройницкого «Русское море»[519] (116-119), написанном в январе 1854 г., *православное* – центральная характеристика всего русского. Царь здесь назван «православия стратигом», на русских военных суднах развеваются «православной Руси флаги». Далее локус этого определения заметно расширяется: Николай I становится «православным властелином», а русский флот – «православными кораблями». Венчается текст четверостишием, в котором соединяются мотивы *приверженности царю* и *Святой Руси*:

Мы сильны к царю любовью,
Царь же свыше наш храним...
И всегда своею кровью
Русь святую отстоим!

Православными в поэзии начала 1854 г. оказываются не только власть или войско, но и топонимы. В стихотворении «Всколыхнулся,

[518] См. подробнее: Служба Всем Святым, в земле Российской просиявшим / Ред.-сост. Е. С. Кустовский. М., 2005.
[519] Автор называет Черное море Русским, следуя летописной традиции Киевской Руси.

взволновался…» неизвестного автора (236) – кончающемся, естественно призывом к *Богу*, славословием *царю* и трехкратным «*ура*» – Дон характеризуется не только как «тихий», но и как «православный». Вероятно, наиболее интересные коннотации рассматриваемое определение приобретает в поэтическом тексте Ф. Б. Миллера «Французам в ответ на их газетные возгласы» (131). Разрабатывая метафору *русской бани* как силы, храбрости и военной мощи русских, поэт снабжает банный жар определением «православный»:

Просим милости к нам летом,
Мы вас *жаром* угостим,
Да таким, что с первой схватки,
С угорелой головой
Вам придется без оглядки
Улепетывать домой,
И у вод родимой Сены,
Как рассеется угар,
Будут помнить ваши члены
Православный русский *жар!*

В подавляющем большинстве стихотворений начала 1854 г. повторяются общие места прошлогодней военной поэзии, к которым добавляется мысль о скорейшем столкновении России с европейскими странами. Примечательно стихотворение К. С. Аксакова – старшего сына Сергея Аксакова – «Орел России (1453-1853)» (119-121), в котором разрабатывается мотив *двуглавого орла* как символа римского могущества. В произведении описывается как в 1453 г. после падения Византийской империи ее геральдический орел оставил Царьград и отправился в Москву:

В этот час померкшей славы,
Из разрушенных громад,
Поднялся орел двуглавый
И покинул Цареград.
<……..>
Есть приют в снегах России
Божьей веры торжеству,
И орел, из Византии,
Опустился на Москву…

«Сумрачные тучи» турок занимают весь Восток, против чего восстает *Святая Русь*, которую предают европейские христиане, не желающие, в отличие от России, защитить своих единоверцев:

Ты за веру, Русь святая,
В бой с врагом решилась стать;
Но зачем пришла иная,
Христианская же рать?

Для чего, пред очи света,
Собралась из дальних стран?
На защиту Магомета!
На страданье христиан!

Однако двуглавый орел поразит противников – «жадный взор» которых затуманен «ненавистью без меры» – и возвратит христианам свободу.

В историко-литературном отношении примечательно стихотворение «Прощание с Парижем» Я. Н. Толстого (66-68), тайного агента третьего отделения, много лет служившего под прикрытием в Париже[520]. Несмотря на свою довольно неоднозначную политическую роль, непростую судьбу (после Восстания декабристов Толстой, опасаясь государственного преследования, отказался возвращаться на родину и был вынужден более десяти лет жить в изгнании) и явно сложное отношение к Парижу, ставшему Толстому домом, он создает стихотворение, почти целиком состоящее из общих мест, практически лишенное индивидуального. Более того, поэтические топосы Крымской войны в нем откровенно подменяют собой действительность: если биографический Толстой был вынужден покинуть Париж из-за того, что Франция объявила России войну, то его лирический герой следует известной поэтической модели:

Нет силы жить, где нету чувства,
Ни добродетели прямой,
Где всё поддельно, всё искусство!..

[520] Подробнее о Якове Толстом см.: *Черкасов П. П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791 – 1867 гг.) М., 2008.

В произведении звучит мотив *отступничества Европы от христианства*, «предав священные места», вступившейся за турок; призыв к «православному царю» Николаю; мотив *русских крестоносцев*, оказывающихся «мечом Господним», и *апелляция к 1812 году* – Наполеон III, «тощий недоделок» дяди:

Задумал с Русью воевать;
Но вскоре сведает – кичливый! –
Как с нею сладить мудрено.
А может быть, он восвояси
Найдет свое Бородино…

Кроме того, лирический герой вспоминает славные дни побед России над Турцией и нынешние триумфы – Синоп, Ахалцых и Арчипай. Целью войны для него является освобождение православных братьев, достичь ее русским поможет *Бог*. Вторичность текста не только по отношению к современной поэзии, но и к государственной риторике, отчетливее всего слышна в последних строках стихотворения, в которых повторяется манифестное «С нами Бог!»

Стихотворение Толстого характерно для периода Крымской войны: оно выстраивается не на основе личного интимного переживания (которое у автора очевидно было, сожаление все-таки звучит в произведении – в рефрене «Прости, Париж, – пора домой!»), а из готовых риторических оборотов и общераспространенных образов и мотивов.

В поэзии начала 1854 г. продолжает звучать оборонительный пафос. «К русским (9 февраля 1854)» А. М. Жемчужникова, напечатанное 14 февраля[521], начинается с описания исторического взаимодействия России («нас») и Европы («их»). Вначале западные страны чернили Россию словом, «орудьем зависти», потом начали угрожать «оружием войны», однако «мы» молчали, так как знали свое могущество и щадили противников. Однако есть предел долготерпению и великодушию – Россия вынуждена ответить и

[521] Русский инвалид. 1854. 14 февраля.

поднять «православный крест на мнимых христиан». Русские одержат верх, потому что хранимы Богом и идущим издревле, непреложным русским духом – любовью к родине и царю:

Чем был наш русский дух, он тем и ныне есть.
Он не ослаб к царю и к родине любовью.
Россия защитит своею честной кровью
Свою наследственную честь!

Важно стихотворение «Не мир и тишина Европы…» Н. А. Огарева (150-151), участника подавления Польского восстания и к моменту написания данного текста генерал-майора и обладателя почетного звания генерал-адъютанта. Произведение начинается мотивами *злобы* и *зависти* Запада, которые он питает к «девственности России», любви русских к царю и родному алтарю. Однако русские сильны Богом, который возвратит покой Европе и укрепит православие. Текст примечателен довольно неожиданной даже для шапкозакидательской поэзии Крымской войны уверенностью в неизбежной победе и безразличием к гибели солдат[522]:

О падших мы тужить не будем:
За них молиться – церковь есть;
Лишь бы жила России честь, –
Об остальном, друзья, забудем.

В стихотворении особо выражены верноподданнические настроения автора: Николай возвратит святой крест Византии, наградой русских за ратные подвиги станет царская благодарность:

В ответ любимому царю,
На царское: *«Благодарю!»*
С восторгом будет раздаваться
Наш чудный клик: *«Рады стараться!»*

С начала 1854 г. верноподданническая риторика в поэзии начинает заметно усиливаться. Растет количество упоминаний не просто обобщенного русского царя, но именно царя Николая. Так, в посвященном Синопской победе стихотворении П. Г. Ростованова «На нынешнюю войну» (289-290)

[522] Явно не делающим чести автору, находящемуся в армейском генеральском чине.

Русь готова противостоять французам и англичанам и припомнить им славные времена 1812 года, потому что находится под началом Николая I:

Мы готовы. Русь родная
И могуча и сильна
Под державой Николая;
«По плечу ли вам она?..»

Еще более громко верноподданнический пафос звучит в поэтическом тексте А. Я. Марченко «Его величеству Государю императору Николаю Павловичу» (430-431), в котором Россия лежит у ног царя и ждет, чтобы по первому слову царя отправиться в поход и покрыть славой имя любимого монарха:

Любви и верности полна,
У ног твоих лежит Россия.
Лежит и ждет, пока своим
Ее ты двинешь царским словом:
Тогда ее во свете новом
Увидит свет; она пред ним,
Неустрашимая, предстанет
Всё с тем же кликом – с нами Бог!

Обратим внимание на конец приведенного фрагмента: русские сражаются за царя с возгласом «С нами Бог» – одним из основных топосов императорских грамот последних шести лет.

В начале 1854 г. авторы продолжают приспосабливать под нынешние исторические нужды пушкинскую патриотическую поэзию. Одним из характерных для рассматриваемого времени текстов является «Врагам России» Н. А. Арбузова (58-59), уже заголовком отсылающее к «Клеветникам России» Пушкина. Текст начинается с «пушкинского» обращения: «Чего хотите вы от нас, / Цари и племена земные» и повторяет композицию стихотворения Пушкина, выстроенного как реплика в ведущемся русско-западном диалоге. Кроме обращения к «Клеветникам России», Арбузов пользуется пушкинским образом поэта-пророка:

Так знайте ж, мимо никогда
Нейдет пророчество поэта.
Священной правдой вдохновлен,
Он гласом истины пророчит…

К поэтическому наследию Пушкина обращаются и иные поэты. Например, в стихотворении «Кто кому нужнее» неизвестного автора (69-71) звучит «пушкинская строка»: «Зачем вмешалися в наш спор» – однако ее смысловая (не «домашний спор» славян, а противостояние России и Турции) и стилистическая (архаичная форма «вмешалися») переакцентовка выглядит довольно комично.

В по преимуществу бряцающей оружием прогосударственной поэзии Крымской войны редко, но возникают стихотворения, в которых явлена пацифистская идея – подобные произведения появляются уже в январе – феврале 1854 г. Так, в «О чем ты стонешь, сине море…» Н. В. Берга (399-400) центральным предметом изображения оказывается Черное море, горюющее, потому что не видит любимых мирных кораблей. Особенно пронзительно антивоенная мысль выражена в заключающей строфе:

Пускай придут (ратоборцы – К. Х.): всё это ляжет,
Отчизне жертвуя собой…
Кто ж будет жив, кто перескажет
Про этот день, про этот бой?...

Еще одним пацифистским стихотворением является «Война и мир» С. Е. Раича (249-251). В тексте звучит мысль о разрушительности и бесплодности войны, которой противопоставляется благодатное мирное время, когда царская власть может лучше себя проявить:

Рыболов покинул сети,
Пастырь – паству и стада;
Плачут жены, старцы, дети;
Пусты селы, города.
<……>

Тишина и нега мира –
Вот подательницы благ,
В дни покоя и порфира
Как-то краше на царях!

Во дни тишины «сладкогласнее поет» и лира, звуча во славу «богу и царям», расцветают искусства и науки. Нынешнее же военное бедствие автор называет «роком», неизбежным испытанием, которое русские должны пройти, чтобы вернуть желаемое мирное время. Не воинственный и не

проникнутый общим пафосом текст Раича все же подпадает под влияние пропагандистской риторики: в конце автор приходит к поэтическому клише – традиционной убежденности в тождественности нынешних русских предкам и их приверженности Богу (здесь даже повторяется манифестное «С нами Бог!»):

Та же вера, те же нравы,
Та же к родине любовь,
Та же жажда чистой славы,
Та же русская в нас кровь!

Час ударил; свод лазурный
Весь обмерк; грохочет гром.
С нами Бог! из брани бурной
Выйдем с светлым мы челом!

Кроме пацифистских стихотворений, в первые месяцы 1854 г. начинают возникать и более радикально отклоняющиеся от нормы поэтические тексты – откровенно критические (естественно, не попадающие в печать), к которым относится «Я слышу грозный клич: война!» М. А. Карлина. Стихотворение начинается сомнением лирического героя в полезности войны для русского народа («Куда? Зачем идут полки? / Какая польза для народа?») и силе Руси, которая «окружена плетьми»:

– Но Русь сильна? Быть может, да.
Да чем сильна? Извне штыками,
Внутри плетьми окружена
Да зауральскими горами.

Русский народ изможден и страдает по вине монарха:

Но Бог ни в чем не виноват,
А тот, кто здесь во имя Бога, –
Он заставляет нас страдать,
Безумно властвуя в чертогах.

Царь слышит стоны и плач русских людей, но продолжает «гордо писать манифесты», зовя их «Вперед! За веру, честь и трон». Поэт призывает не губить «цвет нашей молодежи» на чужих полях, а спасать собственную родину – свергнуть императора-тирана:

Мы лучше выметем весь прах,

Весь сор, что дома нас тревожит…

И близок уж тот час: не плач,
Услышат рабский стон тирана,
Когда к нему его палач
Придет лишить венца и сана.

То не измена будет – месть,
Не бунт – правдивое восстанье:
К тому зовут нас долг и честь
И наше долгое страданье.

В данном тексте мотив *долга и чести* и понимание сути *патриотизма* резко трансформируются: любовь к Отечеству не в раболепстве, а в деятельном участии в его судьбе. Стихотворение Карлина становится новым словом в русской военной поэзии, которая до 1854 г., по сути, не знала настолько резких противомонархических инвектив.

11 / 23 марта русские войска переправились на правый берег Дуная близ Измаила. Уже через несколько дней им удалось взять турецкие крепости Мачин, Тульча, Исакчи и Бабадаг[523]. Несмотря на то, что главной тактической целью региона являлась большая крепость Силистрия, к энергичной ее осаде русская армия приступила только через месяц – в середине апреля. Медлительность главнокомандующего русскими силами на Дунае генерал-фельдмаршала князя И. Ф. Паскевича объяснялась не только его известной осторожностью, но и опасной близостью стоящей на своих восточных границах уже не союзной, но пока нейтральной австрийской армии[524]. Еще до прибытия на Дунай, которое произошло 12 / 24 апреля, Паскевич высказывался против движения вглубь Балканского полуострова, поскольку русские войска могли быть в любой момент отрезаны от снабжения австрийской армией[525].

Форсирование Дуная вызвало восторг в Петербурге и Москве. Так, Шевырев в письме Погодину сообщал о «блистательной дунайской

---

[523] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 402.
[524] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. С. 395-396.
[525] *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность: В 7 т. Т. 7. СПб., 1904. С. 147-149.

переправе» и всеобщем ожидании новых близких побед[526]. С тревогой к переправе отнеслись лишь западники, в частности, Б. Н. Чичерин, осознававший опасность движения русских войск, оставлявших в тылу австрийскую армию[527].

Несмотря на противоречивость военной обстановки, март 1854 г. стал поэтически самым богатым месяцем всей Крымской войны. Часть стихотворений, естественно, была посвящена форсированию Дуная. В «На переход русских войск через Дунай» Д. И. Иловайского (273) «русские орлы» оказываются на «брегах родных Дуная», где находится их историческая славянская родина. Автор предсказывает восход на Востоке солнца и закат луны. В стихотворении И. Е. Соснецкого, также названном «На переход русских войск через Дунай» (272-273), в самом начале представлена контаминация общих мест: *Бог* услышал *православные* молитвы, потому что русский *орел* «перешел Дунай» (sic!). Русские войска несут избавление православным братьям, а «неверные в смятеньи… бегут» от них. Турецкий султан склонился перед «Альбионом», не понимая, что англичане хотят не помочь ему, а упрочить свою силу, так как: «О себе у них забота, / А не к ближнему любовь». Россия же, идя рука об руку с правдой, пожнет лавры за «святое веры дело». Интересен текст Шевырева «Русские воины при переходе через Дунай» (272), в котором действия русских войск объясняются следующим образом:

Мы несем освобожденье
Нашим братьям: мы несем
На неверных суд и мщенье,
На коварных меч и гром.

Лирический герой стихотворения не опасается союза турок с англичанами и французами, потому что русские находятся в более крепком союзе – с *Богом*.

---

[526] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 36-37.
[527] *Чичерин Б. Н.* Восточный вопрос с русской точки зрения // Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1906. С. 140-141.

Стихотворения марта 1854 г. продолжают развивать верноподданнические мотивы. Центральным стихотворением здесь оказывается «Коляска» Аполлона Майкова (431-432), впервые опубликованная только в 1898 г.[528], но широко известная в списках. В тексте Николай I, едущий по улице «в откинутой коляске», представлен как романтический герой: «В походный плащ одет, в солдатской медной каске, / Спокойно-грустен, строг и в думу погружен». Образ царя противопоставлен «беспечной толпе», он не только «вождь», «судия» и «России промыслитель», но и «первый труженик народа своего», который вынужден терпеть злоязычье и клевету хулителей. Лирический герой преклоняется перед монархом и просит у того прощения:

«Великий человек! Прости слепорожденным!
Тебя потомство лишь сумеет разгадать,
Когда история пред миром изумленным
Плод слезных дум твоих о Руси обнажит…
И, сдернув с истины завесу лжи печальной,
В ряду земных царей твой образ колоссальный
На поклонение народам водрузит».

Текст Майкова вызвал критику даже среди реакционеров и монархистов, посчитавших произведение излишне льстивым и низкопоклонным[529]. Еще более резко на стихотворение ответили авторы круга журнала «Современник». Так, в написанном в июле 1854 г. «чернокнижном» «Послании к Логинову» под авторством И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова и А. В. Дружинина встречаются такие строки: «А Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой, / Вконец оподлился - конечно, не ошибкой...»[530]. Еще более красноречивы эпиграммы Н. Ф. Щербины, написанные, вероятно, в том же 1854 году[531], в которых Майков предстает конформистом, «хамелеоном», всегда вторящим власти, а потому

[528] Московские ведомости. 1898. 18 февраля.
[529] См.: *Прийма Ф. Я.* Поэзия А. Н. Майкова // *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л., 1977. С. 20.
[530] *Некрасов Н. А.* Полное собрание стихотворений: В 3 т. Т. 1. Л., 1967. С. 519; см. также примечание *А. М. Гаркави*: Там же. С. 667-668.
[531] *Щербина Н. Ф.* Избранные произведения. Л., 1970. С. 266-267.

вынужденным приспосабливать под нее свои убеждения. Особенно острой представляется эпиграмма под заголовком «Биографические черты»:

Он в «Арлекине» воспевал
Нам третье отделенье;
Белье так редко он менял,
Но часто убежденье.

В 1857 г. Щербина напишет эпиграмму «Теперешний Майков», в которой в логике прошлых текстов объяснит либеральную переориентацию поэта:

В России странный век настал:
Смягчилось Третье отделенье, –
И вновь стал Майков либерал
С монаршего соизволенья.

Царь восхваляется и в иных поэтических текстах. В стихотворении П. И. Григорьева «Русская слава (Народная песня с хором») (435-436) в каждой второй строке – партии хора – звучит «Слава!» монарху за то, среди прочего, что он «прав народных и правды поборник», восставший на «врагов православия». Автор убежден в том, что противники России будут повержены «крестом и мечом православным», а вся Русь будет славословить «Бога, царя и Отечество» и «царский род Романовых».

Поэты продолжают обращаться к славному времени 1812 – 1814 гг. Так, Е. П. Ростопчина в стихотворении «Годовщина 19-го марта: Песня достославным русским воинам, участвовавшим при взятии Парижа» (133-134) вспоминает русский триумф сорокалетней давности и призывает ветеранов «тряхнуть стариной»:

Помолодев, расправьте стан воинский,
Ружье к плечу, тряхните стариной,
Припомните свой подвиг исполинский
И славу родины святой!

Ныне на Россию «под знаменем Корана» идут турки, «кичливый галл» и «сребролюбивый бритт», но Русь, в одиночестве защищающая христианство, сможет выстоять. Особенно примечательны три последние строфы произведения. В них звучит убежденность автора в том, что по

приказу русского царя, «душою богатыря», Россия «родит ему солдат». Более того, русский монарх говорит врагам следующее:

«Мильон штыков могу послать на вас!..
Велю – их будет два!.. а попроси я, –
Мне три народ мой даст сейчас!..»

В завершающем четверостишии лирическая героиня стихотворения обращается к россиянам, чтобы те послали своих сынов в ополчение, потому что «За Русь, за честь и им на брань пора!», и призывает Русь к хвалению Бога и возгласу «ура!» царю.

Еще одна поэтесса Крымской войны – В. П. Головина – в стихотворении «Достопамятные для России годы» (131-133) воспоминает 1812 и 1814 гг. Времена Отечественной войны для Головиной – явление «духа вражды» – Наполеона, осквернившего своим приходом русскую землю и взявшего Москву, которая не стерпела этого, «…вспыхнув гневом, на сожженье / Себя, как Феникс, принесла» и выгнала врагов. В стихотворении Головиной древняя столица восстает против захватчиков, потому что не может перенести «поношенья православью». Следует отметить, что в 1812 г. повсеместно – и в манифестах, и в поэзии – звучало слово *христианство*, *православие* – идеологический топос николаевского царствования.

Дальше автор обращается к 1814 г. и занятию Парижа русскими войсками: Александр I возвратил Франции тишину и законную власть, вновь воздвиг попранный святой крест и отказался от мщения за пожар Москвы. Последний раздел произведения, озаглавленный «1854 год», делится на две примерно одинаковые части. В первой, «К Франции», автор уличает французов, вновь свергнувших Бурбонов и пошедших за «новым Бонапартом» под знаменем Магомета «за тьму <…> против света», в предательстве России. Однако русские защищены «святым крестом», а потому не боятся новых вызовов. Вторая часть, «Гимн надежды», представляет собой панегирик императору Николаю, названному «православным» и «благочестивым» защитником веры. Русский *царь* одержит победу и вернет грекам мир, а Россия возликует и возблагодарит

монарха. Кончается текст авторским призывом к *Богу*, чтобы тот оградил Россию не только «от супостатов, от вражды», но и от «возмутительной свободы», чтобы она и иные православные народы шли своим *особым* «святым» *путем*.

Важно стихотворение Ф. Н. Глинки «К И. М. С.» (135), в котором автор продолжает эксплуатировать клич «*ура*»: размышляя о 1612 годе, он задается вопросом, кричали ли тогда «*ура*», но оставляет его без ответа, вспоминая зато, что в 1812 году *оно* точно было основной силой русского войска:

Не знаете ль, кричали ли
В дни Минина «ура»?
Но наше войско русское,
И в полночь, и с утра
Нашествие французское
Гнало своим *«ура!»*.

Нынешние русские, по мнению автора, подобны предкам, они «птенцы орлиные», стерегущие «змеиные движения» Запада. Глинка предсказывает скорую войну против Турции, Англии и Франции и уповает на русский боевой клич:

Придет опять пора,
Что грянет песнь чудесная,
Трем недругам известная,
В трехбуквенном *«ура!»*.

Как видно из приводимых выше примеров, поэзия начала весны 1854 г. продолжает использовать общераспространенные мотивы, редко хоть как-то их разрабатывая. Некоторые тексты становятся чуть ли не хрестоматиями общих мест. К ним, в частности, относится «На переход второй драгунской дивизии через Нежин к Дунайской армии» Ф. С. Морачевского. В нем «дружины рати славной» несут громы «России православной» на «врагов Спасителя-Христа». На нынешних воинов взирают герои прошлого Румянцев и Суворов, а также «Святая наша Русь» и «наш великий царь». Русским «витязям» предуготовлен путь славы, над ними «парит уже орел наш двоеглавый», они с «крестом Спасителя», подъявши «меч за веру и царя», победят «неверных мусульман», французов и англичан, на что Русь ответит

сердечным «ура!» Завершается текст, как и февральский манифест, цитатой «Да воскреснет Бог!»

Однако и в марте возникают стихотворения, отклоняющиеся от нормы. Довольно необычным текстом оказывается «Опека» О. М. Бодянского (249), по понятным причинам не опубликованная в годы Крымской войны. Произведение, традиционно начинающееся мотивом восстания Запада на Русь, неожиданно оборачивается критическим: с точки зрения автора, нынешняя война – время, когда России придется «считаться за грехи», потому что защититься ей нечем. В центре текста представлена инвектива против стихотворцев, создающих гремящие произведения, но неспособных хоть к какой-нибудь деятельности:

Всё трын-трава: зима, штыки...
Как трын-трава всё, а стихи
Всех фабрик нашего изделья?
Тогда страшись, злодей, беги
Российских стихоплетов мщенья!

Кроме поэтов, Бодянский обличает столичный дендизм, «московский славянизм», но более всего неистинный, нерусский «немецкий патриотизм» и резюмирует:

Итак, российски стихоплеты,
Лихие питерски денди,
Да наши немцы-патриоты
Русь призваны судьбой спасти.

Особенный общественный резонанс вызвали написанные одно за другим идеологически «неправильные» стихотворения славянофила А. С. Хомякова – «Суд Божий» (27-28) и «России» (153), опубликованные только с наступлением александровской оттепели[532], но широко известные в списках.

В первом из названных произведений «Божьим судом» называется нынешнее военное противостояние, в котором участвует множество народов.

[532] «Суд Божий» в: Русская беседа. 1859. № 1. С. 1
«России» в: Русская беседа. 1860. № 2. С. 15 (без заглавия).

Лирический герой не выбирает сторону – он сочувствует всем, кто волею божественных судеб вынужден «слепо свершать назначенный труд»:

Глас Божий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время приспело
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженья бросайтеся смело.

По мнению Хомякова, «суд Божий» должен ниспровергнуть османский престол и «сокрушить вековой бич», однако он уповает на то, что Бог простит и призовет всех:

Твой суд совершится в огне и крови:
Свершат его слепо народы...
О Боже, прости их! и всех призови!
Исполни их веры и братской любви.
Согрей их дыханьем свободы!

Отказ Хомякова от панегириков нынешней России еще более громко звучит в следующем его стихотворении «России» («Тебя призвал на брань святую…»), которое отсылает к одноименному тексту 1839 г., начинающемуся стихом «Гордись! – тебе льстецы сказали…».

В произведении 1839 г[533]. лирический герой призывает Россию не гордиться ни природными богатствами, ни политическим и военным могуществом, потому что не менее сильные и грозные державы, такие как Римская империя или Монгольское ханство, были обречены пасть. Единственный путь, по которому должно следовать русское государство, – путь смирения и молитвы: «Но крепок ясный мир святыни, / Сильна молящихся рука!» Только за приверженность христианским идеалам Бог дарует России «светлый удел» и выберет ее быть «превыше всех земных сынов»:

О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему - и, все народы

[533] *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 110-112.

Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!

Свобода для Хомякова – это не гражданское или политическое, а философское понятие, смысл которого ясен только в контексте историософских воззрений автора. *Она* достигается победой над «необходимостью», когда дух торжествует над веществом, – это истинно христианская (сохранившаяся, по Хомякову, только в православии) независимость от вещного, позволяющая человеку устремиться в вечность[534]. Именно такой «свободе», тайна которой дарована свыше, Россия должна научить иные страны.

Известно, что Хомяков не идеализировал современную ему Российскую империю[535] и, в отличие от многих современников, отказывался видеть в ней *Святую Русь*, открыто осуждая ее пороки[536]. Понимание греховности нынешней России было выражено Хомяковым, в частности, в стихотворении «Не говорите: “То былое…» (1846)[537], в котором историческая панорама, традиционно представляемая в поэзии великими деяниями канонизированных героев русской истории, показана рядом нравственных поражений: от времен Киевской Руси и феодальной раздробленности («каинских браней»), через монгольское иго, «грех царя-святоубийцы» Ивана Грозного[538] и разорение Новгорода к неудаче забвенного Первого народного ополчения («За Тушино, за Ляпунова»). Основной проблемой как прошлого, так и настоящего России автор считает отход от идеалов православия («Вы отреклись от всей святыни, / От сердца стороны родной») и любви («Он (грех – К. Х) сросся с вашими сердцами – /

[534] См. об этом, например: *Рыжков А. Л.* Художественное преломление историософских взглядов в поэзии А. С. Хомякова // Вестник МичГАУ. 2012. №2. С. 197-198.
[535] *Столович Л. Н.* История русской философии. Очерки. М., 2005. С. 120.
[536] Подробнее об этом см. в: *Никольский Е. В*. Сакрализация национального начала в творчестве русских поэтов консервативного направления // Libri Magistri. 2019. 1 (7). С. 33-61.
[537] *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. С. 123-124.
[538] Видимо, имеется в виду убийство Московского митрополита Филиппа II (версия убийства митрополита по приказанию Ивана IV представлена, в частности, в житии св. Филиппа).

Сердцами, мертвыми к любви»), и призывает русских людей раскаяться и просить прощения у Бога.

Вообще, нынешний век Хомякову-поэту чаще всего представляется как «век чугунный», лишенный красоты и истины[539], однако где-то под покровами греха, лицемерия и лжи современных людей скрывается тайна божественной благодати, излитой, несмотря на все беззакония русских людей, на «Русь». Эта уверенность в божественном благословении и особой исторической миссии России звучит в стихотворении «Ключ» [540]. В данном тексте «светлый ключ» является метафорой потаенной ныне силы богоизбранной России, которая в будущем явит миру свою тайну и напитает ей собравшиеся вокруг «чуждые народы», изнывающие от «духовной жажды», и воссияет любовью. Здесь важно уточнить, что для Хомякова избранность русской нации скорее не привилегия, а тяжелая ноша и большая ответственность, лежащая на особом народе[541].

Это диалектическое отношение Хомякова к России XIX века, в отличие от большинства современников не отказывавшегося видеть ее пороки, но верившего в ее историческую миссию, было прямо выражено автором в статье «О старом и новом» (1839): «Современную Россию мы видим: она нас и радует, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже с своими» [542]. Сходным пафосом проникнуто стихотворение «России» 1854 г.

Начинается текст как бы на том месте, на котором кончилось стихотворение «Ключ» – настало время явить России свою миссию:

Тебя призвал на брань святую,
Тебя Господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

---

[539] *Малинов А. В.* Поэтическая историософия А. С. Хомякова // Вече. 2014. № 26. С. 155-156.
[540] *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. С. 52-53.
[541] *Никольский Е. В*. Сакрализация национального начала в творчестве русских поэтов консервативного направления. С. 52.
[542] *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 459.

Русские должны выступить «за братьев» и перейти Дунай. В третьей строфе возникает мотив *тяжести богоизбранности* («Но помни: быть орудьем Бога / Земным созданьям тяжело…»), которым начинается критика нынешней России, на которую «налегло много ужасных грехов». В центральном пятистишии произведения лирический герой обвиняет страну в неправедности судов, крепостном праве, «безбожной лести», «тлетворной лжи», «мертвой и позорной лени» и восклицает, что Россия «всякой мерзости полна!» Однако, несмотря на недостойность, она избрана Богом, а потому должна скорее очиститься плачем и смирением:

С душой коленопреклоненной.
С главой, лежащею в пыли.
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

Когда же Россия обновится, она бросится в бой и защитит славянских братьев, ведь ее меч станет орудием Бога.

Через несколько дней после распространения стихотворения «России» Хомяков получил выговор от московского генерал-губернатора и написал «Раскаявшейся России» (153-154), в которой, по словам историка Е. В. Тарле, находил, «что Россия уже вняла его призыву и успела раскаяться»[543]. Действительно, в тексте происходит довольно резкая идеологическая переориентация: идея необходимости покаяния и очищения, к которым призывал автор в предыдущем стихотворении, заменяется мыслью о том, что сама ситуация войны мгновенно облагородила Россию:

Иди! светла твоя дорога:
В душе любовь. в деснице гром,
Грозна, прекрасна, – ангел Бога
С огнесверкающим челом!

Однако в произведении продолжает звучать критика страны – с нее начинается текст:

Не в пьянстве похвальбы безумной.
Не в пьянстве гордости слепой.

[543] *Тарле Е. В.* Крымская война Т.1. С. 363.

Не в буйстве смеха, песни шумной.
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.

Исследователями обращалось внимание на важное различие двух стихотворений: если в первом Хомяков обращается к реальной *России*, то во втором – к идеальной, пока несуществующей, что маркировано использованием слова *Русь*[544].

Распространенные анонимно стихотворения Хомякова привлекли внимание Е. П. Ростопчиной, одного из наиболее патриотически настроенных – в николаевском смысле – поэтов, написавшей довольно резкий «Ответ некоторым безыменным стихотворениям» (248). С самого начала текста Ростопчина без обиняков обращается к идеологическому и поэтическому оппоненту:

Сам Бог сказал: «Чти мать свою!»
И грех тебе, о сын лукавый,
Когда, враг материнской славы,
Позоришь бранию неправой
Ты мать родимую твою!

Далее автор обвиняет «лжепоэтов, клеветников Руси святой» в том, что они не восхваляют родину, находясь «одни в разладе <…> с толпой», не чувствуют любви к России. Более того, обличает неистинных поэтов в том, что они не увлечены «восторгом православной битвы» (отметим использованный эпитет). В тексте присутствуют и явно несправедливые укоризны – будто бы автор «безыменных стихотворений» способен видеть в России лишь «предлоги для упрека», не желая найти в ней добра. Особенно эмоциональной и огульной оказалась финальная строфа, в которой говорится о том, что *Святая Русь* не проклянет лжепоэтов, однако их запомнит и осудит русский народ. Приведем ее полностью:

Она же, наша Русь святая,

[544] *Закуренко А. Ю.* «Кремль, Киев, Саратовская пустынь»: представший и становящийся образ Руси у А. С. Хомякова // А. С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 406.

Вас не казнит, не проклянет, –
Но лихом вспомнит вас народ!
Из века в век, из рода в род
Пройдет молва о вас худая,
Позорным прозвищем клеймить
Вас будет верное преданье,
И малым детям в поруганье
Век имя ваше будет жить!..

Вернемся к описанию исторического контекста. Успехи русских войск на нижнем Дунае, практически одномоментно взявших несколько турецких крепостей, обеспокоили союзников. В середине марта королева Виктория выступила в английском парламенте и заявила о своем желании начать против России войну, в течение нескольких дней ее поддержали и Палата общин, и Палата лордов. В то же время появилось послание Наполеона III к французскому Сенату о начале войны с Николаем I[545]. 16 / 28 марта Англия и Франция объявили России войну. 11 / 23 апреля в Пасху был обнародован императорский манифест «О войне с Англией и Францией»[546].

Вина за начало русско-европейской войны в документе возлагается на Англию и Францию, введших вначале в заблуждение Турцию, а ныне открыто выступивших против России, чтобы «обессилить Россию, отторгнуть у нее часть ее Областей, и низвести отечество Наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышней Десницей». Однако «Православная Россия» не боится этой угрозы, потому что сражается не за материальные выгоды, а «за Веру Христианскую и защиту единоверных своих братьев, терзаемых неистовыми врагами», и потому что «как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с Ним вся Русская семья <…> Православный Русский народ». В конце текста повторяется фраза «С нами Бог»[547] – традиционная для важнейших манифестов конца 1840-х – пер. пол. 1850-х годов.

---

[545] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. С. 379-390.
[546] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1855. Т. 29. 1854 г. № 28150. С. 416.
[547] В этом манифесте цитата продлена: «С нами Бог, никто же на ны!»

Апрельский манифест, казалось бы, идеологически вторит предыдущим: русский *царь* силами русского *народа* защищает *православие* от врагов, – однако в нем переставлены некоторые акценты. В государственной грамоте истинными зачинщиками войны, причем не только начинающейся, но и уже ведущейся – русско-турецкой, называются Англия и Франция, с Турции же, которая, по прошлой версии русского правительства, была повинна в нынешнем геополитическом противостоянии, вся вина снимается. Выступление европейских стран против Российской империи риторически приравнивается к восстанию против *Бога* и его замысла – так идея религиозной войны, традиционная для столкновений с мусульманской Турцией, но странная для противостояния с европейскими государствами, становится центральной для времен Крымской войны.

Манифест, как обычно, вызвал поэтическую реакцию. Уже через 4 дня после опубликования царской грамоты в «Северной пчеле» вышло стихотворение Федора Глинки «Христос Воскрес» с подзаголовком «Стихи, написанные тотчас по услышании высочайшего манифеста 11-го апреля[548]. Произведение выполнено в религиозном модусе, подсказанном автору совпадением Пасхального дня и объявления войны Англии и Франции: «В сей день Христова воскресенья» русские вынуждены начать борьбу против «сынов лжи и ухищренья», идущих «Россию распинать». Однако старания врагов тщетны, поскольку за нее будет сражаться сам Христос – Он, по мнению автора, не только готов биться за «святость наших алтарей» и «светлый дом родных царей», но и едва ли не обретет военную специальность – станет артиллеристом:

И Сам огнем и бурей грянет
Из наших метких батарей!

Русские «воины Христовы» безусловно победят противников, пытающихся овладеть Святыми местами:

[548] Северная пчела. 1854. 15 апреля.

Пусть с сердцем, зверски распаленным,
Враг мчится к берегам святым;
В святые дни ядром каленым
Мы похристосуемся с ним!!!

Стихотворение Глинки наглядно демонстрирует, насколько официальное николаевское *православие*, стоящее на концепте *Святой Руси*[549], отходит от христианской идеи. Текст дышит абсолютной уверенностью поэта в знании божественного замысла, в нем явлено кощунственное уподобление Бога и России, а древний обряд христосования сравнивается с артиллерийским обстрелом. Однако ничто из этого не помешало Глинке в течение нескольких дней издать свое произведение в главной провластной политико-литературной газете Российской империи.

В течение апреля 1854 г. князь Паскевич неоднократно сообщал царю о необходимости оставить Дунай. 22 апреля / 4 мая он написал письмо, в котором открыто заявлял императору о невозможности взятия Придунайских княжеств без риска войны с Австрией. В ответном письме Николай укорял фельдмаршала в нерешительности и отказывался терять преимущество, «бросить даром, без причины и воротиться со стыдом!!!»[550] 8 / 20 апреля в Берлине был подписан военный союз между Австрией и Пруссией, а в начале июня австрийский император заключил с турецким султаном две конвенции, следуя которым Турция позволяла Австрии вступить в Молдавию и Валахию. 6 мая началась настоящая – а не формальная – осада Силистрии, в течение которой произошло несколько неудачных для русской армии сражений, одно из которых (Бой у Каракула) учинил полковник А. Н. Карамзин, сын Н. М. Карамзина, в ходе разведывательного рейда приказавший своему кавалерийскому отряду атаковать турок в заведомо проигрышной ситуации. В результате сражения с русской стороны погибли 132 солдата и 19 офицеров, в том числе и сам Карамзин[551]. Примечательно,

[549] Имеющим явные языческие корни. См. об этом: *Никольский Е. В*. Сакрализация национального начала в творчестве русских поэтов консервативного направления // Libri Magistri. 2019. 1 (7). С. 33-61.
[550] Цит. по: *Тарле Е. В*. Крымская война. Т. 1. С. 398.
[551] Там же. С. 407-414.

что весной 1854 г. П. А. Вяземский написал послание «Андрею Карамзину» (212), в котором желал тому счастливого пути в армию и предсказывал ратную славу. Автор стихотворения создает образ адресата, претендующий на биографичность, однако явно противоречащий истории жизни младшего Карамзина: если в тексте Вяземского герой представлен так: «Не в первый раз сразишься с нечестивым, / Ты в бой несешь обстрелянную грудь; / Сроднился ты с свинцом честолюбивым. / На новый пир лети: счастливый путь!», – то в действительности Андрей Карамзин не достиг особых успехов на военном поприще. Звание полковника, которое офицер получил после решения отправиться на войну, было дано ему не за боевые заслуги, а по причине того, что еще в 1846 г. Карамзин женился на фрейлине императрицы Авроре Демидовой – после брака его к себе приблизил шеф Третьего отделения генерал А. Ф. Орлов[552]. Известно, что подначальные гусарского полковника в 1854 г. не признавали его авторитета, а старые офицеры довольно открыто высказывали свое недовольство новым начальником[553]. Стихотворение Вяземского демонстрирует основную особенность поэзии Крымской войны – ее абсолютную фиктивность и симулятивность при внешней публицистичности и исторической насущности. Произведение Вяземского было опубликовано в «Северной пчеле» 13 мая 1854 года, 16 мая Карамзин погиб.

В конце мая – начале июня под предлогом контузии фельдмаршал Паскевич покинул расположение русской армии, а 8 / 20 июня в письме князю М. Д. Горчакову, оставшемуся руководить войсками, приказал – сославшись на монаршее на то соизволение – снять осаду с крепости Силистрия, после чего армия начала эвакуацию из Придунайских земель, завершившуюся в течение лета 1854 г[554].

Известие об отказе от осады главной придунайской турецкой крепости крайне расстроило славянофилов, они восприняли его как позор России.

---

[552] *Мезенин Н.* Евдокия Ростопчина и Аврора Демидова: эпизоды из жизни русского общества XIX века // http://historyntagil.ru/1_63.htm (дата обращения – 6.05.2021).
[553] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 1. С. 407-408.
[554] Там же. С. 415-426.

Аксаковы и Самарин считали, что отступление русской армии продемонстрировало слабость Российской империи и привело к высадке десанта союзников в Крыму, не смевших до этого атаковать пределы Российского государства[555]. С иронией к снятию осады отнеслись западники[556]. Впервые за время войны были по-настоящему расстроены представители проправительственных кругов, подобно славянофилам видевшие в отходе войск с занятых позиций унижение национального достоинства. Негодовали салоны обеих столиц[557].

В апреле все еще появляются стихотворения на тему Дунайской кампании. Кроме непримечательного текста В. Н. Анненковой «Поход», кончающегося строками «Разноплеменное их стадо / Нам, православным, не преграда / И, может быть, в стенах Царь-града / Воскликнем мы: ура!» (274-275), и стихотворения П. В. Алабина «Могила убитых при атаке Ольтеницкого карантина 23-го октября 1853» (276), в котором автор призывает «воинство Христово» отдать «Богу Божий дом!», весной 1854 г. был написан примечательный текст И. С. Аксакова «На Дунай! туда, где новой славы…» (211-212). Отличен он не только тем, что поэт, призывающий других на войну, сам отправится туда же – в 1855 году Иван Аксаков будет зачислен добровольцем в Серпуховскую дружину, – но и тем, как автор разрабатывает общераспространенную тему. Для Аксакова нынешняя война (как и для Хомякова) – *Божий суд*, который ожидает мир и который определит правых и виноватых (отметим здесь, что в отличие, например, от Федора Глинки, Аксаков не претендует на божественное знание и не предрешает итога европейского противостояния). Наиболее интересна вторая половина произведения – в ней вступление в армию уподобляется романтическому побегу из мира неестественного и порочного в мир подлинных ценностей «общего дела»:

О, туда! Отрадно на просторе

---

[555] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 81-83.
[556] Там же. С. 113.
[557] Там же. С. 39.

Там вздохнуть средь жизни мировой,
В горе всех – свое растратить горе,
В счастьи всех – исчезнуть, будто в море,
Хода дней не слыша над собой…

В общей жизни – жизнью потеряться,
В общем деле – свято послужить:

Первое сражение между русскими и союзническими силами произошло в Страстную субботу 10 / 22 апреля 1854 г. в ходе многочасовой бомбардировки Одессы. В сражении особенно отличился прапорщик А. П. Щеголев, командир 6-й, самой маленькой артиллерийской батареи, состоявшей из всего четырех орудий, который в течение нескольких часов стойко оборонял одесский берег против девяти союзнических фрегатов[558]. В результате боя с русской стороны были убиты и ранены 50 солдат и 8 мирных жителей; разрушения были незначительны – пострадал постамент памятника герцогу Ришелье. Сравнительно несерьезный ущерб был вызван тем, что б*о*льшая часть выпущенных по городу бомб не взорвалась. Нападавшие, кроме 30 человек личного состава, потеряли четыре из десяти фрегатов – те были направлены на ремонт в Варну[559].

Бомбардировка Одессы и героическая оборона города вызвали весной 1854 г. сильную поэтическую реакцию. В стихотворениях повсеместно отмечается безбожность атакующих, начавших обстрел мирного города в Страстную субботу, за что Бог наказал их поражением. Так, в стихотворении «10 апреля в Одессе» неизвестного автора (357-358) читаем:

Но кто ж Христу богослуженье
Так нечестиво нарушал?
Кто? – Христианская эскадра
Пришла в защиту мусульман,
И градом полетели ядра

---

[558] *Зеленецкий К. П.* Записки о бомбардировании Одессы 10-го апреля 1854 года. Одесса, 1855. С. 52-65. Щеголев был осыпан наградами. Он получил орден св. Георгия, был произведен сразу в штабс-капитаны (миновав звания подпоручика и поручика), получил именные рескрипты от цесаревича Александра и великого князя Михаила Николаевича, 6-я одесская батарея получила официальное название «Щеголевской», а портреты офицера были разосланы во все военно-учебные заведения империи – *Ленц Н. И.* Бомбардирование Одессы (10 апреля 1854 года) с примеч. В. В. Солодовой // https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9659/27.pdf. С. 22.

[559] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 413-414.

На город русских христиан.
Но всё напрасно! в шуме битвы
Невозмущенно от тревог,
Неслися к Господу молитвы
И возглашалось: «С нами Бог!»
<…….>

Враги, воздвигнув бой ужасный,
Числом хотели превозмочь:
Но с нами Бог! и всё напрасно,
И вражий флот отходит прочь.

Еще более экспрессивно эта мысль выражена в произведении «На бомбардирование Одессы в Страстную субботу» малороссийской писательницы и поэтессы Е. Ф. Сентимер (362):

Никак французы, англичане
И от креста-то отступили?
Да впрямь уж стали мусульмане,
Как с туркою в союз вступили?

Поднялись, словно из-за лесу!
Как хищны ястребы, вороны,
Слетелись стаей под Одессу.
«Там, знать, не будет обороны?
<…….>

И воинов зовут на бой.
На город бомбы полетели
Такой священною порой!!!
Тут батареи загремели.
<…….>

Одесса! жребием гордись!
Ты вместе со Христом страдала.
Ты радуйся и веселись!
Ты со Христом кровь проливала.

Несколько стихотворений одесскому сражению посвятил молодой петербургский поэт Н. А. Арбузов. В «10-е апреля 1854 (Великая суббота и день нападения на Одессу англо-французской эскадры)» (358-359) он соотносит Россию с Христом: «В священный день любви, молитвы и поста, / Кто обнажил свой меч на Снятого с креста?» и обвиняет англичан и французов в том, что те «попрали в прах <…> Венец Спасителя». Особая

связь Бога и России подчеркивается сравнительно нечастым для поэзии Крымской войны мотивом *русского Бога*: «Велик поборник твой! Велик российский Бог!» Интереснее другое стихотворение автора – «Одесса (Посвящено П. А. Струкову)» (363-364), – в котором бомбардировка молодого приморского города становится для того боевым крещением и возводит в ранг «русского града»:

Ты отныне русский град!
Ты в скрижали вековые
Врезал в наши времена
Русский подвиг и родные
Для России имена.
Торжествуй же! окрестился
Ты гранатами врагов.
Ты с семьею породнился
Русских славных городов.

Интересны обстоятельства не состоявшейся публикации стихотворения М. А. Маркова «Страстная суббота (10 апреля 1854 года)» (364-365), которое должно было быть напечатано 18-го мая в «Русском инвалиде», но которое не пропустил Петербургский цензурный комитет[560]. В тексте англичане и французы называются «иудами», которых осудит «правый суд Божественного сына», а Россия традиционно уподоблена Христу. Однако в этом соположении Марков пошел чуть дальше, чем это предписывалось уже более-менее устроившимся поэтическим каноном, придал образу Христа некоторую противоречивость и допустил определенную вольность в трактовке евангельского сюжета, за что, вероятно, и получил цензурный отказ. В стихотворении Иисус «едва сошед с креста <…> вновь покрыт стыдом», потому что вновь оказался между двух разбойников, но не сораспятых ему, а живых и «дышащих огнем», под которыми разумеются Англия и Франция. Кажется, наиболее неоднозначно звучат следующие стихи, в которых даже слышится некоторая претензия (не думается, однако, что автор ее закладывал в свой текст):

И не затмился свет! не совершилось чуда!

[560] *Ратников К. В.* Крымская война и русская поэзия. С. 371.

Не высох Понт, неся отступников креста!

В поэтических произведениях, естественно, восхваляется подвиг прапорщика Щеголева, которому Шевырев посвятил почти половину стихотворения «Великая суббота в Одессе (10 апреля 1854)» (361), вероятно, первым в поэзии использовав каламбур «Щеголев перещеголял»:

И перещеголял их прапорщик отважный,
Наш чудо Щеголев, артиллерист присяжный,
Заставив замолчать их трехсотзевный вой,
Сначала четырьмя, двумя, потом одной,
И ядер меткостью и силой их полета
Три выбив корабля из вражеского флота.

Отдельные стихотворения Александру Щеголеву посвятили, в частности, В. Н. Анненкова («Песня Щеголева») и Вяземский («Щеголеву»), который весной 1854 г. написал еще пару стихотворений, описывающих бомбардировку Одессы: «Одесса (Rule, Britania!)» и «Два адмирала (Подражание «Двум воронам» Пушкина)» (322-323). Последний текст, не опубликованный в годы Крымской войны, представляет собой сатирическое применение пушкинского стихотворения, в котором роли воронов исполняют адмиралы Гамелин и Дундас, жаждущие утолить голод в Одессе:

Город сытный, хлебосольный,
Мы останемся довольны!

Обещал мне лорд Редклиф,
Что получат там ростбиф

Наши английские пузы,
А любезные французы

Из лягушек фрикасе,
Чтобы сыты были все.

Однако Одесса не желает принимать «побродяг издалека» и выпроваживает незваных гостей.

К наследию Пушкина обращается не только Вяземский. П. И. Григорьев стихотворение «Святая Русь» (155-156) предваряет эпиграфом из «Клеветникам России»: «Иль нам с Европой спорить ново? / Иль русский от побед отвык» – и начинает текст «по-пушкински»:

Не страшны вы, безумные витии,
Для русских сил ни словом, ни мечом!
Вам не сломить могущества России:
Она крепка, сильна – как Божий гром!

Далее, однако, поэт перестает следовать Пушкину, возвращаясь к общераспространенному: «За честь царя, за веру и Отчизну / Святая Русь на жертву все несет!», *царь* же, «архистратиг святыни / Даст миру – мир, как верный друг людей». Русские – тот же *народ*, который сражался в пору Отечественной войны:

Могуча в нас славянская природа!
И стар и млад на бой идти готов!
Мы те ж сыны *двенадцатого года*:
Не постыдим нигде своих отцов!

Автор предсказывает «Святой Руси» завидную будущность – она будет первой державой в мире. Здесь Григорьев достаточно радикален: «Святым правам России уступите, / Иль кровию заплатите вы ей!»

Еще одним театром войны 1854 г. было Балтийское море. 11 марта в него была оправлена британская эскадра под командованием вице-адмирала Чарлза Непира, состоявшая из 44 судов, 1 апреля корабли подошли к Копенгагену. В мае к английской эскадре добавилась французская – 31 судно. Союзники надеялись, что появление мощной военной группировки в Балтике склонит скандинавские страны присоединиться к войне против России, однако здесь их ждала неудача: Дания, симпатизирующая России после 1848 г., заняла позицию строгого нейтралитета, не пожелала присоединиться к Англии и Франции Швеция, не спешило восставать против Российской империи и входившее в ее состав Великое княжество Финляндское. В течение конца апреля – начала мая союзнический флот обстрелял Либаву и полуостров Гангут, а также совершил нападения на несколько незащищенных городов в Ботническом заливе, однако 30 мая / 10 июня британский десант попал под огонь русских войск и финских

ополченцев – весть об этом небольшом поражении довольно сильно подействовала на Адмиралтейство[561].

Действия союзников в Балтийском море вызвали очень быструю поэтическую реакцию. В апреле Вяземский написал «Матросскую песню» (375-376) – свое лучшее стихотворение времен Крымской войны. Эта сатирическая песня построена на различных играх с рифмой: текст состоит из довольно остроумных составных и/или омонимических рифм. Приведем несколько четверостиший:

Море ждет напасть –
Сжечь грозит синица,
И на Русь напасть
Лондонская птица.

Честь мы воздаем
Английским матросам,
Но дать и вдвоем
Нелегко мат россам.
<……>

Бог оборони,
Пусть кричат они.
Что Кронштадт зажгут, –
Примемся за жгут.

И прогоним их,
Да прогоны с них
Мы же тут сдерем
На арак и ром.
<……>

Зададим вам пир,
А тебя, вампир,
Адмирал Непир,
Ждет у нас не пир.

Ждет тебя урок.
Скрежет, плач и стон.
Скажешь: «Уж пророк
Этот Пальмерстон!

[561] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 411-416.

С другим сатирическим стихотворением – «Карлуша, или отправление английского флота из Портсмута (Современная баллада)» – выступил Ф. Б. Миллер. В произведении адмирал Непир изображен как немощный и трусливый старик, которого силой отправляют на войну. Более серьезный поэтический текст под заголовком «Выступление лейб-гвардии финского стрелкового батальона в поход из Гельсингфорса» создал финский поэт и писатель, профессор Императорского Александровского университета Захариас Топелиус[562]. Стихотворение Топелиуса, в общем, вторит русскому поэтическому мейнстриму с той лишь разницей, что на месте «сынов России» здесь оказываются «сыны Финляндии», которые верны царю и отчизне и готовы за них погибнуть. Довольно суров финал произведения:

Скольких дождемся?.. Лишь с победой
Мы ждем вас к берегам родным.
Да будут родине и славе
Гвардейцы финские верны.

Некоторые стихотворения весны 1854 г. требуют отдельного упоминания. Одним из них является «На европейские события в 1854 году» Ф. М. Достоевского (77-79), только что после каторги переведенного в Семипалатинск в чине рядового и жаждавшего вернуться в литературу. Несмотря на то, что в стихотворении присутствуют едва ли не все элементы поэтического мейнстрима – верноподданнический пафос, обличение европейских стран в коварстве и безбожии, мотивы русских *богатырей*, *богоизбранности* русского народа и *Святой Руси*, геральдический *орел*, а также манифестное «с нами Бог» и общеупотребительное *«ура»,* – Достоевскому, вынужденно находящемуся вне поэтического контекста Крымской войны, не удается создать «правильное» произведение: оно не укладывается в прокрустово ложе отработанных риторических схем, а лирический герой стихотворения предстает слишком искренним и наивным. Примечательно уже начало стихотворения, в котором автор задается вопросом, не звучащим в современных поэтических произведениях: «С чего

[562] Северная пчела. 1854. 15 апреля.

взялась всесветная беда? / Кто виноват, кто первый начинает?» Далее в тексте вспоминается русская история, однако довольно нетривиально – величия Россия достигла благодаря не победам, а испытаниям:

Знакома Русь со всякой бедой!
Случалось ей, что не бывало с вами.
Давил ее татарин под пятой,
А очутился он же под ногами.
Но далеко она с тех пор ушла!
<……>
Страдала Русь в боях междоусобных,
По капле кровью чуть не изошла,
Томясь в борьбе своих единокровных;
Но живуча святая Русь была!

Главным отличием стихотворения Достоевского как от современных поэтических, так и государственных текстов становится открытое признание агрессивности действий России, которая мощна и велика, а потому имеет право сама решать Восточный вопрос и не держать ответ за то перед Англией и Францией:

Писали вы, что начал ссору русской,
Что как-то мы ведем себя не так,
<……>
Что хочется завоеваний нам,
Что то да сё... Ответ вам дали строгой,
Как школьникам, крикливым шалунам.
Не нравится, – на то пеняйте сами,
Не шапку же ломать нам перед вами!

Не вам судьбы России разбирать!
Не ясны вам ее предназначенья!
Восток – её!...

Так Достоевский, не сумевший разгадать сложной идеологической диалектичности эпохи и являющийся объективно одним из наименее талантливых поэтов Крымской войны, создает достаточно оригинальное стихотворение – оригинальное лишь своей ненамеренной искренностью, чего было уже достаточно как для того чтобы оно завидно выделялось на фоне современной поэзии, так и для того чтобы недостаточно понравилось

Л. В. Дубельту, управляющему Корпуса жандармов и Третьего отделения, который не дал разрешения напечатать текст[563].

В это время более удачливые авторы продолжают печатать свои стихотворения. 19 апреля в «Северной пчеле»[564] выходит стихотворение «К Богу, защитнику правых» занявшего к этому моменту место в ряду первых певцов николаевской государственности Ф. Н. Глинки, выполненное в стилистике духовных стихотворений – лирический герой обращается к Богу и призывает его покарать врагов России. По радикальности и «кровожадности» данный текст сопоставим со 108-м Псалмом Давида[565].

В мае Глинка пишет новое стихотворение под старым названием – «Ура!» (368-369) – и посвящает его командиру русских войск в Одессе Д. Е. Остен-Сакену. В тексте автор вспоминает времена Отечественной войны и Заграничного похода и уподобляет им сегодняшнюю войну. Кончается текст панегириком генералу: «В нем вышел и герой наружу, / И рыцарь чести и добра! / И государственному мужу, / И мужу ратных дел: ура!»

Несмотря на заурядность текстов, Глинка, как уже было отмечено, становится одним из самых почитаемых поэтов Крымской войны. Весной 1854 г. на него не только ссылаются (как например, в стихотворении Ф.

---

[563] *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 2. Повести и рассказы, 1848-1859. Л., 1972. С. 520. Примеч. *Н. М. Перлиной, Н. Н. Соломиной.*

[564] Северная пчела. 1854. 19 апреля.

[565] Ср. в 108-м псалме:
Поставь над ним нечестивого, и диавол да станет одесную его.
Когда будет судиться, да выйдет виновным, и молитва его да будет в грех;
да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой;
дети его да будут сиротами, и жена его – вдовою… (Псалтырь // Официальный сайт Московского Патриархата: http://www.patriarchia.ru/bible/ps/108/ – дата обращения 13.05. 2021)
И у Глинки:
Да казни Зива и Орива
Постигнут дерзостных вождей;
Да утучнится наша нива
Посевом хрупким их костей!..
<……>
Вели, чтоб сердце в них упало,
Чтоб вспять гнало их вихрей жало,
И страх лозой – и здесь, и там
Стегал бегущих по пятам,
И след им эхо хохотало!..

Шилова «Глас патриота к штыку» (240)), но и посвящают ему произведения. 12 мая в «Северной пчеле» было опубликовано стихотворение В. Г. Бенедиктова «Ф. Н. Глинке»[566]. В послании Бенедиктов рисует образ Глинки как певца брани и мира, поющего со времен Отечественной войны и доныне, при этом сохраняющего «… звучное слово, / Вечно юное, вечно новое», которое способно воодушевлять читателя. Особенностью поэтического стиля Глинки автор стихотворения называет его «русскость» и библейскую ориентированность:

И не мнил он обеспечить
Беззаконный произвол –
В русском слове чужеречить,
Рвать язык родной, увечить
Богом данный нам глагол.
<……..>
Слух и сердце он лелеял, –
И от слова твоего,
От семян тех, что ты сеял,
Аромат библейский веял –
Отзыв неба самого.

Особенно важно, что и в пору нынешней войны Глинка «первый грянул / Православное «ура» – отметим неслучайную контаминацию двух общераспространенных поэтических элементов. Текст кончается мотивом креста и глинковской цитатой:

Крест – нам сила, крест – наш разум.
К нам, друзья! – Из-за креста
Мы весь мир окинем глазом
И «на трех ударим разом
Со Христом и за Христа!»

Довольно интересна солдатская песня «Жизни тот один достоин…», опубликованная в конце апреля в «Русском инвалиде» как приложение к тексту приказа князя Горчакова войскам 3, 4 и 5 пехотных корпусов, обязывающего разослать данную песню в войска для пения, поскольку «она есть выражение наших чувств и обязанностей»[567]. Более того, на данный

[566] Северная пчела. 1854. 12 мая.
[567] Русский инвалид. 1854. 27 апреля.

текст было сложено несколько маршей и военных песен, в частности и главным композитором николаевской империи, создателем музыки для национального гимна А. Ф. Львовым[568].

Первое четверостишие посвящено созданию образа «русского воина»: он «православный», всегда готов идти на смерть и «не считая бьет врагов». В следующей строфе французы, англичане и «турецкий глупый строй» вызываются на битву, а далее автор предрекает им скорейший проигрыш, поскольку в русских – Бог, а противники творят бесчинство – мучают православных людей:

Кровопийцы православных!
Бог накажет вас чрез нас.
Покровители поганых!
Вечный стыд и срам на вас.

В предпоследнем четверостишии продолжается мотив *готовности пожертвовать жизнью*, причем уточняются объекты защиты – это «царь» и «Россия». Кончается песня так:

Чувства мужества нас сродны;
Не страшна нам смерть в боях.
Богу храбрые угодны,
Им награда в небесах.

Летом 1854 г. война велась на трех основных театрах: в Балтийском и Белом морях[569] и на Кавказе. 12 / 24 июня англо-французская эскадра показалась вблизи Кронштадта – самой защищенной русской крепости в Балтийском море, взять которую союзному флоту было не под силу. Петербургская публика не опасалась вражеских кораблей, более того, относилась к ним «как к очень интересному зрелищу»[570]. Вот как июньское возбуждение публики описывал флигель-адъютант русского императора Эмиль Витгенштейн: «Мы ведем здесь (в Петергофе) самую оригинальную жизнь <…> англичане у нас на носу, а все живут как в мирное время. Все

[568] Антология военной песни. М., 2006. С. 358, коммент. *В. И. Калугина*.
[569] В действительности, английский флот действовал как в Белом, так и в Баренцевом море, однако традиционно эта кампания называется Беломорской.
[570] Из писем Ф.И. Тютчева во время Крымской войны. 1854 г. // Русский архив. 1899. №2. С.271.

дачи на берегу моря заняты; в парке и по берегу моря гуляет и катается масса публики, вооруженная зрительными трубами, в которые она следит за передвижениями неприятельского флота <…> Два раза в неделю из Петербурга отправляются в Кронштадт пароходы, нагруженные любопытными; они проходят мимо кронштадтских фортов и флота, в виду неприятельских судов; это в настоящее время одна из излюбленных прогулок. Дамы, проходя мимо наших военных судов, стоящих на рейде, под защитой фортов, махают платками и кричат “ура” громче мужчин…»[571]

Несмотря на возникающую обеспокоенность близостью союзного флота, представители столичных салонов все еще верили в несомненность победы русского оружия. Так, например, в письме от 5 августа 1854 года Ф. И. Тютчев размышляет о том, что Божественное наказание России будет «исправительным», тогда как ее врагов ждет казнь «окончательная и безвозвратная»[572].

В поэзии на появление союзнической эскадры вблизи столицы первым отреагировал Н. А. Некрасов (кстати, один из тех самых приморских дачников – в июне 1854 г. Некрасов жил на даче под Ораниенбаумом) с довольно неожиданным патриотическим стихотворением «Великих зрелищ, мировых судеб…»[573], которое предварял не самый подходящий ситуации эпиграф из Пушкина: «Вы громки на делах, попробуйте на деле». Впоследствии Некрасов дал стихотворению название «14 июня 1854 года» и снял эпиграф[574].

В произведении звучит оборонительный пафос, однако здесь, в отличие от большинства иных текстов 1853 – 1854 гг., он звучит искренне, потому что Некрасов не повторяет идеологический топос Крымской войны, а констатирует факт – вражеская эскадра угрожает столице Российской империи, Россия вынуждена защищаться, а союзники наступают. Подобно

---

[571] Воспоминания князя Эмиля Витгенштейна // Русская старина. 1900. Т. 102. С. 189-190.
[572] Из писем Ф.И. Тютчева во время Крымской войны. 1854 г. С. 277.
[573] Современник. 1854. № 7. С. 5.
[574] Об истории текста и обстоятельствах его написания см.: *Некрасов Н. А.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 1. Л., 1981. С. 617, коммент. *А. М. Гаркави.*

поэтам-славянофилам (Хомякову и И. Аксакову) и в отличие от проправительственно настроенных авторов, Некрасов не предсказывает победу России, а ожидает *Божьего суда*:

И ныне в урне роковой лежат
Два жребия… и наступает время,
Когда решитель мира и войны
Исторгнет их всесильною рукой
И свету потрясенному покажет.

В начале лета 1854 г. в Белое море вошел английский флот, а 6 / 18 июля силами двух паровых фрегатов «Бриск» и «Миранда» был атакован Соловецкий монастырь. На следующий день английские парламентеры передали обороняющимся ноту, в которой требовали немедленной сдачи и на которую настоятель монастыря архимандрит Александр ответил отказом. После этого началась бомбардировка, продолжавшаяся более девяти часов, не приведшая, однако, к особым результатам – стены и здания обители не были разрушены (хотя довольно сильно пострадали). На следующий день британские корабли отошли от Соловецкого монастыря ни с чем[575]. 9 / 21 июня на острове Кий высадился союзный десант, который поджег несколько деревянных зданий и разграбил основанный патриархом Никоном Онежский Крестный монастырь – в числе прочего были похищены шестипудовый колокол, несколько пушек и десять золотых монет[576].

О произошедших событиях публика узнала из очередного «Известия с Белого моря», опубликованного в 161-м номере «Северной пчелы» за 1854 год[577]. На это сообщение откликнулся Н. А. Арбузов стихотворением «По прочтении известия с Белого моря, что англичане после бомбардировки Соловецкого монастыря увезли с монастырской колокольни на острове Кий

---

[575] *Тарле Е. В.* Крымская война Т.2. С. 163-164.
См. также: Соловецкий монастырь и описание бомбардирования его англичанами 7-го июля 1854 года. М., 1855. 46 с.
Мельникова Л. В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты. // Российская история. 2005. № 5. С. 165-182.
[576] *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975. С. 140-141.
[577] Северная пчела. 1854. 21 июля.

колокол», которое было напечатано в той же газете в конце августа[578]. Лирический герой удивлен необычной кражей («Просто чудо! Англичане / Стали красть колокола! / Эх, трофеи-то какие! / И зачем вам надо их?») и предостерегает врагов от лития из медных русских колоколов пушек:

Если колокол молитвы,
Приносивший Божью весть,
Вы похитили для битвы –
Это делает вам честь;
Но хоть разом обберите
Наши все колокола.
Все их в пушки обратите –
Русь останется цела.

Даже без колоколов Россия сможет победить противников, потому что звон колокола каждый русский слышит в сердце и потому что у русских есть штыки, которыми они смогут зазвонить на поле брани (образ хоть и довольно нелепый, но оригинальный):

То над ними затрезвонят
Уж не в колокол – в штыки.
Слава Богу, их довольно!
Вам покажется невольно,
Что во все колокола
Звон Россия подняла.
А у ней-то, у родимой,
Что ни парень, то звонарь;
Не ударит, верьте, мимо,
Только пусть прикажет царь.

Обороне Соловецкого монастыря было посвящено еще несколько текстов, один из которых под заглавием «Соловецкая обитель (7 июля 1854)» принадлежал С. П. Шевыреву (382). В центре произведения – противостояние «безбожного флота» поклонников «язычества страстей» и защитников крепости, вдохновленных на подвиги основателями Соловецкого монастыря преподобными Зосимой и Савватием и охраняемых «чудотворящим крестом». Описание обороны обители представлено в стихотворении в сугубо онтологическом модусе и лишено хоть какой-то

[578] Северная пчела. 1854. 27 августа.

конкретики. Данное стихотворение, а также сходная с ним по пафосу статья Погодина, опубликованная в «Московских ведомостях»[579], по словам историка Е. В. Тарле, «затушевывали перед читателями реальный человеческий героизм, который проявили и архимандрит Александр и все население острова, без всяких колебаний отказавшиеся сдаться и рисковавшие жизнью, предпочитая скорее потерять ее при абсолютной невозможности защищаться, чем добровольно допустить врага на русскую землю»[580].

Наиболее активные действия в течение лета 1854 г. велись на Кавказе, где российские войска одержали несколько важных побед. 4 / 16 июня произошло сражение у р. Чолок, в котором генерал-лейтенант И. М. Андроников атаковал 34-тысячную турецкую армию. Результатом боя стало отступление турок. 17 / 29 июня войсками Эриванского отряда, которым командовал генерал-лейтенант К. К. Врангель, был разгромлен Баязетский корпус, что позволило уже через два дня взять город Баязет – довольно важную точку на англо-персидском торговом маршруте. Главным триумфом русского оружия стал разгром 60-тысячной турецкой Анатолийской армии, который был нанесен 18-тысячным отрядом князя В. О. Бебутова при Кюрюк-Даре. Войско Бебутова заполучило в качестве трофеев 15 орудий, 26 знамен и значков и около 2000 пленных[581]. Несмотря на заметные успехи Кавказской армии, ее командование понимало, что в долгосрочной перспективе противостоять численно превосходящему противнику, а также находящимся под началом Шамиля неспокойным горцам корпус не сможет. Осенью 1854 г. кавказские командиры обратились к императору с просьбой об усилении корпуса. Однако Николай I решил иначе – назначил генерал-адъютанта Н. Н. Муравьева Кавказским наместником и главнокомандующим Кавказского корпуса, потребовав от него сохранить нынешнее положение вещей, не ожидая подкреплений, –

[579] *Погодин М. П.* Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения // Московские ведомости. Литературный отдел. 1854. № 97.
[580] *Тарле Е. В.* Крымская война Т. 2. С. 164.
[581] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 432-433.

условия, на которые не были согласны ни нынешнее Кавказское командование, ни возможные кандидаты на этот пост (например, князь Горчаков)[582]. В течение первой половины 1855 г. Муравьеву, имевшему довольно скромные ресурсы, удалось стабилизировать ситуацию[583].

Интересно сравнить обращения к солдатам двух генералов – Бебутова и Муравьева. После триумфальной победы при Кюрюк-Даре Бебутов следующим образом обратился к войску: «Храбрые товарищи! Долго вы ждали встречи с неприятелем и горели нетерпением с ним сразиться, но я выжидал благоприятного для сего момента и не вел вас. Узнав же в ночь с 23-го на 24-е июля, что турки, надеясь на свою многочисленность, решились наконец дать сражение в открытом поле, я с упованием на всемогущего Бога, всегдашнего поборника оружия русского, и уверенный в вашей непоколебимой храбрости, смело пошел с вами навстречу врагу и – ни тройное превосходство турок в числе, ни многочисленная их артиллерия, ни советы и участие новых их союзников, Европейских эмигрантов не могли спасти турецкие войска от ударов ваших. Неприятель, охвативший нас с трех сторон своими громадными колоннами и мечтавший смыть наконец стыд поражений, постоянно вами ему наносимых, после шестичасового кровавого боя снова был опрокинут на всех пунктах. Вы опять видели пред собою беспорядочные толпы его бегущими и оставляющими в руках наших часть своей артиллерии, знамена и пленных. Принеся благодарственную молитву Господу Богу за дарованную победу, святым долгом считаю от сердца благодарить вас, мои храбрые и добрые товарищи, за ваши чудные подвиги. Не считаю себя в праве наименовать здесь кого-либо: вы все, от генерала до солдата, в этот день были герои <…>, а теперь с теплой молитвой в сердце повторим слова Е. В.: «На тя Господи уповахом, да не постыдимся во веки»[584]. Кроме мотива *Бога* и некоторой библейской ориентированности, характерной для подобных военных документов всего XIX века, приказ

[582] *Тарле Е. В.* Крымская война Т.2. С. 406.
[583] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 435-436.
[584] Приказ кн. Бебутова по действующему Корпусу на Кавказско-Турецкой границе от 29 июля 1854 года, № 245 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. Т. 10. Тифлис. 1885. С. 809.

генерала, участвовавшего в различных войнах, происходивших на Кавказе в течение более 40 лет, никак не соотносится с современной ему государственной идеологией.

Уже первый приказ кавказцам Муравьева, присланного императором, по словам Е. В. Тарле, «по капризу»[585] и сильно как по знатности, так и по заслугам уступавшему иным генералам Крымской войны и своему предшественнику князю М. С. Воронцову, звучал совершенно иначе, он целиком состоял из идеологических штампов позднего Николаевского государства – в тексте явлены мотивы *Святого дела*, *неверных (турок)*, *православия* и *Бога* как защитника России, кроме того, в нем присутствует апелляция ко временам *Отечественной войны*: «Для России настала година испытаний. Уже многие сотни тысяч ратников ополчаются на защиту родного края, воскрешая в памяти бессмертное время войны отечественной. Станем же и мы полные рвения и готовности за святое дело. Вспомним недавние подвиги, еще свежие в памяти неверных, и грянем все дружно, с единодушием, с теплой верой в правосудие Божие, на нечестивого врага России и православия».[586]

Кавказские победы вызвали поэтический отклик. Так, П. Ф. Алексеев, вдохновившись успехом русского войска при Кюрюк-Даре, в августе написал стихотворение «На победу под Карсом» (314-316), которое впоследствии вошло в авторский сборник «Современный голос к славе и чести русских ратников» (СПб., 1854), подготовленный с явно прагматическими целями[587]. Алексеев создает агитационное произведение, опираясь на жанр псевдонародной солдатской песни, насыщая текст неуместными фольклорными мотивами, вроде: «Было много сивок-бурок / По дороге на Мешко! / Сивки-бурки не для турок; / Им не влезть в одно ушко!» Начинаясь строками «С нами Бог! ура! ребята – / Царства белого орлы», стихотворение

---

[585] *Тарле Е. В.* Крымская война Т.2. С. 408.
[586] *Берже А. П.* Николай Николаевич Муравьев во время его наместничества на Кавказе. 1854-1856 // Русская старина. 1873. № 10. С. 608.
[587] См. статью об авторе, подготовленную *Н. Г. Охотиным*: Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Том 1. М., 1989. С. 47.

транслирует и другие штампы: турки названы *басурманами*, русские военачальники – *богатырями*, русские воины сражаются за «двуглавого орла». Особенно комичным оказывается четверостишие, в котором лирический герой описывает патриотическое воодушевление русских лошадей, почти готовых вымолвить «ура»:

Вслед за ними, для погони,
Пущен конницы отряд;
Через пушки скачут кони,
Чуть «ура!» не говорят.

Кончается текст поклоном славословием военачальникам («Князю Бебутову слава, / Всем начальникам поклон / Шлет полуночи держава. / Ваши подвиги не сон!») и «православной Руси» и «Белому царю».

Возникают, однако, и более «настоящие» солдатские песни, сочиненные простыми участниками военных действий, в которых встречается заметно меньше идеологических штампов. К ним относятся две «Солдатские песни про Чолокское сражение» унтер-офицера Белостокского пехотного полка Михаила Родионова (309-311). Если в первой из песен присутствуют общие места поэзии Крымской войны – русские воины сражаются «за царя, его державу», то во второй (кроме «ура») их нет: текст рассказывает о сражении при р. Чолок с точки зрения простого солдата. Более того, фольклорные песенные элементы здесь кажутся довольно органичными:

Ревон речку перешли,
Мы турецкий след нашли.
Ой, калина, ой, малина,
Мы турецкий след нашли.
Мы под Супсу подходили,
Много турок там разбили.
Ой, калина, ой, малина,
Много турок там разбили.
К Озургету подошли,
Мы завалы там наши.
Ой, калина, ой, малина,
Мы завалы там нашли.
Близко к ним не подходили,

Хоть картечью в нас пустили.
Ой, калина, ой, малина,
Хоть картечью в нас пустили.
Мы картечи не боялись,
На ура в штыки бросались.
Ой, калина, ой, малина,
На ура в штыки бросались.

Еще одной ареной войны летом 1854 г. ненадолго стал Дальний Восток. 16 / 28 августа вблизи Петропавловска-Камчатского показалась союзная эскадра в составе пяти фрегатов и одного парохода, а на следующий день началась бомбардировка города. Столицу Камчатки удалось отстоять благодаря случайно зашедшим в нее летом русским кораблям: фрегату «Аврора», совершавшему кругосветное плавание, и транспорту «Двина», на борту которого оказалось 300 солдат. Обороняющимся (около тысячи человек) удалось выдержать морскую атаку и не допустить высадки союзного десанта, после чего эскадра была вынуждена отступить. Командир союзных кораблей, потерявший более двухсот человек в, казалось бы, решенном деле, застрелился[588].

На известие о сражении стихотворением «И туда» отреагировал В. Г. Бенедиктов (393). Произведение было написано в августе-сентябре 1854 г., а опубликовано только в 1857 г.[589] Текст построен на вычурном и никак не связанном с произошедшим событием противопоставлении кровожадных британских агрессоров и миролюбивых камчадалов, отказывающихся пускать стрелы в людей:

Камчадал! Пускай в них стрелы!
Ну, прицеливайся! Бей!
Не зевай! В твои пределы,
Видишь, вторгнулся злодей. –
И дикарь в недоуменье…
Слышит странное веленье:
«Как? Стрелять? В кого? В людей?»
И, ушам своим не веря:
«Нет, – сказал, – стрелу мою

[588] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 470-471.
[589] Сын Отечества. 1857. № 17 (28 апреля). С. 391.

Я пускаю только в зверя,
Человека я не бью».

В конце августа – начале сентября 1854 г. союзный флот приблизился к Крымскому полуострову. Англо-французская эскадра почти вдвое превосходила русскую в количестве кораблей и в разы в качестве и скорости судов. Семь русских кораблей (пять фрегатов и два линейных корабля) были настолько старыми, что было решено их затопить, закрыв тем самым проход в бухту союзным судам[590]. 1 / 13 сентября в Евпатории был высажен первый союзный десант, а 6 / 18 сентября была завершена высадка основных сил, состоявших из 65000 человек при 96 орудиях[591]. Командующий русскими войсками князь А. С. Меншиков, имея под своим началом 34000 человек и 88 орудий, занял оборонительную позицию при реке Альма. Русская армия уступала врагу не только в числе, но и в уровне обучения и количестве штуцеров – современного дальнобойного стрелкового оружия: если в британской армии было 15000 штуцерников, то в русской – всего 2000. Основная же часть войска пользовалась старыми гладкоствольными ружьями образца еще 1808 года[592]. 8 / 20 сентября союзные войска атаковали армию князя Меншикова, в результате многочасового боя русское войско было вынуждено отступить. После небольшой передышки 11 / 23 сентября англо-французы продолжили движение к Севастополю, в тот же день Меншиков предпринял сложное, но единственно правильное в нынешних обстоятельствах решение – покинул Севастополь и перебросил армию к Бахчисараю, чем, с одной стороны, обеспечивал связь и снабжение Крымского полуострова с «большой землей», а с другой – создавал сложности для перемещения союзных войск и их снабжения. После ухода армии гарнизон Севастополя составлял около 18000 человек[593].

---

[590] Затопление кораблей и реакция на это моряков описаны в: *Бабенчиков Н.* Атака Севастополя англо-французским флотом в 1854 году и ее соотношение к сосредоточению орудий с береговых батарей // Артиллерийский журнал. 1870. № 2. С. 246-248.
[591] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 440-442.
[592] Стоит, правда, заметить, что во французской армии ситуация с нарезными ружьями была не лучше, чем в русской. В основном, французы использовали гладкоствольные ружья образца 1777 года.
[593] Там же. С. 443-448.

Севастополь был ненадежно защищен с берега и почти не имел укреплений с суши[594]. В течение нескольких дней до подхода противника к городу под руководством военного инженера Э. И. Тотлебена были построены новые укрепления, в создании которых участвовали не только военные, но и почти все мирное население города. Благодаря этим работам город не был занят в сентябре 1854 г[595]. 14 / 26 сентября англичане взяли Балаклаву, ставшую их базой в Крыму. 5 / 17 октября была произведена первая бомбардировка Севастополя – обстрел велся как с суши, так и с моря, – в ходе которой погиб адмирал В. А. Корнилов. Обстрелы города продолжались почти месяц, до 2 / 14 ноября. Пока англо-французские войска бомбардировали Севастополь, заблаговременно выведенная из него русская армия атаковала Балаклаву: в результате сражения были захвачены орудия и иные трофеи, однако британский лагерь взять не удалось. 24 октября / 5 ноября Меншиков, имея уже около 90000 человек (союзное войско насчитывало около 70000), начал наступление под Инкерманом, которое было отбито противником. Потери русской стороны составили 6 генералов, 256 офицеров и почти 10500 солдат (англичане потеряли 271 офицера и 4027 солдат). Однако сражение нельзя назвать полностью неудачным – в результате него союзникам пришлось укреплять тылы, что вызвало ослабление артиллерийского огня и облегчило положение осажденного Севастополя[596].

Интересно, что даже после высадки союзного десанта севастопольцы были уверены в невозможности взятия города. В дневнике генерала А. К. Баумгартена, прибывшего в Севастополь 19 сентября, следующим образом характеризуются настроения жителей города: «…мысль о невозможности штурма распространяется. При первом известии о десанте все в Севастополе в полном восторге, полагая, что Светлейший (князь

---

[594] *Шильдер Н. К.* Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. СПб., 1885. Т. 1. С. 263-266.
[595] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 451-452.
[596] Там же. С. 453-461.

Меншиков – *К. Х.*) может собрать против неприятеля до 70 000»[597]. После начала обстрелов настроения горожан, естественно, изменились.

Известие о неудаче при р. Альма поразило все общество, впервые о возможном поражении в войне заговорили представители светского общества[598]. Окончательно упали духом славянофилы. Сергей Аксаков в письме сыну Ивану от 16 сентября 1854 г. писал, что, по его мнению, русские «должны потерять Севастополь, а вследствие того и флот»[599]. В отчаяние пришел и Самарин, убежденный в неминуемой потере Крыма[600]. Опечалены были и западники: после высадки союзного флота в Крыму и поражения при р. Альма Т. Н. Грановский решил, что дела русских войск «очень плохи»[601]. В возможность скорой потери главного крымского города поверили декабристы. И. Д. Якушкин писал, что после сражения при р. Альма все в Иркутске начали ожидать вестей о взятии Севастополя[602].

Окончательно проправительственные круги разуверились в возможности скорой победы после осенних сражений 1854 г., особенно сильно на общественное мнение подействовало известие о неудаче под Инкерманом[603]. Отрезвленные поражением славянофилы начали указывать на техническую отсталость русской армии. В конце октября Иван Аксаков писал, что в инкерманском сражении на стороне союзников были «наука, искусство, талант, храбрость, все материальные средства», а русские обладали лишь «правдой дела и личным мужеством войск»[604]. Это мнение разделяли и западники: Б. Н. Чичерин, рассуждая об осенних неудачах русской армии, с едкостью отмечал: «…войска образованных народов не так легко закидать шапками, как воображали закоренелые патриоты»[605].

---

[597] *Баумгартен А. К.* Дневник 1854 и 1855 гг. // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 1. С. 124.
[598] *Тарле Е. В.* Крымская война Т.2. С. 96-101.
[599] Цит. по: Там же. С. 100.
[600] Там же.
[601] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 113.
[602] *Якушкин И. Д.* Записки, статьи и письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 412.
[603] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 46-47.
[604] Цит. по: Там же. С. 85.
[605] *Чичерин Б. Н.* Воспоминания // Русские мемуары (1826-1856) М., 1990. С. 297.

О разочаровании общества свидетельствует и заметное сокращение количества военных стихотворений осени – зимы 1854 г. Задушенная цензурным террором позднего николаевского государства поэзия не могла служить выразителем смены общественных настроений, ей нечего было предложить взамен победоносной идеологической риторики. Поэтому в стихотворениях вт. пол. 1854 г. продолжают звучать те же ничего не значащие и уже почти ни у кого не вызывавшие живого отклика общие места.

В сентябрьском стихотворении П. Селезнева «Молитва сынов России» (33) лирический герой обращается к Богу, прося у того заступничества от врагов, которые «…днесь с Запада восстали / На царство наше – и царя». Отдельно в тексте звучит обращение к Деве Марии, чтобы она прославила оружие Николая, «России мудрого царя».

Собранием идеологических штампов становится написанное в конце 1854 г. стихотворение А. Ступиной «Таврида Уралу» (219-221), в котором русские территории оказываются носителями «правильных» характеристик – Петербург называется «Руси головой», Киев «старцем православным», а река Дон – «богатырем», более того, все они «орлами встрепенулись» и начали помогать сестре Тавриде, когда та попала в беду. В произведении, естественно, звучит и «ура», и «православная Русь», и «с нами Бог»; возникает мотив *креста*, а главным в тексте становится верноподданнический пафос:

Слова царского роднее
    Русский не знавал!
Слышь, как дети православных
    Русских матерей
Встретили своих державных
    Дорогих гостей!
Их Россия приучила
    Так любить царей
И любви их поручила
    Царских сыновей!

В ситуации общего уныния активизировался Фаддей Булгарин – штатный автор Третьего отделения. В сентябре – ноябре 1854 г. в «Северной пчеле» булгаринские стихотворения выходят по нескольку раз в месяц. Уже первое из них – «Не страшны ваши нам безбожные союзы…», опубликованное 11 сентября[606], – оказывается экстрактом николаевской идеологической системы. Русские не боятся англичан, турок и французов, их «длинных пушек» и «могучего флота», потому что:

По слову царскому – Россия вся восстанет,
И год *двенадцатый* со славою вспомянет.
За Русь и за царя охотно жизнь дадим:
Россию отстоим – умрем иль победим!

В следующем поэтическом произведении[607] Булгарин обличает английскую бездуховность и жажду наживы, а в третьем[608] уверяет «друзей врагов Христа», которые «засели в Балаклаве», в непобедимости России:

Скорей откусите кусок вы от Луны,
Чем оторвете клок от русския страны!
Бессмертна наша Русь, и край наш невредим:
За веру, за царя – умрем иль победим!

5 ноября в стихотворении «Непиру ром служил отрадой…»[609] Булгарин убеждает читателей в том, что близость к столице вражеских кораблей вредит только им самим, никак не угрожая Петербургу: «Блокада лишь наносит вред / Союзникам султанским; / А тосты русских в честь побед / Мы будем пить *шампанским*!» Показной оптимизм не покидает автора и в конце ноября – после ощутимых поражений армии князя Меншикова и месячной бомбардировки Севастополя он пишет такой текст:

Всем этим хвастунам скажу по правде я:
Что русского орла спугнуть с гнезда – нельзя.
Тщеславье и корысть их крепко обманули,
Ведь русских им нельзя глотать так, как пилюли!
Восстанет Русь, умрет за своего отца!..
Но мы не хвастаем – а подождем конца[610].

---

[606] Северная пчела. 1854. 11 сентября.
[607] *Булгарин Ф. В.* «Для англичан дела тогда лишь хороши…» // Там же. 18 сентября.
[608] *Булгарин Ф. В.* «Когда в пустых мечтах о прибыли, о славе…» // Там же. 20 октября.
[609] Там же. 5 ноября.
[610] *Булгарин Ф. В.* «Всем этим хвастунам скажу по правде я…» // Там же. 27 ноября.

В основном в поэзии второй половины 1854 г. звучит Крымская тема, причем на удивление мажорно. На известие о высадке союзного десанта П. П. Зубов пишет стихотворение, красноречивое уже своим названием, – «Не уступим мы ни шагу, с нами Бог! Вперед – ура!» (334-337), которое было издано отдельной брошюрой (М., 1854). В тексте эксплуатируются почти все распространенные мотивы. Интересней стихотворение «На бой при реке Альме» П. Ф. Алексеева (494-495), одного из главных героев данной главы. Автор продолжает эксплуатировать жанр солдатской песни с некоторыми уже ранее использовавшимися им псевдонародными элементами – в частности, в концовке произведения вновь появляются «сивки-бурки»: «Бурка вывезет, ребята, / Из беды богатыря; / Станет храброго солдата, / С верой в Бога, у царя!» Алексеев спорит с, казалось бы, бесспорным фактом проигрыша русских войск при р. Альма, описывая, как «бритты» и «галлы» кричат будто бы «расщелкали» русских, хотя бой был равным:

Нам при Альме было жарко,
Да неловко и врагам;
Штык в крови сверкал неярко,
Гром гремел по берегам!..

Примечательно дебютное стихотворение тринадцатилетнего А. Н. Апухтина «Эпаминонд» (423-424), в котором погибший адмирал Корнилов уподобляется герою античной истории Эпаминонду – командующему фиванской армией, одному из реформаторов древнегреческого полководческого искусства. Довольно свежее для 1854 г. произведение в кульминации все-таки не свободно от идеологической банальности:

Врагов отечества громил
И Севастополь величавый
Надежней стен оберегал…
Но смерть поспорила со славой,
И верный сын России пал.
За славу, честь родного края.
Как древний грек, он гордо пал,
И, всё земное покидая.
Он имя родины призвал.

Но у бессмертия порога
Он, верой пламенной горя,
Как христианин – вспомнил Бога.
Как верноподданный – царя.

Впоследствии Апухтин станет единственным поэтом времен Крымской войны, который вернется к ее теме[611]. В 1869 г. в пятнадцатилетнюю годовщину начала героической обороны Севастополя поэт напишет «Солдатскую песню о Севастополе»[612], в которой будет явлен зрелый взгляд на прошедшую войну, не застилаемый государственной пропагандой. В драматическом по звучании стихотворении Апухтин противопоставляет поражение в Крымской войне былым триумфам русского оружия и признаёт поражение России:

Не весёлую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.

Я спою вам о том, как от южных полей
Поднималося облако пыли,
Как сходили враги без числа с кораблей
И пришли к нам, и нас победили.

Однако не отказывается видеть героизм и стойкость защитников Крымского полуострова:

А и так победили, что долго потом
Не совались к нам с дерзким вопросом;
А и так победили, что с кислым лицом
И с разбитым отчалили носом.

Этот текст Апухтина близок по настроению «Песни барда над гробом славян-победителей» Жуковского – в обоих песнях действительное поражение осмысляется как нравственная победа, которая обязательно приведет к реальным успехам; оба стихотворения выполняют терапевтическую функцию, пытаются проработать национальную травму. Однако если в пору русско-французских войн начала века такое

[611] *Ратников К. В.* Крымская война и русская поэзия. С. 655-666.
[612] *Апухтин А. Н.* Полное собрание стихотворений. Л., 1991. С. 152-153.

стихотворение могло возникнуть на современном материале (несмотря на официальное непризнание Аустерлицкого поражения, которому посвящено произведение Жуковского), то идеологический и поэтический климат позднего николаевского государства этого не позволял – для возникновения подобного текста понадобились больше десяти лет и радикальная смена государственной аксиологической парадигмы.

Отдельным сюжетом для поэтического восхваления станет весть об отправке Николаем I своих младших сыновей Николая и Михаила для поднятия духа войск в осажденный Севастополь. Известно, что великие князья, кроме прочего, участвовали в Инкерманском сражении – они несколько раз выезжали к сражающимся, чтобы лично их поддержать. За храбрость, проявленную на поле боя, оба великих князя получили Георгиевские кресты 4-й степени. Императорские сыновья выполняли еще одну важную функцию – они систематически посещали севастопольские госпитали и перевязочные пункты, общались с ранеными бойцами[613].

В декабре 1854 г. было написано и издано в «Северной пчеле» стихотворение Р. М. Зотова «Два подвига»[614], посвященное возвращению Николая и Михаила в столицу. Если первый подвиг «юнейшних птенцов могучего орла», «богатырей и молодцов» великих князей был полностью выдуман Зотовым:

Вы, презирая смерть, шли смело впереди,
И вот на доблестной груди
Георгий, храбрых знак, приветливо сияет,
И вся Россия прославляет
Двух царственных орлов ко славе смелый путь,
<…….>
Шли смело грудью в бой, храня завет отцовский,
Благочестивый и геройский,
Чтоб *лечь костьми* или со славой победить,
Но Русь вовек не постыдить.

[613] О пребывании великих князей Николая и Михаила Николаевичей в Крыму см.: *Курочкин С. С.* «Великие князья Николай Николаевич старший и Михаил Николаевич в Севастополе в 1854 – 1855 гг. (по официальным документам архива А. И. Философова) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 7 (73). № 1. 2021. С. 86-95.
[614] Северная пчела. 1854. 28 декабря.

То второй – «Больным и раненым вы простирали руку / И лаской ангельских речей / Тех утешали, тех смягчали боль и муку…» – имел под собой реальные основания. Великие деяния царских сынов – это «подвиг истинный перед царем и Богом» (отметим отсутствие здесь *русского народа* или хотя бы *России*).

В некоторых поэтических текстах, однако, идеологические константы утрачивают присущий им до этого момента пафос, цельность идеологической структуры начинает расшатываться прорывающейся сквозь нее тревожной интонацией. Интересна смена настроений Ф. И. Тютчева в течение 1854 года. Если еще в августе он размышляет о неминуемости поражения врагов России, то к концу октября, после крымских неудач армии Меншикова, осознает опасность нынешней войны, что выразилось в неопубликованном в годы Крымской войны стихотворении «Теперь тебе не до стихов…» (254). В тексте лирический герой обращается к «русскому слову» как субстрату всего *русского* – именно ему «Не целый мир, а целый ад <…> грозит ниспроверженьем», ему «готовят плен» и «пророчат посрамленье» противники, которых поэт характеризует в крайне резкой форме:

Все богохульные умы.
Все богомерзкие народы
Со дна воздвиглись царства тьмы
Во имя света и свободы!

Ценность *русского слова* заключается в том, что оно «… будущих времен / Глагол, и жизнь, и просвещенье!», а нынешняя война – испытание, в котором *оно* должно остаться самим собой и «оправдаться перед Богом». Несмотря на грубое противопоставление русского слова (русских) и «богохульных умов» (союзников), на котором выстраивается текст, в произведении не слышна шапкозакидательская риторика, оно не становится перепевом общего. Еще дальше от «правильного» понимания происходящих событий Тютчев отходит в ноябрьском письме жене, в котором отмечает, что в столице достаточно людей, которые «благодаря своему положению» могут

причинить намного больше вреда России, чем ее военные соперники»[615]. Более всего растерянность и страх поэта перед будущим выразились в стихотворении «На новый 1855 год» (33-34), которое не могло быть опубликовано ни в 1855, ни в 1856 году. В тексте Тютчев размышляет о том, как судьба разрешит ведущееся большое противостояние народов. Основным героем стихотворения становится Новый год, представленный в виде аллегории, который несет с собой два меча: один для битвы, другой же для того, чтобы занести его над шеей проигравшего. Но кто им окажется – лирический герой не знает ответа:

Но для кого?.. Одна ли выя,
Народ ли целый обречен?..
Слова неясны роковые.
И смутен замогильный сон...

В декабре новое стихотворение, названное по первой строчке «Бывало, уловить из жизни миг случайный…», написал Аполлон Майков (245-246). Интересной особенностью текста становится неиспользование общих мест, произведение вызывает впечатление довольно искреннего:

Благодарю Тебя, Творец, благодарю,
Что мы не скованы лжемудростию узкой!
Что с гордостью я всем сказать могу: «Я русский!»,
Что пламенем одним с Россией я горю!

В стихотворении возникает довольно важный для 1854 г. мотив *суда*, но здесь – это суд не *Божий*, а *истории*, на котором Россия явит себя носительницей сильного духа: «На суд истории: да мир гордый поймет, / Что тот же мощный дух и доблесть в нас живет, / Которые мы чтить умеем в иностранцах, – / В защитниках креста, в римлянах и спартанцах!»

Однако стихотворения Тютчева и Майкова – едва заметное отклонение от общего поэтического курса. В большинстве поэтических произведений продолжает греметь уверенность в скорейших победах и уверения в любви к царю. 6 декабря, в день именин Николая I, Вяземский пишет ему

[615] Цит. по: *Федянова Г. В.* Эволюция мотивов монархии в русской поэзии периода Крымской войны (1853-1856) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Специальный выпуск. 2008. С. 153.

поздравительное послание[616], выстраивая его как мнимый диалог *народа* – от лица которого говорит поэт – и *царя*. В тексте «праздник русского царя» называется «праздником Руси православной», а у «богомольного народа» лишь одна мысль в этот день – помолиться за спасение царя. В том же настроении находится и русское войско:

Многолетие поется;
И от ратного шатра
До палат и хат несется
Богатырское «ура!».
Этот клик не отзыв тщетный!
Он наследственный у нас,
Он пророчески-заветный:
Глас народа – Божий глас.

Кончается текст мыслью о непреложном единстве русского *народа* и *царя*: «Пусть нам строят козни злые, / Будет то, что было встарь: / Отстоит царя Россия! Отстоит Россию царь!»

14 декабря 1854 г. был обнародован Высочайший манифест «О воззвании к России по случаю настоящей [Крымской или Восточной] войны», целью которого становится поддержание духа подданных в тяжелой ситуации конца 1854 г. Документ более остальных царских грамот конца 1840-х – начала 1850-х гг. подобен александровским манифестам времен Отечественной войны 1812 г. – в нем звучит не свойственный николаевской риторике *сословнообъединящий пафос* («общий всех сословий в государстве порыв усердия»), признается *особая роль русского народа*, к которому император прямо обращается («Россияне!»), центральный абзац текста почти целиком посвящен восхвалению *храбрости русских войск*, отразивших вражеские атаки на побережье Финляндии, Соловецкого монастыря, Петропавловска-Камчатского, обороняющих Севастополь и достигающих заметных успехов на Кавказе. *Оборонительный пафос* впервые в николаевских манифестах обретает действительное значение: «… они (вражеские войска – *К. Х.*) действуют против Нас вооруженной рукой не в

[616] *Вяземский П. А.* 6 декабря 1854 (438).

Турции, а в пределах Наших собственных владений…» При этом идеологические доминанты в документе не сменяются: единство и храбрость русского народа не означает его субъектности – он храбр и объединен «чувством любви к Нам (императору Николаю – К. Х.) и Отечеству», а свершать народ должен все то же «Святое дело» – защищать православный миропорядок (неважно, что *Святое дело* кардинально сменило свое значение: из защиты интересов православных подданных султана на Турецкой территории оно обернулось желанием императора сохранить Крым).

Несмотря на, в общем, довольно льстивую интонацию и искренность, манифест не был принят обществом. Императорское слово уже не могло воодушевить население Российской империи – слишком часто оно откровенно противоречило правде. Известно, что славянофилы отнеслись к декабрьскому императорскому воззванию холодно, а Самарин вообще воспринял его в штыки[617].

Однако избранные поэты бравурно ответили и здесь. Д. П. Ознобишин начал стихотворение «К ружью! (Высочайший манифест 14-го декабря 1854 года)» (472) следующей строфой:

С крестом в руке, с железом в длани!
Вперед, по манию царя!
И стар, и млад готовы к брани,
К святой защите алтаря!

Далее в тексте возникает глинковский «трехгранный штык», «дряхлый Запад», союзники называются «новыми полчищами Батыя», которым русские «напомнят день Бородина». Кончается произведение неточной пушкинской цитатой: «К ружью, к ружью!.. Хоругви веют! / Вперед! С молитвой к Богу сил! / И кости вражьи побелеют / *Среди нечуждых им могил!..»*

Апелляцией к наследию Пушкина начинается другой посвященный царской грамоте текст – «По случаю Высочайшего манифеста 14-го декабря 1854 года» В. Боброва (473): «Зачем, народные витии, / Тщеславья жалкие

[617]*Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 88-89.

сыны, / Вы возмутили мир России, / Внесли в нее грозу войны?» Даже в контексте поэзии 1854 г. данный текст выделяется слишком ревностным верноподданничеством:

Как сильны мы, как неизменны
В святой любви к своим царям?
За честь Отечества и трона
Всё достоянье принесем;
Оставив жен, детей и домы,
И стар и млад на бой пойдем!
Один призыв, одно лишь слово
Отца-царя к своим сынам,
И станет Русь грозою новой
На гибель, страх и смерть врагам!

Те же уверения находим в стихотворении П. Г. Ободовского «Белому царю от верного русского народа (По прочтении высочайшего манифеста от 14 декабря 1854 года)» (473-474):

Русь готова к жертве кровной.
Ясным оком поведи:
Мы восстанем поголовно,
Меч в руке, а крест в груди!
<……..>
Молви верному народу:
«С Богом, детушки, вперед!»
Мы пойдем в огонь и в воду,
Как в двенадцатый наш год.
Та пора настанет снова,
Тех же встретит в нас и враг:
Мы от знамени родного
Не отступим ни на шаг;
Отразим мы силу силой.
Царь! от нас победы жди:
С нами «Господи, помилуй!»,
Меч в руках, а крест в груди!

Поэзию второй половины 1854 г. можно назвать симуляционной. Стихотворцы восхваляют то, чего нет, вместо репрезентации действительного – что русская поэзия (в том числе и военная) умеет делать уже около полувека – поэты обращаются к топике и мифологии истории. Одическая стилистика в середине века, казалось бы, была изжита, но основной ее принцип – отказ от изображения в пользу создания как бы

аналогичного образа – остался, причем приобрел новый оттенок лживости. Ода не может обманывать – она как жанр построена на идее креации, а не дискрипции, она создает идеал лица или события и восхваляет его. Поэзия же 1850-х гг. симулирует – то есть (пользуясь определением Жана Бодрийара) делает вид, что у нее есть то, чего она не имеет[618]: победы вместо поражений, всезнающий герой-царь вместо обманывающего себя самого испуганного запутавшегося императора, всемогущая армия плац-парада заместо плохо снаряженного и обмундированного действительного русского войска. Авторы осознают тот факт, что занимаются созданием фикций, а потому из текста в текст твердят успокоительную мантру: нынешняя Россия тождественна России прошлого – Руси. Однако николаевское государство не идентично ни Древней Руси, ни александровской империи – оно симулирует сходства. Акцентуация этих виртуальных совпадений создает ощущение существования неких вневременных ценностных ориентиров, определяющих сущность Российского государства и служащих залогом его могущества.

Различие одического и симуляционного поэтических модусов лучше всего демонстрируется на сравнении «Раскаявшейся России» Хомякова и поэзии Федора Глинки и Вяземского. Если Хомяков восхваляет созданный им идеал, то Глинка и Вяземский притворяются, что современная им Россия – всемогущая богоизбранная Святая Русь. Удивительно, как Крымская война, самое важное геополитическое событие как минимум сорока (а то и сотен) лет, – война, ведущаяся на русских территориях, в течение которой русский город почти год находится в осаде, а в непосредственной близости русской столицы впервые за ее историю оказываются вражеские силы – почти не становится предметом живого поэтического отклика. Поэзия здесь не играет ведущую роль – она отражает симуляционную природу государственной идеологии.

---

[618] В данном фрагменте работы термин *симуляция* трактуется и поясняется в той форме, в которой он представлен в: *Бодрийар Ж.* Прецессия симулякров // *Бодрийар Ж.* Симулякры и симуляции. М., 2016. С. 5-61.

Поворот от знаков, которые обозначали какую-то данность, к знакам, которые обладают все более мнимой референтностью, пытаются транслировать некоторый смысл за счет обращенности к историческому мифу и сугубо метафорическим концептам, в России произошел в момент, когда глобальная история (материал) стала угрожать государственному строю Российской империи (сюжету) – в 1848 году. Отход от исторической действительности в сторону фиктивности, заданный манифестами 1848 – 1849 гг., был подхвачен Вяземским и Жуковским, осознававшими симулятивность новых идеологических концептов (известно, что бывшие арзамасцы сделали над собой осознанное усилие, чтобы скрыть истину[619]), но не видевших иного способа сохранить Российскую империю. В 1848 – 1856 гг. государственный сюжет полностью отходит от исторического материала, потому что пытается ему противостоять, вследствие чего действительные сущности в умах людей подменяются их фиктивными аналогами: парад замещает собой армию, могучий вид царя и его приближенных – истинную силу России, затушевывание и замалчивание катастрофических проблем в бюрократической системе государства будто бы в действительности уничтожают их. В ловушке симуляции оказывается и император Николай – даже в конце 1853 г. он продолжает верить в дружбу Англии и Франции и неразрывный союз России с Австрийской империей и германскими государствами. Вероятно, монарх даже верит в то, что ведет оборонительную войну на чужой территории. Однако история оказывается сильнее самого хитрого сюжета, и Крымская война доказывает это. Главным ее результатом становятся очевидность неэффективности существующей общественно-политической модели и некоторое дистанцирование от созданных идеологических фикций. Новый император, декларировавший в начале царствования следование курсу отца, вынужден обратиться к решению действительных насущных исторических задач. Реформы 1860-х годов – это

[619] См. об этом подробнее в: *Киселева Л. Н.* Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 137.

запоздалое обретение действительности истории, которое должно было произойти в России как минимум в конце 1840-х годов, хотя могло случиться и раньше – еще в 1810-х, когда Александр I размышлял над проектом освобождения крепостных крестьян.

В конце 1854 года начинает возникать все больше поэзии, пытающейся перебороть симулятивность государственной идеологии. Главным таким стихотворением становится «Русскому народу» П. Л. Лаврова (542-547), широко распространявшееся в списках. Автор произведения сознательно критикует основания николаевской ценностной системы и призывает к ее разрушению. Начинается текст монологом русского царя, уравнивающего себя и Россию, утверждающего собственную субъектность и объективизирующего народ:

«Меня поставил бог над русскою землею, –
Сказал нам русский царь. –
Во имя Божие склонитесь предо мною,
Мой трон – его алтарь.
Для русских не нужны заботы гражданина -
Я думаю за вас;
Усните – сторожит глаз зоркий властелина
Россию всякий час.
Мой ум вас оградит от чуждых нападений,
От внутреннего зла;
Пусть ваша жизнь течет вдали забот, в смиренье,
Спокойна и светла.
Советы не нужны помазаннику Бога:
Мне Он дает совет;
Народ идет за мной невидимой дорогой,
Один я вижу свет;
Гордитесь, русские, быть царскими рабами:
Закон вам – мысль моя;
Отечество вам – флаг над царскими дворцами;
Россия – это я!»

В том, что государство смогло подчинить гражданственность Лавров обвиняет русских людей, которые были усыплены *парадами как символом российского могущества*:

Когда на площади пред царскою коляской
Шли стройные полки,

Знамена веяли, блестели грозно каски,
И искрились штыки,
И над колоннами, окрестность оглашая,
Гремел приветный клик, –
Мы верили на миг: сильна страна родная
И русский царь велик.
Мы верили, гордясь необозримым краем,
Мильонами штыков:
Не любят нас за то, что мы преобладаем
Над сонмищем врагов.

Однако война показала, что она не сходна с парадом: русское войско не так обширно, как пропагандировалось, а генералы не имеют военного опыта:

Куда девалися солдатов миллионы?
Где был готов отпор?
Мы всё не верили, а слышались уж стоны
Из-за Кавказских гор;
Пределы русские война уж разоряла,
Уже страдал народ,
С креста Исакия Россия различала
Британский гордый флот.
Один курьер идти вперед нес приказанье,
Другой – идти назад,
И двигались войска без цели, без сознанья –
То был уж не парад...
И было мало нас везде, где враг являлся.
Солдат наш грудью брал;
Глупее прежнего зато распоряжался
Парадный генерал.

Автор призывает очнуться и увидеть действительное положение вещей в стране – только так можно спасти Россию:

А русских кровь течет... враг ближе к укрепленьям...
Россия! Где же ты!
Проснись, мой край родной, изъеденный ворами,
Подавленный ярмом,
Позорно скованный бездушными властями,
Шпионством, ханжеством!
От сна невежества, от бреда униженья,
От лени вековой
Восстань и посмотри: везде кипит движенье,
Черед уж за тобой!

В смысловом центре стихотворения автор изменяет значения расхожих мотивов: «наследниками Батыя» он называет не внешних, а внутренних врагов – чуждую народному духу власть, против которой русский народ призывает к восстанию *русский Бог*: «Проснись, проснись! Восстань несчастная Россия! / Твой Бог зовет тебя…» Здесь же поминаются времена *Второго народного ополчения*, которое автор трактует в сугубо гражданственном ключе:

Лежала наша Русь; шла челядь злой толпою
За тушинским царем...
Но в день безвластия проснулась Русь родная,
Сознанием сильна;
Живой глагол прошел от края и до края,
И поднялась она...

Народ должен восстать против отождествившего себя с Богом царя, чтобы вернуть себе *русскую славу* и *воскреснуть* подобно Христу (оба мотива особенно важны для поэзии 1854 г.):

Пред троном деспота, без криков и проклятий
Предстань судьей, народ!
За славу русскую, за кровь всех падших братий
Пускай он даст отчет...
<…….>
Ты слышишь ли – гремит их глас незаглушимый:
Христос, Христос воскрес!
Воскресла истина! На суд сбирайтесь строгий
Пред скипетром ея,
Монархи-деспоты, земные полубоги!
Грядет ваш судия!
Предстань, царь, пред судом истории, закона,
Пред Божиим судом!
Ты правду отвергал, ты попирал свободу,
Ты был страстей рабом;
Россию погубил ты гордостью пустою
И мир вооружил...
Смирись пред братьями, пред родиной святою:
Ты немощен и хил.

Категоричное, резкое, но яркое стихотворение Лаврова оказывается самым громким среди критических поэтических произведений Крымской войны, количество которых будет нарастать в течение 1855 – 1856 гг.

Первую половину войны поэзия упрочивала николаевскую симуляцию, в течение второй ее половины она станет сосредоточением критики государственной системы.

2. Россия против Турции и Европы: конец Николаевской России и триумф Святой Руси

29 января / 10 февраля 1855 года был обнародован манифест «О призвании к государственному ополчению»[620], в котором в очередной раз повторилась единственная цель ведущейся войны – защита христиан, находящихся под властью турецкого султана. Император отказывается от каких-либо иных, меркантильных соображений («Мы были и остаемся навсегда чужды всяким иным побуждениям и видам в деле веры и совести»). Русская сторона надеется на мир, однако вынуждена защищаться от все новых собираемых противниками сил. Для защиты родных рубежей царь вынужден объявить набор во всеобщее ополчение. Примечательно, что в тексте ни разу не говорится ни о Севастополе, ни о ситуации на Крымском полуострове вообще. С другой стороны, в тексте отсутствуют «библейские» цитаты и фразы.

Январский манифест заметно отличается от манифестов о созыве ополчения предыдущих лет (1806 и 1812) тем, что в нем не звучат обычные для таких текстов *сословнообъединяющий пафос* и убежденность в *акциональности русского народа*. В документе явлена обратная идея: в годы испытаний Россию «спасали всегда смиренная вера в Провидение и тесная, ничем незыблемая связь Царя с подданными, усердными детьми Его. Да будет так и ныне». Характерно и название: «народное ополчение» времен наполеоновских войн сменилось ополчением «государственным».

К лету в центральных великорусских губерниях было собрано 198 дружин ополчения – более 200000 человек[621]. Кампания по созыву

---

[620] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1856. Т. 30. 1855. № 28991. С. 85.
[621] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 473.

Государственного подвижного ополчения была, в общем, провалена правительством. Она не привела к усилению русской армии по многим причинам, основными из которых являлись неспособность бюрократического аппарата поздней николаевской России выполнить данную комплексную задачу, а также повальная коррупция на местах – имущество и оружие для снабжения ополченцев тем зачастую просто не доставлялись[622].

Семья Аксаковых встретила манифест с недоумением: императорская грамота показалась им концептуально невнятной – в ней, с одной стороны, не развивалась библейская риторика, на которой базировались все предыдущие военные манифесты Николая, а с другой – не звучала идея народной войны, которая была важна для воспламенения духа широких масс населения России[623].

Критически отнеслись к манифесту и западники, считавшие созыв ополчения «ненужной затеей». Они указывали на то, что у России просто нет достаточного количества денег для обеспечения ополченцев, а патриотическое чувство как в среде дворян, так и купцов и иных податных сословий было сильно только в поле государственной риторики – на деле люди не хотели жертвовать ни средства, ни силы[624].

Ополчению было посвящено несколько поэтических текстов, в том числе «На всеобщее ополчение России 1855 года» неизвестного автора (483-484). В стихотворении описано вынужденное восстание избранников Христа против «Запада премудрых глупцов». Русские «с Богом истинным, <…> с Богом сильным в брани», а «Русь одна верна и неизменна», потому ее ждет победа над врагами. Кончается текст панегириком «Руси»:

Хвала тебе, страна, где верой и любовью
Кипят могучие сердца,
Где честь народную мы жизнью, кровью
Готовы искупить на лезвии меча!

---

[622] *Ливчак Б. Ф.* Народное ополчение в вооруженных силах России 1806-1856 гг. Свердловск, 1961. С. 235-237, 246-249.
[623] Дневник В.С. Аксаковой (1854-1855). СПб., 1913. С. 23-24.
[624] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 117.

Где царский трон стоит под Божьим оком,
Высок и свят, как трон Царя царей,
Где чувство верности затаено глубоко,
Как чистый перл на дне морей.

Хвала тебе, о Русь могучая, святая,
Ты православия защитница и мать,
Да будет над тобой десница всеблагая,
С тобой же вечная, святая благодать!

В начале 1855 г. командование Крымской армией приняло решение атаковать Евпаторию. Удержать открытый для огня с моря город русские войска не могли, поэтому нападение на него носило сугубо демонстративный характер. Отряд возглавил храбрый и опытный генерал С. А. Хрулев, с лучшей стороны показавший себя в ходе Дунайской кампании 1854 г[625]. 5 / 17 февраля Евпатория была атакована, однако противники были готовы к обороне. Неожиданностью для наступающих оказался заполненный водой глубокий ров, преграждавший им путь[626], более того, гарнизон города был значительно больше, чем предполагало русское командование. Поняв, что попытка взятия Евпатории приведет к огромным потерям, Хрулев приказал отступать[627]. Эта неудача привела к отставке главнокомандующего Крымской армией А. С. Меншикова, 16 / 28 февраля 1855 г. на эту должность был назначен М. Д. Горчаков. Замена руководителя армией стала последним политическим действием Николая I, 18 февраля / 1 марта он скончался.

Неудача под Евпаторией была воспринята представителями светского общества болезненно. Отступление русских войск усилило их убежденность в том, что союзники могут победить[628]. Однако настоящим шоком стала кончина императора – о его болезни почти никому не было известно[629]. Неожиданностью смерть Николая оказалась и для славянофилов. Аксаковы, сраженные поначалу этой вестью, уже к вечеру 20 февраля начали раздумывать о курсе нового царя и необходимости позитивного на него

[625] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 257.
[626] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 2. С. 474.
[627] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 259.
[628] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 47.
[629] Там же. С. 47-48.

воздействия[630]. После недолго замешательства западники приняли весть о кончине Николая с надеждой на смену государственного курса. Так, К. Д. Кавелин считал, что эпоха «мундирного просвещения» Николая, «калмыцкого полубога», окончена, а Б. Н. Чичерин писал о первых месяцах александровского царствования следующее: «Все были полны надежды и ожидания, все порывались к общественной работе»[631].

В день кончины отца на российский престол вступил Александр II. В манифесте от 18 февраля / 1 марта[632] новый царь скорбел по «Любезнейшему родителю» и довольно традиционно формулировал смысл императорского служения Николая, который «посвящал все Свои усилия, все часы Своей жизни, трудам и попечениям о благе подданных». Александр выражал надежду продолжить отцовское служение Отечеству, поскольку по воле Провидения встал в один ряд с величайшими русскими монархами: Петром I, Екатериной II, Александром I и Николаем I.

Весной 1855 года Венские переговоры, ведшиеся с декабря предыдущего года, были прекращены, стороны не смогли договориться. 29 марта / 10 апреля министр иностранных дел Российской империи канцлер К. В. Нессельроде отказал требованию союзников об уничтожении Черноморского флота, являвшегося, по их мнению, постоянной угрозой турецким проливам. Этим конференция и завершилась[633].

28 марта / 9 апреля началась усиленная бомбардировка Севастополя, продолжавшаяся до 6 / 18 апреля. В ходе вражеского обстрела перед обороняющимися встала насущная проблема недостатка пороха, вследствие чего они были вынуждены экономить заряды – на 160000 выстрелов севастопольский гарнизон ответил 80000. К середине апреля ситуация начала становиться критической: пороха осталось максимум на неделю[634]. Однако после окончания бомбардировки в город были в достаточном количестве

---

[630] Дневник В.С. Аксаковой (1854-1855). СПб., 1913. С. 59-62, 66-68.
[631] Обе цитаты цит. по: *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 117.
[632] Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1856. Т. 30. 1855. № 29043. С. 161-162.
[633] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 276-284.
[634] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 3. М., 2018. С. 10-11.

доставлены порох, снаряды, артиллерийские орудия, патроны и иные припасы[635]. Севастопольцы могли продолжать оборону.

К маю 1855 года союзная группировка увеличилась до 224000 человек, Крымская армия даже после усиления, пришедшего из Бессарабии, имела более чем в 2 раза меньше людей – 110000. 25–26 мая / 6–7 июня были атакованы передовые оборонительные позиции Севастополя, в результате чего защитники города потеряли Камчатский люнет, Волынский и Селенгинский редуты. Это открывало союзникам подступы к главной позиции обороны – Малахову кургану[636].

В течение мая – начала июня англо-французские войска взяли Керчь, а после входа в Азовское море сожгли Бердянск и Геническ. 22 мая / 3 июня был атакован Таганрог, но гарнизон города смог отразить нападение союзного десанта. Из-за наступления противника русское командование было вынуждено вывести гарнизоны из Новороссийска и Анапы. В Анапу сразу же вошли турецкие войска[637].

5 / 17 июня возобновилась бомбардировка Севастополя, а на следующий день – в годовщину битвы под Ватерлоо – начался первый общий штурм города. Союзники были абсолютно убеждены в неминуемом успехе этого предприятия. По их мнению, гарнизон, изнуренный девятимесячной осадой и потерявший важнейшие оборонительные позиции, не мог выстоять согласованный приступ союзных войск[638]. Уверенность в победе была настолько сильна, что англичане планировали устроить во взятом городе пикник, для чего захватили с собой закуски, а прорвавшийся в город французский капрал бросил ружье, сел на паперть храма Архистратига Михаила (полковой церкви Белостокского полка) и стал спокойно дожидаться товарищей, которые, по его мнению, уже через четверть часа должны были занять весь Севастополь[639]. Однако уже к 7 часам утра штурм

---

[635] *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1956 годов. Т. 3. СПб., 1876. С. 300.
[636] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 3. М., 2018. С. 13-14.
[637] Там же. С. 14-15.
[638] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 309.
[639] *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 3. СПб., 1900. С. 268.

был на всех пунктах отбит, после чего с обеих сторон последовал артиллерийский обстрел, начавший стихать только к вечеру[640].

В конце весны 1855 г. Англия и Франция начали вторую Балтийскую кампанию. Они надеялись взять главную русскую крепость на Балтике – Кронштадт, после чего могли бы грозить столице Российской империи. Однако почти неприступный в прошлом году Кронштадт в 1855-м был значительно усилен, более того, окружен сотнями мин, произведенных академиком Б. С. Якоби и снабжен множеством канонерских лодок. На Балтийском побережье была сконцентрирована огромная группировка войск – до 300000 человек[641]. Можно сказать, что Петербург и берега Финского залива были защищены настолько же хорошо, насколько плохо дела обстояли на юге – в Черном и Азовском морях и на их побережьях.

Под началом командующего английской эскадрой адмирала Чарлза Дондаса, усиленной несколькими большими судами французского адмирала Пэно, находилось не менее 70 кораблей, однако даже этих сил не было достаточно не только для взятия, но и для причинения хотя бы некоторого ущерба Кронштадту. Союзный флот разорил и уничтожил несколько прибрежных русских крепостей и опорных пунктов, а в конце июля командование англо-французской эскадры решило разрушить Свеаборг, однако и тот был достаточно укреплен. 28 июля / 9 августа началась бомбардировка крепости, ведшаяся двое суток, однако не приведшая к успеху – Свеаборг пострадал сравнительно несильно, тогда как б*о*льшая часть артиллерийских орудий нападавших была выведена из строя. Утром 30 июля / 11 августа канонада смолкла, после чего флот отошел от русской крепости. В конце лета союзная эскадра, не выиграв ни одного настоящего сражения, покинула Балтийское море[642].

Поэзия первой половины 1855 года откликалась на происходившие события. В ряде стихотворений продолжают звучать, никак не

---

[640] Там же. С. 268-271.
[641] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 352-355.
[642] Там же. С. 355-361.

разрабатываясь, общераспространенные темы и мотивы. В «На брань» Н. Скринникова (174-175) явлен призыв ныне броситься в кровавый бой, как в 1812-м году, когда «Руси» грозил «Западный Батый». По мнению автора, «орел двуглавый непобедим», поскольку Россия хранима Всевышним. И. Ярошевицкий в стихотворении «Судьбы России» (179-180) рисует уже традиционную панораму русских побед – военные успехи Александра Невского, Куликовская битва, Второе Московское ополчение, Полтава и Бородино. Как и прежде, *Святая Русь* должна восстать и совершить божественный замысел:

Сограждане! настал тот час,
Когда Святое Провиденье,
Смиряя зло и адский крик,
Готовит миру обновленье
Чрез русский меч и русский штык!..
Господь послал нам это время.
Прийми же, Русь, святое бремя
На грудь свою, на крепость сил,
Какими, миру в искупленье,
Тебя Господь благословил!

В то же время возникают поэтические тексты, не только намеренно отклоняющиеся от канона, но и критикующие как политическую, так и поэтическую системы России времен Крымской войны. Одним из ярчайших подобных стихотворений – естественно, не имевших возможность быть напечатанными – оказывается послание М. А. Дмитриева «С. Т. Аксакову»[643]. В тексте автор вспоминает былые времена Жуковского и Пушкина, когда «Писали, говорили смело, / Шутили тонко и остро», и размышляет о современной поэзии, лишенной индивидуальности и состоящей из набора общих мест:

Когда ни в дни народной славы,
Ни в дни страдания державы
Живого слова не найти;
Когда во дни волнений мира
Поет войну у нас не лира,
Какой-то с присказкой гудок,

[643] *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М., 1985. С. 127-134.

Как будто нанятый на срок…

Причину такого положения вещей Дмитриев видит в цензуре, из-за которой «закрыты мыслям все пути», а для доказательства этого тезиса приводит историю приведенного в нашей работе ранее стихотворения А. С. Хомякова «России» (1854):

Когда последний отклик слова,
Восторгом полного живого,
И благородный правды звук,
Гимн окрыленный Хомякова
Не перешел цензурных рук...

В стихотворении мужество и самоотверженность защитников Севастополя противопоставляются робости, косноязычию и «непоэтичности» нынешней поэзии, творящей себе кумира из царя:

Всё так же русского солдата
И грудь крепка, и верен штык:
За Русь ничто нам крови трата!
Но отчего же дух поник?
Что косен робкий наш язык?..
И оттого-то песнопенье,
Как ни натягивай струну,
Не то, что было в старину!
Тех дней великих вдохновенье
Сменил усердных слов подбор,
Слепой преданности позор
И тяжкий грех боготворенья!

Послание Дмитриева крайне точно характеризует подавляющее большинство стихотворений Крымской войны: их художественное звучание подобно не мелодии тонкострунной лиры, а механическому гудку – громкому, но скучному и однообразному.

Одним из важных героев поэзии первой половины 1855 г. становится неприступный Кронштадт. Убежденность в храбрости и профессионализме защитников крепости звучит в «Песни кронштадтских артиллеристов» (379-380): «Нет, уж вам несдобровать, / Красные мундиры: / Будут метко в вас стрелять / Наши бомбардиры». 10 мая было опубликовано стихотворение

Ф. Н. Глинки «Голос Кронштадту»[644], в котором не только эксплуатируются общие места («Держись, Кронштадт!.. Молитесь, люди! / Гори, свеча у алтаря!.. / Не расшибут гранитной груди / У нашего богатыря!..»), но и довольно необычно используется пушкинский претекст: в произведении одним из защитников Невской и Балтийской акваторий становится Медный всадник:

Когда же гордый не смирится,
Готовых видя нас к войне,
Монументальный сам помчится
Царь Петр на бронзовом коне!..

Глинка идет дальше: он не только делает из «кумира» и «истукана» пушкинской поэмы стража Петербурга, ставя на место Евгения гордых иноплеменных захватчиков, но и уподобляет почившего императора Николая, лично не пропустившего в печать «петербургскую повесть» Пушкина, Медному всаднику:

И ты, Кронштадт, грозой пылая,
Сквозь вихри дыма и огня,
Услышишь голос Николая
И топот медного коня!..

Однако наибольшее количество стихотворений рассматриваемого периода было посвящено кончине Николая I и восшествию его сына на престол. Авторы некоторых (достаточно редких) текстов представляют смерть императора как трагедию, событие, с которым невозможно смириться и масштабность которого исключает возможность утешения. Стихотворение «На смерть государя императора Николая I» В. Н. Анненковой (448) кончается следующим образом:

Кого сразило смерти жало?
Повсюду плач, повсюду стон!
Отца Отечества не стало:
Свою покинул паству он!

В годину бед, во дни страданья
Пробил его последний час!

[644] Северная пчела. 1855. 10 мая.

Вся Русь слилась в одно рыданье:
Отец, отец покинул нас!

В произведении звучит важная и для остальных эпитафий Николаю идея силы, могущества и героичности императора – в большом количестве поэтических текстов кончина царя описывается не как смерть, а как славная гибель. Особенно явно это представлено в стихотворении А. Н. Майкова «18-е февраля 1855 года», которое идейно продолжает «Коляску».

В начале текста император представлен как герой и воин, думающий только о русском народе:

Когда меж нас являлся он,
Как ратник, вечно на походе,
Всегда как будто удручен
Заботой о своем народе…

Николай погиб, однако встретил смерть как подобает богатырю:

Он пал – но пал, как жил. Мгновенья
Не оробел пред смертью он.
Покорен воле Провиденья,
Презревши боль, сдавивши стон,
Преемнику бразды правленья
Спокойно, твердою рукой
Одну вручал он за другой.

Венчается стихотворение «присягой» новому императору: «Царь! повели: мы жаждем битвы / Под Александровым орлом».

В абсолютном большинстве текстов, однако, смена монархов переживается достаточно безболезненно. Конечно, в них присутствуют обязательные эпитафические формулы и скорбная интонация, однако радость по поводу восшествия Александра снимает боль утраты. Данное отношение к смерти Николая вызвано, в первую очередь, идеологической системой николаевского царствования, в системе координат которой *царь*, по сути, не обладает какой-либо индивидуальностью, а даже самые явные его индивидуальные черты почти сразу становятся риторическими штампами (например, *богатырская* внешность), их можно использовать по отношению к любому лицу. В парадигме готовых идеологических и поэтических формул трагедии нет места: даже если поэт и испытывает сильное

чувство, оно будет сокрыто от читателя за риторическим фасадом, собранном из готовых блоков. При этом за этим фасадом может просматриваться иное желание – перемен, на которые надеется все общество, в том числе даже, казалось бы, самые ярые апологеты николаевского абсолютизма.

Новый император полностью замещает собой ушедшего, он обладает всеми положительными чертами отца, однако поэты надеются на еще одно качество, которое не успел проявить Николай I – миролюбие. Желание окончания кровопролитной и довольно бессмысленной для России войны настолько сильно, что проявляется в лирике реакционных Ф. Н. Глинки и П. А. Вяземского. Начнем мы, правда, не с них.

В конце марта было опубликовано стихотворение Е. П. Ростопчиной «18-е февраля 1855 года»[645], начинающееся узнаваемой авторской экспрессией:

Народ!.. Россия!... На колена!!!
Молись и плачь в сей страшный час!..
Упала молнией на нас
Весть непостижной перемены…

Не стало мощного царя…
Он сломан, дуб наш исполинский!!.
Осиротел наш стан воинский,
И с ним вся русская семья…

Далее в тексте звучит мотив героической гибели императора:

Но знайте: жертвою высокой
За Русь свою, за свой народ,
Под тяжким бременем забот,
Он изнемог в борьбе жестокой!

Заслуга Николая в том, что он был «мучеником своей державы», нес «крест честной службы государской» и бдениями и думами «соратовал вождям в боях». Однако «Великий Николай» оставил по себе наследника, который перенимает не только венец, но и «душу» родителя:

Он завещал нам в милом сыне
Другого нежного отца:

[645] Русский инвалид. 1855. 24 марта.

Его души, его венца
Наш Александр преемник ныне!..

Отметим, как эмоциональность утраты резко сменяется убежденностью в тождественности царей, вводящей читателя в некоторое замешательство – в чем же событийность смерти старого отца, если сразу же возникает новый, столь же любящий и так же любимый?

Ровно за месяц до стихотворения Ростопчиной и менее чем через неделю после смерти Николая было опубликовано «Первое чувство при вести о нежданной кончине государя» Ф. Н. Глинки[646]. Кончина императора, монаршими трудами защищающавшего Севастополь, в произведении уподоблена гибели Гектора при стенах Трои:

…Траур наша доля,
Пройдет с конца и до конца,
И дети из Севастополя
Узнают о судьбе отца!
И за стенами новой Трои
Услышат грустную молву,
Что Гектор наш, державший бои,
Склонил на вечный одр главу…

Однако в закате старого солнца уже всходит новое, которое озарит Россию не хуже прежнего:

Но Русь еще не сиротеет,
Пылает веры в ней алтарь:
Над ней надеждой новой веет –
И к ней выходит новый царь!..
В Крыму, на Кяхте, на Олонце,
Для всех племен, во всех краях
Одно еще не скрылось солнце,
Другое всходит уж в лучах!..

При этом Глинка в стихотворении выражает свою надежду на окончание войны и пришествие тишины, которое может даровать новый император: «И в бурном, круговом пожаре / Залоги сладкой тишины / Нам светят в новом государе, / Как в дни бывалой старины».

[646] Северная пчела. 1855. 24 февраля.

Более сложное отношение к войне встречаем в самой объемной и монументальной эпитафии Николаю, которую написал П. А. Вяземский и дал ей довольно характерное название – «Плач и утешение»[647]. В начале стихотворения автор называет себя певцом Николая, выражавшего в своих творениях народную любовь: «Я пел его. Любовь мой стих одушевляла. /Я отголоском был народным…» По мнению поэта, простые русские люди откликались на его тексты: «Мой задушевный стих Россия повторяла, / Как собственную мысль и отзвук чувств своих». Это заявление об априорном и несомненном знании народных чувств и чаяний от поэта, в годы Крымской войны уже почти не жившего в России, могло бы показаться странным, если бы термин «народное» употреблялся им в том гражданском смысле, в котором возник и понимался в пору Отечественной войны 1812 года. В 1850-х, через 30 лет после начала правления Николая I, «народное» – понятие отнюдь не гражданское, а государственное. Национальные черты не наблюдаются, а формулируются сверху – на этом принципе император построил свое православное национальное государство, в той же парадигме мыслит себя поэт Вяземский.

В стихотворении говорится о том, что ныне песнь триумфа сменяется траурной эпитафией, но и она вновь вторит народному чувству, являясь поэтическим аналогом «стенанья», которое «исторглось из богатырских душ» после известия о кончине императора.

Композиционно произведение можно разделить на четыре части: 1. вступление (пересказанное выше); 2. описание славной жизни и героической смерти царя; 3. обличение внутренних (хулителей) и внешних (иноплеменников) врагов императора; 4. славословие новому монарху – «утешение» после «плача» по почившему.

Образ Николая I в стихотворении Вяземского собирает в себя все возможные идеологически верные положительные черты отца нации – той нации, облик которой был создан в течение царствования Николая.

[647] Русский инвалид. 1855. 25 мая. Также было издано отдельной брошюрой (СПб., 1855).

Император «жил Россией» (как и она «им жила»), он был образцом русской доблести, что выражалось во внешности самодержца:

В нем зрелся русский царь; стан стройный, величавый,
Орлиный взгляд; чело запечатлела честь;
Плеча, могущие подъять судьбы державы,
Готовые народ чрез бездну перенесть.

Царь обладал несгибаемой волей, но был покорен своему монаршему долгу, сформулированному Богом. Более того, он явил образец не только жизни, но и кончины:

Он жил царем; как царь и умер смертью славной:
Послыша, что его грядущий час зовет,
Дела земные сдал нам труженик державной,
Небесному царю готовясь дать отчет.
<……>
Мирскую летопись царей и царств прочтете,
Прекрасней смерти час в преданьях не сыскать,
И умилительней картины не найдете,
Как этот смертный одр – походная кровать
Свой царственный поход свершившего во славе,
Того, кто тридцать лет, как воин на стене,
С престола прослужил народу и державе.
Родной твердыни страж и щит, внутри и вне.

Однако некоторые – «одичалое в безумстве поколенье» – отказываются видеть в почившем императоре идеал монарха, они клевещут на него, правда злоречие их побеждается нелицемерной народной любовью к Николаю:

Пред гробом весь народ, склонившись на колени,
Свидетельствует вам о горести своей.
Народная любовь – царям свидетель верный;
Загробная любовь – уже потомства суд.
Над прахом царским плач есть плач нелицемерный…

Довольно неожиданно обличение клеветников внутренних оборачивается бичеванием внешних врагов – все они объединяются в местоимении «вы», очень важном для выстроенной на дуальной оппозиции «мы» – «вы» идеологической системы позднего николаевского царствования. Автор убеждает геополитических противников России в том, что Николай ни

в чем перед ними не виноват, напротив, был вынужден защищать от них «народную честь»:

Он и пред вами чист! И, чуждый укоризне,
Он вас не вызывал на сей смертельный бой.
Вас раздражала в нем его любовь к отчизне;
Бессовестно ему вы ставили виной,
Что он не предал вам народной нашей чести,
Что помнил он отцов наследье – долг и сан,
Что вас не уступал, в угоду вашей мести,
Прав, купленных рукой и кровью россиян.

Развращенный Запад не мог понять, что русского царя влекла на Восток не корысть, а трепетное отношение к судьбам православной церкви и православных христиан, находящихся под турецким гнетом:

Страдальческий их вопль, их язвы, их оковы
Тревожат совесть в нас, нам раздирают грудь:
Мы приняли обет священный и суровый;
Нам Промысл указал наш подвиг, долг и путь.
Но вам, во тьме страстей боготворящим злато,
Зарывшим жизнь свою в земные барыши,
Уразуметь ли вам, что бескорыстно-свято,
Что жертвами любви светлеет жизнь души?

Внявшего воле Провидения Николая, поэтому, следует считать не начинателем войны, а миротворцем, однако европейцы этого не разгадали и «Подъяли на царя все страсти, все вражды, / Подвигнули на нас полки, народы, царства…»

Несмотря на горечь утраты, русский народ продолжает бдеть и обеспечивает его бдение «новая заря» царя-преемника, приход которой утешает всех подданных. В стихотворении дан ряд русских монархов, наследником которых становится Александр II: кроме отца, это Петр, Екатерина и Александр I – те же лица были перечислены в первом манифесте нового царя. Можно с большой долей вероятности предположить, что Вяземский заимствовал императорскую галерею из государственной грамоты.

Особенно важна концовка произведения: несмотря на то, что русские готовы по первому зову лить кровь за нового царя, как за старого («Народ

твой весь с тобой; могущ он, многолюден, / И каждый за тебя в нем умереть готов»), поэт все же надеется, что Александр II принесет России мир и тишину:

Ты вырвешь ли нам мир из рук вражды усталой,
Напрасно против нас зазубрившей свой меч,
И в бурях с давних лет России возмужалой
Дашь в славной тишине почить от славных сеч,
И силою любви и мысли благодушной
Упрочишь ты стране плоды державных рук:
Благих законов власть, законам суд послушной,
Промышленности жизнь и светлый дух наук?
Иль в злобе закоснит враг дерзкий и лукавый?
Тебе весь пламень душ! тебе вся наша кровь!
На мирные труды, на подвиг ратной славы
Сподвижник твой и страж народная любовь.

Немало в поэзии весны 1855 г. текстов, посвященных приходу царя Александра II, в которых полностью (или практически полностью) игнорируется смерть его предшественника. Характерным стихотворением является «Ода на восшествие на престол его Императорского Величества Государя Императора Александра II» М. А. Дмитриева (464-466). Обратим внимание на то, что автор называет свое произведение одой, и дело здесь не только в том, что он пишет торжественное стихотворение по случаю восшествия монарха на престол, но и в том, что подобно великим русским одописцам – в первую очередь, Ломоносову и Державину – Дмитриев дает царю напутствие, обозначает горизонт ожидания общества. Присягнув в верности новому императору, уподобив его Петру, Екатерине и Александру Благословенному и представив панораму побед прошлого – от орды и поляков до Отечественной войны 1812 г., поэт переходит к современности, когда важно не столько стараться выиграть ведущуюся войну, сколько обратить внимание на внутреннее неустройство государства, что возможно только в мирное время:

Дерзай, наш вождь! – Но в то же время
Другое царственное бремя
Ты возложил на рамена!
Твоя великая страна

Великой требует управы!
То правды путь, не шумной славы;
И неусыпный царский труд!
Но за него твои потомки
Скорей, чем за победы громки,
Тебе любовью воздадут!

Война не есть устав природы!
Пройдет она; вздохнут народы;
И помнит внук, как давний сон,
Что шел в Москву Наполеон;
И пашет поле безоружный!
Но хлеб и правда вечно нужны!
Блажен народ, где мирный плуг
Не позабыт без воздаянья;
Где мимо всех, к беде страданья,
К обиде царь склоняет слух!

Отдельного места заслуживает история с выбором опального генерала А. П. Ермолова начальником государственного ополчения сразу в семи губерниях Российской империи. После январского императорского манифеста о созыве подвижного ополчения среди дворян были проведены выборы, на которых в Москве, Петербурге, Смоленской, Псковской, Новгородской, Рязанской и Калужской губерниях победил Ермолов, в итоге принявший должность в Москве. В конце февраля генерал был утвержден на посту начальника Московского ополчения, однако уже в мае отказался от него и был отправлен в отставку. Столь недолгое пребывание Ермолова в должности историки объясняют как старостью и болезненностью генерала, так и его разногласиями с петербургскими сановниками[648] – как бы то ни было, ожидания общества, с восторгом принявшего назначение Ермолова, не оправдались, и герой Войны 1812 года не смог стать участником войны нынешней.

Надежда общества обеих столиц на славного генерала была, в частности, выражена в нескольких стихотворных посланиях, самым важным

[648] Подробнее историю назначения А. П. Ермолова см. в: *Фролова М. М.* «Выборы генерала А. П. Ермолова на должность начальника Московского ополчения в 1855 году» // Военно-исторический журнал. 2010. № 4. С. 46-49.

из которых оказывается «Алексею Петровичу Ермолову, избранному в начальники Московского ополчения» Е. П. Ростопчиной (478-479). Со свойственной себе гиперболизацией поэтесса обращается к Ермолову и призывает его разить врагов как встарь:

Возьми рукой неослабевшей
Свой старый меч, Европы страх!
Герой, в покое поседевший,
Помолодеешь ты в боях!

Автор верит, что приход генерала в армию вернет времена военных триумфов начала XIX века:

Вставай, честь русского народа,
Себя врагам припомяни,
И пусть двенадцатого года
Великие вернутся дни!

Однако реальность не соответствует поэтическим и идеологическим рамкам, в границах которых мыслят и творят представители высшего общества Российской империи. Об этом свидетельствует не только бездеятельность Ермолова на посту начальника ополчения и скорейший его отказ от должности (принял ее генерал, видимо, поскольку сам в решающий момент ненадолго поверил в витающие вокруг фантазии), но и его поэтический ответ Ростопчиной («Не неизвестного поэта…» – 479), в котором Ермолов вынужден развеивать общественные иллюзии:

Но горделивыми мечтами,
Поверьте, я не увлечен…
Давно я удручен годами,
От дела битвы отучен!

Давно заржавел меч мой бранный,
Ослабла дряхлая рука,
И пир кровавый, пир желанный
Едва ль по силам старика!

Одной из главных тем поэзии первой половины 1855 г. становится героическая оборона Севастополя. Некоторое количество текстов было написано в сложные месяцы зимы – весны. Напечатанное в феврале

стихотворение Ф. Н. Глинки «Наши понедельники» (258-259) начинается в модальности дружеского послания:

В шуму, полуотшельники,
Смиренно мы живем
И в наши понедельники
Гостей сердечных ждем.

Приходят литераторы –
Словесные бойцы, –
Поэты и ораторы,
Стяжавшие венцы.

Однако в середине тема меняется, при этом интонация остается той же, что создает некоторый незапланированный комический эффект:

И всё, как пташка по полю,
Наш дух легко б летал,
Когда бы Севастополю
Злодей не угрожал!!..

Там братья и товарищи –
России всей любовь –
На знойные пожарищи
Льют пламенную кровь…

При громе с поля до поля
Стожерлых вражьих сил,
Нас жребий Севастополя
За сердце ухватил!!..

Кончается стихотворение убежденностью в силе *русского Бога*:

Пройдут, как сон, все бедствия,
И он, свершив свой долг,
Воскликнет в дни молебствия:
«Велик российский Бог!..»

Авторы некоторых стихотворений игнорируют идеологические штампы и пытаются выразить только восхищение мужеством защитников крымской крепости. К таким произведениям можно отнести «Защитникам Севастополя» А. Г. Ротчева (399), в котором севастопольский гарнизон уподобляется античным героям:

Пройдет рассказ в потомстве отдаленном
О ваших подвигах, о вылазках лихих!..

И мы, дивясь Титанам современным,
Готовы позабыть титанов дней былых.
Пред вашим мужеством, защитники Тавриды,
Все мира древнего великие сыны,
Все Сцеволы, все Леониды
Колени преклонить должны!..

Примечательно, что после первого общего штурма города возникает довольно мало произведений, посвященных этому важному событию. Среди написанного можно отметить «Севастополь на 6 июня» (404) и «Песню после штурма» (410-411) В. Н. Анненковой, написавшей довольно объемный цикл стихотворений, посвященных Севастополю и севастопольцам. Несмотря на то, что в газетах публиковались сообщения о героическом отражении союзнической атаки и общество немного воспряло духом[649], отсутствие большого количества стихотворений все же, вероятно, свидетельствовует о моральной усталости общества и отсутствии веры в благоприятный исход осады города, который был почти невозможен.

Летом 1855 года Александр II начал требовать от командующего Крымской армией М. Д. Горчакова генерального сражения вне стен Севастополя. По мнению Е. В. Тарле, настойчивость нового царя в этом вопросе объяснялась непростым положением, в котором он оказался: с одной стороны, Александр понимал, что Севастополь неминуемо падет, и не хотел продолжать защиту города; однако с другой стороны, император манифестировал продолжение курса отца, а потому просто не мог дать прямой приказ к оставлению крепости[650]. 4 / 16 августа произошло сражение при Черной речке, в успех которого не верил ни Горчаков, ни остальные русские генералы. Русская армия не смогла взять ни одну из важных высот – в том числе много раз атакованные Федюхины высоты – и была вынуждена отступить ни с чем. Потери с ее стороны составили около 10000 человек при не более 1900 со стороны франко-сардинской армии[651].

---

[649] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 53.
[650] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 362-364.
[651] Там же. С. 369-375.

Самым ярким поэтическим произведением, посвященным описанному сражению, и одним из самых примечательных стихотворений Крымской войны вообще является сатирическая «солдатская» песня «Как четвертого числа…» Л. Н. Толстого (556-557), распространявшаяся в списках и ставшая настолько известной, что ее знали и в Петербурге[652].

Уже в первом трехстишье тактический план мудрых генералов остраняется простым сознанием лирического героя – взятие важных высот предстает бессмысленным занятием гор:

Как четвертого числа
Нас нелегкая несла
    Горы занимать.

Мотив фатальной *нетождественности военной тактики и полевой действительности*, столь важный для более поздних произведений Толстого – в первую очередь, «Войны и мира», становится центральным в рассматриваемом стихотворении:

Долго думали, гадали,
Топографы всё писали
    На большом листу.

Чисто писано в бумаге,
Да забыли про овраги,
    А по ним ходить.

Отдельно стоит отметить ироническое отношение лирического героя к столь важному для поэзии Крымской войны боевому кличу «ура», становящемуся в данном тексте «уру»:

А Реад – возьми да спросту
Поведи нас прямо к мосту:
    «Ну-ка на уру!»

<……>

И «уру» мы прошумели,
Да резервы не поспели,
    Кто-то переврал.

---

[652] *Срезневский В. И.* К вопросу о принадлежности Л. Н. Толстому севастопольских песен // Литературная мысль. Л., 1925. С. 387-392.

Основными объектами критики в произведении становятся генералы, занимающиеся чем угодно, только не разумным командированием войсками, что приводит к трагическим результатам:

На Федюхины высоты
Нас всего пришло две роты,
А пошли полки.

<……>

И пришлось нам отступать,
<. Рас... же ихню мать, .>
Кто туда водил?!

Псевдонародная солдатская песня – вероятно, самый продуктивный жанр военной поэзии первой половины XIX века – к концу Крымской войны смешивается с песней сатирической, которая до того могла быть адресована только врагам России, и такой текст становится одним из самых востребованных как в армии, так и за ее пределами. Сатира возвращает в поэзию действительность и злободневность, это дескрипция, пытающаяся победить симуляцию.

Следом за поражением русской стороны при Черной речке союзники начали сильнейшую бомбардировку Севастополя, направляя огонь преимущественно на укрепления Корабельной стороны, основным из которых был Малахов курган. После начала жестокого многодневного артиллерийского обстрела севастопольский гарнизон почти ежечасно ожидал общий штурм, который начался в полдень 27 августа / 8 сентября. В результате жаркого ближнего боя, в течение которого Малахов курган переходил от русских войск к союзным – и обратно, высота была занята атакующими. На всех остальных рубежах штурм был отбит, однако потеря ключевой оборонительной позиции не оставляла шанса сохранить город. М. Д. Горчаков дал команду отступать на Северную часть Севастополя,

взорвав перед этим все укрепления и склады Южной части. Крепость, 349 дней державшая осаду, была взята[653].

30 августа / 11 сентября был подписан императорский приказ по русским армиям, в котором Александр выражал «живейшую признательность храброму гарнизону севастопольскому за неутомимые труды его, за кровь, пролитую им в сей, почти целый год продолжавшейся, защите сооруженных им же в немногие дни укреплений». Защитников Севастополя царь уподобил героям Полтавы и Бородина – сражений, с официальной точки зрения победных. В императорской бумаге выражается мнение, которое станет более-менее общим в течение следующих нескольких лет: фактический проигрыш и сдача Севастополя неприятелю оправдывались стойкостью и неколебимостью гарнизона города. Уже в докладе М. Д. Горчакова императору от 2 сентября 1855 г. читаем: «Правда, что вещественная потеря наша огромна. Но она во всяком случае была неизбежна; как вывести орудия и корабли? Я думаю, что она окупилась продолжительностью обороны Севастополя» [654]. В тех же числах сентября в дневнике А. В. Дружинина высказывается сходная мысль: «Защита Севастополя для нас славнее Лейпцига, Кульма, а Бородина и подавно. Потеря денег велика, частные скорби неисчислимы, но слава наша нимало не пострадала. Мало того, когда заключится мир и раны заживут, война принесет нам неисчислимые выгоды. Правительство сблизилось с народом, народ наш, так долго ненавистный Европе, навеки будет ею уважаем, недостатки наши, выказавшиеся наружу, будут исправлены и вредная самонадеянность исчезнет»[655].

Несомненной победой в Крымской войне явилась победа моральная, причиной которой стала *храбрость* – одно из важнейших качеств русской нации, сформулированное в пору русско-французских войн начала века, оказалось, по сути, единственным, с которым были согласны все. Столпы

---

[653] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 380-393.
[654] *Богданович М. И.* Император Александр Николаевич в эпоху войны 1855 года // Русская старина. 1883. Т. 39. Вып. 7. С. 218.
[655] *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986. С. 350.

официальной идеологической доктрины николаевского государства – *православие* и *самодержавие*, поддерживаемые поздними концептами *Святого дела* и *Святой Руси*, – начали подчиняться *народности,* но не в государственном, а в довольно самостоятельном смысле. Единственным героем проигранной войны стал мужественный *русский народ*, уже, казалось бы, забытый и лишенный хоть какой-то акциональности. Кажется, это можно считать проявлением некоторой исторической справедливости.

Весть о сдаче крымской твердыни была воспринята как трагедия во всех слоях общества. Сохранились свидетельства о том, что в Царском селе крестьяне и солдаты плакали на улицах[656]. Плакали не только простолюдины. Теоретик западничества Т. Н. Грановский признавался, что со слезами встретил известие об оставлении Севастополя[657], «всякой радости» новости об отступлении севастопольского гарнизона лишили и И. С. Тургенева[658]. В уходе из Севастополя катастрофу видели и декабристы: В. И. Штейнгель был так шокирован, что больше месяца не мог вести переписку со своим главным корреспондентом И. И. Пущиным[659]. Приуныло и столичное общество. А. П. Ермолов отмечал, что «оставление Севастополя заставило повесить носы даже равнодушных жителей Петербурга»[660]. Сергей Аксаков – один из главных адептов славянофильства – окончательно упал духом[661]. Однако некоторые славянофилы отнеслись к вести о падении Севастополя довольно ровно. Так, И. В. Киреевский и А. С. Хомяков не сомневались в том, что город придется сдать, а потому ждали скорейшего его оставления – дальнейшая оборона, по их мнению, привела бы к бесполезным жертвам[662].

Замешательство, усталость и расстройство общества выразилось и в том, что сдаче Севастополя не посвятили свои стихотворения главные певцы Крымской войны – П. А. Вяземский, Ф. Н. Глинка и Е. П. Ростопчина.

---

[656] *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской Империи. Т. 3. С. 31-32.
[657] Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 1. С. 270.
[658] Письма И. С. Тургенева и Аксаковых // Вестник Европы. 1894. № 2. С. 492.
[659] *Штейнгель В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 355.
[660] Письма А.П. Ермолова кн. В.О. Бебутову // Русская старина. 1972. №3. С. 452
[661] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 393.
[662] *Шепарнева А. И.* Крымская (Восточная) война… С. 93.

Нашлись, правда, иные поэты, сумевшие увидеть в севастопольской трагедии материал для идеологически верных произведений. В «26 августа 1855» П. И. Григорьева (415-417) читаем следующие строки:

Держа во длани меч кровавый,
Другой – предсмертный крест творя,
Одной дышал вождь каждый славой,
Одно знал – падал за царя!
Тебя, ль, о Русь, б безумье яром
С детьми такими враг сомнет?
Чтоб совладать с тобой, недаром
Полсвета в помощь он зовет…
<…….>
Мужайся ж, Русь! гроза грохочет.
Но, в мраке черных туч сокрыт,
Народу тайный глас пророчит:
Твой страж тебе не изменит.
Поборник правды зло подавит.
Мир иго совлечет с себя,
И, испытуя днесь, поставит
Бог сил над многими тебя.

В стилизованном под былинный эпический стиль «Последнем штурме Севастополя» М. П. Розенгейма (418-419) звучит уверенность в том, что в любом русском городе враг встретит такой же отпор, как в Севастополе: «Здесь ваш первый шаг на Руси святой, – / Просим далее дорогих гостей; / Всюду встретите вы прием такой, / Ту же Русь везде вы найдете в ней». Лирический герой убежден, что поражение крымского города не конец и Русь еще сможет поквитаться с врагами:

Что придет пора, нам поможет Бог,
И за всё про всё мы сквитаемся;
А не верите – подведем итог,
Поглядим назад, посчитаемся...

В контексте молчания основных патриотических поэтов довольно странно выглядит шапкозакидательское и излишне верноподданническое стихотворение С. П. Шевырева «Что, русский, ты стоишь так смутен и печален?» (496-497):

Что, русский, ты стоишь так смутен и печален?

Что Севастополь взят? Не взят он и не пал.
Он до конца недвижимо стоял,
Он в груду превращен дымящихся развалин,
Но жив в тебе вовеки, русский, жив!
О! нас не устрашит слепых врагов свирепость.
Мы слышали царя возвышенный призыв:
Мы все вокруг него его живая крепость.

После оставления Севастополя боевые действия продолжились на Кавказе. Русской армии в Закавказье противостояла только турецкая армия – командования союзников сосредоточили все свои силы в Крыму. Важнейшей крепостью турецкой обороны была крепость Карс, которую с начала лета 1855 г. русские войска под командованием Н. Н. Муравьева начали постепенно охватывать. В июле и августе город был частично окружен и лишен б*о*льшей части поступающего в него продовольствия. К началу осени в Карсе начался голод. 17 / 29 сентября Муравьев приступил к штурму, который был отражен в течение трех часов: в русской армии недоставало солдат для взятия крепости, более того, ее защитники были готовы к нападению. Осада продолжалась до 14 / 26 ноября, когда город был вынужден сдаться с гарнизоном и вооружением. Взятие большой и хорошо защищенной крепости на турецкой территории стало важным успехом русской армии, который значительно приблизил заключение мира; Муравьев, генерал довольно средних дарований, допустивший немало просчетов с начала своего назначения, явился триумфатором, а к его фамилии был добавлена почетная приставка «Карсский»[663].

На эту победу было написано несколько патриотических стихотворений, лирические герои которых продолжают верить в силу русского оружия. Произведения, посвященные взятию Карса, полностью продолжают традицию «гудковой» поэзии Крымской войны: лира здесь заменена громом литавр. Ни в одном из текстов турецкая крепость не уподоблена русскому Севастополю (хотя сравнение кажется очевидным), поэзия не пытается хоть сколько-нибудь трезво оценить значение

[663] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 405-418.

кавказского успеха. Для примера обратимся к некоторым местам стихотворения «На взятие Карса» И. С. Никитина, произведения самоочевидного, понятного без комментариев:

Во храмы, братья! на колени!
Восстал наш Бог, и грянул гром!
На память поздних поколений
Суд начат кровью и огнем!..

Таков удел твой, Русь святая, –
Величье кровью покупать;
На грудах пепла, вырастая,
Не в первый раз тебе стоять.

<……>

За Русь! – гремит народный голос,
За Русь! – по ратям клик идет;
И дыбом подымается мой волос, –
За Русь! – душа и тело вопиет.

<……>

Твердыня Руси – плоть живая,
Несокрушимая стена,
Надежда, слава вековая,
И честь, и гордость – все она!

За нас Господь! Он Русью правит,
Он с неба жезл царю пошлет;
Царь по волнам жезлом ударит –
И рати двинутся вперед,

И грянут новые удары...
И вам, защитникам Луны,
За грабежи и за пожары
Отплатят Севера сыны.

В течение 1855 г. возникает все больше поэтических произведений, демонстративно отказывающихся петь войну и критикующих как государственное устройство, так и поэзию Крымской войны. К таким стихотворениям относится «Внимая ужасам войны» Н. А. Некрасова (557-558), написанное в 1855-м, распространившееся в списках и напечатанное в

1856-м году в «Современнике» [664]. Текст Некрасова не остро полемичен, в нем не демонстрируются и не бичуются пороки русского общества, однако идейно произведение очевидно противостоит поэтическому мейнстриму. Лирический герой отказывается жалеть жертв войны и их жен, сочувствуя только матерям погибших героев:

Но где-то есть душа одна –
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы –
То слезы бедных матерей!

В авангард критической поэзии 1855 г. становится Н. А. Добролюбов, написавший несколько текстов, не имевших возможности быть напечатанными не только в годы Крымской войны, но и в эпоху александровской оттепели. В эпиграмме «Что нам смотреть карикатуры…» (558-559) поэт призывает обратить внимание на состояние России, которое намного плачевней не только действительного устройства европейских странан, но даже и карикатур на него:

Что нам смотреть карикатуры
На наших западных врагов?..
Да наша Русь вся и в натуре
Есть с иностранных образцов
Карикатурная гравюра…

В написанном, по всей видимости, в 1855 г. стихотворении «Не гром войны, не бой кровавый…» (558) последовательно критикуется современная военная поэзия. Лирический герой отказывается восхвалять кровавые сражения, «обольщенья бранной славы» и «маршей сумрачный мотив». Инвективой на поэзию Крымской войны являются вторая и третья строфы, венчающиеся мыслью о нетождественности России и царя:

Надевши пошлую личину
Любви к отечеству квасной,
Злословья камнем я не кину

[664] Современник. 1856. № 2. С. 223.

В народы, мощные душой,
Не прокляну их за успехи,
Не поглумлюсь и их бедам
И черни праздной для потехи
Стихов свободных не отдам…

Не буду петь я нашу славу,
Победы наши величать;
Не буду в этот миг кровавый
Царя обманом потешать.
Пусть воскуряет шут чиновный
Земному Богу фимиам, –
Мой подвиг – чистый и духовный:
Русь за царя я не предам…

Самым едким сатирическим стихотворением Добролюбова становится «Газетная Россия» (559-560). В тексте, написанном не позднее 8 декабря 1855 г.[665], транслируемая через газеты симуляция противопоставляется действительности. Если в пропагандистской периодике представлены патриотические стихотворения, глубокомысленные и обстоятельные интервью («философские ответы») простых солдат, примеры зверств союзников и «русских ряд богатырей», а также иные известия о преуспеянии России, то на самом деле лирический герой видит обратную картину. Начинается она «позорным бегством» русских солдат от врагов и стыдной «сдаче мужиков» в рекруты, продолжаясь описанием подлой коррупции:

И в том, что наши воеводы
Умели там набить карман,
Где гибли тысячи народа
От перевязки сеном ран…

Ближе к финалу произведения, после подробного перечисления иных язв русского государства, говорится о цензуре и репрессиях, не позволяющих поэтам говорить правду:

Видал поэтов запрещенных
С стихом правдивым на устах,
В тюрьмах живыми схороненных
Или гниющих в рудниках…

[665] *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М.,Л., 1964. С. 611-612. Примечание *Б. Я. Бухштаб.*

Когда первые скорбные и хвалебные эпитафии Николаю I стихли, начали возникать стихотворения, в которых авторы выражают критическое отношение к фигуре почившего императора. Одним из самых известных таких текстов становится эпиграмма «Н<иколаю> П<авловичу>» Ф. И. Тютчева (457-458), бывшего довольно лояльным позиции власти в течение 1853 – 1854 гг., однако в 1855-м пересмотревшим свои взгляды. Особенно сильное впечатление на поэта оказала сдача Севастополя, после которой, по всей вероятности, и была написана эпиграмма[666]:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои, и добрые, и злые, –
Всё было ложь в тебе, всё призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

В этом коротком тексте Тютчеву удалось создать довольно емкую характеристику императора. Уже в первом стихе поэт изымает царя Николая из риторической триады времен создания национальных смыслов – «Вера», «Царь», «Отечество»[667] – и противопоставляет его двум остальным элементам. Однако вина монарха не только в том, что он лишил субъектности *православие* и *народность*, но и в том, что сделал он это не по необходимости, а из прихоти – из любви к симулятивной игре: Николай назван «лицедеем», естественно, в этом смысле. Действительное управление государством обратилось его имитацией, что привело к катастрофе.

13 / 25 февраля 1856 г. был открыт Парижский конгресс, в ходе которого обсуждались условия мирного договора между Россией и союзниками. Довольно откровенно поддержанный Наполеоном III, не желавшим усиления Англии и Австрии и заметного ослабления России, представитель русской стороны граф А. Ф. Орлов сумел договориться с оппонентами по всем принципиальным пунктам, сведя к минимуму

---

[666] *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1987. С. 401. Примечание *А. А. Николаева.*

[667] Аллюзия первой строки эпиграммы на формулу «За Веру, Царя и Отечество» была замечена в более ранних научных работах. См., например: *Федянова Г. В.* Эволюция мотивов монархии в русской поэзии периода Крымской войны (1853-1856) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Специальный выпуск, 2008. С. 153.

территориальные потери Российской империи: кроме отказа от протектората над Придунайскими княжествами Россия потеряла часть Южной Бессарабии, а следовательно, выход к Дунаю. При этом русско-турецкая граница на Кавказе осталась прежней, а в обмен на закавказские города Российской империи возвращались занятые союзными войсками крымские территории. Самым чувствительным пунктом мирного договора стал запрет строительства верфей, содержания арсеналов, крепостей и флотов на Черном море, однако пункт этот был двунаправленным – он касался не только России, но и Турции. 18 / 30 марта 1856 г. Парижский мирный договор был подписан всеми участниками конгресса[668].

Несмотря на очевидную дипломатическую победу опытного дипломата графа Орлова, русское национальное чувство было сильно уязвлено – многими мир воспринимался как признание в слабости. Настроения некоторой части публики были выражены в критическом стихотворении одного из главных певцов Крымской войны А. Н. Майкова:

Окончена война. Подписан подлый мир.
Отцы отечества! Устраивайте пир,
Бокалы с торжеством высоко поднимайте!
И лживый манифест с потоком слез читайте!
Чего еще вам ждать – написано красно!
Не в первый раз бумажным крючкотворством
Пришлося вам прикрыть отечества пятно,
Подьячие в звездах, с умом и сердцем черствым[669].

В архиве Майкова была обнаружена иная редакция приведенного стихотворения, которая кончалась более примирительно:

Но эта брань спасла честь русского народа –
Уразумел, к чему способен он,
Когда б в его вождях был разум просветлен,
И мир на знамени б его прочел: «Свобода!»[670]

Отдает дань уважения русским воинам не только Майков – значительное количество стихотворений 1856 года посвящено возвращению севастопольцев. В ситуации невозможности сложения «гудковых»

[668] *Тарле Е. В.* Крымская война. Т. 2. С. 624–692.
[669] *Майков А. Н.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 328.
[670] Там же. С. 499. Примеч. *Л. С. Гейро.*

стихотворений поэты обращаются к теме мужества защитников крымской твердыни. Стихотворения, в которых акцентируется принципиальный для военной поэзии начала XIX века мотив *храбрости русского народа,* заканчивают поэзию Крымской войны. Во второй половине февраля 1856 года С. П. Шевырев пишет «Привет прибывшим в Москву севастопольским черноморцам», кончающийся следующими строфами:

Гости! в вас, покрытый славой,
Из пучины бед и зол
Сам великий, сам кровавый
Севастополь к нам пришел!

Расстилай же скатерть брану
Ты во все концы, Москва!
Наливай же брагу пьяну,
Осушай ковши до дна!

Лейся, море, брызгай, пена,
Из бокалов в добрый час!
Будет море по колена
Нам на радости о вас!..

***

Массовая поэзия 1853 – 1856 годов – продукт сложившейся в предыдущее двадцатилетие завершенной идеологической системы. Произведения поэтов Крымской войны свидетельствуют о том, что эта система уже была укоренена в национальном сознании. В период царствования Александра II идеологический вектор был сменен, однако «николаевская» аксиологическая модель Святой Руси, противостоящей безбожному Западу, пережила и Империю, и Союз. В дальнейшем она временами, как одежда не по сезону, убиралась в шкаф, а потом вновь вынималась, отряхивалась и оказывалась очень даже удобной и готовой к употреблению. Принципиально иного средства национальной консолидации Россия за свою историю предложить так и не смогла.

Заключение

Произведенное исследование – только попытка описания взаимодействия военной поэзии и государственной риторики первой половины XIX века. В нем практически не были рассмотрены ненапечатанные произведения, несомненно, важные для понимания контекста, в котором происходило идеологическое строительство рассматриваемого периода. Кроме того, в работе игнорируются прозаические произведения, начавшие со второй четверти XIX века играть особую роль в русской литературе, а также театр, на подмостках которого все XIX столетие обсуждались самые острые социальные проблемы.

По причине обширности временных рамок исследования мы обратили внимание только на самые важные военные события, отставив за границами много интересных сюжетов: Русско-шведскую войну (1808–1809), Русско-турецкие и Русско-персидские войны 1800-х и 1820-х годов, Восстание декабристов и полувековую Кавказскую войну (1817–1864). Изучение стихотворений и публичных императорских документов, связанных с названными событиями, необходимо для формирования полной картины взаимодействия поэзии и государственной риторики первой половины XIX века.

Таким образом, данная работа не решает комплексную задачу полноценного описания взаимовлияния поэзии и императорского красноречия, а лишь предлагает возможную для этого рамку.

Список использованной литературы

I

1. Антология военной песни. М., 2006.
2. *Апухтин А. Н.* Полное собрание стихотворений. Л., 1991.
3. *Басаргин Н. В.* Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1989.
4. *Батюшков К. Н.* Полное собрание стихотворений. М; Л., 1964.
5. *Батюшков К. Н.* Сочинения. М.; Л. 1934.
6. *Булгарин Ф. В.* Воспоминания. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни: В 6 т. СПб., 1846.
7. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 2000.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Сер. 1.1801–1825. Т.1. М., 1960.
9. Война с польскими мятежниками 1831 года в переписке Николая I-го с графом Дибичем-Забалканским // Русская старина. 1886. Т. 49-50. Вып. 2. С. 550–582.
10. Воспоминание о московских происшествиях в достопамятный 1812 год от 11 июля до изгнания врагов из древней русской столицы // Русский Вестник. 1814. № 9. С. 3–21.
11. Воспоминания князя Эмиля Витгенштейна // Русская старина. 1900. Т. 102. С. 187–201.
12. *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. 1813–1877. М., 2003.
13. *Глинка С. Н.* Записки. М., 2004.
14. *Глинка С. Н.* Священная история в пользу юношества, изданная на французском языке Прониякoм; Дух христианских ораторов, или Нравственность христианская, из сочинений Боссюэта, Бурдалу, Массильона и пр., издана на французском языке; Римская история, изданная на французском языке 1809 г. // Русский вестник. 1811. № 8. С. 55–71.

15. *Давыдов Д. В.* Воспоминание о сражении при Прейсиш–Эйлау // Русская военная проза XIX века. Л., 1989. С. 13–39.
16. *Давыдов Д. В.* Стихотворения. Л., 1984
17. *Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957.
18. *Державин Г. Р.* Сочинения / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 1-2. Стихотворения. Часть I-II. СПб., 1864–1865.
19. *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М., 1985.
20. *Добролюбов Н. А.* Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М.; Л., 1964.
21. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 2. Повести и рассказы, 1848-1859. Л., 1972.
22. *Дружинин А. В.* Повести. Дневник. М., 1986.
23. *Жихарев С. П.* Записки современника. М., 2004.
24. *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.1-15. М., 1999-2019.
25. Журнал посещения Москвы его Императорским Величеством Александром I и кратковременного пребывания в сем первопрестольном граде в 1809 году. М., 1810.
26. Записка Чарторижского. 17 января 1806 // Сборник РИО. СПб., 1892. Т. 82. С. 293.
27. Записки генерал–фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. 1756–1776. М., 2004.
28. Записки графа Е. Ф. Комаровского. СПб., 1914.
29. Записки князя С. П. Трубецкого. СПб., 1906.
30. Из «Журнала военных действий армии С. Ф. Апраксина» о сражении при Гросс-Егерсдорфе // Семилетняя война. М., 1948. С. 184–188.
31. Из дневника М. Н. Похвиснева // Русский архив. 1911. № 2. С. 195–221.
32. Из писем Ф. И. Тютчева во время Крымской войны. 1854 г. // Русский архив. 1899. №2. С.285–296.

33. Избраннейшие черты знаменитых деяний, достопамятных деяний и достопамятных изречений или анекдоты августейшего Императора Александра I, миротворца России. М., 1814.
34. *Карамзин Н. М.* Стихотворения. Л., 1966.
35. Княгиня Н. И. Голицына о польском восстании 1830 – 1831 г. / Пер., публ., [предисл. и примеч.] *Е. Л. Яценко* // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М., 2004. Т. XIII. С. 61-165.
36. *Коленкур А.* Поход Наполеона в Россию. Таллин; М., 1994.
37. *Левенштерн В. И.* Записки 1790–1815. М., 2018.
38. *Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений: В 4 т. М.; Л.,1947.
39. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения. Л., 1986.
40. *Майков А. Н.* Избранные произведения. Л., 1977.
41. *Майков А. Н.* Сочинения: В 2 т. М., 1984.
42. *Набоков В. В.* Весна в Фиальте. Рассказы. СПб., 2013.
43. *Неелов Н. Д.* Воспоминания о Польской войне 1831 года: Из записок покойного Н. Д. Неелова. СПб., 1878.
44. *Некрасов Н. А.* Полное собрание стихотворений: В 3 т. Т. 1. Л., 1967.
45. *Озеров В. А.* Трагедии. Стихотворения. Л., 1960.
46. Официальный сайт Московского Патриархата: (http://www.patriarchia.ru/bible/ps/108/ – дата обращения 13.05. 2021)
47. Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.
48. Письма из Петербурга в Италию графа Жозефа де Местра // Русский Архив. М., 1871. Вып. 6. Ст. 53–192.
49. Письма Л. Л. Беннигсена к Римскому–Корсакову (1805–1807) // Русская Старина.1898. Т. 95. Вып. 7. С. 130–146.
50. Письма поэта–партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917.

51. Письмо А. И. Тургенева В. А. Жуковскому 18 декабря 1806 года // РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, № 115, л. 47–50 об.

52. *Погодин М. П.* Историко–политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

53. *Погодин М. П.* Несколько мыслей по прочтении Соловецкого донесения // Московские ведомости. Литературный отдел. 1854. 14 августа.

54. *Погодин. М. П.* Избранные труды. М., 2010.

55. Поездка в Главную квартиру фельдмаршала графа Дибича-Забалканского в марте 1831 года. Из записок прусского генерала от инфантерии [А. Г. фон] Брандта // Военный сборник. 1873. Т. 89. № 2. С. 235–258.

56. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830.

57. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. СПб., 1830–1884.

58. Приказ кн. Бебутова по действующему Корпусу на Кавказско-Турецкой границе от 29 июля 1854 года, № 245 // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: В 12 т. Т. 10. Тифлис. 1885. С. 809–810.

59. *Пушкин А.* С. Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1. М.; Л., 1926.

60. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.

61. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. СПб., 1998.

62. *Ратников К. В.* Крымская война и русская поэзия: Антология патриотических стихотворений 1853–1856 гг. Челябинск. 2011.

63. Река времен. Книга истории и культуры: В 5 т. Т. 1. М., 1995.

64. Россия под надзором: Отчеты III отделения 1827 – 1869. М., 2006.

65. Русская эпиграмма (XVIII – начало XX века). Л., 1988.

66. Русские мемуары (1826-1856) М., 1990.

67. Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989.
68. Сведения об Англо–балтийском и Черноморском флотах и экспедиционных войсках // Морской сборник. 1854. № 4. С. 492-501.
69. *Сегюр Ф.* Поход в Москву в 1812 году. Мемуары участника, французского генерала графа де Сегюра. М., 1911.
70. Служба Всем Святым, в земле Российской просиявшим / Ред.-сост. *Кустовский Е. С.* М., 2005.
71. Собрание высочайших манифестов, грамот, указов, рескриптов, приказов войскам и разных извещений последовавших в течение 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годов. СПб., 1816.
72. Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 2015.
73. Соловецкий монастырь и описание бомбардирования его англичанами 7-го июля 1854 года. М., 1855.
74. Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897.
75. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 11. М., 1940.
76. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 3. М., 2003.
77. *Тютчев Ф. И.* Полное собрание стихотворений. Л., 1987.
78. *Херасков М. М.* Избранные произведения. Л.,1961.
79. *Хомяков А. С.* Политические письма 1848 г. // Вопросы философии. 1991. №3. С.109–132.
80. *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений: В 8 т. М., 1900.
81. *Хомяков А. С.* Сочинения: В 2 т. М., 1994.
82. *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969. С. 52–53.
83. *Шевырев С. П.* Науки жрец и правды воин! М., 2009.
84. *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка: В 2 т. Т.1. Берлин–Прага, 1870.

85. *Штейнгель В. И.* Записки касательно составления и самого похода Санкт–Петербургского ополчения против врагов отечества. СПб.; М., 1814–1815.

86. *Штейнгель В. И.* Сочинения и письма: В 2 т. Т. 1. Иркутск, 1985.

87. *Щербина Н. Ф.* Избранные произведения. Л., 1970.

88. *Языков Н. М.* Стихотворения и поэмы. Л., 1988.

89. *Якушкин И. Д.* Записки, статьи и письма. М., 1951.

II

90. «Жизни тот один достоин…» // Русский инвалид. 1854. 27 апреля.

91. *Арбузов Н. А.* По прочтении известия с Белого моря, что англичане после бомбардировки Соловецкого монастыря увезли с монастырской колокольни на острове Кий колокол // Северная пчела. 1854. 27 августа.

92. *Бенедиктов В. Г.* И туда // Сын Отечества. 1857. № 17. С. 391.

93. *Бенедиктов В. Г.* Ф. Н. Глинке // Северная пчела. 1854. 12 мая.

94. *Булгарин Ф. В* «Не страшны ваши нам безбожные союзы…» // Северная пчела. 1854. 11 сентября.

95. *Булгарин Ф. В.* «Всем этим хвастунам скажу по правде я…» // Северная пчела. 1854. 27 ноября.

96. *Булгарин Ф. В.* «Для англичан дела тогда лишь хороши…» // Северная пчела. 1854. 18 сентября.

97. *Булгарин Ф. В.* «Когда в пустых мечтах о прибыли, о славе…» // Северная пчела. 1854. 20 октября.

98. *Булгарин Ф. В.* «Непиру ром служил отрадой…» // Северная пчела. 1854. 5 ноября.

99. *Бунина А. П.* На выступление Российско–Императорских войск // Любитель словесности. 1806. Ч.4, № 12. С. 208–213.

100. *Вельяминов–Зернов В. Ф.* Ода на войну // Вестник Европы. 1806. Ч. 30, № 21. С. 29–32.

101. *Воейков А. Ф.* К моим согражданам // Вестник Европы. 1807. Ч. 31, № 2. С. 120–121.

102. Военная песня («Восстань, вздремавший дух героя!..») // Московский курьер. 1806. Ч. 3, Июнь. С. 396–398.

103. *Вырубов П.* На вступление в Санкт–Петербург гвардейских полков 30 июля 1814 года // Сын отечества. 1814. Ч. 15, № 32. С. 241.

104. *Вяземский П. А.* Плач и утешение // Русский инвалид. 1855. 25 мая.

105. *Глебов Д. П.* Стихи на всерадостнейшее возвращение Его Императорского Величества в Россию после достопамятного окончания кровопролитной брани // Вестник Европы. 1814. Ч. 76, № 16. С. 265–267.

106. *Глинка С. Н.* Стихи на случай вызова отставных солдат для служения отечеству // Вестник Европы. 1807. Ч. 32, №8. С. 274–278.

107. *Глинка Ф. Н.* Голос Кронштадту // Северная пчела. 1855. 10 мая.

108. *Глинка Ф. Н.* К Богу, защитнику правых // Северная пчела. 1854. 19 апреля.

109. *Глинка Ф. Н.* Первое чувство при вести о нежданной кончине государя // Северная пчела. 1855. 24 февраля.

110. *Глинка Ф. Н.* Христос Воскрес. Стихи, написанные тотчас по услышании высочайшего манифеста 11-го апреля // Северная пчела. 1854. 15 апреля.

111. *Голенищев-Кутузов П. И.* Песня солдатская. На выступление в поход в 1805 году // Друг просвещения. 1805. Ч. 4, № 11. С. 145–146.

112. *Городчанинов Г. Н.* На случай молебствия по прочтении Высочайшего Манифеста ноября 16 дня о войне против французов // Вестник Европы. 1807. Ч. 31, № 4. С. 260.

113. *Державин Г. Р.* На покорение Парижа // Сын отечества. 1814. Ч. 14, № 22. С. 95–98.

114. *Жемчужников А. М.* К русским (9 февраля 1854) // Русский инвалид. 1854. 14 февраля.

115. *Жуковский В. А.* Бородинская годовщина // Современник. 1839. № 4. С. 193–204.
116. *Жуковский В. А.* Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 года // Северная пчела. 1834. 8 сентября.
117. *Жуковский В. А.* Певец во стане русских воинов // Вестник Европы. 1812. Ч. 66, № 23–24. С. 176–196.
118. *Жуковский В. А.* Песнь барда над гробом славян–победителей // Вестник Европы. 1806. Ч. 30, № 24. С. 266–280.
119. *Зотов Р. М.* Два подвига // Северная пчела. 1854. 28 декабря.
120. Известие с Белого моря // Северная пчела. 1854. 21 июля.
121. *Карамзин Н. М.* Освобождение Европы и слава Александра I // Вестник Европы. 1814. Ч. 75. № 12. С. 258–271.
122. *Кокошкин Ф. Ф.* Песнь народная и русских воинов // Сын отечества. 1814. Ч. 17, № 39. С. 27–28.
123. *Лавинов И.* К Русским («Восстаньте, русские герои!..») // Минерва. Журнал российской и иностранной словесности. 1807. Ч. 4, Февраль. С. 94–96.
124. *Майков А. Н.* Коляска // Московские ведомости. 1898. 18 февраля.
125. *Мерзляков А. Ф.* Стихи на победу русских над французами при Кремсе // Вестник Европы. 1805. Ч. 24, № 23. С. 238–240.
126. *Мерзляков А. Ф.* Торжество Александрово, или сила музыки // Вестник Европы. 1806. Ч. 25, № 4. С. 273–279.
127. *Милонов М. В.* На всерадостнейшее сретение Его Императорского Величества в С. Петербурге, при шествии Его в Казанский Собор // Сын Отечества. 1814. Ч. 15, № 30. С. 151–152.
128. Народная песня. Посвящается храброй Русской гвардии («Быстрый млад Орел, птица мощная…») // Сын Отечества. 1814. Ч. 15, № 32. С. 240–241.

129. *Невахович А. Л.* Экспромт (при чтении манифеста о войне с Турциею, 20-го октября 1853 года) // Северная пчела. 1853. 25 ноября.
130. *Некрасов Н. А* «Внимая ужасам войны…» // Современник. 1856. № 2. С. 223.
131. *Некрасов Н. А.* «Великих зрелищ, мировых судеб…» // Современник. 1854. № 7. С. 5.
132. *Остолопов Н. Ф.* Петр и Александр в Париже // Сын Отечества. 1814. Ч. 15, № 27. С. 23.
133. *Победин И. С.* Стихи по случаю знаменитых и вечнопамятных происшествий, совершенных Александром Благословенным и храбрым Его воинством // Вестник Европы. 1814. Ч. 78, № 21. С. 31–34.
134. При наступлении весны 1814 года // Вестник Европы. 1814. Ч. 75, № 11. С. 170–171.
135. *Приклонский П. Н.* Чувство жителя Москвы по прочтении Высочайшего манифеста, данного на имя Главнокомандующего милицией Московской Области // Минерва. Журнал российской и иностранной словесности. 1807. Ч. 4, Январь. С. 54–56.
136. Разбитие турецких пикетов донскими казаками в ночь с 18-го на 19-е ноября 1853 года (Истинное происшествие) // Русский инвалид. 1854. 13 мая.
137. *Росляков И. Ф.* Песня русского инвалида // Вестник Европы. 1814. Ч. 77, № 18. С. 106–108.
138. *Ростопчина Е. П.* 18-е февраля 1855 года // Русский инвалид. 1855. 24 марта.
139. Стихи к Кн. П. И. Багратиону // Московский курьер. 1806. Ч. 3, Июнь. С. 400.

140. Стихи на единогласное избрание с.–петербургским дворянством в начальники новой военной силы генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова // Русский вестник. 1812. № 9. С. 130.

141. Стихи на Новый 1806 год // Московские ведомости. 1806, 3 января.

142. Стихи на случай Высочайшего Его Императорского Величества из армии в Санкт Петербург прибытия // Вестник Европы. 1814. Ч. 78, № 21. С. 68–72.

143. *Херасков М. М.* Российскому воинству на победы в начале 1807 года // Вестник Европы. 1807. Ч. 31, № 4. С. 315–317.

144. *Хомяков А. С.* России // Русская беседа. 1860. № 2. С. 15.

145. *Хомяков А. С.* Суд Божий // Русская беседа. 1859. № 1. С. 1.

146. *Шаликов П. И.* «Герой, я вижу пред тобою…» // Московский зритель. 1806. №.1. С. 56–57.

147. *Шаликов П. И.* Стихи Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу Константину Павловичу; на мир России с Францией // Вестник Европы. 1814. Ч. 76, № 14. С. 107–110.

III

148. *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи. 1801–1914: В 4 т. Т. 1–2. М., 2017.

149. *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII – XVIII веках. СПб., 2005.

150. *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007.

151. *Арзамаскин Ю. Н., Мартынов В. Ф.* Морально–психологический фактор в русской армии эпохи Петра Великого // Вестник военного университета. 2012. № 1 (29). С. 154-159.

152. *Бабенчиков Н.* Атака Севастополя англо-французским флотом в 1854 году и ее соотношение к сосредоточению орудий с береговых батарей // Артиллерийский журнал. 1870. № 2. С. 246-248.

153. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. Т. 10. СПб., 1896.

154. Баумгартен А. К. Дневник 1854 и 1855 гг. // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1911. Кн. 1. С. 123-158.

155. Березина В. Г. Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965.

156. Березкина С. В. А. С. Кайсаров и В. А. Жуковский в военной типографии при штабе Кутузова // Русская литература. 1986. №1. С. 138–147.

157. Богданович М. И. Восточная война 1853–1956 годов: В 4 т. СПб., 1876.

158. Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии, по достоверным источникам: В 2 т. Т. 1. СПб., 1863.

159. Богданович М. И. История царствования императора Александра I и России в его время: В 6 т. Т. 2. СПб., 1869.

160. Бодрийар Ж. Прецессия симулякров // *Бодрийар Ж.* Симулякры и симуляции. М., 2016. С. 5-61.

161. Бодрова А. С. Кто же был составителем «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»? // Новое литературное обозрение. 2012. № 118 (6). С. 158–167.

162. Бухаркин П. Е., Екуч У., Кочеткова Н. Д. Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб, 2010.

163. Вацуро В. Э. Денис Давыдов – поэт // Денис Давыдов. Стихотворения. Л., 1984. С. 5-48.

164. Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994.

165. Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. Петроград. 1914.

166. Велижев М. Б. «Особый путь» развития России в 1830–е годы: Sonderweg, государство и образованное общество // Особый путь»: от идеологии к методу. М., 2018. С. 106–140.

167. Виролайнен М. Н. Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. СПб., 2003.

168. Галахов А. Д. Русская патриотическая литература 1805–1812 гг. // Филологические записки. 1867. Вып. 1. С. 1-32.

169. Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969.

170. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974.

171. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // *Гирц К.* Интерпретация культур. М., 2004. С. 9–42.

172. Грехнев В. А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород. 1994.

173. Грунский Н. К. Наполеон I в русской художественной литературе // Русский филологический вестник. 1898. № 3–4. С. 193–324.

174. Гузаиров Т. Т. Открытие Александровской колонны в Петербурге: продуманный сценарий и неожиданный эффект // Humaniora: Litterae Russicae. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение VII. Новая серия. Тарту, 2009. С. 111-127.

175. Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965.

176. Дмитриев М. В. Парадоксы «Святой Руси» // Cahiers du monde russe. 53/2–3. 2012. С. 319-331.

177. Дневник В. С. Аксаковой (1854-1855). СПб., 1913.

178. Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: В 3 т. СПб., 1900.

179. Дубровин Н. Ф. Наполеон I в современном ему русском обществе и в русской литературе // Русский Вестник. 1895. № 2. С.195-228. № 4. С.214-243. № 6 С. 3-34. № 7 С.73-114.

180. Душенко К. В. Квасной патриотизм // Вестник культурологии. М., 2019. №2 (89). С. 130-135.

181. Живов В. М. Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности. НЛО. 2008. № 3 (91). (https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/chuvstvitelnyj–naczionalizm–karamzin–rostopchin–naczionalnyj–suverenitet–i–poiski–naczionalnoj–identichnosti.html – дата обращения 29.05.2020)

182. Загидуллина М. В. 1812 год как миф // Реалии и Легенды Отечественной войны 1812 года. СПб.; Тверь, 2012. С. 9-28.

183. Зайончковский А. М. Восточная война 1853 – 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой: В 2 т. Т. 2. М., 1908.

184. Зеленецкий К. П. Записки о бомбардировании Одессы 10-го апреля 1854 года. Одесса, 1855.

185. Зобин Г. С. «… Спор славян между собою». Польские события 1831 г. глазами участников войны с Наполеоном // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XXI Международной научной конференции. М., 2018. С. 248-255.

186. Зорин А. Л. «Особый путь России» – идея трансформационного прорыва в русской культуре // Особый путь»: от идеологии к методу. М., 2018. С. 36–54;

187. Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла… Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001.

188. Иезуитова Р. В. В. А. Жуковский // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980–1983. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализм. 1981. С. 104-134.

189. Иезуитова Р. В. Поэзия русского оссианизма // Русская литература. 1965. № 3. С. 53-74.

190. Искюль С. Н. Внешняя политика России и германские государства (1801—1812). М., 2007.

191. Кашкина Л. И. Традиции русского ораторского искусства в гражданско–патриотической лирике В. А. Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII – начала XIX века. М., 1988. С. 132–151.

192. Киселев В.С., Владимирова Т.Л. Творческая история статьи В.А. Жуковского «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении “Святая Русь”»: публикация и комментарий // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. №3 (29). С. 109–124.

193. Киселева Л. Н. «Карамзинисты – творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне)» // Тыняновский сборник. М., 1998. Вып. 10. С. 24-39.

194. Киселева Л. Н. Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом». Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. С. 136-147.

195. Клейн И. Торжествующая Россия: военная лирика XVIII века // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic studies. 2018. №1. С. 174–210.

196. Климкина Э. В. Польское восстание 1830-1831 гг.: реакция российской и западноевропейской общественности // Внешнеполитические интересы России: история и современность. Самара. 2018. С. 96-104.

197. Коровин В. Л. Державин и 1812 год: о смысле и композиции «Гимна лироэпического на прогнание французов из Отечества» // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71, №. 6. С. 42–52.

198. Кочеткова Н. Д. Карамзин и литература сентиментализма // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л., 1970.

199. Кошелев В. А. «Гимн «На прогнание» или «Апокалипсис переложить» (о поэтике позднего Г. Р. Державина) // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск. 2016. № 14. С. 89-106.

200. Кошелев В. А. «Орлы двенадцатого года»: Реалии и мифология // Реалии и Легенды Отечественной войны 1812 года. СПб.; Тверь, 2012. С. 29–45.

201. Крашенинникова О. А. Наполеон и Александр I в мемуарах А. О. Л. Коленкура и А. С. Шишкова // 1812 год и мировая литература. М., 2013. С. 51–90.

202. Кузьмин А. И. Героическая тема в русской литературе. М., 1974.

203. Курочкин С. С. «Великие князья Николай Николаевич старший и Михаил Николаевич в Севастополе в 1854 – 1855 гг. (по официальным документам архива А. И. Философова) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 7 (73). № 1. 2021. С. 86-95.

204. Ларкович Д. В. «Мне хотелось во вкусе Оссиана…»: к вопросу о варяго–росских поэтических опытах Г. Р. Державина 1810–х гг. // Имагология и компаративистика. 2015. № 1(3). С. 81-90.

205. Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе, конец XVIII – первая треть XIX века. Л., 1980.

206. Ленц Н. И. Бомбардирование Одессы (10 апреля 1854 года) с примеч. В. В. Солодовой // https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9659/27.pdf (дата обращения – 17.03. 2020)

207. Ливчак Б. Ф. Народное ополчение в вооруженных силах России 1806-1856 гг. Свердловск, 1961.

208. Лотман Ю. М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно–общественная борьба его времени // Учен. зап. Тартус. гос. ун–та. Вып. 63. Тарту, 1958.

209. Лотман Ю. М. Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность // 1812 год: К стопятидесятилетию Отечественной войны. М., 1962. С. 215–232.

210. Лотман Ю. М. Поэзия 1790–х – 1810–х годов // Поэты 1790–1810–х годов. Л., 1971. С. 5–62.

211. Лупарева Н. Н. «Русский Вестник» С. Н. Глинки // Русско–Византийский вестник. СПб. 2019. № 1(2). С. 346–368.

212. Лупарева Н. Н. Роль православия в консервативной модели общественного устройства С. Н. Глинки // Христианское чтение. СПб. 2017. № 2. С. 281.

213. Люстров М. Ю. Война и культура: Русско–шведские параллели эпохи Северной войны. М., 2012.

214. Майофис М. Л. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М., 2008.

215. Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в. – Сб. 13: XVIII век. – Л., 1981.

216. Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л., 1964.

217. Малинов А. В. Поэтическая историософия А. С. Хомякова // Вече. 2014. № 26. С. 137-173.

218. Марин А. Н. Краткий очерк истории Лейб–гвардии Финляндского полка. СПб., 1846.

219. Маркович В. М. Трансформации русской лирики в первые десятилетия XIX века // Русская литература. 2015. №2. С. 5–28.

220. Мезенин Н. Евдокия Ростопчина и Аврора Демидова: эпизоды из жизни русского общества XIX века // http://historyntagil.ru/1_63.htm (дата обращения – 6.05.2021).

221. Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени. Берлин. 1932.

222. Мельникова Л. В. Оборона Соловецкого монастыря в годы Крымской войны: военный и религиозный аспекты // Российская история. 2005. № 5. С. 165-182.

223. Мещерякова О. А. «Поэтический консерватизм» в эпоху Николая I // Тетради по консерватизму. М., 2015. № 4. С. 71-79.

224. Миллер А. И. История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. № 1 (https://strana-oz.ru/2012/1/istoriya-ponyatiya-naciya-v-rossii#_ftnref2 – дата обращения 1. 10. 2021)

225. Михайловский–Данилевский А. И. Описание 1–й войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб., 1844.

226. Михайловский–Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1839.

227. Назиров Р. Г. История Польши. Восстание 1830 года // Назировский архив. Биробиджан, 2014. № 4. С. 63-126.

228. Никольский Е. В. Сакрализация национального начала в творчестве русских поэтов консервативного направления // Libri Magistri. 2019. 1 (7). С. 33-61.

229. Осповат А. Л. Пушкин, Тютчев и Польское восстание 1830 – 1831 годов // Пушкинские чтения в Тарту: Тезисы докладов научной конференции 13–14 ноября 1987 г. Таллин, 1987. С. 49–52.

230. Осповат А. Л. Святая Русь как состояние души // https://arzamas.academy/courses/45/3 [расшифровка видео–лекции на сайте проекта «Арзамас»]

231. Охотин Н. Г. 1812 год в поэзии и поэзия в 1812 году // Русская слава: Русские поэты об Отечественной войне 1812 года. М., 1987. С. 23–48.

232. Парсамов В. С. В. А. Жуковский и официальная пропаганда в 1806 г. («Песнь барда над гробом славян–победителей») // Вестник РГГУ. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. №9. С. 210-222.

233. Пашкуров А. Н. Оссианизм и Г. Р. Державин: лирико–философские аспекты // Г.Р. Державин и диалектика культур: материалы: материалы Международной научной конференции. Казань. 2010. С. 47–50.

234. Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.

235. Пузыревский А. К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. Т. 1. СПб., 1890.

236. Разживин А. И. Оссианизм в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. Мифология, поэтика, основные концепты // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики. Материалы Международной научно–практической конференции, посвящённой 50–летитю факультета иностранных языков ЕИ К(П)ФУ, 23 октября 2015. Елабуга, 2015. С. 168–174.

237. Ратников К. В. Поэтика политики: Инвективные мотивы русской стихотворной публицистики в годы Крымской войны (1853–1856) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2016. № 2. С. 78–87.

238. Ратников К. В. Русские стихотворные отклики на Польское восстание 1830-1831 гг. как дополнительный исторический источник // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2007. № 7: в 2-х ч. Ч. I. С. 153-155.

239. Резанов В.И. Из разысканий о творчестве В. А. Жуковского. Вып. 2. СПб., 1916.

240. Рыжков А. Л. Художественное преломление историософских взглядов в поэзии А. С. Хомякова // Вестник МичГАУ. 2012. №2. С. 197-200.

241. Сабадаш Н. П. Фразеология официальных документов периода польского восстания 1830-1831 гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 9. Ч. 1. С. 150-152.

242. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского М., 1975.

243. Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М., 1970.

244. Серман И. З. Русский классицизм (Поэзия. Драма. Сатира), Л., 1973.

245. Скибин С. М. Поэты–Преображенцы и Денис Давыдов: Жанрово–стилевое своеобразие «гусарской» поэзии. Автореф. дисс. на соиск. степ. д.ф.н. М., 1995.

246. Срезневский В. И. К вопросу о принадлежности Л. Н. Толстому севастопольских песен // Литературная мысль. Л., 1925. С. 387-392.

247. Столетие военного министерства. 1802-1902. Императорская главная квартира. История государевой свиты. Царствование Императора Николая I. Кн. 1. СПб., 1908.

248. Столович Л. Н. История русской философии. Очерки. М., 2005.

249. Тарле Е. В. Крымская война: В 2 т. СПб., 2011.

250. Тартаковский А. Г. «Великие воспоминания 1812 года» // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 3-7.

251. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991.

252. Туманова О. С. Этапы и варианты становления образа скальда в русской лирике // Вестник Пермского ун–та. Российская и зарубежная филология. 2018. Т.10. Вып. 3. С. 162–170.

253. Удалов С. В. «Православие, Самодержавие, Народность»: идеологема николаевского царствования // Вопросы истории консерватизма. Воронеж, 2015. № 1. С. 144-159.

254. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2002-2004.

255. Федосеева Т. В. О предромантическом характере исторического мышления в русской литературе рубежа XVIII и XIX веков // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2008. № 1 (18). С. 45–64.

256. Федянова Г. В. Эволюция мотивов монархии в русской поэзии периода Крымской войны (1853-1856) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. Специальный выпуск. 2008. С. 151-155.

257. Фоменко И. Ю. К истории создания «Преображенского марша» на слова С. Н. Марина // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов: Материалы Международной научной конференции, 3–6 сентября 2014 г. Бородино, 2015. С. 531–538.

258. Фролова М. М. «Выборы генерала А. П. Ермолова на должность начальника Московского ополчения в 1855 году» // Военно-исторический журнал. 2010. № 4. С. 46-49.

259. Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.

260. Халиуллин К. Р. Комплекс мотивов гусарской лирики и его трансформация в русской литературе первой половины XIX века. СПб., 2017. (http://hdl.handle.net/11701/7353)

261. Халиуллин К. Р. Человек буянящий: разгульное поведение в первой трети XIX века и литературный контекст (лирика Д. В. Давыдова, «Выстрел» А. С. Пушкина) // Вестник Тверского гос. ун–та. Серия: Филология. 2019. №1. С. 62–68.

262. Хомяков А. С. Мыслитель, поэт, публицист: В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 406.

263. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона, М.: 1999.

264. Черкасов П. П. Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791 – 1867 гг.) М., 2008.

265. Шайтанов И. О. Бытовая история // Вопросы литературы. 2002. № 2. С. 3-24.

266. Шайтанов И. О. Дело № 59: НЛО против основ литературоведения // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 135-151.

267. Шаповалова Н. В. Крымская война в художественном творчестве ветеранов 1812 года (по произведениям П. А. Вяземского и Ф. Н. Глинки) // Человек и культура. 2018. № 2. С. 12-19.

268. Шепарнева А. И. Крымская (Восточная) война в оценке российского общественного мнения (1853–1856). Орел, 2005.

269. Шильдер Н. К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк: В 4 т. Т. 1. СПб., 1885.

270. Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность: В 7 т. Т. 7. СПб., 1904.

271. Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012.

272. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М., 2016.

273. *Юнгрен А.* «Мы попросту отдельный мир…» Черновик письма П. А. Вяземского Фарнгагену фон Энзе о революции 1848 г. // http://www.nasledie–rus.ru/podshivka/10407.php (дата обращения – 2.03.2021)

274. *Юнгрен А.* Подарки Вяземского. Из переписки П. А. Вяземского и К. А. Фанрнгагена Фон Энзе. 1838–1848 // Наше наследние. 1999. № 50–51. С. 147–160.

275. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «Против». М., 1975. С. 193–230.

276. *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия // *Якобсон Р.* Работы по поэтике: Переводы / Сост. и общ. ред. *М. Л. Гаспарова*. 1987. С. 272–316.

277. *Янушкевич А. С.* Жанровый состав лирики Отечественной войны 1812 года и «Певец во стане русских воинов» В. А. Жуковского // Проблемы метода и жанра. Томск, 1983. Вып. 9. С. 14–16.

278. *Chamberlain L.* Ministry of Darkness. How Sergei Uvarov Created Conservative Modern Russia. London, 2019.

279. *Greenblatt St.* Towards a Poetics of Culture // The New Historicism. 1989. P. 1–14.

280. *Zwaan R. A.* Aspects of Literary Comprehension: A Cognitive Approach. 1993.